

ISSN 2518-7945 (Print)
ISSN 2663-5119 (Online)

BULLETIN

OF THE KARAGANDA UNIVERSITY

LAW
Series

№ 2(110)/2023

ISSN 2518-7945 (Print)
ISSN 2663-5119 (Online)
Индекс 74619
Индекс 74619

**ҚАРАҒАНДЫ
УНИВЕРСИТЕТІНІҢ
ХАБАРШЫСЫ**

ВЕСТНИК
КАРАГАНДИНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

BULLETIN
OF THE KARAGANDY
UNIVERSITY

ҚҰҚЫҚ сериясы

Серия ПРАВО

LAW Series

№ 2(110)/2023

Сәуір–мамыр–маусым
30 маусым 2023 ж.

Апрель–май–июнь
30 июня 2023 г.

April–May–June
June 30th, 2023

1996 жылдан бастап шығады
Издается с 1996 года
Founded in 1996

Жылына 4 рет шығады
Выходит 4 раза в год
Published 4 times a year

Қарағанды, 2023
Караганда, 2023
Karaganda, 2023

Бас редакторы
заң ғыл. д-ры **Н.О. Дулатбеков**

Жауапты хатшы
заң ғыл. канд. **Г.А. Ильясова**

Редакция алқасы

Г.З. Кожаметов,	заң ғыл. д-ры, акад. Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті (Қазақстан);
С.К. Амандыкова,	заң ғыл. д-ры, АІУ Жоғары құқық мектебі, Астана (Қазақстан);
М.А. Сарсембаев,	заң ғыл. д-ры, «Болашақ» консалтингтік тобы» ЖШС, Астана (Қазақстан);
Т.Е. Қаудыров,	заң ғыл. д-ры, М.С. Нәрікбаев атындағы Қазақ гуманитарлық-заң университеті, Астана (Қазақстан);
Д. Чанкова,	PhD д-ры, «Неофит Рильский» Оңтүстік-Батыс университеті, Благоевград (Болгария);
Б.А. Тайторина,	заң ғыл. д-ры, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы (Қазақстан);
Н.В. Мороз,	заң ғыл. канд., «МИФИ» Ұлттық ядролық зерттеу университеті, Мәскеу (Ресей);
М. Греджи,	PhD д-ры, Феррара университеті (Италия);
С.П. Мороз,	заң ғыл. д-ры, Каспий университеті, Алматы (Қазақстан);
Я. Ердоған,	PhD д-ры, Анталия «Білім» университеті, Анталия (Түркия);
А.М. Хлус,	заң ғыл. канд., Беларусь мемлекеттік университеті, Минск (Беларусь);
Е.Н. Ключева,	заң ғыл. д-ры, Мемлекеттік инфрақұрылым және технологиялар университеті, Киев (Украина);
С.А. Балашенко,	заң ғыл. д-ры, Беларусь мемлекеттік университеті, Минск (Беларусь)

Редакцияның мекенжайы: 100024, Қарағанды қ., Университет к-сі, 28.

Тел.: (7212) 35-64-16 (ішкі 1026); факс: (7212) 35-63-98.

E-mail: vestnikku@gmail.com. Сайт: law-vestnik.ksu.kz

Атқарушы редактор
PhD д-ры **Г.Б. Саржанова**

Редакторлары
Ж.Т. Нурмуханова, С.С. Балкеева, И.Н. Муртазина

Компьютерде беттеген
М.С. Бабатаева

Қарағанды университетінің хабаршысы. «Құқық» сериясы.

ISSN 2518-7945 (Print). ISSN 2663-5119 (Online).

Меншік иесі: «Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті» КЕАҚ.

Қазақстан Республикасы Ақпарат және қоғамдық даму министрлігімен тіркелген.
30.09.2020 ж. № KZ00VPY00027383 қайта есепке қою туралы куәлігі.

Басуға 29.06.2023 ж. қол қойылды. Пішімі 60×84 1/8. Қағазы офсеттік. Көлемі 20,38 б.т. Таралымы 200 дана. Бағасы келісім бойынша. Тапсырыс № 54.

«Акад. Е.А. Бөкетов ат. Қарағанды ун-ті» КЕАҚ баспасының баспаханасында басылып шықты.
100024, Қазақстан, Қарағанды қ., Университет к-сі, 28. Тел. (7212) 35-63-16. E-mail: izd_kargu@mail.ru

© Акад. Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, 2023

Главный редактор
д-р юрид. наук **Н.О. Дулатбеков**

Ответственный секретарь
канд. юрид. наук **Г.А. Ильясова**

Редакционная коллегия

Г.З. Кожаметов,	д-р юрид. наук, Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова (Казахстан);
С.К. Амандыкова,	д-р юрид. наук, Высшая школа права АІУ, Астана (Казахстан);
М.А. Сарсембаев,	д-р юрид. наук, ТОО «Консалтинговая группа “Болашак”», Астана (Казахстан);
Т.Е. Каудыров,	д-р юрид. наук, Казахский гуманитарно-юридический университет имени М.С. Нарикбаева, Астана (Казахстан);
Д. Чанкова,	д-р PhD, Юго-Западный университет «Неофит Рильский», Благоевград (Болгария);
Б.А. Тайторина,	д-р юрид. наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы (Казахстан);
Н.В. Мороз,	канд. юрид. наук, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва (Россия);
М. Греджи,	д-р PhD, Университет Феррары (Италия);
С.П. Мороз,	д-р юрид. наук, Каспийский университет, Алматы (Казахстан);
Я. Ердоган,	д-р PhD, Университет Анталии «Билим», Анталья (Турция);
А.М. Хлус,	канд. юрид. наук, Белорусский государственный университет, Минск (Беларусь);
Е.Н. Ключева,	д-р юрид. наук, Государственный университет инфраструктуры и технологий, Киев (Украина);
С.А. Балашенко,	д-р юрид. наук, Белорусский государственный университет, Минск (Беларусь)

Адрес редакции: 100024, г. Караганда, ул. Университетская, 28.
Тел.: (7212) 35-64-16, (внутр. 1026); факс: (7212) 35-63-98.
E-mail: vestnikku@gmail.com. Сайт: law-vestnik.ksu.kz

Исполнительный редактор

д-р PhD **Г.Б. Саржанова**

Редакторы

Ж.Т. Нурмуханова, С.С. Балкеева, И.Н. Муртазина

Компьютерная верстка

М.С. Бабатаева

Вестник Карагандинского университета. Серия «Право».

ISSN 2518-7945 (Print). ISSN 2663-5119 (Online).

Собственник: НАО «Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова».

Зарегистрировано Министерством информации и общественного развития Республики Казахстан.
Свидетельство о постановке на переучет № KZ00VPY00027383 от 30.09.2020 г.

Подписано в печать 29.06.2023 г. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Объем 20,38 п.л. Тираж 200 экз.
Цена договорная. Заказ № 54.

Отпечатано в типографии издательства НАО «Карагандинский университет им. акад. Е.А. Букетова».
100024, Казахстан, г. Караганда, ул. Университетская, 28. Тел. (7212) 35-63-16. E-mail: izd_kargu@mail.ru

© Карагандинский университет им. акад. Е.А. Букетова, 2023

Chief Editor
Doctor of law **N.O. Dulatbekov**

Secretary
Cand. of law **G.A. Ilyassova**

Editorial board

G.Z. Kozhakhmetov,	Doctor of law, Karaganda University of the name of acad. E.A. Buketov (Kazakhstan);
S.K. Amandykova,	Doctor of law, AIU High School of Law, Astana (Kazakhstan);
M.A. Sarsembayev,	Doctor of law, Senior Researcher, LLP “Bolashak” Consulting group, Astana (Kazakhstan);
T.E. Kaudyrov,	Doctor of law, M. Narikbayev Kazakh Humanitarian Law University, Astana (Kazakhstan);
D. Chankova,	PhD, South-West University “Neofit Rilski”, Blagoevgrad (Bulgaria);
B.A. Taitorina,	Doctor of Law, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty (Kazakhstan);
N.V. Moroz,	Cand. of law, National Research Nuclear University “MEPhI”, Moscow (Russia);
M. Greggi,	PhD, University of Ferrara (Italy);
S.P. Moroz,	Doctor of Law, Caspian University, Almaty (Kazakhstan);
Y. Erdogan,	PhD, Antalya “Bilim” University, Antalya (Turkey);
A.M. Khilus,	Cand. of law, Belarusian State University, Minsk (Belarus);
E.N. Klyueva,	Doctor of Law, State University of Infrastructure and Technology, Kiev (Ukraine);
S.A. Balashenko,	Doctor of Law, Belarusian State University, Minsk (Belarus)

Postal address: 28, University Str., 100024, Karaganda, Kazakhstan.
Tel.: (7212) 35-64-16 (add. 1026); *fax:* (7212) 35-63-98.
E-mail: vestnikku@gmail.com. *Web-site:* law-vestnik.ksu.kz

Executive Editor
PhD G.B. Sarzhanova

Editors
Zh.T. Nurmukhanova, S.S. Balkeyeva, I.N. Murtazina

Computer layout
M.S. Babatayeva

Bulletin of the Karaganda University. “Law” Series.

ISSN 2518-7945 (Print). ISSN 2663-5119 (Online).

Proprietary: NLC “Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov”.

Registered by the Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan.
Rediscount certificate No. KZ00VPY00027383 dated 30.09.2020.

Signed in print 29.06.2023. Format 60×84 1/8. Offset paper. Volume 20,38 p.sh. Circulation 200 copies.
Price upon request. Order № 54.

Printed in the Publishing house of NLC “Karaganda University of the name of acad. E.A. Buketov”.
28, University Str., Karaganda, 100024, Kazakhstan. Tel. (7212) 35-63-16. E-mail: izd_kargu@mail.ru

© Karagandy University of the name of acad. E.A. Buketov, 2023

МАЗМҰНЫ — СОДЕРЖАНИЕ — CONTENT

КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ ҚҰҚЫҚ, САЛЫҚ ҚҰҚЫҒЫ ЖӘНЕ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, НАЛОГОВОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО CONSTITUTIONAL LAW, TAX LAW AND INTERNATIONAL LAW

<i>Nurbekova G.T., Gregg M.</i> Collaboration, compliance and tax intermediaries: the case of banks	6
<i>Abdakimova D.A.</i> Legal regulation of the status of a teacher in international acts and legislation of foreign countries	14
<i>Балгимбекова Г.У., Ержанова Ф.А.</i> Азаматтық институтының конституциялық-құқықтық негіздері	21
<i>Сидорова Н.В., Серикбаев А.М.</i> Компаративное исследование правового регулирования международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства на Евразийском пространстве	32
<i>Сарсембаев М.А., Каражан Б.С.</i> Искусственный интеллект как часть цифровизации электротранспортного и сельскохозяйственного машиностроения в казахстанском и международном праве в перспективе	42
<i>Ramashov O.N., Mussin K.S.</i> Legal means of fight against corruption in the civil service system	51

ЭКОЛОГИЯЛЫҚ ҚҰҚЫҚ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО ENVIRONMENTAL LAW

<i>Мукашева А.А., Горохов Д.М., Шингель Н.А.</i> Юридическая ответственность за нарушение законодательства об охоте в России, Беларуси и Казахстане	58
<i>Jantassova A.D.</i> On the issue of the “ecological corridor” concept	68

ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ ҚЫЛМЫСТЫҚ ІС ЖҮРГІЗУ УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE

<i>Zhamiyeva R.M., Albekova M.G.</i> AML in Kazakhstan: Progress, Challenges and Future Prospects...	75
<i>Есентемирова А.М., Суркова С.С.</i> Выявление органами внутренних дел причин правонарушений в бытовом насилии в Казахстане	82

АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚ, ОТБАСЫ ҚҰҚЫҒЫ ЖӘНЕ АЗАМАТТЫҚ ПРОЦЕСС ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС CIVIL LAW, FAMILY LAW AND CIVIL PROCEDURE

<i>Тоқатов Р.А., Ильясова Г.А.</i> Мемлекеттік тілді заңның тілі ретінде қалыптастыру	92
<i>Курманов А.А., Курманова С.Б.</i> Мемлекеттік-жекешелік әріптестікті құқықтық реттеу	101
<i>Прудникова М.Ю.</i> Медицинская услуга как гражданско-правовая категория	107
<i>Алиева Л.Р., Ключева Е.Н.</i> Сравнительно-правовой анализ некоторых положений законодательства Республики Казахстан и Украины об усыновлении (удочерении) ребенка	116

ЖАС ҒАЛЫМ МІНБЕСІ Трибуна молодого ученого TRIBUNE OF A YOUNG SCIENTIST

<i>Жунусова Т.Б.</i> Добровольность как «сквозной» принцип брачных отношений в Республике Казахстан (некоторые частно-правовые и публично-правовые аспекты)	127
<i>Сейдинова М.А.</i> Этические вопросы суррогатного материнства	139
<i>Сырлыбаева Ф.М.</i> Правовые вопросы защиты коммерческой тайны работодателя	147
<i>Шаданова Л.Ж.</i> Соглашение об уплате алиментов: проблемы теории и практики	155

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР — СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ — INFORMATION ABOUT AUTHORS	162
--	-----

DOI 10.31489/2023L2/6-13

UDC 34:336

G.T. Nurbekova^{1*}, M. Gregg²

¹ Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan;

² University of Ferrara, Italy

(E-mail: g_nurbekova@mail.ru, marco.greggi@unife.it)

Collaboration, compliance and tax intermediaries: the case of banks.

The purpose of the study is to assess the role of second-tier banks in the system of financial and tax intermediation, to identify the relationship between legal regulation and the actual state of cooperation between tax authorities and commercial banks, compliance with laws and regulations in the field of compliance, as well as compliance with appropriate standards of conduct, both for banks and tax authorities bodies. Features of the interaction between banks and tax authorities are the implementation of mandatory instructions and the provision of the necessary information by banks for state revenue authorities. Cooperation and interaction of the tax authorities with banks is established in the Tax Code of the Republic of Kazakhstan. The current tax and banking legislation does not adequately define the status of banks in tax administration. The Tax Code of the Republic of Kazakhstan in general terms defines the rules for cooperation and interaction between second-tier banks and tax authorities, but banking legislation in this regard bypasses this issue. In scientific terms, approaches to disclosing the essence of financial intermediation of banks are ambiguous. Cooperation in the field of taxation, objectively established in the course of the historical development of the tax system, finds its legal consolidation and design, which is studied in this scientific work. In this regard, the article defines the legal status of banks in legal relations with the tax authorities, the role of banks as financial intermediaries in tax relations. This study also carried out a general analysis of potential and actual participants in tax legal relations, the list of which does not include banks. The research methodology was composed of analytical, systematic, formal-legal methods. The theoretical basis was the works of scientists on financial, tax and banking law. The conclusions made in the course of this study can be used in further research in these areas of law, as well as for the purposes of improving tax intermediation in the current legislation of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: tax authorities, banks, cooperation, financial intermediaries, participants, tax intermediaries, tax relations, banking intermediation.

Introduction

The relevance of the topic under study is due to the significant role of banks as financial intermediaries in the field of taxation. The timeliness and completeness of revenue receipts to the state budget and the economic development of the state depend on how effectively, from a legislative point of view, it will be possible to form the interaction of tax authorities and banks.

Banks provide financial services and products such as loans, deposits, money transfers etc. In this regard, there are many issues related to the operation of banks, including cooperation, subordination (compliance) and tax intermediation. Cooperation is an important aspect of the banks' operation. Banks must cooperate with customers, government agencies, regulators and other banks. Bank customers expect banks to provide them with high quality services and products and protect their interests. Banks are monitored by governments and regulators to ensure they comply with laws and regulations.

* Corresponding author's e-mail: g_nurbekova@mail.ru

One of the main aspects of the bank's activity is its activity as participants in tax legal relations in the form of tax intermediaries, which reflects their heterogeneous nature and features in relations with state revenue authorities, including the possibility for the banks to operate withholding taxes on the revenue originated from financial investments or deposits.

We have to define the differences between financial and tax intermediation [8]. In the modern world, financial intermediaries play a significant role in the financial market. The main function of financial intermediaries is to ensure the effective redistribution of free cash.

It should be noted that in practice there are problematic issues related to the tax imperfections and banking legislation, as well as international integration constantly put forward new requirements and set new tasks that require clarification of previously conducted studies, including on the provision of information and various data by banks for bodies of state revenues, the performance by them of special functions for the transfer of taxes and taxpayers' fees. This is the main cooperation between banks and the tax service, and the issues of interaction between tax authorities and banks becoming increasingly important.

The purpose of this study is to identify the features of the relationship between tax authorities and banks, as well as to study the role of the bank as a financial intermediary between the state and taxpayers.

To achieve this goal, the study is aimed at solving the following tasks:

- To reveal the concept and content of the mediation of banks, the features of mediation of banks with tax authorities;
- Identification of banks' participation forms in relation with tax authorities;
- Analysis of the banks' activities as tax intermediaries;
- Compliance with the norms of the law, both by tax authorities and by banks in the exercise of special powers to provide information, to transfer and control the tax payments of their clients, i.e. taxpayers;
- To study the role of banks in the field of tax cooperation abroad.

Historically, banks originated in society as intermediaries. Over time, their range of special intermediary functions expanded and became fixed at the legislative level, and in the modern world, the role of the bank as a financial intermediary between the state and taxpayers is significant and is the basis of the financial system of any state.

The study revealed that banks play a dominant role in the system of financial intermediation. As we know, it is common for banks to interact actively with other financial intermediaries. Commercial banks cooperate most closely with insurance companies; securities market participants (brokers, dealers, etc.), leasing companies, stock and currency exchanges [1]. In the financial legislation of Kazakhstan, there is no such definition as tax intermediaries. Accordingly, the question arises whether banks can be attributed to intermediaries, as understood in the theory of tax law.

Research methods

In carrying out this scientific research, various theoretical and empirical methods were used, including the methods of comparative legal analysis, synthesis, induction and deduction, hermeneutics and the historical method.

Results and discussion

In the scientific literature, there are various opinions on the relationship between the elements of the banking and tax systems, on the activities and types of financial intermediaries, despite the existing studies of problems in this area, we note that domestic science pays insufficient attention to the issues of financial intermediation of commercial banks in the field of taxation.

Legislatively, the interaction of tax authorities and banks is fixed in a number of articles of the Tax Code. The main ones are: Article 24 "Obligations of second-tier banks and organizations carrying out certain types of banking operations"; Article 118 "Suspension of debit transactions on bank accounts of a taxpayer (tax agent)"; Article 122 "Collection of debts to the budget at the expense of money in bank accounts"; Article 155 "Rights and obligations of officials of a tax authority during the tax audit"; Article 53 "Bank guarantee" [2].

Their cooperation is based on the performance by banks of certain functions in accordance with the law. The main duty of banks in the field of taxation is to fulfill the instructions of taxpayers and tax authorities to transfer taxes and fees to the budget and a number of other duties related to tax administration.

According to Article 22 of the Tax Code of the Republic of Kazakhstan, the interaction of tax authorities with authorized state bodies, local executive bodies and other persons is established. Second-tier banks

do not belong to these types of entities and state bodies. For the banking sector, this category includes the National Bank of the Republic of Kazakhstan and the Agency for Regulation, Control and Supervision of the Financial Market and Financial Organizations. Together they develop and adopt joint control measures, in accordance with the legislation of the Republic of Kazakhstan, ensure the mutual exchange of information.

Also, banks are required to provide information on taxpayers to the tax authorities. Some of this information is provided on the basis of the law, and some at the request of the tax authorities. Thus, banks perform specific functions in the field of taxation.

In the Russian Federation, banks have certain rights and obligations in collecting taxes and act as tax intermediaries. According to Article 86 of the Tax Code of the Russian Federation, banks are required to withhold taxes from payments to customers in cases where this is provided for by law. Banks are also required to provide information about their customers and their income to the tax authorities. Banks can also act as tax agents, collecting taxes directly from their customers and remitting them to the tax authorities. For example, according to article 232 of the Tax Code of the Russian Federation, banks are required to withhold personal income tax related to the use of their investments and deposits. [3]. However, Russia also has the Federal Law "On Banks and Banking Activities", which sets the rules for banking activities in general. This law also establishes rules for the interaction of banks with the tax authorities and the security of customer data when providing information to the tax authorities.

Thus, banks in Russia have an important role in the tax field and act as tax intermediaries, collecting taxes from their clients and providing information to the tax authorities. However, their rights and obligations are regulated not only by tax legislation, but also by banking legislation.

In Estonia, banks also act as tax intermediaries and have certain tax collection responsibilities.

According to the Estonian Tax and Fees Act, banks are required to withhold tax on interest accrued on bank deposits and transfer it to the Estonian budget system. In addition, banks must report to the tax authorities' information on the accrued income of their clients on deposits and accounts [4].

Banks can also act as tax agents in withholding taxes on payments to their customers. They are required to notify their clients of tax changes and changes in tax legislation.

However, Estonia also regulates banks through the Law on Credit Institutions, which lays down rules for banking in general. This law establishes rules for the interaction of banks with the tax authorities and the security of customer data when providing information to the tax authorities.

Thus, banks in Estonia play an important role in the tax field and act as tax intermediaries, collecting taxes from their customers and providing information to the tax authorities. However, their rights and obligations are regulated not only by tax legislation, but also by legislation on credit institutions.

The Bank acts as an intermediary, this is its main mission in financial and legal relations. In the financial system, the following types of financial intermediaries are usually distinguished, such as banks, insurance companies, investment funds, pension funds and brokers.

In the financial and legal literature, financial intermediaries can be divided into three types or groups, as suggested by the authors Ulybina L.K. and etc.

The first group of financial intermediaries is financial institutions of the deposit-credit type. This group of financial intermediaries includes commercial banks, savings and loan associations, postal savings institutions, non-bank credit organizations, microfinance organizations. This group of financial intermediaries manages the liquidity of clients, carries out money transfers, and also facilitates the attraction of deposits. In addition, they provide a variety of loan products [5].

Indeed, banks are one of the main financial intermediaries in the economy of the state. Their main functions belong to the category of financial services, as for tax intermediary functions, the bank acts as an intermediary in payment transactions and performs other duties.

Banks have standard functions due to the fact that they are legal entities and, in accordance with the Tax Code, payers of taxes and fees. In some cases, organizations have obligations to calculate, withhold and transfer tax, while it is possible to perform both all actions and individual ones, for example, only calculate tax. In this case, the bank, like any other organization, performs the functions of a tax agent.

Based on this, we can consider banks as financial intermediaries in tax relations. In general, as we see the relationship between banks and tax authorities, scientists do not consider it as financial intermediation, this type of legal relationship is practically not covered.

According to the above classification, the second group includes contract savings institutions; these are insurance companies and pension funds. They raise funds in the form of contributions under contracts concluded between them and clients.

And the third group is investment financial intermediaries that assist clients in placing free funds in highly profitable financial instruments. These include financial companies, mutual funds, hedge funds, general bank management funds (GBMFs), mortgage banks, and loan brokers [5].

Thus, this classification reflects only the types of financial intermediaries and relationships between banks and other financial institutions. The concept of financial intermediation is much broader than tax intermediation.

With regard to mediation in the field of taxation, these relations are based on the method of power and subordination and have an exclusively imperative character in relations with the tax authorities. The peculiarities of tax intermediation of banks include the absence of contractual (dispositive) relations between tax authorities and banks, and in these relations there is no voluntary expression of will on the part of banks. In addition, banks store and transmit, in cases prescribed by law, information on the availability and movement of funds to the tax authorities. From which it follows that the specific functions of the bank in tax relations include intermediary and information, it is in banks that taxpayers open accounts, accumulate free cash, banks carry out all settlement operations.

Realizing their special status, banks include the powers of different directions. This is due to the fact that in relations with the tax authorities, the bank acts in several aspects at once:

- directly as an independent taxpayer;
- as an intermediary between the state (tax authorities) and taxpayers, through which other taxpayers (legal entities and individuals) carry out financial transactions. In this connection, banks can provide tax authorities with specific services, including the necessary information to verify the correctness of the calculation and timely payment of taxes to the budget;
- as a tax agent (regarding the procedure for calculating and withholding taxes from funds paid by taxpayers and transferring them to the state budget).

It should be noted that in the tax legislation of the Republic of Kazakhstan, only a certain circle of subjects are defined as subjects of tax relations: taxpayers, tax agents, the state represented by tax authorities.

It should be noted that as specific independent participants in tax relations, banks and non-bank credit organizations are not directly identified either in tax or banking legislation.

However, the Tax Code of the Republic of Kazakhstan in separate articles (for example, Article 24 of the Tax Code of the Republic of Kazakhstan) establishes the status and obligations of commercial banks and organizations engaged in certain types of banking operations, which actually determines their significant role in the domestic tax system.

At the same time, the issue of tax intermediation of banks is not sufficiently regulated by the norms of the Tax Code, despite the significant role of banks as tax intermediaries in replenishing the state budget. As already noted, the obligations of banks are established, while the code itself lacks the concept of tax intermediaries.

In the theory of tax law, it is usually customary to consider banks as third parties through which taxpayers transfer the subject of a tax payment, i.e. money to the state budget.

Yu.A. Krokhina in this regard notes that in fact tax relations affect a larger number of subjects, since the establishment, introduction and collection of taxes to the state revenue, the implementation of tax control and prosecution for a tax offense also requires the involvement of other individuals and legal entities, authorities and local governments, which are not directly designated as participants in tax relations, but are endowed with relevant rights and obligations by tax legislation and in certain cases bear tax liability [6].

First of all, this statement is true in relation to banks, which, despite performing a significant function in tax legal relations, are not named by the Tax Code as their participants.

At the same time, the role of banks is very significant in terms of replenishing the budget. The completeness of the budget depends on the timeliness and completeness of the volume of execution of payment orders for tax payments.

In addition, banks are required to comply with the established procedure for opening accounts, provide information on open accounts and financial transactions of their clients, promptly execute orders for the transfer of taxes and fees, and the suspension of operations on a client's account.

The Tax Code establishes the concept of a tax agent, so in accordance with Article 1, Paragraph 53 a tax agent is an individual entrepreneur, a person engaged in private practice, a legal entity, including its structural divisions, as well as a non-resident legal entity, on which, in accordance with The Tax Code imposes an obligation to calculate, withhold and transfer taxes withheld at the source of payment and (or) a single payment [2]. Banks, as defined above, can be classified as agents.

It seems possible to operate with different concepts in relation to banks, such as a participant, an intermediary and a consultant. All these meanings can be applied to banks, but naturally there are differences in their content and yet they are close in meaning.

At the same time, the tax legislation of the Republic of Kazakhstan does not define the status of a bank in any of these terms. Moreover, banks cannot be considered as tax consultants at all, and here we see a significant difference between the definition proposed by the OECD and the tax law in Kazakhstan.

We offer you to get acquainted with the point of view of the practicing lawyer Krymsky D.I. in the light of the OECD Report review. Aggressive tax planning is unthinkable without the active participation of tax intermediaries in the broadest sense of the word. They can be like actual tax consultants themselves [7].

Tax consultants can be (consulting, legal, audit companies, private consultants, tax and legal departments of organizations), as well as banks and other financial institutions (investment and management companies, insurers). In some cases, tax intermediaries play a positive role, helping taxpayers to understand the intricacies of tax legislation. However, it is obvious that the negative side is not ruled out, which consists in the development of unacceptable tax minimization arrangements, in the terminology of the Seoul Declaration [8].

This point of view is closer to us; in addition, we can also add that in Kazakhstan tax consultants include consultants from two public associations, such as the Chamber of Tax Consultants and the Association of Taxpayers. In addition, the article paid special attention to the role of banks and financial organizations in tax planning. The author analyzes and summarizes various factors influencing decision-making by tax authorities, taxpayers and tax consultants.

According to the OECD Review "Research on the Role of Tax Intermediaries", tax intermediaries provide a wide range of assistance to taxpayers: they assess the tax risks of the taxpayer's activities and transactions concluded by him, provide full support for the taxpayer's activities in terms of compliance with the requirements of tax legislation (including preparing tax returns), as well as represent the interests of the taxpayer in tax authorities and courts when considering tax disputes [8].

From this point of view, banks in the pure sense do not reflect all the functions assigned to tax consultants, since they perform only a certain part of the above-mentioned powers. However, as Krymsky D.I. The following types of tax intermediaries are further presented in this OECD study.

As a rule, tax intermediaries include lawyers, accountants and auditors, while in the United States tax advice is carried out mainly by lawyers, in most other states the leading role in tax advice belongs to representatives of the economic profession, primarily accountants and auditors.

The OECD Survey "Research on the role of tax intermediaries" identifies two groups of tax intermediaries: 1) tax advisers, which include organizations providing legal, accounting and other services on taxation; 2) banks and other financial institutions that develop and put into practice financial instruments, the existence of which is mainly due to tax reasons. At the same time, it should be recognized that the classification of banks as tax intermediaries in the framework of this study is most likely due to the fact that its purpose was to determine the role of tax intermediaries in aggressive tax planning [8].

And further, it is indicated that in other studies on the status of tax intermediaries, banks are either not mentioned at all, or they are not distinguished as a separate type of tax intermediaries.

Thus, the position of banks as tax intermediaries is not fully settled and the problem remains open.

The increase in state budget revenues largely depends on effective tax administration. In the theory and practice of taxation, there is still no single approach to the definition and content of tax administration, its comprehensive study, in particular, in relation to commercial banks. At the same time, the improvement of the methods of tax administration will also contribute to an increase in the efficiency of the work of credit institutions.

The tax authorities should control this process, but the Tax Code still does not regulate such checks. The tax authorities check banks as a taxpayer, and not as a tax intermediary, due to the fact that this is enshrined in law.

Conclusions

In the modern system of taxation, banks are an important link. At the same time, despite a wide range of special functions in the tax sphere, banks are not named in the Tax Code among the participants in relations, intermediaries, or consultants regulated by the legislation on taxes and fees. The list of subjects enshrined in the Tax Code is not complete and does not include all potential and actual participants in tax legal relations.

Thus, we can summarize that the peculiarities of the position of banks are, on the one hand, taxpayers and tax agents; on the other hand, banks are financial intermediaries that carry out settlements between entities.

Consequently, commercial banks are both fairly large taxpayers and conductors between the tax authorities and taxpayers.

It is worth noting that banks have practically no rights in relations with the tax service. Even Article 24 of the Tax Code of the Republic of Kazakhstan sounds like the obligations of second-tier banks and organizations carrying out certain types of banking operations. Accordingly, we cannot call these legal relations equivalent. This is understandable, since the tax authorities represent the interests of the state, while banks belong to a commercial structure and are private individuals. The tax legislation should establish not only the obligations, but also the rights of banks and organizations that carry out certain types of banking operations. As noted above, the relationship between banks and the tax service is in the nature of purely power relations. Banks must unquestioningly comply with the orders of the tax authorities, which is real and happens in practice.

Therefore, the cooperation relations of these subjects outweigh only one direction and will always be limited by by-laws.

On the issue of cooperation, only Article 38 of the Law of the Republic of Kazakhstan “On Banks and Banking Activities in the Republic of Kazakhstan” states that banks and organizations engaged in certain types of banking operations, in order to provide state revenue authorities with information on current accounts opened for value added tax accounting, interact their information systems with the information system of state revenue bodies in the manner determined by the authorized body in the field of informatization [9]. In fact, only this article traces cooperation and interaction, and not just subordination to the tax authorities. All other relationships are classified as obligations; the law provides for banks only the mandatory nature of execution.

It is also necessary to disclose some points on the procedure for providing information by banks; we have already indicated that the tax legislation of Kazakhstan obliges banks to notify the tax department on banking operations of the taxpayer in a mandatory structure.

In order to obtain information about the audited enterprise, the tax authorities must submit a written request to the bank to request the necessary documentation. Requests for the provision of certificates of the availability of accounts in a credit institution and the balance of funds in the accounts, as well as the provision of statements on transactions on the accounts of the tax authorities must be sent to banks in strictly defined forms. Information interaction of tax and other authorities is provided by receiving and transmitting information in electronic form.

Thus, part of the information is provided in accordance with the norms of the Tax Code, and part upon request and in the form, in agreement with the National Bank of the Republic of Kazakhstan. And if the state revenue authorities require information that is not displayed in a written request, the bank or financial organization has the right to refuse to provide data about the taxpayer. The tax authorities are required to make a request on the established basis, in which the requirements provided by the tax authorities to the banks must be substantiated. To obtain the necessary information, the tax authority submits a reasoned request to the bank. All information required by the tax authorities must be included in the request. Otherwise, the bank is not obliged to disclose it. This also applies to cases where the written request does not contain all the necessary details, or it is not presented in the prescribed form — in this case, the bank is also not required to provide information about the depositor.

In practice, this limits the duties of tax authorities in cooperation with banks and other credit organizations.

References

- 1 Резник И.А. Российские банки в системе финансового посредничества / И.А. Резник // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2016. — № 11. — С. 80–85. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28794592>.
- 2 Кодекс Республики Казахстан от 25 декабря 2017 г. № 120–VI «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (с изм. и доп. по состоянию на 01.01.2023 г.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://online.zakon.kz>.
- 3 «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 28.12.2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023 г.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: // consultant.ru «Документы» cons_doc_LAW_19671...

- 4 Закон о налогообложении Эстонии. Принят 20.02.2002 г. RT I 2002, 26, 150. Вступил в силу в соответствии со статьей 170. 01.01.2022 г. Дата окончания действия редакции: 28.02.2022 г. Отметка об опубликовании: RT I, 11.12.2021 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://skylaser.ee>.
- 5 Улыбина Л.К. Финансовые посредники и их роль в развитии финансового рынка / Л.К. Улыбина, К.А. Татаренко // Журн. «Вектор экономики». — 2020. — № 12. — С. 74–81. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=46366622>.
- 6 Крохина Ю.А. Налоговое право: учеб. для акад. бакалавр. / Ю.А. Крохина. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2015. — 218 с.
- 7 Крымский Д.И. Агрессивное налоговое планирование в свете Доклада ОЭСР / Д.И. Крымский // Налоговед. — 2008. — № 3. — С. 30–37. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://nalogoved.ru/art/1587.html>.
- 8 OECD. Study into the Role of Tax Intermediaries. — 2008. — OECD Publishing. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: oecd.org/tax/administration/39882938.pdf. — Р. 13–14 (Дата обращения: 03.02.2023).
- 9 Закон Республики Казахстан от 31 августа 1995 г. № 2444 «О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан» (с изм. и доп. по состоянию на 12.01.2023 г.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://online.zakon.kz>

Г.Т. Нурбекова, М. Греджи

Ынтымақтастық, бағыныштылық және салықтық делдалдық: банктер мысалында

Зерттеудің мақсаты — қаржылық және салықтық делдалдық жүйесіндегі екінші деңгейдегі банктердің рөлін бағалау, құқықтық реттеу мен салық органдары мен коммерциялық банктер арасындағы ынтымақтастықтың нақты жай-күйінің арақатынасын және комплаенс саласындағы заңдар мен ережелерге сәйкестікті, сондай-ақ банктер үшін де, салық органдары үшін де тиісті стандарттардың сақталу тәртібін анықтау. Банктер мен салық органдарының өзара іс-қимылының ерекшеліктері банктердің мемлекеттік кірістер органдарына міндетті нұсқауларды орындауы және қажетті ақпаратты беруі. Салық органдарының банктермен ынтымақтастығы мен өзара іс-қимылы Қазақстан Республикасының Салық кодексінде белгіленген. Қолданыстағы салық және банк заңнамасы салық процесін басқаруда банктердің мәртебесін тиісті деңгейде анықтамайды. Сонымен, Қазақстан Республикасының Салық кодексі жалпы алғанда екінші деңгейлі банктер мен салық органдары арасындағы ынтымақтастық пен өзара іс-қимыл ережелерін анықтады, бірақ банк заңнамасы бұл мәселеге қатысты мәселені айналып өтеді. Ғылыми тілмен айтқанда, банктердің қаржылық делдалдық мәнін ашу тәсілдері екіұшты. Салық жүйесінің тарихи дамуы барысында объективті түрде қалыптасқан салық саласындағы ынтымақтастықтың осы зерттелген ғылыми жұмыста құқықтық нығаюы мен рәсімделуі туралы айтылған. Осыған байланысты мақалада банктердің салық қызметі органдарымен құқықтық қатынастардағы құқықтық жағдайы, банктердің салық қатынастарындағы қаржы делдалдары ретіндегі рөлі айқындалған. Осы зерттеуде сондай-ақ банктер тізіміне енгізілмеген салықтық құқықтық қатынастардың әлеуетті және нақты қатысушыларына жалпы талдау жүргізілді. Зерттеу әдістемесі аналитикалық, жүйелік, формальды-құқықтық әдістерден құралған. Теориялық негіз ғалымдардың қаржы, салық және банк құқығы бойынша еңбектері болды. Зерттеу барысында жасалған тұжырымдар құқықтың осы салаларындағы одан әрі зерттеулерінде, сондай-ақ Қазақстан Республикасының қолданыстағы заңнамасында салықтық делдалдықты жетілдіру мақсатында пайдаланылуы мүмкін.

Кілт сөздер: салық органдары, банктер, кооперация, қаржы делдалдары, қатысушылар, салық делдалдары, салықтық қатынастар, банктік делдалдық.

Г.Т. Нурбекова, М. Греджи

Сотрудничество, подчинение и налоговое посредничество: на примере банков

Цель исследования — оценить роль банков второго уровня в системе финансового и налогового посредничества, выявить соотношение правового регулирования и фактического состояния сотрудничества между налоговыми органами и коммерческими банками, соответствие законам и правилам в сфере комплаенса, как соблюдение надлежащих стандартов поведения, как банками, так и налоговыми органами. Особенности взаимодействия банков и налоговых органов заключаются в исполнении обязательных предписаний и предоставлении необходимой информации банками для органов государственных доходов. Порядок сотрудничества и взаимодействия налоговых органов с банками установлен в Налоговом кодексе Республики Казахстан. Действующее налоговое и банковское законодательство не в достаточной мере определяет статус банков в налоговом администрировании. Так, Налоговый кодекс РК в общих чертах определил регламент сотрудничества и взаимодействия банков второго

уровня и налоговых органов, но банковское законодательство в этом плане обходит этот вопрос. В научном плане подходы к раскрытию сущности финансового посредничества банков неоднозначны. Сотрудничество в сфере налогообложения, объективно сложившееся в ходе исторического развития налоговой системы, находит свое правовое закрепление и оформление, которое и исследовано в данной научной работе. В этой связи авторами определены правовое положение банков в правоотношениях с органами налоговой службы, роль банков в качестве финансовых посредников в налоговых отношениях. Проведен общий анализ потенциальных и реальных участников налоговых правоотношений, в перечень которых не включены банки. Методологию исследования составили аналитический, системный, формально-юридический методы. Теоретическую основу представляют труды ученых по финансовому, налоговому и банковскому праву. Выводы, сделанные в ходе проведения настоящего исследования, могут быть использованы при проведении дальнейшего изучения в этих областях права, а также для целей совершенствования налогового посредничества в действующем законодательстве Республики Казахстан.

Ключевые слова: налоговые органы, банки, сотрудничество, финансовые посредники, участники, налоговые посредники, налоговые отношения, банковское посредничество.

References

- 1 Reznik, I.A. (2016). Rossiiskie banki v sisteme finansovogo posrednichestva [Russian banks in the system of financial intermediation]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii — Intelligence. Innovation. Investments*, 11, 80–85. Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=28794592> [in Russian].
- 2 Kodeks Respubliki Kazakhstan ot 25 dekabria 2017 goda N 120–VI «O nalogakh i drugikh obiazatelnykh platezhakh v biudzhet» (s izmeneniiami i dopolneniiami po sostoianiiu na 01.01.2023 god) [Code of the Republic of Kazakhstan dated December 25, 2017 No. 120-vi “On taxes and other obligatory payments to the budget” (as amended and supplemented as of 01.01.2023)] (n.d.). *base.online.zakon.kz*. Retrieved from <http://base.online.zakon.kz> [in Russian].
- 3 Nalogovyi kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast pervaya) ot 31.07.1998 goda N 146-FZ (red. ot 28.12.2022 goda) (s izmeneniiami i dopolneniiami, vstupivshimi v silu s 01.01.2023 goda) [“Tax Code of the Russian Federation (part one)” dated July 31, 1998 No. 146-FZ (as amended on December 28, 2022) (as amended and supplemented as of 01.01.2023)]. (n.d.). *base.consultant.ru*. Retrieved from: http://base.consultant.ru/ Documents/cons_doc_LAW_19671... [in Russian].
- 4 Zakon o nalogooblozhenii Estonii Priniat 20.02.2002 goda RT I 2002, 26, 150 vstupil v silu v sootvetstvii so statei 170. 01.01.2022 god. Data okonchaniia deistviia redaktsii: 28.02.2022 god. Otmetcha ob opublikovanii: RT I, 11.12.2021 god [Estonian Taxation Act Adopted on 20.02.2002 RT I 2002, 26, 150 entered into force in accordance with article 170.]. (n.d.). *base. skylaser.ee*. Retrieved from: <http://base. skylaser.ee> [in Russian].
- 5 Ulybina, L.K., & Tatarenko, K.A. (2020). Finansovye posredniki i ikh rol v razvitiі finansovogo rynka [Financial intermediaries and their role in the development of the financial market]. *Vektor ekonomiki — Economy Vector*, Vol. 12, 74-81. Retrieved from <https://elibrary.ru/contents.asp?id=46366622> [in Russian].
- 6 Krokhina, Yu.A. (Ed.). (2015). Nalogovoe pravo: uchebnik dlia akademicheskogo bakalavriata [Tax law: a textbook for academic undergraduate studies]. Moscow: Yurait [in Russian].
- 7 Krymskii, D.I. (2008). Agressivnoe nalogovoe planirovanie v svete Doklada OESR [Aggressive tax planning in the light of the OECD Report]. *Nalogoved — Tax expert*, 3, 30–37. Retrieved from <http://nalogoved.ru/art/1587.html> [in Russian].
- 8 OECD (2008). Study into the Role of Tax Intermediaries. OECD Publishing. Retrieved from oecd.org/tax/administration/39882938.pdf. P. 13–14 (date of access: 02/03/2023).
- 9 Zakon Respubliki Kazakhstan ot 31 avgusta 1995 goda N 2444 O bankakh i bankovskoi deiatelnosti v Respublike Kazakhstan (s izmeneniiami i dopolneniiami po sostoianiiu na 12.01.2023 god) [On banks and banking activities in the Republic of Kazakhstan (with amendments and additions as of 01/12/2023)] (n.d.). *base.online.zakon.kz*. Retrieved from <http://base.online.zakon.kz> [in Russian].

D.A. Abdakimova*

*Bolashaq Academy, Karaganda, Kazakhstan
(E-mail: abdakimova_dana@mail.ru)*

ORCID ID: 0000-0002-1800-2851

Legal regulation of the status of a teacher in international acts and legislation of foreign countries

The article is devoted to the analysis of the legislative regulation of the status of a teacher in various legal systems and international law. In particular, universal and regional specialized acts in the field of fixing the status of a teacher and his social guarantees, as well as the features of such regulation in some foreign legal systems are considered. The author in his scientific study analyzes the international acts of the United Nations, the International Labor Organization, UNESCO in the field of registration of the teacher's status. Particular attention is paid to the countries whose education systems occupy leading positions in the ranking of countries: Finland, China. The Finnish education system occupies a leading position in terms of the level of school education, the experience of which is analyzed by the world educational community as a "Finnish phenomenon". A scientific study of the teacher's status was carried out using data from international ratings, such as the Global Teacher Status Index, PISA (Programme for International Student Assessment). The author focuses on the activities of independent professional associations for the protection of teachers' rights in foreign countries and their role in strengthening the status, providing social guarantees, and protecting rights. A critical analysis of the principles of the activities of the Kazakhstan Branch Trade Union of Educational and Scientific Workers for compliance with its generally accepted standards of the International Trade Union Confederation has been carried out. The article assesses the law of the Republic of Kazakhstan "On the status of a teacher" from the position of compliance not only with international law standards, but also with the requirements of modernity.

Keywords: teacher, education system, international agreement, social guarantees, foreign legislation, Finnish experience, salary, teacher's rights, trade unions, international rankings.

Introduction

Justification of relevance. The sphere of education was, is and will always be the most important part of the life of society and the state at all stages of its development, therefore, the legal regulation of this area has always been given paramount importance. The Kazakh society at the present stage of its development has not become an exception, especially since the current trends in the development of the human community require special attention from the state to the profession of a teacher, its legal and social status. The prestige and high status of a teacher depends on how the state policy will be built towards him.

The main purpose of this study is a comprehensive analysis of the legal regulation of the status of a teacher in international law and the legislation of foreign countries and the Republic of Kazakhstan.

If we turn to the issue of securing the status of a teacher on a planetary scale, then it is given considerable attention in the documents of international law. An important part of the international block of documents are international acts in the field of human rights protection, adopted within the framework of the UN, as treaties of a universal nature that have an imperative character.

Methods and materials

The author used the method of legal formal logic in the form of deduction and induction in the process of scientific research of the chosen topic. Thanks to deduction, it was possible to make a conclusion from the general (UN and ILO international standards) to the particular to the relevant law or a set of laws of a certain direction. The induction method was used to analyze the legislative acts and features of the education system in China, Finland and the Republic of Kazakhstan, on the basis of which the final conclusion was formulated. When conducting a scientific study through a comparative legal analysis of education systems, state policy, legislation on regulating the status of a teacher in Kazakhstan and foreign countries, the main advantages

*Corresponding author's e-mail: abdakimova_dana@mail.ru

and disadvantages of certain states were identified. By applying the analogy method, studies were carried out on the activities of trade unions in Finland, on the basis of which conclusions were drawn about the need for the transition of domestic trade unions to the principles of independence, autonomy and voluntariness, which will undoubtedly give its positive results not only in raising and improving the status of a teacher, but also the entire education system as a whole.

Discussion

The Declaration of the Rights of Man (1948) in Article 26 establishes the provision that: “Everyone has the right to education. Education should be free, at least in terms of primary and general education. Primary education should be compulsory. Technical and vocational education should be open to all, and higher education should be equally accessible to all on the basis of everyone's ability” [1].

International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, 1966, which regulates in Article 13: “the right of every person to education... Primary education must be compulsory and free for all... Access to secondary specialized and higher education”. Convention on the Rights of the Child (1989), where Article 28 establishes the right of children to education. It is these documents that are the basic international acts aimed at the implementation of fundamental human rights and freedoms [2].

As for registration of the status of a teacher, at the international level it is enshrined in the UNESCO / ILO Recommendation “On the Status of Teachers” (adopted on 05.10.1966 by the Special Intergovernmental Conference on the Status of Teachers).

The Recommendation is not by its nature a legally binding international act (it is not subject to ratification by countries and is not signed on behalf of states), but all member states of the ILO and UNESCO, regardless of whether they voted for it or approved it, are obliged to know and adhere to its provisions. In accordance with the provisions of the Recommendations, the national laws of many countries on the regulation of the rights and status characteristics of teachers have been amended [3].

The 1966 Recommendation contains norms that formulate provisions that establish international standards for the teaching profession in a wide range of aspects affecting the most important professional, social, ethical and material rights and interests of teachers, aimed at improving their socio-economic, professional and social (state-political) status. Thus, both UNESCO and the International Labor Organization consider salary to be a key factor influencing the status of a teacher. Moreover, teachers' salaries should compare favorably among professions that require similar skill levels.

In 1974, at the meeting of the XVIII General Assembly of UNESCO in Paris, the Recommendation on the status of scientists was adopted, which today remains the most complete act specifying the rights, obligations, social responsibility of scientists to society, determining the role and importance of science in the modern world.

It would not be out of place to mention such documents as the Charter of Scientists (1948) and the Declaration of the Rights of Scientists (1969), adopted by the World Federation of Scientists, as well as the Declaration of the Rights and Duties of Scientists, supported by this federation in Lisbon in 1990. These documents are the basis for regulating the legal status of teachers involved in research activities.

The regional international act in the field of registration of the status of a teacher is the “Model Law of the CIS on the Status of a Teacher”, adopted by the Inter-Parliamentary Assembly of the CIS Member States on December 4, 2004. The model law determines the principles of state policy, regulates legal, socio-economic relations related to the activities of a teacher, and is aimed at creating conditions that ensure a qualitative improvement in the legal status of teachers, the implementation of guarantees for their social security.

Kazakhstan is an active participant in the international educational process; therefore, when developing a draft law, the most progressive ideas of foreign countries in this area were taken into account. I would like to draw attention and bring the features of the legislative regulation of the legal status of a teacher, the social guarantees provided by some foreign countries.

Results

According to the study “Global Teacher Status Index 2018” (Global Teacher Status Index), China topped the list of countries in which teachers have a high social status. The Global Teacher Status Index is the first comprehensive attempt to compare teacher status around the world. This research was developed by the Varkey Charity Foundation. The main criteria for identifying such status were: the effectiveness of the

education system, the attitude of the public, employers to teachers (teacher assessment), the availability of education and the level of wages, the range of legal and social guarantees [4].

Today, China is leading not only in the ranking of countries with a high social status of teachers, but also as a state that considers the education sector as the foundation on which the general situation in the country is built, i.e. development of the national economy and society. Based on this, every year the Chinese Government allocates huge sums for the modernization and continuous improvement of the education system, the widespread informatization of education, the implementation of social programs to improve the working and living conditions of teachers. Thus, according to the Ministry of Education of the People's Republic of China, in just over 10 years, 167.3 billion yuan were invested in the construction of housing for teachers and lecturers, where apartments with a total area of 200 million square meters were built at the expense of these funds [5; 147].

The Chinese government provides state support to families in difficult economic situations and unable to provide higher education to their children at their own expense. Especially for such families, social programs have been developed, which are as follows: a system of incentive scholarships, a system for providing opportunities for part-time work while studying, a system for providing assistance in especially difficult situations, a system for reducing or exempting tuition fees, a system of state subsidies to help.

The legal status of a teacher in China is determined by the laws: "Law on Education in the PRC", 1995 and "Law on Teachers", 1993. In China, teachers are not civil servants, but at the legislative level it is determined that teachers' salaries should not be lower than either higher than that of civil servants, and grow steadily. Among other things, Chinese teachers can count on medical care at the level of a government official.

The peculiarity of the high social status of a teacher lies in the fact that the Chinese teacher has an indisputable authority in society. Not a single Chinese family will allow itself to doubt the methodology of a teacher, let alone question the competence and professionalism of a teacher. Moreover, the Chinese society is not puzzled by the question, what measures should be envisaged in the legislation in order to protect the teacher from insults or pressure from anyone (parents or inspecting authorities)? A feature of the demographic situation in China is that basically one child is brought up in the family, so parents invest in their child as much as possible and completely trust the teacher at all stages of his growing up. The main tenet of the attitude of Chinese society towards the status of a teacher lies in the fact that the teacher is the beginning of everything — without a teacher there is no scientist, cosmonaut, doctor, minister, builder... Perhaps this is the secret of high respect for the teacher, or maybe it is wonderful Chinese national tradition.

According to the results of the same study (GEMS Foundation), Singapore is the leader in terms of wages (\$ 45,755 per year). This is followed by South Korea, USA, Germany, Japan (over \$ 40,000 per year) [4].

As for the peculiarities of the European education system in the issue of registration of the legal status of a teacher, the legislative regulation in foreign countries is largely decided depending on whether he works in the public or private education sector.

If a teacher serves in the public sector of education, they are given the status of civil servants (Austria, Belgium, Greece, Denmark, Spain, Italy, Luxembourg, Portugal, Finland, France, Germany, USA and Canada). The status of a civil servant for a teacher implies:

- recruitment through competitive selection;
- periodic evaluation of the teacher's activities;
- the establishment of a state-guaranteed high pension.

One of the basic principles of public service is the guarantee of life tenure on it, provided that acts and actions are not committed that are incompatible with the status of a public servant. This means that a teacher who was appointed before retirement is not subject to dismissal, except in cases that discredit the high status of a teacher.

The Finnish education system is considered one of the most progressive in the field of school education. According to the International Program for Education Control Program PISA (Programme For Student Assessment) and the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD), Finland occupies a leading position in terms of the level of school education, the experience of which is analyzed by the world educational community [6].

Finnish educators who carry out educational activities in the private sector are also civil servants under the Finnish Teacher Training Act (2003). A mandatory requirement for a teacher is the presence of a master's degree. The teacher has a high social status and authority in society; the profession of a teacher is in demand.

This is confirmed by the fact that annually the competition for pedagogical specialties when entering the university reaches 20 people per place. In the Table 1 you can see how much demand there is for teachers with a master's degree and how this affects their salaries [7].

Position name	Without a master's degree, without a teacher education	Master's degree and the presence of pedagogical education	Difference
Elementary School Teacher	1 849,59 eur	2 197,56 eur	347,97 eur
Correction teacher, secondary school	2 121,89 eur	2 754,71 eur	632,82 eur
Subject teacher, secondary school	2 022,49 eur	2 735,71 eur	713,22 eur
Subject teacher, high school	2 069,96 eur	2 900,96 eur	831 eur

Finnish are aware of the importance of lifelong learning, which in their understanding means the importance of every stage of education, from early childhood education to adult education and training. The Finnish education system is a single process that consists of a phased transition of an individual from one level to another: from early childhood education to adult education and training.

Every year, the Finnish government allocates approximately 15.5 % of the expenditure side of the budget to finance the education system. At the same time, the total public spending on higher education in Finland is 21.7 % of all education spending. In terms of one university student, these costs amount to about 8 thousand euros per year. Education remains free for both Finns and foreigners. Finnish students receive a financial allowance from the state: a scholarship and an additional payment for housing [8; 12].

The Education Workers' Union of Finland (OAJ) is a labor market organization that advocates for the interests of professionals in education, training and research. If we take the historical aspect of the development of this issue, the unionization of teachers in trade unions began in the 1880s, while the creation of the Trade Union of Educational Workers of Finland (OAJ) dates back to 1973 [9].

The Finnish trade union has a strong influence on education policy and plays an active role in the regulation and development of the education, training and research sector. OAJ is the sixth largest union in Finland and the largest member union of Akava, the Confederation of Professional and Management Personnel Trade Unions of Finland and the JUKO Public Sector Negotiation Organization.

During the existence of the OAJ Trade Union, the organization has done a lot of work to protect the rights and social guarantees of teachers:

- prevented the dismissal of teachers;
- paid summer vacations and other breaks during the academic year;
- guaranteed favorable dynamics of teachers' salaries;
- a separate collective agreement for the education sector;
- provided legal protection for teachers;
- developed school legislation, teacher training and other educational policy issues;
- increasing the competence of representatives on labor protection and labor protection of teachers.

Working life in Finland is based on negotiations and the trade union has the right to negotiate contracts on behalf of its members. In particular, it negotiates collective agreements that set out the terms of labor relations for teachers with local government employers, the Association of Finnish Independent Employers in Education, Aivainta employers and the state. The main purpose of the negotiations is the protection and guarantee of the rights and interests of the members of this Trade Union in accordance with the law and signed agreements.

As we have already noted, in the international PISA surveys of recent years, Finland occupies the first position in terms of achievements in the field of school education. For many countries, the Finnish experience is attractive in terms of the effectiveness of educational reforms and their conditions, which are recognized as the most effective in the world community. The uniqueness of the Finnish phenomenon lies in the synthesis of such terms as the modernization of education, the personal orientation of school education, the concept of a democratic school, and the school's openness to the world educational process.

In conclusion of the study, I would like to draw attention to the peculiarities of domestic regulation of the status of a teacher. It should be noted that in 2020 a new law "On the status of a teacher" came into force [10]. The law defines a single concept of "teacher", i.e. before that, the education system was a grada-

tion of positions of pedagogical workers and persons equated to them. The new law was perceived by the pedagogical community ambiguously. On the one hand, the new law provided and prescribed the most long-awaited norms, such as reducing the workload of teachers, increasing the length of paid annual leave (56 days), the right to material support, incentives and social guarantees. The new law prohibits the involvement of teachers in unusual functions, arrange unreasonable checks, load paperwork and provide material incentives for prizes at the Olympiads. An innovation and legal protection for teachers is a norm that provides for punishment for showing disrespect for a teacher — obscene language, obscene behavior, offensive harassment, and demonstration of indecent gestures. The main disappointment of teachers in the new law was the lack of a rule on the possibility of retiring on a seniority basis.

Conclusion

The main purpose of the adoption of the law was to increase the status of a teacher in society, which means attracting more motivated candidates to the profession of a teacher. This is exactly in line with the findings of the Global Teacher Status Index, an international ranking that notes a direct link between high salaries and the status of teachers to achieve the best academic results for students. Any international rankings serve as a kind of guideline in the implementation of the policy of effective development of national education systems. From this point of view, the Kazakh law on the status of a teacher is aimed at improving the school education system as a whole through the prism of raising the status of a teacher.

It should be noted that the Western system of values in the education system pays special attention to the effective operation of structures such as trade unions. In the context of our study, this is the Kazakhstan Industry Trade Union of Education and Science Workers. An indicator of the independence of trade unions is the independence of trade unions in their activities from executive authorities, local governments, employers, their associations, political parties and other public associations. Unfortunately, Kazakhstan is associated in the international labor community with its anti-trade union policy. The main argument about the inconsistency of the activities of the Federation of Trade Unions of Kazakhstan is the loss of independence from power structures, as a result of which the Kazakh association is headed by former and current civil servants. Things got to the point that in 2018, the International Trade Union Confederation suspended the membership of the FTU.

There were also complaints from the FCI regarding the violation of the principle of voluntary entry into trade unions, which contradicts the principle of democracy. Often, pedagogical workers are not even aware that they are members of the Kazakhstan Industry Trade Union of Education and Science Workers and pay monthly membership fees. Moreover, in the event of labor disputes, the trade union is often inactive and does not act in the interests of the employee; on the contrary, it acts on the side of the employer, no matter how absurd it may sound. All these factors together led to the fact that in the ITUC Global Rights Index 2018 report, Kazakhstan was included in the top ten worst countries in terms of respect for workers' rights, along with countries such as Algeria, Bangladesh, Cambodia, Colombia, Egypt, Guatemala, Philippines, Saudi Arabia and Turkey [11]. All these shortcomings require an immediate solution and should be aimed at supporting the efforts of independent trade unions of the Republic of Kazakhstan to change the legislative basis for the activities of trade unions, develop independent organizations and exercise the right to freedom of association, collective bargaining and strike.

Raising the status of a teacher and the prestige of the teaching profession through the adoption of a law alone is not enough. First of all, financial injections into the system of school education are necessary: to increase the teacher's salary to the highest level in the country. High salaries and social guarantees from the state will raise the competition for teaching professions in universities. At the same time, high salaries will automatically lead to a competitive selection among teachers and the admission of the most qualified of them. It is necessary to provide for periodic professional development of a teacher at the expense of budget funds, which will increase not only the social responsibility of the teacher himself, but will also affect his salary. We see one of the ways to solve the problem under consideration in the possibility of career growth of a teacher within the school system, providing not only categories, but also certain forms of growth. As a measure in raising the prestige and status of a teacher, one can consider an increase in the UNT threshold score upon admission, when graduates with a good school base do not pass to pedagogical specialties on a residual basis. The higher status of a teacher attracts more capable people to join the profession and, importantly, to stay, achieving better results for students.

References

- 1 Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/>
- 2 Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/>
- 3 Рекомендации ЮНЕСКО / МОТ «О положении учителей» от 05.10.1966 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.zonazakona.ru/law/abro>
- 4 Global Teacher Status Index 2018 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.varkeyfoundation.org/media/4867/gts-index-13-11-2018.pdf>
- 5 Гэн Хайтянь. Конфуцианство и его влияние на социально-политическую жизнь современного Китая: дис. ... канд. полит. наук. Спец.: 23.00.02 — «Политические институты, процессы и технологии» / Хайтянь Гэн. — Уссурийск, 2011. — 199 с.
- 6 Как готовят учителей в Финляндии. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://akvobr.ru/kak_gotovjat_uchitelei_v_finlandii.html
- 7 Батанина Т. Профессия учитель в Финляндии: основы. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tatianabataniina.wordpress.com/2014/01/28/professiya-uchitel-finlyandiya/>
- 8 Развитие системы школьного образования в Финляндии в контексте европейских интеграционных процессов: учеб. пос. / Д.А. Володин, В.Г. Подзолков, А.Н. Сергеев, С.Н. Кипурова. — Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016. — 98 с.
- 9 Профсоюз работников образования в Финляндии, ОАЖ. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.oaj.fi/en/>
- 10 Закон Республики Казахстан «О статусе педагога» от 27 декабря 2019 г. № 293-VI З РК. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000293>
- 11 ITUC Global Rights Index 2018: Democratic space shrinks and unchecked corporate greed on the rise [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.ituc-csi.org/ituc-global-rights-index-2018-20299>.

Д.Ә. Әбдәкімова

Педагог мәртебесін құқықтық реттеу халықаралық актілерде және шет елдердің заңнамасында

Мақала әртүрлі құқықтық жүйелер мен халықаралық құқықтағы педагогтің мәртебесін заңнамалық реттеуді талдауға арналған. Атап айтқанда, педагог мәртебесін және оның әлеуметтік кепілдіктерін бекіту саласындағы әмбебап және аймақтық мамандандырылған актілер, сондай-ақ кейбір шетелдік құқықтық жүйелердегі реттеудің ерекшеліктері қарастырылды. Автор өзінің ғылыми зерттеуінде Біріккен Ұлттар Ұйымының, Халықаралық Еңбек Ұйымының, ЮНЕСКО-ның педагог мәртебесін рәсімдеу саласындағы халықаралық актілерін талдаған. Білім беру жүйесі елдер рейтингісінде жетекші орын алатын Финляндия, Қытай сияқты елдерге ерекше назар аударылған. Мектептегі білім деңгейі бойынша Финляндияның білім беру жүйесі жетекші орынға ие, оның тәжірибесін әлемдік білім беру қоғамы «фин феномені» ретінде талдайды. Педагог мәртебесін ғылыми зерттеу Global Teacher Status Index, PISA (Programme For Student Assessment) сияқты халықаралық рейтингтердің деректерін пайдалана отырып жүргізілді. Сонымен қатар шет елдердегі педагогтердің құқықтарын қорғау жөніндегі тәуелсіз кәсіби бірлестіктердің қызметіне және олардың мәртебесін нығайтудағы, әлеуметтік кепілдіктер берудегі, құқықтарды қорғаудағы рөліне назар аударған. Білім және ғылым қызметкерлерінің қазақстандық салалық кәсіптік одағы қызметінің қағидаттарына оның халықаралық кәсіподақтар конфедерациясының жалпы қабылданған стандарттарының сәйкестігіне сыни талдау жүргізілген. Мақалада «Педагог мәртебесі туралы» Қазақстан Республикасының заңы халықаралық құқық стандарттарына ғана емес, қазіргі заман талаптарына да сәйкестік тұрғысынан бағаланған.

Кілт сөздер: педагог, білім беру жүйесі, халықаралық шарт, әлеуметтік кепілдіктер, шетелдік заңнама, Финляндия тәжірибесі, жалақы, педагог құқықтары, кәсіподақ бірлестіктері, халықаралық рейтингтер.

Д.А. Абдакимова

Правовое регулирование статуса педагога в международных актах и законодательстве зарубежных стран

Статья посвящена анализу законодательного регулирования статуса педагога в различных правовых системах и международном праве. В частности, рассмотрены универсальные и региональные специализированные акты в области закрепления статуса педагога и его социальных гарантий, а также осо-

бенности такого регулирования в некоторых зарубежных правовых системах. Автор в своем научном исследовании анализирует международные акты Организации Объединенных Наций, Международной Организации Труда, ЮНЕСКО в сфере оформления статуса педагога. Особое внимание уделено странам, чьи системы образования занимают лидирующие позиции в рейтинге стран: Финляндия, Китай. Система образования Финляндии занимает главенствующее место по уровню школьного образования, опыт которого анализируется мировой образовательной общественностью как «финский феномен». Научное исследование статуса педагога проведено с использованием данных международных рейтингов, таких как Global Teacher Status Index, PISA (Programme For Student Assessment). Автором акцентировано внимание на деятельности независимых профессиональных объединений по охране прав учителей в зарубежных странах и их роли в укреплении статуса, предоставлении социальных гарантий, защиты прав. Проведен критический анализ принципов деятельности Казахстанского отраслевого профессионального союза работников образования и науки на соответствие его общепринятым стандартам Международной конфедерации профсоюзов. В статье дана оценка Закону Республики Казахстан «О статусе педагога» с позиции соответствия не только стандартам международного права, но и требованиям современности.

Ключевые слова: педагог, система образования, международный договор, социальные гарантии, зарубежное законодательство, опыт Финляндии, заработная плата, права педагога, профсоюзные объединения, международные рейтинги.

References

- 1 (1948). Vseobshchaia deklaratsiia prav cheloveka [Universal Declaration of Human Rights of December]. *www.un.org*. Retrieved from <https://www.un.org/ru/documents> [in Russian].
- 2 (1966). Mezhdunarodnyi pakt ob ekonomicheskikh, sotsialnykh i kulturnykh pravakh [International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights of December 16, 1966]. *www.un.org*. Retrieved from <https://www.un.org/ru/documents> [in Russian].
- 3 (1966). Rekomendatsii YUNESKO / MOT «O polozhenii uchitelei» [UNESCO/ILO Recommendations “On the Status of Teachers”]. *www.zonazakona.ru*. Retrieved from <https://www.zonazakona.ru/law/abro> [in Russian].
- 4 Global Teacher Status Index 2018. *www.varkeyfoundation.org*. Retrieved from <https://www.varkeyfoundation.org/media/4867/gts-index-13-11-2018.pdf>
- 5 Gen, Hajtyan (2011). Konfutsianstvo i ego vliianie na sotsialno-politicheskuiu zhizn sovremennogo Kitaia [Confucianism and its influence on the socio-political life of modern China]. *Candidate's thesis*. Ussuriysk [in Russian].
- 6 Kak gotoviat uchitelei v Finliandii [How teachers are trained in Finland]. *akvobr.ru*. Retrieved from https://akvobr.ru/kak_gotovjat_uchitelei_v_finliandii.html [in Russian].
- 7 Batanina, T. (2014). Professiiia uchitel v Finliandii: osnovy [The profession of a teacher in Finland: the basics]. *tatianabatanina.wordpress.com*. Retrieved from <https://tatianabatanina.wordpress.com/2014/01/28/professiia-uchitel-finliandiya> [in Russian].
- 8 Volodin, D.A., Podzolkov, V.G., Sergeev, A.N., & Kipurova, S.N. (2016). Razvitie sistemy shkolnogo obrazovaniia v Finliandii v kontekste evropeiskikh integratsionnykh protsessov [Development of the school education system in Finland in the context of European integration processes: textbook]. Tula: Izdatelstvo Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta [in Russian].
- 9 Profsoiuz rabotnikov obrazovaniia v Finliandii, OAJ [Trade Union of Education Workers in Finland, OAJ]. *www.oaj.fi*. Retrieved from <https://www.oaj.fi/en/> [in Russian].
- 10 (2019). Zakon Respubliki Kazakhstan «O statute pedagoga» [Law of the Republic of Kazakhstan on the status of a teacher]. *adilet.zan.kz*. Retrieved from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000293> [in Russian].
- 11 ITUC Global Rights Index 2018: Democratic space shrinks and unchecked corporate greed on the rise. *www.ituc-csi.org*. Retrieved from <https://www.ituc-csi.org/ituc-global-rights-index-2018-20299>

Г.У. Балгимбекова*, Ф.А. Ержанова

Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қазақстан
(E-mail: gbalgimbekova@mail.ru; erzhanova_farida@mail.ru)

Азаматтық институтының конституциялық-құқықтық негіздері

Мақалада Қазақстан Республикасының және шет елдердің қолданыстағы заңнамасын, азаматтық саласындағы ғылыми әдебиеттерді зерттеу және талдау негізінде азаматтық институтын құқықтық реттеудің өзекті мәселелері зерттелген. Қазақстан Республикасының Конституциясын, «Қазақстан Республикасының азаматтығы туралы» Заңды зерттеуге басты орын берілген, ал азаматтықты конституциялық-құқықтық реттеудің шетелдік тәжірибесі қарастырылған. Сонымен қатар азаматтық институттың мемлекет пен қоғамның дамуына, азаматтық қоғамның қалыптасуы үшін маңызды екендігі көрсетілген. Авторлар конституционализм теориясы мен практикасының басты мәселелерінің бірі — конституциялық азаматтық институты арқылы адамның құқықтары мен бостандықтарын дамыту және қамтамасыз ету екенін атап өткен. Мақала авторлары азаматтық ұғымын анықтап, оның конституциялық-құқықтық ұйымдастыру мәні мен маңызын айқындау мәселелері бойынша негізгі көзқарастарды ұсынған. Атап айтқанда, құқықтың жалпы жаһандануы мен интернационалдануына байланысты Қазақстан Республикасының Конституциясы тұтастай алғанда конституциялық құқық дамуының әлемдік тенденцияларына сәйкес келетіндігі туралы қорытынды жасалған. Конституциялық-құқықтық заңнаманы одан әрі жетілдіру бағыттарының бірі ретінде конституциялық-құқықтық заңнамаға адам құқықтары жөніндегі халықаралық құқықтың жалпы танылған қағидаттары мен нормалары туралы ережені енгізу туралы ұсыныс тұжырымдалған.

Кілт сөздер: азаматтығы, адамның және азаматтық құқықтық мәртебе, азаматтық қағидаттары, конституциялық құқық, Қазақстан Республикасының Конституциясы, шет елдердің конституциясы.

Kipicne

Мемлекетімізде 1995 жылғы қабылданған Қазақстан Республикасының Конституциясы [1] Қазақстандағы адам мен азаматтың құқықтары мен бостандықтары танылатын, құрметтелетін және қорғалатын демократиялық құқықтық мемлекет ретінде дамуының аса маңызды кепілдіктерін қамтамасыз етті. Елдегі барлық биліктің көпұлтты халыққа тиесілі болуы — мемлекеттік және қоғамдық өмірдің негізгі қағидаты, қазақстандық конституциялық жүйе негіздерінің ажырамас бөлігі.

Республикадағы барлық билікті оның көпұлтты халқының иеленуі мемлекеттік және қоғамдық өмірдің негізгі қағидасы, қазақстандық конституциялық құрылыс негіздерінің құрамдас бөлігі болып табылады.

Азаматтық институты мемлекет пен қоғамның дамуы, азаматтық қоғамды қалыптастыру үшін маңызды. Азаматтық институттың Конституциялық институт арқылы адамның құқықтары мен бостандықтарын дамыту және қамтамасыз ету конституционализм теориясы мен практикасының басты мәселелерінің бірі болып табылады.

2017 жылғы наурызда Қазақстан Республикасының Конституциясына өзгерістер мен толықтырулар енгізу саяси процестерді демократияландыруға жалпы бағыттылықтың дәлелі болды [2]. Конституциялық заңнама Қазақстандағы мемлекеттік және қоғамдық өмірді ырықтандыру және одан әрі демократияландыру жолымен жүрді. Осы түзетулерге сәйкес азаматтық институтының конституциялық-құқықтық мәртебесі жетілдірілді, жаңа негіздер бойынша азаматтығынан айрылу мүмкіндігі белгіленді. 2017 жылдың маңызды жаңалығы — азаматтықтан айыруды енгізу болып табылады. Негізгі Заңның алдыңғы редакциясы азаматтықтан айыру, азаматтықты өзгерту және республикадан тыс жерлерге шығару құқығы кез келген жағдайда мүмкін еместігін жариялады. Конституцияға енгізілген түзетулерге сәйкес, соттың шешімі бойынша террористік қылмыстар жасағаны үшін, сондай-ақ елдің өмірлік маңызы бар мүдделеріне өзге де ауыр зиян келтіргені үшін Қазақстан азаматтығынан айыруға жол беріледі. Бұл Қазақстан Республикасының азаматтығын конституциялық-құқықтық реттеу біздің халқымыздың демократиялық дәстүрлері, сондай-ақ әлемдік практика ескеріле отырып, халықаралық

* Хат-хабарларға арналған автор. E-mail: gbalgimbekova@mail.ru

стандарттар мен адам мен азаматтың құқықтары мен бостандықтарының кепілдіктеріне, қоғамдық қауіпсіздікке қойылатын талаптар қағидаттары негізінде жүзеге асырылатынын айғақтайды.

Азаматтықты түсінуді жүйелі зерделеудің теориялық және практикалық қажеттілігі Қазақстанның әрбір азаматының құқықтары мен бостандықтарына жан-жақты кепілдік беру, жаһандану процестерінің, халықаралық жағдайдың ықпалын ескере отырып, азаматтық туралы конституциялық-құқықтық заңнаманы түсіну, халықаралық терроризм қатерлерін күшейту, мемлекет пен қоғамның орнықты дамуының ішкі және сыртқы жағдайларын қамтамасыз ету қажеттілігі мақсатында өзектендіріледі.

Әдістер мен материалдар

Зерттеудің әдіснамалық негізін ең алдымен, диалектикалық қатынас пен дамудағы құбылыстар мен процестерді қарастыруды қамтитын диалектикалық тәсіл құрайды. Мақалада талдау, синтез, жіктеу, сипаттау, салыстыру сияқты жалпы ғылыми таным әдістерін, сондай-ақ ресми-құқықтық, салыстырмалы-құқықтық (компаративистік), тарихи-құқықтық, ретроспективті, жүйелік-құрылымдық, статистикалық және т.б. сияқты жеке ғылыми әдістерді қолдану үлкен маңызға ие болды. Сондай-ақ, зерттеу барысында заң шығармашылығында және құқықтық ғылымда қолданылатын ұғымдар мен категориялардың маңыздылығын түсінуге ықпал ететін лингвистикалық-құқықтық әдіс пайдаланылды.

Нәтижелер

Азаматтық конституция құқықтың негізін қалаушы институттарының бірі, сондай-ақ маңызды конституциялық-құқықтық санат болып табылады. Азаматтықтың маңыздылығына байланысты 1995 жылғы Қазақстан Республикасының Конституциясы бұл институтты «Адам және азамат» деген 2-бөлімнің мазмұнына енгізді. ҚР Конституциясының 10-бабында: «1. Қазақстан Республикасының азаматтығы заңға сәйкес алынады және тоқтатылады, ол қандай негізде алынғанына қарамастан, бірыңғай және тең болып табылады. 2. Республиканың азаматын азаматтығынан, өзінің азаматтығын өзгерту құқығынан айыруға, сондай-ақ оны Қазақстаннан тыс жерлерге аластауға болмайды. Азаматтықтан айыруға террористік қылмыстар жасағаны, сондай-ақ Қазақстан Республикасының өмірлік маңызы бар мүдделеріне өзге де ауыр зиян келтіргені үшін соттың шешімімен ғана жол беріледі» [1].

Қазақстан Республикасының Конституциясы азаматтардың конституциялық құқықтары мен бостандықтарын жүзеге асыруға кепілдік беретін нормаларды қамтиды. Сонымен, қазақстандық Конституцияның 12-бабының 1-тармағына сәйкес Қазақстан Республикасының Конституциясында адамның құқықтары мен бостандықтарын таниды және оларға кепілдік береді. Отандық Негізгі Заңның 39-бабының 1-тармағына сәйкес адамның және азаматтың құқықтары мен бостандықтары конституциялық құрылысты қорғау, қоғамдық тәртіпті, адамның құқықтары мен бостандықтарын, халықтың денсаулығы мен имандылығын сақтау мақсатына қажетті шамада ғана және тек заңмен шектелуі мүмкін.

Мемлекет пен қоғамның іргелі құндылықтарын қорғаудың жалпы бағытын растау Қазақстан Республикасының 2017 жылғы 10 наурыздағы № 51-VI Конституциясына өзгерістер мен толықтырулар енгізу болды [2]. Жеке адамның құқықтық жағдайы туралы конституциялық заңнама Қазақстандағы конституциялық құрылыстың тұрақтылығын, адам мен азаматтың құқықтары мен бостандықтарына қол сұғылмаушылықты қорғау жолын ұстанды. Осы түзетулерге сәйкес Конституцияның 10-бабының 2-тармағына өзгерістер мен толықтырулар енгізілді. Конституцияның бұрынғы редакциясында адамды азаматтықтан айырудың және оны мемлекет құрамынан шығарудың кез келген мүмкіндігі үзілді-кесілді жоққа шығарылды: Республика азаматын ешбір жағдайда азаматтықтан, азаматтығын өзгерту құқығынан айыруға болмайды, сондай-ақ Қазақстаннан шығаруға болмайды.

10-баптың 2-тармағының жаңа редакциясында белгілі бір шарттар сақталған жағдайда: тек сот шешімі бойынша, тек террористік қылмыстар жасағаны үшін, сондай-ақ Қазақстан Республикасының өмірлік маңызды мүдделеріне өзге де ауыр зиян келтіргені үшін Қазақстан Республикасының азаматтығынан айыру мүмкіндігі көзделеді. Бұл өзгерістер елдің ұлттық қауіпсіздігін қамтамасыз ету мақсатында жаһандық қауіптер мен сын-қатерлерге байланысты болды. Біздің мемлекет конституционализм негіздерінің тұрақтылығын және адам мен азаматтың құқықтық мәртебесінің, адам мен азаматтың құқықтары мен бостандықтарының кепілдігін жан-жақты қамтамасыз етуге ұмтылады. Осылайша, адам құқықтарының жалпыға бірдей Декларациясының 15-бабында «ешкім өз азаматтығынан өз еркімен айырыла алмайды» деген ереже сақталған [3]. Демек, азаматтықтан айыру Конституцияда

және басқа да заңдарда [4], Қазақстанның Негізгі Заңының 39-бабында көрсетілген мемлекет пен қоғамның іргелі құндылықтарын қорғау мақсатында көзделген.

Кейбір шет елдерде Конституциялық заңнама рұқсат етілмеген мінез-құлыққа жол беретін азаматтарды азаматтығынан айыру мүмкіндігін қарастырады. Болгария Конституциясының 25-бабының 3-тармағына сәйкес «Болгария Республикасының азаматы туғаннан Болгария азаматтығынан айырыла алмайды» [5]. Испания Конституциясына сәйкес (11-бап) «бірде-бір испандық өзінің азаматтығынан айырыла алмайды» [6]. Демек, Болгария және Испания елдерінің конституцияларының мағынасында азаматтығы натурализация тәртібімен берілген азаматтар азаматтығынан айырылуы мүмкін.

Сонымен қатар, кейбір шетелдік конституцияларда азаматтықтан айыруға тыйым салынады. Мысалы, Швеция Конституциясының 2-тарауының 7-параграфында тұратын немесе мемлекетте тұратын бірде-бір азамат өз азаматтығынан айырыла алмайтындығы, егер ол өзінің айқын тілегі бойынша немесе мемлекеттік қызметке кіру салдарынан басқа мемлекеттің азаматы болған жағдайдан басқа [7]. Сонымен бірге, кейбір елдерде азаматтықтан айыруға жол берілмейді, егер нәтижесінде адам апатридке айналса, яғни азаматтығы жоқ адам. Сонымен, ГФР Негізгі Заңының 16-бабының 1-тармағында «Германия азаматтығын алуға болмайды. Азаматтықты жоғалту тек заң негізінде, ал мүдделі адамның еркіне қарсы — егер ол азаматтығы жоқ адамға айналмаса ғана жүзеге асырылуы мүмкін» [8].

Егер «елдің өмірлік маңызды мүдделеріне ауыр зиян» термині нақтыланса, Қазақстан Республикасы Конституциясының 10-бабының 2-тармағының тұжырымы неғұрлым айқын болар еді. Бұл термин өте белгісіз. Қазақстанның Негізгі Заңында көзделген азаматтықтан айыру институтының барлық негіздері де тікелей Конституцияда айқындалуға тиіс сияқты. Сонымен қатар, басқа азаматтығы жоқ адамды азаматтығынан айыру азаматтығы жоқ жағдайға әкелуі мүмкін, яғни бұл адамның апатридке айналуы мүмкін. Сонымен бірге, азаматтығы жоқ адамдар әдетте мемлекеттен аулақ болуға тырысады.

Тағы бір конституциялық жаңалық адам құқықтары мен бостандықтарын шектеу мүмкіндігіне қатысты (Қазақстан Конституциясының 39-бабының 3-тармағы жаңа редакцияда). Жоғарыда айтылғандай, Қазақстан Республикасы Негізгі Заңының 39-бабының 1-тармағына сәйкес адам құқықтары мен бостандықтарын шектеуге тек заңдармен және тек конституциялық құрылысты қорғау, қоғамдық тәртіпті, адам құқықтары мен бостандықтарын, халықтың денсаулығы мен имандылығын қорғау мақсатында ғана жол беріледі. 2017 жылғы конституциялық реформа аясында саяси себептер бойынша азаматтардың құқықтары мен бостандықтарын қандай да бір нысанда шектеуге жол берілмейтін норма өзгертілді. Мәселен, Қазақстан Республикасы Конституциясының 39-бабының 3-тармағында 10-бапқа сілтеме алынып тасталды. Өзгерістерге сәйкес қазіргі уақытта құқықтар мен бостандықтарды шектеуге шартсыз тыйым салу Қазақстан Республикасы Конституциясының 11, 13-15-баптарына, 16-бабының 1-тармағына, 17-бабына, 19-бабына, 22-бабына, 26-бабының 2-тармағына қатысты көзделген.

Жеке адамның конституциялық мәртебесінің негіздерін айқындау кезінде Қазақстан Республикасының 1995 жылғы Конституциясы құқықтық мәртебе субъектілерінің әртүрлі санаттарын қолданады: бір жағдайларда шетелдіктерді, азаматтығы жоқ адамдарды және бірнеше азаматтығы бар адамдарды қамтитын «әрқайсысы», «ешкім» терминдері қолданылады. Мысалы, «әркімнің өмір сүруге құқығы бар» (ҚР Конституциясының 15-бабы, 1-бөлігі); «тегіне, әлеуметтік, лауазымдық және мүлктік жағдайына байланысты ешкімді ешқандай кемсітуге болмайды...» (ҚР Конституциясының 14-бабы, 2-бөлігі). ҚР Негізгі Заңының басқа баптарында «Қазақстан Республикасының азаматтары» туралы айтылған, яғни нақты құқықтар мен бостандықтар, сондай-ақ міндеттер тек Қазақстан азаматтарының қолында. Тиісінше, шетел азаматтары сайлау құқығын пайдаланбайды, мемлекеттік аппаратта қызмет ете алмайды, әскери қызмет міндеттерін атқармайды және т.б. ҚР Конституциясының 23-бабының 1-бөлігінде «Қазақстан Республикасы азаматтарының бірлесу бостандығына құқығы бар» деп белгіленген. Осылайша, Қазақстан Республикасының Конституциясы тиісті баптардың тұжырымдамаларында адам құқықтары мен азаматтың құқықтары арасында айырмашылық жасайды.

Сол сияқты, бұл мәселе басқа мемлекеттердің Конституцияларында да шешіледі. Мысалы, Болгария Конституциясының 39-бабының 1-бөлігінде: «Әркімнің өз пікірін білдіруге және оны сөз арқылы — жазбаша немесе ауызша, дыбыс, сурет немесе басқа жолмен таратуға құқығы бар», ал 45-бапта «Азаматтардың мемлекеттік органдарға шағымдармен, ұсыныстармен және өтініштермен жүгінуге құқығы бар» делінген [5]. Ресей Федерациясының Конституциясына сәйкес «Ресей Федерациясының азаматтары мемлекет істерін басқаруға тікелей де, өз өкілдері арқылы да қатысуға құқылы» (32-бап, 1

бөлім) [9]. Финляндия Конституциясына сәйкес «18 жасқа толған әрбір Финляндия азаматы ұлттық сайлау мен референдумдарға қатысуға құқылы» (14-параграф) [10]. Чехия Республикасы Конституциясының 21-бабының 4-тармағында: «Азаматтар тең жағдайда сайлау және басқа да қоғамдық функцияларды жүзеге асыруға қол жеткізе алады» делінген [11].

Сонымен бірге азаматтың құқықтары басқаша анықталуы мүмкін. Сонымен, Германия Федеративтік Республикасының Негізгі Заңының 11-бабында: «Барлық немістер федерацияның бүкіл аумағында қозғалыс еркіндігін пайдаланады»; ал 33-бабында: «1. Әрбір неміс әр жерде бірдей азаматтық құқықтар мен міндеттерге ие. 2. Әрбір неміс өзінің бейімділігі, қабілеттері мен кәсіби біліктілігіне сәйкес кез келген мемлекеттік лауазымға тең қол жеткізе алады» [8]. Испания Конституциясының 29-бабының 1-тармағында: «барлық испандықтар жеке немесе ұжымдық жазбаша шағымдарды формада және заңмен белгіленген салдармен беруге құқылы» делінген [6]. Швейцария Конфедерациясының федералды Конституциясының 24-бабының 1-тармағында: «Швейцарлықтар кез келген елде тұруға құқылы», ал басқа бапта: «дауыс беру құқығы бар әрбір адам Швейцария ұлттық кеңесіне, Федералды кеңеске және Федералды сотқа сайлануға құқылы» (143-бап) [12] деп жазылған. Әрине бұл ережелер азаматтың құқықтарын қалыптастырады.

Кейде конституцияларда адам құқықтарының тақырыбын белгілеу үшін «құқық танылады», «құқыққа кепілдік беріледі» деген жеке емес формулалар қолданылуы мүмкін. Бұл дизайнды пайдалану кезінде бұл құқық немесе еркіндік әр адамға қатысты екендігі баса айтылған. Мысалы, Чехия Республикасы Конституциясының 19-бабының 1-тармағында: «бейбіт жиналуға кепілдік беріледі» [11]; Швейцария Конфедерациясының федералды Конституциясындағы 16-баптың 1-тармағында пікірлер мен ақпарат бостандығына кепілдік береді, ал 22-баптың 1-тармағы жиналыс бостандығына кепілдік береді [12].

Бірқатар шет елдердің конституцияларында азаматтығын көрсету арқылы азаматтың құқықтарын адам құқықтарынан ажырататын тұжырымдарды табуға болады. Мысалы, Германия Федеративтік Республикасының 1949 жылғы Негізгі Заңының 5-бабында: «Әркімнің өз пікірін ауызша, жазбаша және бейнелеу арқылы еркін білдіруге және таратуға, сондай-ақ көпшілікке қолжетімді көздерден ақпаратты кедергісіз алуға құқығы бар. Радио және кино арқылы баспасөз бостандығы мен ақпарат бостандығына кепілдік беріледі. Цензура жоқ» [8]. Испания Конституциясының 23-бабының 1-тармағында: «барлық азаматтар қоғамдық өмірге тікелей немесе жалпы дауыс беру арқылы еркін сайланған өкілдері арқылы қатысуға құқылы» делінген [6]. Швейцария Конфедерациясының 1999 жылғы Федералдық Конституциясында: «1. Жиналыс бостандығына кепілдік беріледі. 2. Әрбір адам жиналыстар ұйымдастыруға, оған қатысуға немесе қатыспауға құқылы» деп көрсетілген (22-б.) [12]. Жоғарыда келтірілген Конституциялық ережелерде адамның негізгі құқықтары тұжырымдалған.

Кейбір конституцияларда «халық» сөзі азаматтың құқықтарының тақырыбын белгілеу үшін қолданылады. Сонымен, Жапония Конституциясының «Халықтың құқықтары мен міндеттері» атты III тарауына сәйкес: «адамдар барлық негізгі адам құқықтарын кедергісіз пайдаланады. Осы Конституциямен халыққа кепілдік берілген адамның осы негізгі құқықтары қазіргі және болашақ ұрпақтарға мызғымас мәңгілік құқықтар ретінде беріледі» (11-б.); «халық жария лауазымды адамдарды сайлауға және оларды қызметтен босатуға ажырамас құқыққа ие» (15-б. 1-б.) [13]. Исландия Республикасының Конституциясының 74-бабының 4 бөлімінде осыған ұқсас тұжырымдар бар: «халықтың бейбіт жиналуға құқығы бар» [14].

Кейде «азаматтар», «азамат» сөздерін қолданудың орнына, «барлық немістер», «әр испан» деп, ұлтқа жататындығын көрсетеді. Батыс елдерінде «ұлт» термині этникалық емес, саяси және мемлекеттік қауымдастық, мемлекеттің адами субстратын білдіретінін есте ұстаған жөн. Германияның 1949 жылғы қабылданған Негізгі Заңындағы 1-баптың 116-тармағында былай делінген: «...осы Негізгі Заңның мағынасы бойынша неміс, егер заңмен өзгеше белгіленбесе, неміс азаматтығы бар немесе 31 жылғы 1937 желтоқсандағы жағдай бойынша Германия империясының аумағына пана тапқандардың бәрі неміс тектес босқын немесе жер аударылған адам немесе оның жұбайы немесе ұрпағы ретінде» [8].

Кейбір тілдерде азаматтық ұғымы екі терминмен белгіленеді, олардың бірі адамның осы мемлекетке жататынын, ал екіншісі — мемлекеттегі тең билеуші сияқты оның жағдайын көрсетеді. Неміс тілінде бұл сәйкесінше «Staatsangehörigkeit» (сөзбе-сөз «Мемлекет») және «Bürgerschaft» (сөзбе-сөз «азаматтық»), испан тілінде — «nacionalidad» (сөзбе-сөз «ұлт» және «ciudadania» (нақты «азаматтық») [15; 140]. Мысалы, Мексика Конституциясының 30-бабында мексикалық «ұлтқа» ие болу тәртібі туралы айтылады, ал 34-бапқа сәйкес «Республика азаматтары — мексикалықтар бола отырып,

келесі шарттарға жауап беретін ерлер мен әйелдер: 1) он сегіз жасқа толған; 2) лайықты өмір салтын ұстанады» [16]. Демек, «мексикалық» этникалық топқа емес, мемлекетке жататындығын білдірсе де, «мексикалықтардың» бәрі бірдей «азаматтар» емес [15; 140].

Қазақстан Республикасынан тыс жерлерде Қазақстан Республикасының азаматтары үшін қорғау және қамқорлық кепілдігі ҚР Негізгі Заңының 11-бабында көзделген: «1. Республиканың халықаралық шарттарында өзгеше белгіленбесе, Қазақстан Республикасының азаматын шет мемлекетке беруге болмайды. 2. Республика өз азаматтарын одан тыс жерлерде қорғауға және оларға қамқорлық жасауға кепілдік береді». ҚР Конституциясының 10-бабының 3-тармағында Қос азаматтықтан бас тарту бекітілген: «Республика азаматының басқа мемлекеттің азаматтығында болуы танылмайды».

Азаматтықтың конституциялық негіздері 1991 жылғы 20 желтоқсандағы «Қазақстан Республикасының азаматтығы туралы» Қазақстан Республикасының Заңында дамытылуда және нақтылануда [4]. Осы Заңның кіріспесінде Қазақстан Республикасының азаматтығы адамның мемлекетпен тұрақты саяси-құқықтық байланысы ретінде айқындалады, бұл олардың өзара құқықтары мен міндеттерінің жиынтығын білдіреді [4].

Осылайша, Қазақстан азаматтығы институтын конституциялық реттеу тұрақтылықпен сипатталады және адам құқықтары мен бостандықтары саласындағы жалпыға бірдей танылған халықаралық нормаларға сәйкес келеді.

2017 жылғы 10 наурыздағы Қазақстан Республикасының Конституциясына [2] түзетулер елді демократияландыру жолымен одан әрі ілгерілетуге бағытталған, Қазақстан Республикасы Конституциясының нормалары арқылы қоғамдық қатынастардың кең ауқымы реттеледі, Конституциялық процестің үздіксіздігі қамтамасыз етіледі, ұлттық құндылықтар мен дәстүрлерге ұқыпты қарау сақталады. Әлемдегі конституциялық өзгерістерді, ішкі саяси шындықтар мен қазіргі заманғы үрдістерді ескере отырып, қоғамды одан әрі демократияландыру және әлеуметтік-экономикалық даму міндеттеріне жауап беретін қазақстандық конституциялық заңнаманы сапалы, кезең-кезеңімен жетілдіру туралы айтуға болады.

Қазақстан Республикасының азаматтығынан айыру адам құқықтары мен бостандықтарының халықаралық стандарттарына қайшы келмейді, өйткені бұл институт ерекше сипатта болады, ерікті болып табылмайды және Конституцияда, Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасында және «Қазақстан Республикасының азаматтығы туралы» [4] Қазақстан Республикасының Заңында көзделген. Қазақстан азаматының конституциялық құқықтары мен бостандықтарын шектеуге тек заң негізінде және Қазақстан Республикасы Конституциясының 39-бабында аталған мемлекет пен қоғамның іргелі құндылықтарын қорғау мақсатында ғана жол беріледі.

Талқылау

Қазақстандық құқықтық әдебиеттерде азаматтық институты зерттеу нысаны болып табылады. Профессор Г.С. Сапарғалиевтің пікірінше, «азаматтық» ұғымы қазақстандық заңнамаға сәйкес үш элементтен тұрады: 1) адамның мемлекетпен байланысы уақытша емес, тұрақты болуы тиіс. Адам өз қалауы бойынша азаматтықты қабылдай да, одан бас тарта да алмайды; 2) адамның мемлекетпен байланысы саяси-құқықтық сипатта болады; 3) мемлекет пен азаматтың арасында өзара құқықтар мен міндеттер белгіленеді [17; 95]. Азаматтық институтының маңыздылығы жеке тұлғаның конституциялық мәртебесінің құрылымына заңды ұғым ретінде келесі компоненттер кіретіндігімен ерекшеленеді: 1) Азаматтық; 2) негізгі құқықтар, бостандықтар, заңды мүдделер мен міндеттер; 3) құқықтық мәртебенің кепілдіктері [17; 85].

Ж. Байшев мынадай анықтама береді: «Қазақстан Республикасының азаматтығы адамның мемлекетпен тұрақты құқықтық байланысын айқындайды, бұл олардың өзара құқықтары мен міндеттерінің жиынтығын білдіреді. Азаматтық — бұл адам мен мемлекет арасындағы қатынастардың тұрақтылығымен, тұтастылығымен және ұзаққа созылатын сипатымен сипатталатын құқықтық мемлекет» [18; 24].

А.Н. Сағындықова азаматтықты заңнамалық реттеуді сипаттай отырып, қазақстандық және ресейлік азаматтық туралы заңдарда берілген азаматтықтың анықтамасын салыстырады. Сонымен, қазақстандық азаматтық туралы заңда азаматтық адамның мемлекетпен тұрақты саяси-құқықтық байланысы ретінде анықталады, бұл олардың өзара құқықтары мен міндеттерінің жиынтығын білдіреді. 31.05.2002 жылғы «Ресей Федерациясының азаматтығы туралы» Федералдық заңға сәйкес, Ресей Федерациясының азаматтығы адамның Ресей Федерациясымен тұрақты құқықтық байланысы болып табылады, бұл олардың өзара құқықтары мен міндеттерінің жиынтығында көрінеді [19]. Осыған ұқ-

сас анықтама алдыңғы 1991 жылғы «Ресей азаматтығы туралы» Заңда да берілген. Ал А.Н. Сағындықова Ресей заңының заңнамалық тұжырымдамасын дұрыс деп санайды: «саяси-құқықтық байланыс» деген сөзден бас тарту және «құқықтық байланыс» терминін бекіту азаматтықтың біліктілігін бағалау саяси тәсілдерінен босатады, көбінесе азаматтық құқығын, оны сақтау немесе өзгерту құқығын жүзеге асыруды қиындатады» [20; 137].

Ең маңызды құқықтық алғышарт, сондай-ақ адамның қоғамдағы құқықтық жағдайының элементі азаматтық жағдайы болып табылады. Азаматтық институты арқылы қазіргі қоғамдағы адамның саяси және құқықтық жағдайының негіздері анықталады, өйткені бұл адамның мемлекетпен құқықтық байланысын анықтайтын азаматтық. Осы қатынастарда ерекшеленетін негізгі белгі — бұл құқықтық байланыстың тұрақтылығының белгісі.

Сонымен бірге, азаматтық институтын сипаттау кезінде азаматтық қатынастардың әлеуметтік-саяси факторын да ескеру қажет. Азаматтық — бұл жалпы халықпен және оның жекелеген өкілдерімен өзара байланыс. Мемлекетпен қарым-қатынас азаматтық институты арқылы рәсімделетін туынды болып табылады. Құқықтық тұрғыдан алғанда, бұл жеке тұлғаның мемлекетпен құқықтық байланысы шешуші болып саналады. Қоғамдық қатынастарды құқықтық реттеу тұрғысынан азаматтықтың ресми жағы шешуші. Алайда, нақты және толыққанды азаматтық, жеке адамның мемлекетпен тұрақты және тұрақты құқықтық байланысы, егер ол өзін онымен байланыстыратын болса, жеке тұлға үшін субъективті маңызды болған кезде ғана мүмкін болады [21; 5].

Азаматтық сонымен қатар мемлекеттік қоғамдағы саяси қатынастарды көрсететін саяси категория болып табылады. Азаматтық туралы идеялар ежелгі әлемде пайда болады, бұл экономикалық, саяси, әлеуметтік және идеологиялық себептерге байланысты, содан кейін мемлекет — республика еркін азаматтардың ортақ ісі, демократия ретінде түсініледі. Адам мен мемлекеттің саяси-құқықтық байланысын субъективті қабылдау азаматтардың мінез-құлқында шешуші мәнге ие, өйткені бұл азаматтықты құқықтар мен міндеттердің жиынтығы ретінде түсіну, бұл азаматтарға мемлекет тарапынан мемлекеттік-құқықтық әсер етуге мүмкіндік береді.

Конституциялық құқық ғылымында «азаматтық» ұғымына үш негізгі көзқарасты бөліп көрсетуге болады: 1) адам мен саяси-әлеуметтік білім — мемлекет арасындағы қатынастардың ерекше сипатын анықтайтын саяси-құқықтық құбылыс [22; 32]; 2) адамның негізгі субъективті құқықтарының бірі, яғни адамның жоғарыда аталған мемлекетпен қарым-қатынаста болу немесе оларды тоқтату мүмкіндігі [3]; 3) құқықтық институт.

Кенестік заң ғылымында азаматтық институтын зерттеумен көптеген танымал ғалымдар айналысқан, олардың әрқайсысы өз ұстанымын сақтаған. Зерттеушілердің азаматтықтың ұғымы мен мәні туралы келесі көзқарастарын бөліп көрсетуге болады. Сонымен, азаматтық адамның мемлекет ішінде ғана емес, сонымен бірге халықаралық қарым-қатынаста осы мемлекеттен тыс адамның құқықтық жағдайын анықтайтын адамның мемлекетке жататындығы ретінде анықталды [23; 692]. Оның үстіне, Н.В. Витрук атап өткендей, «адамның мемлекетке тиесілігін сөзбе-сөз мемлекетке мүшелік ретінде емес, мемлекеттік ұйымдасқан қоғамға тиесілі деп түсіну керек. Жеке тұлғаның мемлекеттік ұйымдасқан қоғамға жататындығы заңды түрде бекітіліп, жеке тұлғаның азаматтығымен рәсімделеді» [24; 57].

А.И. Алексеев пен Л.П. Ануфриеваның құқықтық энциклопедиялық сөздігі азаматтықты адамның белгілі бір мемлекетпен тұрақты құқықтық байланысы ретінде түсіндіреді, бұл олардың өзара құқықтарының, міндеттері мен бір-бірінің алдындағы жауапкершілігінің үйлесімінде көрінеді. Осы құқықтар мен міндеттердің жиынтығы азаматтың саяси және құқықтық мәртебесін құрайды, оны шетелдік азаматтар мен азаматтығы жоқ адамдардан ажыратады. Конституциялық құқық институттарының бірі ретінде азаматтық — бұл азаматтық туралы қатынастарды реттейтін және реттейтін құқықтық нормалардың жиынтығы [25; 78-79].

В.Н. Додонов пен В.Д. Ермаковтың үлкен энциклопедиялық сөздігінде «Азаматтық — адамның белгілі бір мемлекетпен тұрақты құқықтық байланысы. Монархиялық елдерде, әдетте «азаматтық» термині қалыптасқан. Бұл мемлекет пен оның қол астындағы адамдар арасындағы қарым-қатынас ретінде көрінеді: мемлекет адамның құқықтары мен бостандықтарын мойындайды және оған кепілдік береді, оны шетелде қорғайды және қолдайды; өз кезегінде азамат мемлекеттің заңдары мен нұсқауларын сөзсіз орындайды, өзіне жүктелген міндеттерді атқарады. Осы құқықтар мен міндеттердің жиынтығы азаматтың саяси және құқықтық мәртебесін құрайды, оны шетелдік азаматтар мен азаматтығы жоқ адамдардан ажыратады. Азаматтық — бұл монархиялық басқару формасы бар мемлекеттерде азаматтықты білдіру үшін қолданылатын термин» [26; 136].

Тарихта азаматтық институты құлдық мемлекетте танымал болды, оның азаматтары тек еркін адамдар бола алады. Феодализм дәуірінде халықтың монархқа бағынуын, оған феодалдық тәуелділікті білдіретін азаматтық институты болды. Конституциялық мемлекетте бұрынғы азаматтықты ауыстырған азаматтық институты қоғамның барлық мүшелерінің тең құқықтылығы қағидатының көріністерінің біріне айналды.

Қазіргі уақытта «азаматтық» термині тек монархиялық мемлекеттерде кең қолданылады. Бірқатар монархияларда (мысалы, Испания, Нидерланды) «азаматтық» термині конституциялар мен заңдарында жазылған [27].

Ресей заң әдебиетінде азаматтық дегеніміз жеке тұлғаның белгілі бір мемлекетпен тұрақты саяси-құқықтық байланысы деп түсініледі, оған байланысты егеменді мемлекеттік билік осы мемлекет ішінде де, оның шекарасынан тыс жерлерде де осы адамға таралады [28; 96]. Бұл анықтама мемлекеттік егемендікке негізделген саяси-құқықтық байланыстың тұрақтылығын және оның мемлекет аумағынан тыс жерде таралуын көрсетеді. Сонымен бірге, мемлекет тарапынан азаматтықты тану осы мемлекеттің азаматы ретінде әрекет ететін адамның заңды құқықтары мен міндеттерін белгілей отырып, бір қатарға қойылмайтындығы атап өтілді [29; 52]. Азаматтық құқықтар мен міндеттерді белгілеудің алғышарты, оның негізі болып табылады.

Бірқатар кеңестік мемлекет қайраткерлері бірнеше ондаған жылдар бойы азаматтықты, яғни бұл мемлекеттің егемендігі оған қолданылатын осы мемлекетке тиесілі екендігі туралы идеяны білдірді. Азаматтықтың бұл анықтамасы XX ғасырдың 60-шы және 70-ші жылдарындағы көрнекті ғалымдар Л.Д. Воеводин мен А.И. Лепешкиннің еңбектерінде көрініс тапты [30].

Өткен ғасырдың 70-80-ші жылдары адамның мемлекетпен тұрақты құқықтық байланысы ретінде азаматтықты түсінуге негізделген, оның құқықтық жағдайын тек мемлекет ішінде ғана емес, сонымен бірге одан тыс жерде де халықаралық қарым-қатынаста анықтайтын ұстаным айтылды [31; 245]. Бұл ұстаным қарым-қатынас субъектілері ретінде азаматтар арасындағы тең құқықпен сипатталады. Мұны кез келген мемлекеттің азаматтары, негізінен, заңды және әлеуметтік құқықтарға ие, осы мемлекеттің аумағында қалыпты жағдайда тұрақты тұратын оның толық мүшелері екендігімен түсіндіруге болады. Н.В. Витрук «мемлекет аумағында тұрақты тұру — бұл адамның мемлекетпен нақты байланысының ең типтік және берік түрі. Мұндай байланыстың болуы заңды түрде азаматтық институтымен бекітіледі» [32; 37, 38].

Тағы бір автор, М.В. Баглай, азаматтығы адамның осы мемлекетке заңды тиесілігін, яғни мемлекеттің осы адамды конституциялық және құқықтық қатынастардың толыққанды субъектісі ретінде тануын білдіреді [33; 265]. Осылайша азаматтық институты жалпы адам құқықтарынан, сондай-ақ шетелдіктің және азаматтығы жоқ адамның құқықтары мен міндеттерінен ерекшеленетін нақты құқықтар мен міндеттерді белгілеудің алғышарты болып табылады.

Демек азаматтық демократиялық құқықтық мемлекеттің ажырамас бөлігі, өйткені азаматтық институтының дамуы қоғамдық қатынастардың саяси дамуын анықтайды. Азаматтықты адамның құқықтық алғышарты, сондай-ақ жеке тұлғаның құқықтық мәртебесінің қажетті элементі болып табылатын мемлекетпен саяси мәні мен құқықтық формасы бойынша сипаттауға болады.

Қорытынды

Атап айтсақ қазақстандық азаматтық институтын конституциялық реттеу тұрақтылықпен сипатталады және адам құқықтары мен бостандықтары саласындағы жалпыға бірдей танылған халықаралық нормаларға сәйкес келеді. 1995 жылғы Қазақстан Республикасының Конституциясы елдегі биліктің бірден-бір бастауы — оның халқы болып табылады деп жариялады. Ол өз билігін тікелей жүзеге асырады және оны мемлекеттік органдарға береді. Қазақстан Негізгі Заңының 10-бабы демократиялық институт ретіндегі азаматтыққа оның бірлігі мен теңдігін белгілей отырып, азаматтықтан айыруға болатын жағдайлармен қатар, оның негізгі қағидаттарын айқындай отырып, ауқымды сипаттама жасайды.

2017 жылғы 10 наурыздағы Қазақстан Республикасының Конституциясына түзетулер елді демократияландыру жолымен одан әрі ілгерілетуге бағытталған, Қазақстан Республикасы Конституциясының нормалары арқылы қоғамдық қатынастардың кең ауқымы реттеледі, Конституциялық процестің үздіксіздігі қамтамасыз етіледі, ұлттық құндылықтар мен дәстүрлерге ұқыпты қарау сақталады. Әлемдегі конституциялық өзгерістерді, ішкі саяси шындықтар мен қазіргі заманғы үрдістерді ескере отырып, қоғамды одан әрі демократияландыру және әлеуметтік-экономикалық даму міндеттері-

не жауап беретін қазақстандық конституциялық заңнаманы сапалы, кезең-кезеңімен жетілдіру туралы айтуға болады.

Қазақстан Республикасының азаматтығынан айыру адам құқықтары мен бостандықтарының халықаралық стандарттарына қайшы келмейді, өйткені бұл институт Қазақстан Республикасының Конституциясында және заңнамасында көзделген. Қазақстан азаматының конституциялық құқықтары мен бостандықтарын шектеуге тек заң негізінде және Қазақстан Республикасы Конституциясының 39-бабында аталған мемлекет пен қоғамның іргелі құндылықтарын қорғау мақсатында ғана жол беріледі. Егер «елдің өмірлік маңызды мүдделеріне ауыр зиян» термині нақтыланса, Қазақстан Республикасы Конституциясының 10-бабының 2-тармағының тұжырымы неғұрлым айқын болар еді. Бұл термин өте белгісіз. Қазақстанның Негізгі Заңында көзделген азаматтықтан айыру институтының барлық негіздері де тікелей Конституцияда айқындалуға тиіс сияқты. Сонымен қатар, басқа азаматтығы жоқ адамның азаматтығынан айыру азаматтығы жоқ жағдайға әкелуі мүмкін, яғни бұл адамның апатридке айналуы мүмкін. Сонымен бірге, азаматтығы жоқ адамдар әдетте мемлекеттен аулақ болуға тырысады.

Қазақстан Республикасының Конституциясы халықаралық құқықтың жалпыға бірдей танылған нормаларына бағдарланған ұлттық заңнаманы қалыптастырудың құқықтық негізі болып табылады. Ішкі Негізгі Заң тұтастай алғанда конституциялық құқық дамуының әлемдік тенденцияларына сәйкес келеді, жалпы сипаттағы құқықтың жаһандануы және интернационалдануы. Қазақстанның Конституциясы еліміздің құқықтық жүйесін, оның ішінде халықаралық құқық субъектілерін жетілдіруге жақсы негіз қалады. Жеке тұлғаның, тиісінше азаматтық институтының құқықтық мәртебесінің негізі болып табылатын Адам құқықтары туралы халықаралық құқықтың жалпыға бірдей танылған қағидаттары мен нормаларына ерекше мәртебе беру мақсатында Қазақстан Республикасындағы адам мен азаматтың құқықтары мен бостандықтары халықаралық құқықтың жалпыға бірдей танылған қағидаттары мен нормаларына сәйкес және Конституцияға сәйкес танылады және кепілдендіріледі деген ережені Қазақстан Республикасының Конституциясына енгізуге болады.

Бұл зерттеуді Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитеті қаржыландырды (Грант № AP14870745).

Әдебиеттер тізімі

- 1 Конституция Республики Казахстан 1995 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029&pos=5;-90#pos=5;-90.
- 2 Закон Республики Казахстан от 10.03.2017 г. №51–VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000051>.
- 3 Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 г. // Действующее международное право: сб. документов. — Т. 3. — М.: Международные отношения, 1997. — 1026 с.
- 4 Закон Республики Казахстан «О гражданстве Республики Казахстан» от 20 декабря 1991 г. №1017–XII. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1000816.
- 5 Конституция Болгарии. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=120>.
- 6 Конституция Испании. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=149>.
- 7 Конституция Швеции. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=161>.
- 8 Основной Закон Германии. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=155>.
- 9 Конституция Российской Федерации. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.constitution.ru>.
- 10 Конституция Финляндии. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=139>.
- 11 Конституция Чешской Республики. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=106>.
- 12 Конституция Швейцарии. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=135>.
- 13 Конституция Японии. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=37>.
- 14 Конституция Исландии. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=150>.
- 15 Конституционное (государственное) право зарубежных стран: [В 4-х т.]. — Т. 1, 2. Часть Общая: учеб. / отв. ред. проф. Б.А. Страшун. — 3-е изд., обновл. и дораб. — М.: Изд-во «БЕК», 2000. — 784 с.
- 16 Конституция Мексиканских Соединенных Штатов. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=51>.

- 17 Сапарғалиев Г.С. Конституционное право Республики Казахстан: Академический курс / Г.С. Сапарғалиев. — Алматы: Жеті жарғы, 2002. — 528 с.
- 18 Баишев Ж. Конституционное право Республики Казахстан: учеб.-метод. пос. / Ж. Баишев. — Алматы: Жеті жарғы, 2001. — 392 с.
- 19 Федеральный закон РФ от 31.05.2002 г. №62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://fzakon.ru/laws/federalnyy-zakon-ot-31.05.2002-n-62-fz/>.
- 20 Сагиндыкова А.Н. Конституционное право Республики Казахстан: Курс лекций / А.Н. Сагиндыкова. — Алматы: Білім, 1999. — 336 с.
- 21 Хабибулин А.Г. Государственная идентичность как элемент правового статуса личности / А.Г. Хабибулин, Р.А. Рахимов // Государство и право. — 2000. — № 5. — С. 115–119.
- 22 Кутафин О.Е. Избранные труды: [В 7-и т.] / О.Е. Кутафин. — Т. 3. Российское гражданство. — М., 2011.
- 23 Шафир М.А. Гражданство Российской Федерации и его законодательное регулирование / М.А. Шафир // В кн.: Конституционный строй России. — Вып. 1. — М.: Наука, 1992. — С. 105–14.
- 24 Витрук Н.В. Гражданство как правовая связь личности с государством / Н.В. Витрук // В кн.: Проблемы государства и права. — Вып. 12. — М.: Ин-т гос. и права АН СССР, 1976. — 348 с.
- 25 Алексеев А.И. Юридический энциклопедический словарь / А.И. Алексеев, Л.П. Ануфриева. — М.: ИНФРА-М, 2001. — 450 с.
- 26 Додонов В.Н. Большой энциклопедический словарь / В.Н. Додонов, В.Д. Ермаков. — М.: ИНФРА-М, 1997. — 790 с.
- 27 Конституция Нидерландов. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=143>.
- 28 Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран: учеб. / В.Е. Чиркин. — 2-е изд., перераб. — М.: Юрист, 2010. — 540 с.
- 29 Витрук Н.В. Актуальные проблемы гражданства в постсоветском пространстве / Н.В. Витрук // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. по проблемам гражданства. — М., 1995. — С. 26–38.
- 30 См. напр.: Лепешкин А.И. Курс советского государственного права: [В 2-х т.] / А.И. Лепешкин. — Т. 1. — М., 1961. — С. 457; Воеводин Л.Д. Гражданство зарубежных государств / Л.Д. Воеводин, Д.Л. Златопольский, Н.Я. Куприц // Государственное право зарубежных социалистических стран. — М., 1972. — С. 16.
- 31 См.: Златопольский Д.Л. Государственное устройство СССР / Д.Л. Златопольский. — М., 1960. — С. 245.
- 32 См.: Витрук Н.В. Основы правового положения личности в социалистическом обществе / Н.В. Витрук; отв. ред. В.А. Патюлин. — М.: Наука, 1979. — 326 с.
- 33 Конституционное право зарубежных стран: учеб. / под общ. ред. М.В. Баглая. — М.: Норма-Инфра, 2001. — 640 с.

Г.У. Балгимбекова, Ф.А. Ержанова

Конституционно-правовые основы института гражданства

В статье, на основе изучения и анализа действующего законодательства Республики Казахстан и зарубежных стран, научной литературы в области гражданства, рассмотрены актуальные вопросы правового регулирования института гражданства. Центральное место отведено исследованию Конституции Республики Казахстан, Закона РК «О гражданстве Республики Казахстан», зарубежного опыта конституционно-правового регулирования гражданства. Показано, что институт гражданства имеет основополагающее значение для развития государства и общества, формирования гражданского общества. Авторами отмечено, что одной из главных проблем теории и практики конституционализма является развитие и обеспечение прав и свобод человека посредством конституционного института гражданства. Исследованы вопросы конституционно-правового регулирования гражданства в законодательстве Республики Казахстан и стран зарубежья. Представлены основные точки зрения по вопросам определения понятия гражданства, выявления его сущности и значения в конституционно-правовом строительстве. Сделаны выводы, в частности, о том, что Конституция Республики Казахстан, в целом, соответствует мировым тенденциям развития конституционного права, обусловленным всеобщей глобализацией и интернационализацией права. В качестве одного из направлений дальнейшего совершенствования конституционно-правового законодательства сформулировано предложение о включении в конституционно-правовое законодательство положения об общепризнанных принципах и нормах международного права о правах человека.

Ключевые слова: гражданство, принципы гражданства, правовой статус человека и гражданина, конституционное право, Конституция Республики Казахстан, конституции зарубежных стран.

Constitutional and legal foundations of the institution of citizenship

In this article, based on the study and analysis of the current legislation of the Republic of Kazakhstan and foreign countries, scientific literature in the field of citizenship, current issues of legal regulation of the institution of citizenship are considered. The central place is given to the study of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, the Law "On Citizenship of the Republic of Kazakhstan", foreign experience of the constitutional and legal regulation of citizenship is considered. The article shows that the institution of citizenship is of fundamental importance for the development of the state and society, the formation of civil society. The authors note that one of the main problems of the theory and practice of constitutionalism is the development and ensuring of human rights and freedoms through the constitutional institution of citizenship. The issues of constitutional and legal regulation of citizenship in the legislation of the Republic of Kazakhstan and foreign countries have been studied. The authors present the main points of view on the issues of defining the concept of citizenship, identifying its essence and significance in the constitutional and legal construction. Conclusions are drawn, in particular, that the Constitution of the Republic of Kazakhstan as a whole corresponds to the world trends in the development of constitutional law, due to the general globalization and internationalization of law. As one of the directions for further improvement of the constitutional and legal legislation, a proposal was formulated to include in the constitutional and legal legislation a provision on the generally recognized principles and norms of international law on human rights.

Keywords: citizenship, legal status of a person and a citizen, principles of citizenship, constitutional law, the Constitution of the Republic of Kazakhstan, the constitutions of foreign countries.

References

- 1 (1995). Konstitutsiia Respubliki Kazakhstan ot 30 avgusta 1995 goda [The Constitution of the Republic of Kazakhstan]. (n.d.) akorda.kz [in Russian].
- 2 Zakon Respubliki Kazakhstan ot 10.03.2017 goda N 51–VI ZRK «O vnesenii izmenenii i dopolnenii v Konstitutsiiu Respubliki Kazakhstan» [The Law of the Republic of Kazakhstan dated 10.03.2017 No. 51-VI ZRK "On amendments and additions to the Constitution of the Republic of Kazakhstan". Retrieved from: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000051> [in Russian].
- 3 (1997). Vseobshchaya deklaratsiia prav cheloveka: priniata Generalnoi Assambleei Organizatsii Obedinennykh Natsii 10 dekabria 1948 goda. Deistvuiushchee mezhdunarodnoe pravo: Sbornik dokumentov. T. 3. [Universal Declaration of Human Rights: adopted by the General Assembly of the United Nations on December 10, 1948. Current International Law: Collection of Documents.]. Moscow, *Mezhdunarodnye otnosheniia — International relations* [in Russian].
- 4 Zakon Respubliki Kazakhstan «O grazhdanstve Respubliki Kazakhstan» ot 20 dekabria 1991 goda. N 1017–XII [Law of the Republic of Kazakhstan "On Citizenship of the Republic of Kazakhstan" dated December 20, 1991 No. 1017-XII]. Retrieved from: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1000816 [in Russian].
- 5 Konstitutsiia Bolgarii [Bulgarian Constitution]. (n.d.) Retrieved from worldconstitutions.ru/?p=120 [in Russian].
- 6 Konstitutsiia Ispanii [Constitution of Spain]. (n.d.) [worldconstitutions.ru](https://worldconstitutions.ru/?p=149). Retrieved from <http://www.worldconstitutions.ru/?p=149> [in Russian].
- 7 Konstitutsiia Shvetsii [Swedish Constitution]. (n.d.) Retrieved from <https://worldconstitutions.ru/?p=161> [in Russian].
- 8 Osnovnoi Zakon Germanii [Basic Law of Germany]. (n.d.) concourt.am. Retrieved from <https://worldconstitutions.ru/?p=155>. [in Russian].
- 9 Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii [Constitution of the Russian Federation]. (n.d.) [constitution.ru](https://www.constitution.ru). Retrieved from <https://www.constitution.ru> [in Russian].
- 10 Konstitutsiia Finliandii [Constitution of Finland]. Retrieved from <https://worldconstitutions.ru/?p=139>.
- 11 Konstitutsiia Cheshskoi Respubliki [Constitution of the Czech Republic]. Retrieved from: <https://worldconstitutions.ru/?p=106> [in Russian].
- 12 Konstitutsiia Shveitsarii [The Constitution of Switzerland]. Retrieved from: <https://worldconstitutions.ru/?p=135> [in Russian].
- 13 Konstitutsiia Yaponii [Constitution of Japan]. Retrieved from: <https://worldconstitutions.ru/?p=37> [in Russian].
- 14 Konstitutsiia Islandii [The Constitution of Iceland]. Retrieved from: <https://worldconstitutions.ru/?p=150> [in Russian].
- 15 Strashun, B.A. (Ed.). (2000). Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran [Constitutional (state) law of foreign countries: In 4 volumes. Vol. 1-2. Part common: Textbook]. Moscow: Izdatelstvo «BEK» [in Russian].
- 16 Konstitutsiia Meksikanskikh Soedinennykh Shtatov [Constitution of the United Mexican States]. Retrieved from <https://worldconstitutions.ru/?p=51> [in Russian].
- 17 Sapargaliev, G.S. (2002). Konstitutsionnoe pravo Respubliki Kazakhstan [The Constitutional law of the Republic of Kazakhstan: Academic course. Almaty: Zheti Zhargy [in Russian].

- 18 Baishev, J. (2001). *Konstitutsionnoe pravo Respubliki Kazakhstan* [The Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan]. – Almaty: Zheti zhargy [in Russian].
- 19 Federalnyi zakon RF ot 31.05.2002 No 62-FZ «O grazhdanstve Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law of RF dated May 31, 2002 No. 62-FZ “On Citizenship of the Russian Federation”. Retrieved from: <https://fzkon.ru/laws/federalnyy-zakon-ot-31.05.2002-n-62-fz/> [in Russian].
- 20 Sagindykova, A.N. (1999). *Konstitutsionnoe pravo Respubliki Kazakhstan: Kurs lektsii* [The Constitutional law of the Republic of Kazakhstan: Lectures]. Almaty: Bilim [in Russian].
- 21 Khabibulin, A.G., & Rakhimov, R.A. (2000). Gosudarstvennaia identichnost kak element pravovogo statusa lichnosti [State identity as a part of the legal status of the individual]. *Gosudarstvo i pravo — The State and Law*, 5, 115–119 [in Russian].
- 22 Kutafin, O.E. (2011). *Izbrannye trudy. Tom 3. Rossiiskoe grazhdanstvo* [Selected works. In 7 volumes. Volume 3: Russian citizenship]. Moscow [in Russian].
- 23 Shafir, M.A. (1992). Grazhdanstvo Rossiiskoi Federatsii i ego zakonodatelnoe regulirovanie [Citizenship of the Russian Federation and its legal regulation]. In the book. “Konstitutsionnyi stroi Rossii” — “Constitutional order of Russia”, Issue 1. Moscow: Nauka [in Russian].
- 24 Vitruk, N.V. (1976). Grazhdanstvo kak pravovaia svyaz lichnosti s gosudarstvom [Citizenship as a legal connection between an individual and the state]. In the book. “Problemy gosudarstva i prava” — “Problems of State and Law”. Moscow: Institut gosudarstva i prava Akademii nauk SSSR [in Russian].
- 25 Alekseyev, A.I., & Anufriyeva, L.P. (2001). *Yuridicheskii entsiklopedicheskii slovar* [Juridical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: INFRA-M [in Russian].
- 26 Dodonov, V.N., & Yermakov, V.D. (1997). *Bolshoi entsiklopedicheskii slovar* [Encyclopedic Dictionary]. Moscow: INFRA-M [in Russian].
- 27 Konstitutsiia Niderlandov [The Constitution of the Netherlands]. Retrieved from: <https://worldconstitutions.ru/?p=143> [in Russian].
- 28 Chirkin, V.E. (2010). *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran. Uchebnik. 2-e izdanie* [The Constitutional law of foreign countries. Textbook. 2nd ed., Rev]. Moscow: Yurist [in Russian].
- 29 Vitruk, N.V. (1995). Aktualnye problemy grazhdanstva v postsovetskom prostranstve [Actual problems of citizenship in the former Soviet Union]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po problemam grazhdanstva — Materials of the international scientific-practical conference on citizenship*, 26–38 [in Russian].
- 30 Lepeshkin, A.I. (1961). *Kurs sovetskogo gosudarstvennogo prava* [The Soviet state law]. In 2 volumes. Volume 1. Moscow [in Russian]; Voevodin, L.D., Zlatopolsky, D.L., & Kuprits N.Y. (1972). *Grazhdanstvo zarubezhnykh gosudarstv* [Citizenship of foreign states]. *Gosudarstvennoe pravo zarubezhnykh sotsialisticheskikh stran — The State law of the socialist countries*, 16 [in Russian].
- 31 Zlatopolsky, D.L. (1960). *Gosudarstvennoe ustroistvo SSSR* [The state structure of the USSR]. Moscow [in Russian].
- 32 Vitruk, N.V. (1979). *Osnovy pravovogo polozheniia lichnosti v sotsialisticheskom obshchestve* [Basis of the legal status of the individual in socialist society]. Patyulin, V.A. (Ed.). Moscow: Nauka [in Russian].
- 33 Baglaia, M.V. (2001). *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran: uchebnik* [Constitutional Law of Foreign Countries: Textbook]. Moscow: Infra-Norma [in Russian].

Н.В. Сидорова*, А.М. Серикбаев

Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: Sidorova_Natalya@ksu.kz; Serikbaev_Abzal@buketov.edu.kz)

ORCID ID 0000-0002-8723-6221,
Web of Science Researcher ID: AAR-6585-2020

Компаративное исследование правового регулирования международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства на Евразийском пространстве

Целью настоящего исследования является сравнительно-правовой анализ международно-правовых и внутригосударственных норм, регулирующих международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве на Евразийском пространстве, выявление пробелов и коллизий, формулирование предложений по гармонизации и унификации правовых основ сотрудничества. Методологическую основу настоящей работы составил системный подход к компаративному анализу, отражающий состояние правовой регламентации международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве на международном и внутригосударственном уровнях, сочетаемый с теоретико-правовым исследованием выявленных проблем. Отдельным направлением авторы обозначили «уникальные» нормы уголовно-процессуальных кодексов государств региона, обосновав их прогрессивность и сформулировав предложения их экстраполяции в международные договорные нормы и внутригосударственное право государств. Проведенное исследование позволило сделать вывод о неоднородности правовой регламентации международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве и разноуровневой имплементации международных норм. Основные результаты проведенного исследования — определение имеющихся пробелов и коллизий, внесение предложений по их устранению, а также по совершенствованию имеющихся правовых норм. Основным выводом, который авторы сформулировали в процессе работы над темой, — это актуализация ревизии международных договоров, регулирующих вопросы сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства (правовой помощи по уголовным делам), их новация и дальнейшая имплементация во внутригосударственные права государства Евразийского региона.

Ключевые слова: международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, правовая помощь по уголовным делам, международное право, внутригосударственное право, экстрадиция, совместная следственно-оперативная группа, принцип взаимности, Кишиневская конвенция, Минская конвенция, имплементация, основание отказа в правовой помощи, основание отказа в выдаче преступника.

Введение

Обращаясь с ежегодным Посланием к народу Казахстана, К.-Ж.К. Токаев отмечает необходимость последовательного укрепления государственности [1], что напрямую зависит от обеспечения национальной и общественной безопасности, а последнее неразрывно связано с противодействием преступности, как на внутригосударственном, так и на транснациональном уровне. В соответствии с Концепцией внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы одним из приоритетов в области поддержания международного мира и безопасности является «содействие объединению глобальных и региональных усилий в противодействии международному терроризму и экстремизму, в том числе путем создания широкой международной антитеррористической коалиции; взаимодействие с внешними партнерами в сфере борьбы с организованной преступностью, наркобизнесом и иными видами преступной деятельности» [2].

Беспрецедентное обострение геополитической ситуации является провоцирующим фактором усиления транснационализации преступности, а также изменения характеристик внутригосударственной преступности под воздействием так называемого «инострannого элемента», связанного с миграционными процессами. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства (правовая помощь по уголовным делам) является одним из направлений межгосударственного сотрудничества.

* Автор-корреспондент. E-mail: Sidorova_Natalya@ksu.kz

Целью настоящей статьи является комплексный анализ правового регулирования международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства посредством компаративного исследования международно-правовых актов и внутригосударственного права государств Евразийского региона (включающего государства постсоветского пространства, входящие в СНГ и ЕАЭС). Достижение обозначенной цели обуславливает постановку следующих задач:

- определить уровень гармонизации и унификации законодательства в сфере международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве посредством анализа международных договоров, модельного законодательства и внутригосударственного права государств;
- выявить проблемы правовой регламентации международного сотрудничества на межгосударственном уровне, сформулировать предложения их преодоления;
- выявить проблемы имплементации норм международных договоров в исследуемой сфере во внутригосударственное право, сформулировать рекомендации их решения.

Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства является сферой деятельности, которая имеет комплексный характер и регулируется нормами международного и внутригосударственного права, при этом в определенных случаях применяются преимущественно нормы национального права. Проблемам исследования отдельных аспектов в сфере международного сотрудничества в борьбе с преступностью посвящены труды А.Г. Богатырева, С.В. Бородин, М.Ф. Владимирского-Буданова, В.П. Даневского, С.В. Зуева, П.Е. Казанского, Ю.Н. Людкевича, Е.Г. Ляхова, Ф.Ф. Мартенса, Е.Г. Моисеева, И.Б. Осмаева, Т.В. Решетневой, Н.Д. Сергеевского, Н.С. Таганцева, В.Ф. Цепелева, И.Я. Фойницкого, А.С. Яценко и других теоретиков юриспруденции. Однако не все из перечисленных авторов занимались исследованием международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Проводимое компаративное исследование восполняет пробел в юридической науке, так как подавляющее большинство исследований имеет узкую направленность и не охватывают комплексные подходы к изучаемой проблематике.

Методы и материалы

В процессе исследования использованы общенаучные методы познания, среди которых центральное место занимает сравнительно-правовой анализ двух систем права — международного и внутригосударственного. Внутригосударственное право исследовано в контексте сравнительного анализа, как в соотношении с международным правом, так и в соотношении с системами права государств Евразийского региона. Использовались методы формальной логики, спроецированные на логико-правовой анализ исследуемых проблемных аспектов. Правовую основу исследования составили международные договоры в сфере уголовного судопроизводства, модельное законодательство СНГ, уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан и государств Евразийского региона. Доктринальная основа — это научные труды по исследуемой проблематике, а также по смежным направлениям юридической науки. Эмпирическую основу исследования составил следственный опыт работы одного из авторов в системе правоохранительных органов, позволяющий выявлять проблемы правоприменительной деятельности в сфере международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве.

Результаты

Компаративное исследование международных договоров и внутригосударственных правовых норм позволяет сформулировать вывод о том, что, несмотря на унификацию и гармонизацию законодательства государств Евразийского региона, имеются существенные отличия как в самой концепции правовой регламентации (например, в Республике Беларусь), так и в количественном различии правовых норм (например, в Республике Казахстан и Республике Узбекистан), а также прослеживается разница в содержании правовых норм уголовно-процессуального законодательства о международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства. Полагаем, что такие расхождения являются отрицательным фактором в правоприменительной практике правоохранительных органов государств, которые могут усугубляться и различными подходами к договорному регулированию аналогичных вопросов сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства (например, основания отказа в выдаче, перечень компетентных органов, процессуальные сроки, система процессуальных гарантий обеспечения прав человека, деятельность совместных следственно-оперативных групп и др.). Различия в правовой регламентации международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве не способствуют эффективной правоприменительной практике, в связи с чем назрела потребность ревизии и

новации Кишиневской конвенции, модельного уголовно-процессуального законодательства, а также ускорения гармонизации и унификации внутригосударственных уголовно-процессуальных законов посредством имплементации международных договоров.

Понятие «международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства» и «правовая помощь по уголовным делам» являются схожими понятиями, а их юридическая сущность в большей степени одинакова, хотя на международно-правовом уровне преобладает использование последнего понятия. Понятие «международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства» появилось в научном и правовом обороте намного позже, чем «правовая помощь по уголовным делам». Отметим, что в настоящий период отсутствуют юридические определения данных понятий, они не раскрываются, ни в международных нормах, ни во внутригосударственном праве.

Юридическая доктрина имеет немало научно-теоретических определений понятия «правовая помощь по уголовным делам». Авторские подходы к определению сущности данного правового института имеются в публикациях П.С. Абдуллоева [3; 30], А.Г. Волеводза [4; 12], М.В. Волженкина [5; 34], М.В. Давыдовой [6; 56], В.П. Зимина [7; 7], Ф.Н. Раджанова [8; 271] и других.

Анализ имеющихся понятий «правовая помощь по уголовным делам» позволяет выделить два подхода — широкий и узкий. Понимание правовой помощи по уголовным делам в широком смысле охватывает все формы сотрудничества в уголовном судопроизводстве и в большей степени базируется на предусмотренном в международных договорах «объеме правовой помощи». В узком смысле «правовая помощь по уголовным делам» трактуется как деятельность, которая включает только процессуальные и оперативно розыскные действия, выводя за рамки помощи вопросы экстрадиции и передачи осужденных лиц.

Гораздо меньше научных трудов посвящено исследованию сущности понятия «международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства», однако и в данном контексте имеются различные подходы к его пониманию, среди которых разделение двух самостоятельных понятий, а, следовательно, и видов сотрудничества, — это «международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства» и «международное сотрудничество по уголовным делам» [9; 111]. Причем первое, по мнению отдельных авторов, включает исключительно процессуальную деятельность, а последнее — не только процессуальную, но и оперативно-розыскную, координационную и др.

Детальный анализ данных понятий не входит в число задач настоящего исследования, однако проблема отсутствия определений «правовая помощь по уголовным делам» и «международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства» на правовом уровне (международный и (или) внутригосударственный) является существенным пробелом, который целесообразно устранять посредством формулирования правового определения данных понятий.

Другая проблема, которая прослеживается на уровне международно-правовой регламентации, — это отсутствие единой политики по определению центральных органов, на которые возлагается функция сношений по вопросам международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве. К числу уполномоченных органов, кроме Генеральной прокуратуры, в соответствии с двухсторонними договорами (таковых в договорной практике Казахстана 72 договора с 34 странами) [10] отнесены Министерство юстиции (Болгария, Китай, КНДР, Литва, Монголия и другие), Министерство внутренних дел (Пакистан), Государственный секретарь Министерства внутренних дел (Соединенное Королевство Великобритании), Лорд Адвокат (Шотландия), Министр, ответственный за правосудие, и Генеральный прокурор (Венгрия) и другие. Следует признать, что в данном случае унификация международных норм практически невозможна, это обусловлено суверенными правами государства и внутригосударственной юрисдикцией соответствующих органов. В то же время данная договорная практика объективно не способствует действенному и четкому международному сотрудничеству в уголовном правосудии.

Различные подходы государств Евразийского региона к построению системы внутригосударственных правовых основ международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве, которые будут описаны ниже, позволяют определить не только правовые пробелы и коллизии, но и сформулировать предложения по их совершенствованию:

1. На правовом уровне (международном и внутригосударственном) сформулировать и закрепить юридические понятия:

- «международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства» и (или) «правовая помощь по уголовным делам»;

- «выдача» (экстрадиция), понятие имеется не во всех уголовно-процессуальных кодексах государств Евразийского региона (только в УПК РК (ст. 7) и в УПК КР (ст. 5)), на уровне международных договоров понятие не раскрывается. Одним из авторов предлагалась следующая формулировка: «Экстрадиция — это деятельность уполномоченных органов государства по организации выдачи другому государству лица, обвиняемого в совершении преступления, или лица, приговоренного к лишению свободы, на основании запроса уполномоченного органа иностранного государства, на территории которого оно совершило преступление, в соответствии с нормами и принципами международного права, а также в рамках соблюдения национальных интересов государств или в соответствии с принципом взаимности» [11; 90];

- «принцип взаимности», описание которого должно включать: определение органа уполномоченного на данный формат сотрудничества; механизм установления контактов (рекомендуется дипломатический); установление системы гарантирования ответной помощи на принципе «взаимности» (название письменного документа, подтверждающего гарантии, например, «Соглашение о взаимности», «Гарантия взаимности»); установление системы последствий неисполнения предоставленных гарантий контрагентом и другие положения.

2. В международных договорах, в модельном уголовно-процессуальном законодательстве и во внутригосударственном праве государств Евразийского региона закрепить и конкретизировать нормы:

- определяющие юридические критерии исполнения «конкурирующих» запросов о правовой помощи (в том числе выдаче преступников). В качестве критериев предлагаем следующие: тяжесть преступления, в том числе его транснациональность; очередность поступления запросов; система гарантирования прав и свобод человека; гражданство выдаваемого лица и др.;

- определяющие проведение процессуальных действий в рамках правовой помощи по уголовным делам в онлайн формате, закрепив основания их проведения, процедуру и порядок проведения, средства связи, а также вопросы обеспечения конфиденциальности;

- определяющие унифицированные сроки исполнения запросов о правовой помощи, без использования бланкетных и отсылочных норм;

- определяющие самостоятельное основание отказа в выдаче: «в выдаче может быть отказано, если норма уголовного закона запрашивающей стороны, по которой запрашивается выдача, в качестве наказания предусматривает смертную казнь»;

- определяющие основание отказа в выдаче — «истечение срока давности», закрепив: последствия приостановления течения срока давности в соответствии с внутригосударственным правом; юридические инструменты выдачи лиц, за совершение преступления, по которым срок давности в соответствии с внутригосударственным правом не предусмотрен (преступления против мира и человечности, пытки, коррупционные преступления, преступления против несовершеннолетних и др.); преодоление различий внутригосударственных норм по срокам.

3. Унифицировать и гармонизировать внутригосударственное законодательство государств, провести ревизию Кишиневской конвенции и иных договоров, с целью их новации по вопросам:

- перечня оснований отказа в: правовой помощи по уголовным делам; выдаче преступников; уголовном преследовании невыданных лиц. Проведенное исследование показало существенное расхождение в основаниях отказа, что приводит к проблемам в правоприменении;

- создания и функционирования совместных следственных и следственно-оперативных групп, их юрисдикции, а также вопросам координации их работы и легитимности проводимых мероприятий на уровне уголовного судопроизводства;

- юридического закрепления системы гарантий прав и свобод человека в рамках международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве;

- обеспечения принципа «конфиденциальности», который может касаться как самого факта получения запроса о правовой помощи, так и его содержания, процедуры исполнения, процедуры передачи информации, сроков хранения информации, ограничения использования информации и материалов и другие вопросы. Более детальное исполнение поручений, затрагивающих государственные секреты, должно сопровождаться заключением двухстороннего договора о защите секретной информации;

- предоставления представителю компетентного органа иностранного государства права участвовать в проведении процессуальных действий на территории иностранного государства по специ-

альному разрешению, в пределах установленной юрисдикции, без вмешательства в процесс уголовного судопроизводства. Четко прописать в правовых нормах права и обязанности таких лиц.

Обсуждение

Межгосударственное правовое регулирование сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства на Евразийском пространстве базируется на конвенционной основе. После длительных процедур ратификации, затянувшихся в отдельных странах на десятилетия, основным международным договором на Евразийском пространстве в исследуемой сфере является Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. (далее — Кишиневская конвенция) [12].

Важнейшим инструментом гармонизации и унификации правовых норм государств в сфере международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве в современных условиях является имплементация Кишиневской конвенции в уголовно-процессуальное законодательство государств. Однако компаративный анализ уголовно-процессуального законодательства государств показывает проблему разнотемпной и разноректорной имплементации Кишиневской конвенции [13; 195]. Наиболее успешно имплементация конвенции в уголовно-процессуальные кодексы прослеживается в Республике Казахстан и в Республике Беларусь. Уголовно-процессуальные кодексы других стран региона не подвергались изменениям, в части имплементации положений Кишиневской конвенции.

Степень детализации юридических предписаний на внутригосударственном уровне в сфере международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве крайне отличается. Наглядно такие отличия можно представить количественными характеристиками статей уголовно-процессуальных кодексов государств, посвященных данному вопросу. Например, в УПК Республики Казахстан — 55 статей, в УПК Республики Беларусь — 52, в УПК Кыргызской Республики — 38, в УПК Российской Федерации — 29, в УПК Республики Армения — 25, в УПК Туркменистана — 23, в УПК Республики Узбекистан — 18, в УПК Республики Таджикистан — 18 статей. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики не содержит норм о международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства, кроме того, при обсуждении и голосовании за Модельный уголовно-процессуальный кодекс для стран СНГ (далее — Модельный УПК СНГ), Азербайджан предлагал исключить из его структуры главу 63 «Правовая помощь по уголовным делам» [14]. Различия правовой регламентации международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства прослеживаются в конструировании соответствующих частей кодекса, а также в их наименовании. Не углубляясь в подробности используемых юридических конструкций, отметим, что законодатель государств оперирует двумя основными формами наименования самых крупных структурных элементов кодексов — это «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства» (Казахстан, Россия, Кыргызстан, Узбекистан) и «Международная правовая помощь по уголовным делам» (Беларусь, Молдова, Туркменистан).

Качественно по-другому правовая регламентация международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства прослеживается в УПК Республики Беларусь (далее — УПК РБ), в соответствии с которым проводится четкое разграничение международной (конвенционной) и внутригосударственной (уголовно-процессуальной) юрисдикции. Анализ структуры и содержания УПК РБ показывает, что в случаях, когда порядок оказания правовой помощи определен международным договором Республики Беларусь, применяется установленный в договоре порядок (ст. 1 УПК РБ), то есть в данном случае нормы кодекса не применяются априори. В случае, когда порядок оказания правовой помощи не определен договором, применяются положения, установленные уголовно-процессуальным кодексом на основе принципа взаимности (раздел XV УПК РБ) [15]. Таким образом, исходя из логики описываемых норм, внутригосударственные уголовно-процессуальные нормы Республики Беларусь применяются исключительно в случаях отсутствия договорного регулирования, на основе принципа взаимности.

Сравнительное исследование уголовно-процессуального законодательства государств Евразийского региона позволило определить схожие подходы государств в регулировании следующих вопросов международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве:

- основания сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства;
- система уполномоченных органов, их компетенция;

- порядок оформления ходатайства (просьбы, запроса, поручения) о: правовой помощи по уголовным делам; экстрадиции преступников; передаче осужденных лиц; уголовном преследовании невыданных лиц;
- допустимость и юридическая сила полученных на территории иностранного государства доказательств;
- основания отказа в: правовой помощи; выдаче преступника; передаче осужденных лиц; уголовном преследовании невыданных лиц;
- порядок исполнения ходатайства (просьбы, запроса, поручения) о: правовой помощи по уголовным делам; экстрадиции; передаче осужденных лиц; уголовном преследовании невыданных лиц;
- расходы, связанные с оказанием правовой помощи;
- правовая регламентация отдельных следственных действий в рамках объема правовой помощи по уголовным делам;
- правовое регулирование: экстрадиции (выдачи) преступников; уголовного преследования невыданных лиц; передачи осужденных лиц для отбытия наказания; признания решений и приговоров иностранных судов.

Идентичность правовой регламентации на внутригосударственном уровне обусловлена двумя факторами. Во-первых, имплементация государствами-участниками Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) Минской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. (далее — Минская конвенция) [16]. Во-вторых, конструирование структурных элементов уголовно-процессуальных кодексов государств на основе Модельного уголовно-процессуального кодекса для стран СНГ, принятого в 1996 г. и основанного на положениях, упомянутой выше Минской конвенции. Однако именно эти факторы в современный период развития правовой базы являются сдерживающей причиной унификации и гармонизации законодательства государств. Для большинства государств Евразийского региона Минская конвенция утратила силу в связи с ратификацией Кишиневской конвенции, а положения Модельного УПК СНГ представляются неактуальными и требуют новации.

Несмотря на «модельность» уголовно-процессуальных кодексов государств Евразийского региона, проведенное компаративное исследование позволило выделить уникальные правовые нормы, которые присутствуют в УПК либо одной, либо нескольких стран. При этом такие нормы отсутствуют в международных договорах и в модельном законодательстве СНГ.

Не имеющие аналогов нормы содержит Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова. К их числу можно отнести следующие положения Кодекса:

1. Признается юрисдикция Международного уголовного суда (ст. 549.3 УПК РМ), делается отсылка на Римский статут Международного уголовного суда, а также регулируются механизмы сотрудничества с судом в рамках Статута (ст. 532 УПК РМ).
2. Закрепляется «Упрощенная процедура экстрадиции», в соответствии с которой в случае согласия экстрадируемого лица, выдача возможна без оформления документов, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством (ст. 545 УПК РМ).
3. Дается юридическое решение проблемы «конкуренции» ходатайств (запросов), в соответствии с которым в случае конкурирования запросов о правовой помощи в рамках нескольких международных договоров, предпочтение отдается тому, который обеспечивает наилучшую защиту прав и свобод человека (ч. 2 ст. 531 УПК РМ). Более детальные условия рассмотрения «конкуренции» запросов об экстрадиции содержатся в ч. 5 ст. 554 УПК РМ.

По последнему пункту добавим, что отсутствие правовых норм о «конкуренции» ходатайств и юридической детализации условий ее преодоления, как на международном, так и на внутригосударственном уровне, является проблемой правоприменительной практики (один из авторов статьи сталкивался с ней непосредственно в период работы следователем, оформляя документы на выдачу лица, объявленного в межгосударственный розыск).

Попытка решения вопроса «конкуренции» запросов об экстрадиции предпринята в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, в соответствии с которым, принятие решения по данному вопросу возлагается на Генерального прокурора Российской Федерации (ст. 7 УПК РФ), однако, в отличие от УПК РМ, законодательно не обозначены условия, которые должен учитывать правоприменитель при рассмотрении конкурирующих запросов.

Не менее оригинальные положения содержит уголовно-процессуальное законодательство других государств региона, в частности:

1. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь дается детальная конкретизация — оснований исполнения «просьбы» иностранного государства, а также оснований отказа в правовой помощи в рамках реализации следующих процессуальных действий: вызов лица для производства процессуальных действий; передача на время лица для производства процессуальных действий; передача лица для отбытия наказания; применение к лицу меры пресечения с целью выдачи; выдача лица для отбытия уголовного наказания и (или) осуществления уголовного преследования; выдача на время лица для производства процессуальных действий; уголовное преследование лица; исполнение судебного решения иностранного суда по уголовному делу; транзитная перевозка лица; передача предметов (ст. 471–490 УПК РБ).

Механизм возмещения вреда лицу, задержанному или в отношении которого применена мера пресечения, на основании запроса органа иностранного государства предусмотрен ст. 519 УПК РБ.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан содержит большое количество уникальных норм, также не имеющих аналогов в законодательстве государств Евразийского региона, в частности: хранение и передача вещественных доказательств (ст. 561); конфиденциальность исполнения запросов о правовой помощи по уголовным делам (ст. 568); процессуальные действия, нуждающиеся в специальном разрешении (ст. 571); присутствие представителей компетентных органов запрашиваемого государства при осуществлении процессуальных действий в рамках правовой помощи по уголовным делам (ст. 572); проведение процессуальных действий путем проведения видеосвязи (ст. 576); исчисление сроков содержания под стражей, применяемого к выдаваемому лицу (ст. 584); детальное регулирование процедуры уголовного преследования, невыданного лица (ст. 596–600).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации содержит ряд статей, определяющих особенности производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с признанием и принудительным исполнением приговора и постановления суда иностранного государства о конфискации доходов, полученных незаконным путем, находящихся на территории Российской Федерации (ст. 473.1–473.7 УПК РФ).

Вопросы, регулируемые на уровне уголовно-процессуального законодательства нескольких государств:

1. Создание и деятельность совместных следственно-розыскных и совместных следственных групп регулируется уголовно-процессуальными кодексами Республики Казахстан и Республики Молдова (ст. 578 УПК РК; ст. 540.2 УПК РМ).

2. Детальная правовая регламентация процессуальных инструментов гарантирования прав и свобод человека, юридическое закрепление прав и обязанностей лица, подлежащего экстрадиции содержатся в уголовно-процессуальных кодексах Казахстана и Беларуси (ст. 507–509 УПК РБ; ст. 586 УПК РК).

3. Усиление правозащитной функции прослеживается в нормах, определяющих процедуру обжалования постановления о выдаче и судебную проверку законности постановлений о выдаче (ст. 515–518 УПК РБ; ст. 463 УПК РФ; ст. 592 УПК РК).

Проведенный сравнительный анализ уголовно-процессуальных кодексов государств Евразийского региона показывает неоднородность правовой регламентации международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве, что обусловлено неактуальностью модельных норм в данной сфере, а имеющиеся договорные нормы не всеми странами имплементированы.

Выводы

Проведенное исследование позволило определить ряд пробелов и коллизий в сфере правовой регламентации международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве и сформулировать следующие выводы:

- во-первых, уровень гармонизации и унификации законодательства государств Евразийского региона неодинаков и разнопланов, что обусловлено отсутствием актуального модельного правового обеспечения, имеющиеся международные правовые нормы устарели и требуют новации с учетом современных геополитических и геоэкономических реалий;

- во-вторых, на внутригосударственном уровне правовая регламентация международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве, с одной стороны, характеризуется некой модельностью, с другой — законодательство отдельных государств содержит более прогрессивные модели правовой регламентации, что определяет более детальное исследование всех аспектов регламентации, но уже в

частном контексте, применительно к конкретным формам сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства;

- в-третьих, несовершенство правовой регламентации понятийного аппарата, должно быть преодолено выработкой юридических подходов к формулированию нормативных определений и понятий в исследуемой сфере.

Полученные в процессе исследования результаты позволяют сформулировать перспективные направления исследования с более детальной научно-теоретической и эмпирической проработкой выявленных проблем правовой регламентации международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве.

Список литературы

- 1 Токаев К.-Ж.К. Единство народа и системные реформы — прочная основа процветания страны. Послание Президента Республики народу Казахстана от 1 сентября 2021 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-183048>
- 2 Об утверждении Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы. Указ Президента Республики Казахстан от 06 марта 2020 г. № 280. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody
- 3 Абдуллоев П.С. Международно-правовая помощь при собирании и проверке доказательств по уголовным делам (УПК Республики Таджикистан): дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09 — «Уголовный процесс» / П.С. Абдуллоев. — М., 2014. — 280 с.
- 4 Волеводз А.Г. Международный розыск, арест и конфискация полученных преступным путем денежных средств и имущества // А.Г. Волеводз; науч. ред. проф. А.Б. Соловьев. — М.: ООО Изд-во «Юрлитинформ», 2000. — 477 с.
- 5 Волженкина В.М. Оказание правовой помощи по уголовным делам в сфере международного сотрудничества: учеб. пос. / В.М. Волженкина. — СПб.: СПб. ин-т Ген. прокуратуры РФ, 1999. — 112 с.
- 6 Давыдова М.В. К вопросу о понятии правовой помощи по уголовным делам / М.В. Давыдова // Вестн. Рос. правовой акад. — № 3. — 2005. — С. 54–56.
- 7 Зимин В.П. Международное сотрудничество в области борьбы с преступностью и охраны общественного порядка: учеб. пос. / В.П. Зимин, И.Н. Зубов. — М.: НИИ МВД, 1993. — 160 с.
- 8 Раджабов Ф.Н. К вопросу о понятии правовой помощи по уголовным делам / Ф.Н. Раджабов // Вестн. Пед. ун-та. — Душанбе, 2015. — № 3 (64). — С. 271–275.
- 9 Батдорж Б. Понятие и виды международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства / Б. Батдорж // Вестн. Моск. ун-та МВД России. — 2014. — № 8. — С. 111, 112.
- 10 О работе в сфере международного сотрудничества. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/press/news/details/489997?lang=ru>
- 11 Зайцева Е.А. Регламентация международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства: международный и внутригосударственный аспекты / Е.А. Зайцева, Н.В. Сидорова // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. Науч.-метод. журн. — Вып. 2 (49). — Волгоград: ВА МВД России, 2019. — С. 85–94.
- 12 Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1034672#pos=1;-109
- 13 Сидорова Н.В. Сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан и зарубежных государств о международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства / Н.В. Сидорова // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. — 2022. — № 8–1. — С. 195–202.
- 14 Модельный уголовно-процессуальный кодекс для стран СНГ. Принят на седьмом заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, Постановление № 7-6 от 17 февраля 1996 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901914840>.
- 15 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295–3. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958.
- 16 Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/B930005100_.

Н.В. Сидорова, А.М. Серикбаев

Еуразиялық кеңістіктегі қылмыстық сот ісін жүргізу саласындағы халықаралық ынтымақтастықты құқықтық реттеуді салыстырмалы зерттеу

Аталмыш зерттеудің мақсаты Еуразиялық кеңістіктегі қылмыстық сот ісін жүргізудегі халықаралық ынтымақтастықты реттейтін халықаралық-құқықтық және мемлекетішілік нормаларды салыстырмалы-құқықтық талдау, олқылықтар мен қайшылықтарды анықтау, ынтымақтастықтың құқықтық негіздерін үйлестіру және біріздендіру бойынша ұсыныстарды тұжырымдау. Осы жұмыстың әдіснамалық негізін анықталған проблемаларды теориялық-құқықтық зерттеумен ұштастыра отырып, халықаралық және мемлекетішілік деңгейдегі қылмыстық сот ісін жүргізудегі халықаралық ынтымақтастықты құқықтық регламенттеудің жай-күйін көрсететін салыстырмалы талдаудың жүйелі тәсілі құрады. Авторлар аймақ мемлекеттерінің қылмыстық процестік кодекстерінің «бірегей» нормаларын жеке бағыт ретінде бөліп алып, олардың жаңашылдығын негіздеп, оларды халықаралық шарттық нормаларға және мемлекеттердің мемлекетішілік құқығына экстраполяциялау ұсыныстарын тұжырымдады. Жүргізілген зерттеу қылмыстық сот ісін жүргізудегі халықаралық ынтымақтастықты құқықтық реттеудің біркелкі еместігі жөнінде және халықаралық нормаларды көп деңгейлі имплементациялау туралы қорытынды жасауға мүмкіндік берді. Жүргізілген зерттеудің негізгі нәтижелері — қазіргі олқылықтар мен қайшылықтарды анықтау, оларды жою, сондай-ақ қолда бар құқықтық нормаларды жетілдіру бойынша нақты ұсыныстар тұжырымдау. Авторлар тақырып бойынша жұмыс барысында тұжырымдаған негізгі қорытынды мынадай: қылмыстық сот ісін жүргізу (қылмыстық істер бойынша құқықтық көмек) саласындағы ынтымақтастық мәселелерін реттейтін халықаралық шарттарға ревизияны өзектендіру, оларды жаңарту және Еуразиялық аймақ мемлекеттерінің мемлекетішілік құқықтарына одан әрі имплементациялау.

Кілт сөздер: қылмыстық сот ісін жүргізу саласындағы халықаралық ынтымақтастық, қылмыстық істер бойынша құқықтық көмек, халықаралық құқық, мемлекетішілік құқық, экстрадиция, бірлескен жедел-тергеу тобы, өзара қарым-қатынас қағидаты, Кишинев конвенциясы, Минск конвенциясы, имплементация, құқықтық көмектен бас тарту негіздері, қылмыскерді беруден бас тарту негіздері.

N.V. Sidorova, A.M. Serikbayev

Comparative study of the legal regulation of international cooperation in the field of criminal justice in the Eurasian space

The purpose of this study is a comparative legal analysis of international legal and domestic norms governing international cooperation in criminal proceedings in the Eurasian space, identify gaps and conflicts, formulating proposals for the harmonization and unification of the legal foundations of cooperation. The methodological basis of this work was a systematic approach to comparative analysis, reflecting the state of legal regulation of international cooperation in criminal proceedings at the international and domestic levels, combined with a theoretical and legal study of the identified problems. In a separate direction, the authors extracted the “unique” norms of the criminal procedure codes of the states of the region, substantiating their progressiveness and formulating proposals for their extrapolation into international treaty norms and the domestic law of states. The study led to the conclusion about the heterogeneity of the legal regulation of international cooperation in criminal proceedings and the multi-level implementation of international norms. The main results of the study are the identification of existing gaps and conflicts, the formulation of clear proposals for their elimination, as well as for the improvement of existing legal norms. The main conclusion that the authors formulated in the process of working on the topic is the actualization of the revision of international treaties governing cooperation in the field of criminal proceedings (legal assistance in criminal cases), their innovation and further implementation in the domestic law of the states of the Eurasian region.

Key words: international cooperation in the field of criminal proceedings, legal assistance in criminal cases, international law, domestic law, extradition, joint investigative team, principle of reciprocity, Chisinau Convention, Minsk Convention, implementation, grounds for refusal to legal assistance, grounds for refusal to extradition of a criminal.

References

- 1 Tokaev, K.-Zh.K. (2021). Edinstvo naroda i sistemnye reformy — prochnaia osnova protsvetaniia strany. Poslanie Prezidenta Respubliki narodu Kazakhstana [The unity of the people and systemic reforms are a solid foundation for the prosperity of the country. Message of the President of the Republic to the people of Kazakhstan]. *akorda.kz/ru*. Retrieved from: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-183048> [in Russian].

- 2 Ob utverzhdenii Kontseptsii vneshnei politiki Respubliki Kazakhstan na 2020–2030 gody. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 06 marta 2020 goda N 280 [On approval of the Foreign Policy Concept of the Republic of Kazakhstan for 2020 – 2030. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated March 06, 2020 No. 280]. *adilet.zan.kz*. Retrieved from: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000280/links> [in Russian].
- 3 Abdulloev, P.S. (2014). Mezhdunarodno-pravovaia pomoshch pri sobiranii i proverke dokazatelstv po ugovolnym delam (UPK Respubliki Tadzhikistan) [International and legal assistance in the collection and verification of evidence in criminal cases (CCP of the Republic of Tajikistan)]. *Candidate's thesis*. Moscow [in Russian].
- 4 Volevodz, A.G. (2000). Mezhdunarodnyi rozyisk, arest i konfiskatsiia poluchennykh prestupnym putem denezhnykh sredstv i imushchestva [International search, arrest and confiscation of money and property obtained by criminal means]. Moscow: OOO Izdatelstvo «Yurlitinform» [in Russian].
- 5 Volzhenkina, V.M. (1999). Okazanie pravovoi pomoshchi po ugovolnym delam v sfere mezhdunarodnogo sotrudnichestva: Uchebnoe posobie [Provision of legal assistance in criminal cases in the field of international cooperation]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii yuridicheskii institut Generalnoi prokuratury Rossiiskoi Federatsii [in Russian].
- 6 Davydova, M.V. (2005). K voprosu o poniatii pravovoi pomoshchi po ugovolnym delam [To the question of the concept of legal assistance in criminal cases]. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii — Bulletin of the Russian Law Academy*, 3, 54–56 [in Russian].
- 7 Zimin, V.P., & Zubov, I.N. (1993). Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v oblasti borby s prestupnostiu i okhrany obshchestvennogo poriadka [International cooperation in the field of combating crime and protecting public order]. Moscow: NII MVD [in Russian].
- 8 Radzhabov, F.N (2015). K voprosu o poniatii pravovoi pomoshchi po ugovolnym delam / F.N. Radzhabov [To the question of the concept of legal assistance in criminal cases]. *Vestnik Pedagogicheskogo universiteta — Bulletin of the Pedagogical University* 3 (64), 271–275 [in Russian].
- 9 Batdorz, B. (2014). Poniatie i vidy mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sfere ugovolnogo sudoproizvodstva [The concept and types of international cooperation in the field of criminal justice]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii — Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 8, 111, 112 [in Russian].
- 10 O rabote v sfere mezhdunarodnogo sotrudnichestva [About work in the field of international cooperation]. *gov.kz*. Retrieved from: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/press/news/details/> [in Russian].
- 11 Zajceva, E.A., & Sidorova, N.V. (2019). Reglamentatsiia mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sfere ugovolnogo sudoproizvodstva: mezhdunarodnyi i vnutrigosudarstvennyi aspekty [Regulation of international cooperation in the field of criminal justice: international and domestic aspects]. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii — Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2 (49), 85–94 [in Russian].
- 12 Kishinevskaya konventsia o pravovoi pomoshchi i pravovykh otnosheniiakh po grazhdanskim, semeinym i ugovolnym delam ot 7 oktiabria 2002 goda [Chisinau Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters (October 7, 2002)]. *online.zakon.kz*. Retrieved from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1034672#pos=1;-109 [in Russian].
- 13 Sidorova, N.V. (2022) Sravnitelnyi analiz ugovolno-protsessualnogo zakonodatelstva Respubliki Kazahstan i zarubezhnykh gosudarstv o mezhdunarodnom sotrudnichestve v sfere ugovolnogo sudoproizvodstva [Comparative analysis of the criminal procedure legislation of the Republic of Kazakhstan and foreign countries on international cooperation in the field of criminal justice]. *Obshchestvennaia bezopasnost, zakonnost i pravoporiadok v III tysiacheletii — Public security, law and order in the third millennium*, 8–1, 195–202 [in Russian].
- 14 Modelnyi ugovolno-processualnyi kodeks dlia stran SNG. Priniat na sedmom zasedanii Mezhparlamentskoi Assamblei gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv, Postanovlenie N 7-6 ot 17 fevralia 1996 goda [Model Code of Criminal Procedure for the CIS countries. Adopted at the seventh meeting of the Interparliamentary Assembly of the States Members of the Commonwealth of Independent States (Postanovlenie No. 7-6 dated February 17, 1996)]. *iacis.ru*. Retrieved from: <https://docs.cntd.ru/document/901914840> [in Russian].
- 15 Ugolovno-protsessualnyi kodeks Respubliki Belarus ot 16 iulia 1999 goda N 295–Z [Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus (July 16, 1999 No. 295-Z)]. *online.zakon.kz*. Retrieved from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 [in Russian].
- 16 Minskaia konventsia o pravovoi pomoshchi i pravovykh otnosheniiakh po grazhdanskim, semeinym i ugovolnym delam ot 22 yanvaria 1993 goda [Minsk Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters (January 22, 1993)]. *online.zakon.kz*. Retrieved from: https://adilet.zan.kz/rus/docs/B930005100_ [in Russian].

М.А. Сарсембаев*, Б.С. Каражан

Консалтинговая группа «Болашақ», Астана, Казахстан
(E-mail: daneker@mail.ru; bkarazhan@mail.ru)

Scopus Author ID: 57210853884

Искусственный интеллект как часть цифровизации электротранспортного и сельскохозяйственного машиностроения в казахстанском и международном праве в перспективе

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы показать всемирную и внутригосударственную актуальность в современное время такого феноменального явления, как искусственный интеллект. Он, в известной мере, может заменить человека, отвечая человеческой речью в качестве оператора на заданные ему вопросы; выполнять производственные действия на промышленных, машиностроительных заводах; участвовать в производстве электромобильных, беспилотных автомобилей и сельскохозяйственной техники; водить беспилотные автомашины, трактора, комбайны. Искусственный интеллект уже внедряется в производственные процессы заводов транспортного и сельскохозяйственного машиностроения Республики Казахстан. В перспективе технологии искусственного интеллекта будут использоваться в большом объеме во всех сферах общественной жизни Казахстана, в том числе во всех отраслях машиностроения. Внедрению этих технологий в нашей стране будут содействовать предлагаемые и анализируемые авторами законодательные акты Республики Казахстан. Кроме того, этому же процессу будут способствовать международные и международно-правовые документы (в том числе предлагаемые авторами) по вопросам использования и развития искусственного интеллекта. В настоящей статье раскрыты преимущества искусственного интеллекта, показана его полезность для людей, стран, мирового сообщества и предложены способы ограничения механизмов искусственного интеллекта в случае выхода их из-под контроля человека.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация, электротранспортное машиностроение, сельскохозяйственное машиностроение, казахстанское право, международное право, закон, конвенция, цифровой кодекс.

Введение

Проблемы и вопросы искусственного интеллекта (ИИ) находятся сегодня на повестке дня многих государств. Именно с ним страны связывают успешное развитие своих народов, успешное внедрение в производственные процессы промышленности, отраслей транспортного и сельскохозяйственного машиностроения в целях повышения эффективности, выпуска многочисленных машин высокого качества [1].

В Казахстане нет концептуальных документов (стратегии, концепции) — актов «мягкого» права о развитии искусственного интеллекта. Между тем такой документ для страны, безусловно, необходим. В некоторых государствах такой документ разработан и принят. В частности, в Китае в 2017 г. был принят План развития технологий искусственного интеллекта нового поколения, в 2018 г. Франция приняла Национальную стратегию развития ИИ (искусственного интеллекта), с того же 2018 г. Канада руководствуется Общеканадской стратегией искусственного интеллекта, Дания в 2019 г. приняла Национальную стратегию по искусственному интеллекту; в Российской Федерации Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года принята и утверждена Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Эти примеры могли бы подвигнуть Казахстан к разработке и принятию своего Национального стратегического плана по развитию и использованию искусственного интеллекта до 2040 г. В Республике Казахстан нет законодательных актов о регулировании искусственного интеллекта. В этой связи казахстанский законодатель мог бы принять соответствующие законы, правительственные постановления, технико-юридические регламенты и стандарты. В международном публичном праве есть некоторые акты, но они носят преимущественно рекомендательный характер. Поэтому Республика Казахстан как субъект международного публичного права могла бы проявить инициативу о

* Автор-корреспондент. E-mail: daneker@mail.ru

необходимости разработки и принятия на уровне мирового сообщества и интеграционных объединений универсальной и региональных конвенций, имеющих отношение к искусственному интеллекту.

Методы исследования

В процессе исследования авторы используют общенаучные и специальные правовые методы. Логический метод в статье использован в процессе разработки новых казахстанских законодательных актов и норм новой международной конвенции, имеющих отношение к использованию, развитию искусственного интеллекта в международном праве. Метод взаимодействия внутригосударственного права и международного права позволил взаимно обогатить содержание исследуемых национальных законов и международных правовых источников по вопросам внедрения технологий искусственного интеллекта в производственные операции казахстанских заводов электротранспортного и сельскохозяйственного машиностроения. Сравнительно-правовой анализ актов «мягкого» права ряда развитых государств и Казахстана содействовал совершенствованию казахстанских нормативных правовых актов по вопросам искусственного интеллекта. Метод научного прогнозирования способствовал обоснованию и анализу новых казахстанских законов и новой международной конвенции по использованию преимуществ искусственного интеллекта в машиностроении республики и формулированию норм о соответствующих ограничениях механизмов и устройств искусственного интеллекта.

Результаты

Поскольку искусственный интеллект может быть применим во многих сферах жизни, было бы целесообразно разработать и принять новый казахстанский Закон РК «О цифровом Казахстане», новый казахстанский кодекс — «Цифровой кодекс Республики Казахстан». Цифровой кодекс Республики Казахстан мог бы состоять из нижеследующих разделов. Первым разделом мог бы стать Раздел об определениях основных понятий, терминов по цифровизации. Здесь же можно было бы сформулировать цели и основные задачи Цифрового кодекса республики. Объектом регулирования Второго раздела данного Кодекса могли бы стать общественные отношения в сфере предоставления государственных услуг. Третий раздел Кодекса республики можно было бы посвятить адаптации регулирования фундаментальных цифровых прав казахстанских граждан, гарантий защиты частной жизни физических лиц и конфиденциальности персональных данных этих лиц, акцентируя особое внимание праву человека на равный доступ к телекоммуникационным услугам и инфраструктуре этой специализированной отрасли. Поэтому здесь Кодекс мог бы регламентировать юридические основы деятельности, которые должны быть связаны со сбором, обработкой, а также защитой персональных данных физических лиц, проживающих на территории республики. Особое внимание казахстанский Цифровой кодекс должен будет уделить порядку получения, обработки и управления информационными, цифровизированными данными, которые можно хранить в государственных информационных системах.

В связи с необходимостью урегулирования порядка выпуска и оборота цифровых активов целесообразно посвятить ему развернутый раздел. Положения Закона Республики Казахстан о цифровых активах могли бы войти в состав Цифрового кодекса республики. Совокупность норм по созданию и использованию электронных документов, которые можно удостоверить с помощью электронной цифровой подписи, могла бы войти в Кодекс на правах самостоятельного раздела. Закон Республики Казахстан «О цифровой подписи» можно включить в Цифровой кодекс.

Нормы по услугам связи и информационной, кибернетической безопасности в совокупности могли бы образовать отдельный раздел Кодекса. Порядку функционирования цифровых платформ по вопросам прав граждан при взаимодействии с ними можно посвятить еще один раздел в рассматриваемом Кодексе. Немалый интерес представляют собой «регуляторные песочницы», благодаря которым на первоначальном этапе можно обеспечивать технико-юридическое регулирование разработки и внедрения цифровых технологий до принятия законодательных актов, обеспечивая тем самым убыстренный ход научно-технологического прогресса по вопросам цифровизации многих сфер жизни, в том числе в промышленности, в транспортном и аграрно-техническом машиностроении. Именно поэтому порядок использования «регуляторных песочниц» в целях тестирования продвинутых разработок в сфере информационных, интеллектуальных технологий должен стать предметом детального урегулирования в казахстанском Цифровом кодексе. Данный Кодекс мог бы обеспечивать урегулирование правового режима применения и внедрения цифровых продуктов, решений, технологий на основе искусственного интеллекта, блокчейна, больших данных во все сферы общественной

жизни, экономики, промышленности, машиностроения. В отдельный раздел могли бы войти вопросы порядка сбора, обработки, хранения биометрических данных, использования биометрической идентификации. Немалый интерес вызовет правовая регламентация в Цифровом кодексе республики вопросов функционирования беспилотных машин, а также автономных промышленных и иных роботов, задействованных на машиностроительных заводах.

Обсуждение

Можно продумать вопрос о необходимости разработки и принятия нового казахстанского Закона «Об искусственном интеллекте». Так как искусственный интеллект применим также и в экономике, промышленности, машиностроении и их внедрение может принести огромную экономическую пользу, было бы желательно разработать и принять более практический законодательный акт под примерно следующим названием: «О внедрении искусственного интеллекта в цифровизированную деятельность заводов электротранспортного и сельскохозяйственного машиностроения».

В первом разделе данного закона можно определить цели Закона. В отдельной статье Закона целями развития и использования искусственного интеллекта можно обозначить необходимость обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан, достижения республикой большей конкурентоспособности экономики, обеспечения роста материально-финансового благосостояния населения республики, а также необходимость достижения приличных позиций в мировых рейтингах по освоению странами особенностей искусственного интеллекта.

В очередную статью данного Закона можно включить следующие задачи развития и использования искусственного интеллекта. К первой задаче можно отнести поощрение и оказание содействия в проведении научных исследований по теме ускоренного развития искусственного интеллекта. Вторая задача должна быть направлена на разработку программного обеспечения в целях более творческого использования технологий искусственного интеллекта. Третья задача может быть юридически закреплена в целях обеспечения всестороннего доступа и повышения качества информационных данных, которые необходимы для упреждающего развития технологий искусственного интеллекта. Следующей задачей могла бы стать массовая подготовка высококвалифицированных кадров по грамотному использованию технологий искусственного интеллекта и высокая информированность населения республики о возможностях искусственного интеллекта. Не менее важной задачей является создание системы нормативно-правового регулирования общественных отношений, которые возникают в разнообразных сферах использования технологий искусственного интеллекта.

Анализируемый проект Закона стал бы более содержательным в русле правового регулирования, если в нем сформулировать и закрепить условия для реализации приведенных выше задач по развитию и использованию искусственного интеллекта в промышленности, машиностроении республики. Для этого необходимо записать норму о целесообразности создания благоприятных условий работы и обеспечения высокого уровня вознаграждения для кадров, специализирующихся в сфере искусственного интеллекта. В этой же статье отдельным пунктом можно зафиксировать содержание нормы о необходимости создания организационных и договорных условий в целях привлечения специалистов высокого класса в вопросах искусственного интеллекта из зарубежных государств. Следующим пунктом статьи исследуемого проекта Закона могли бы стать производство казахстанских продуктов на основе использования искусственного интеллекта, поддержка их экспорта в зарубежные страны с последующим продвижением их на мировые рынки. Частные инвестиции могли бы содействовать научным разработкам в сфере искусственного интеллекта. Для этого нужно находить стимулы для привлечения в это дело частных инвестиций. Поэтому юридическая норма о целесообразности стимулирования частных инвесторов могла бы содействовать развитию научных исследований в деле дальнейшего продвижения искусственного интеллекта.

Отдельной статьей Закона по улучшению развития искусственного интеллекта могло бы стать создание организационно-правового механизма обеспечения более динамичного развития искусственного интеллекта. В составе такого механизма могли бы находиться нормы, обеспечивающие быстрый рост предложения таких казахстанских продуктов, создаваемых посредством искусственного интеллекта, которые могли бы стать конкурентоспособными на мировых рынках, а также обеспечить рост спроса на эти продукты со стороны казахстанских граждан, юридических лиц и государственных учреждений. Упомянутый организационно-правовой механизм будет функционировать в более оптимальном режиме, если в него будут включены нормы о показателях, которые характеризуются ростом предложения продуктов, услуг, создаваемых на основе искусственного интеллекта, а

также нормы о необходимости увеличения численности организаций и учреждений, разрабатывающих оригинальные технологические решения с использованием искусственного интеллекта. Анализируемый механизм станет более совершенным, если в него будет встроена норма о необходимости увеличения численности результатов когнитивной (творческой) деятельности в сферах искусственного интеллекта, прошедших строгую государственную регистрацию или зарегистрированных иными способами согласно мировой практике в целях применения их в промышленности, в транспортном, агротехническом машиностроении.

Во втором разделе Закона можно дать определение понятию «искусственный интеллект», под которым можно понимать «совокупность технологических решений, которые могли бы имитировать мыслительные функции человека, самообучаться и творчески искать решения на основе заданных многочисленных алгоритмов и в завершение выдавать соответствующие результаты, которые были бы сопоставимыми хотя бы в известной мере с результатами когнитивной (мыслительной) деятельности человека». Было бы неплохо в разделе привести определение понятия «технологии искусственного интеллекта». Это понятие можно определить как технологии, которые основаны на искусственном интеллекте, вбирающего в себя компьютерное зрение, обработку естественного человеческого языка, распознавание и воспроизводство речи, поддержку принятия логических решений, а также методы искусственного интеллекта. К методам искусственного интеллекта данный раздел закона мог бы отнести методы по созданию новой научно-технической продукции, включая разработку универсального искусственного интеллекта, на основе автоматического машинного обучения, алгоритмов решения задач посредством информационных данных. Определение понятия «набор данных» как совокупности соответствующих данных на основе требований казахстанского законодательства по вопросам информации, информационных технологий, по защите информации в целях разработки программного обеспечения — окажет содействие в уяснении всего закона о внедрении искусственного интеллекта в производство отрасли машиностроения. Раздел закона можно завершить определением понятия «платформа», которое может быть определено в виде информационной системы сбора, соответствующей обработки, опубликования наборов данных.

В следующем разделе или в отдельной статье можно разместить принципы использования внедренных и внедряемых технологий искусственного интеллекта, которые могут быть сформулированы в следующем виде. К первому принципу можно отнести принцип уважения и защиты прав и свобод человека и гражданина Республики Казахстан, которые гарантируются казахстанским законодательством и нормами международного права. В первую очередь, права человека на труд и образование позволят гражданам республики приобретать знания, умения и навыки, которые приведут к адаптации к труду в условиях цифровой экономики с использованием искусственного интеллекта. Следующим принципом мог бы стать принцип обеспечения технологического суверенитета, что позволит отстаивать принятый в целом в мире уровень самостоятельности Республики Казахстан в сфере искусственного интеллекта с помощью соответствующих технологических решений. Третьим принципом можно назвать принцип безопасности, что означало бы недопустимость причинения вреда физическим и юридическим лицам технологиями искусственного интеллекта, профилактику и минимизирование рисков возможного возникновения негативных последствий в результате использования этих технологий. К ряду принципов можно отнести принцип поддержания добросовестной конкуренции: в рамках такой конкуренции в процессе деятельности искусственного интеллекта стало бы пресечение недобросовестных конкурентных действий. Еще одним принципом можно назвать обеспечение целостности инновационного цикла, в рамках которой происходит взаимодействие научных работников с их исследованиями в сфере искусственного интеллекта с цифровизированным сектором машиностроения.

В данном Законе было бы целесообразно определить в отдельном разделе основные направления использования технологий искусственного интеллекта в отраслях казахстанской экономики. Какими должны стать эти направления? Одно из важных направлений могло быть сформулировано в виде нормы о необходимости повышения эффективности производственных процессов. Норма о другом направлении может быть сформулирована в виде необходимости обеспечения автоматизации рутинных производственных операций. Еще одна норма о необходимости использования робототехнических комплексов, систем управления логистикой может определить самостоятельное направление использования искусственного интеллекта [2]. В этом разделе Закона можно закрепить норму о направлении по надлежащему подбору и обучению кадров по вопросам развития и использования искусственного интеллекта.

Азиломарские принципы искусственного интеллекта как международный документ были приняты в 2017 г. на конференции, прошедшей в Калифорнии, США, в городке у тихоокеанского побережья Азиломар. Этот документ по вопросам искусственного интеллекта на международной арене является первым. Но он не является международно-правовым актом, поскольку участниками конференции, принявшими данный документ, были не государства и не международные организации, а физические лица из числа научных исследователей, академиков, специалистов-экспертов из различных отраслей промышленности и машиностроения, бизнесменов, среди которых, в частности, были Илон Маск (миллиардер, США) и Стивен Хокинг (великий физик-теоретик, Кембридж, Великобритания). Они сформулировали 23 принципа искусственного интеллекта [3]. Огромное значение этого документа состоит в том, что он обратил внимание всего человечества на это феноменальное явление, на его преимущества и недостатки. Он является предметом пристального изучения всеми государствами планеты. Данный документ может стать основой нового международно-правового источника — универсальной Международной конвенции примерно под таким названием, как «О сотрудничестве государств в целях использования полезных преимуществ и наложения ограничений в развитии искусственного интеллекта». Мы вернемся к предложенной нами международной конвенции, а пока продолжим исследовательский анализ Азиломарских принципов.

Как предложили участники конференции по Азиломарским принципам, «целью исследований в сфере ИИ должно быть создание не неуправляемого, а полезного интеллекта». Они сочли, что искусственный интеллект полезен уже сейчас и будет более полезен для каждого человека в перспективе. Мысль, заложенная во фразе «создание не неуправляемого интеллекта», означает, что процесс по продвижению искусственного интеллекта не может быть пущен на самотек, что он должен регулироваться людьми и соответствующими специализированными учреждениями. Составители данных принципов резонно полагают, что, финансируя исследования по полезному использованию данного интеллекта, мы должны получить ответы на очень острые вопросы, которые возникли и будут возникать в сферах компьютерных технологий, этики, экономики, права, социологии. Суть этих вопросов состоит в том, что мы должны найти причины сбоев и взломов, чтобы будущие системы искусственного интеллекта стали, безусловно, надежными. Зная о том, что автоматизация производственных процессов в экономике, промышленности, машиностроении обеспечивается искусственным интеллектом, нам нужно продумать возможности увеличения благополучия человечества посредством дополнительного использования потенциала искусственного интеллекта. Участники конференции задались разумным вопросом: «Как мы можем развивать наши правовые системы, чтобы сделать их более справедливыми и эффективными, идущими в ногу с ИИ и учитывающими риски, связанные с ИИ?», «Какими ценностями должен быть связан ИИ, и какой статус он должен иметь с правовой и этической точки зрения?» [4]. И вот здесь, мы, юристы, должны дать четкие ответы на эти поставленные вопросы. Мы должны продумать, как во избежание рисков нормативно обеспечить рациональные ограничения на пути развития искусственного интеллекта. В этом же документе говорится о том, что «должно быть установлено конструктивное и полезное взаимодействие между исследователями в сфере ИИ и теми, кто принимает решения о регулировании ИИ». Говоря другими словами, исследователи, в том числе ученые юристы, проводя конструктивные исследования, должны во избежание рисков взаимодействовать с политиками, руководителями тех государственных органов, которые заняты практическими вопросами внедрения искусственного интеллекта во все сферы, в том числе в промышленности, машиностроении.

«Команды, разрабатывающие системы ИИ, — говорится в Азиломарских принципах, — должны активно сотрудничать между собой и не пытаться победить за счет игнорирования стандартов безопасности». Это значит, что юристы, законодатели в каждой стране, в том числе в Казахстане, должны своевременно принять надлежащие законодательные и иные нормативные акты, направленные на предотвращение рисков, на обеспечение безопасности в процессе использования искусственного интеллекта. Авторы данного документа озабочены необходимостью обеспечения прозрачности правосудия: «Любое участие автономной системы в процессе принятия судебных решений должно сопровождаться предоставлением убедительных объяснений, которые могут быть перепроверены людьми из компетентных органов власти». Задействованные в системе искусственного интеллекта, наши судьи должны быть готовы к перепроверке содержания технико-интеллектуализированных судебных решений. В Азиломарских принципах установлена ответственность разработчиков «продвинутых систем ИИ» при их «неправильном использовании ИИ и действий ИИ», при наступлении негативных последствий. Это означает, что юристы (теоретики и прак-

тики) должны разработать нормы ответственности за такие последствия в своем национальном законодательстве. Так, в Казахстане юристы могли бы основательно продумать вопросы ответственности в административном, уголовном законодательстве за наступление подобного рода вредных последствий при использовании искусственного интеллекта в разных сферах жизни, в том числе в промышленности, машиностроении.

Следует согласиться с положением данного документа о том, что изобретенный в будущем суперинтеллект «должен разрабатываться только для служения широко разделяемым этическим идеалам и на благо всего человечества, а не одного государства или организации», и не отдельных людей или отдельного человека, занимающего высокий руководящий пост, или богача, выкупившего конкретную технологию суперинтеллекта, — добавим мы. Такая опасность может иметь место при возможном самоусовершенствовании искусственного интеллекта в условиях гонки вооружений. И вот здесь человек должен держать руку на пульсе той пограничной черты процесса самоусовершенствования искусственного интеллекта, которую он может контролировать.

В проекте Рекомендаций об этических аспектах искусственного интеллекта, разрабатываемого государствами — членами ЮНЕСКО в последние годы (2020–2021), в «Руководящих принципах 2021 г. по этике для надёжного искусственного интеллекта» Европейского союза, в Монреальской декларации об ответственном развитии искусственного интеллекта 2017 г., в «Принципах искусственного интеллекта ОЭСР» 2019 г., составленных 50-ю экспертами из среды властных структур, академических кругов, бизнес-сообщества, профсоюзов, IT-компаний, содержатся положения, которые в той или иной мере перекликаются с положениями Азиломарских принципов искусственного интеллекта, а также положения о том, что применение искусственного интеллекта принесет мировому сообществу существенные выгоды.

Определенный интерес представляет предложенная Россией в 2018 г. Модельная конвенция робототехники и искусственного интеллекта. В целом, неплохой проект, но нам кажется, что было бы целесообразнее разделить эту конвенцию на две: Конвенцию по вопросам робототехники и Конвенцию по проблемам искусственного интеллекта. Обратим особое внимание на вопросы искусственного интеллекта, поскольку эта тема имеет прямое отношение к теме нашей статьи. Здесь следует отметить, что данный документ большое внимание уделяет робототехнике, в то время как искусственному интеллекту посвящены всего 2 раздела: «Правила разработки искусственного интеллекта» и «Развитие правил робототехники и искусственного интеллекта». Эти разделы носят более частно-правовой, нежели публично-правовой характер.

Итак, возвратимся к предложенному нами международной универсальной конвенции «О сотрудничестве государств в целях использования полезных преимуществ и наложения ограничений в развитии искусственного интеллекта». В Преамбуле необходимо говорить именно о сотрудничестве в сфере искусственного интеллекта, поскольку недобросовестная конкуренция в вопросах развития искусственного интеллекта может вызвать негативные последствия. В последующих статьях конвенции можно прописать необходимость в рамках межгосударственного сотрудничества объединить усилия государств в деле предоставления инвестиций с тем, чтобы содействовать проведению исследований по ускорению вложения инноваций в области искусственного интеллекта. Таким международно-правовым документом можно способствовать обеспечению доступности к цифровой инфраструктуре, к технологиям искусственного интеллекта, созданию международно-правового механизма по взаимному обмену цифровизированными данными и знаниями в этой сфере. Еще одну статью Конвенции можно посвятить необходимости поощрения многостороннего сотрудничества во всех отраслях экономики каждого государства по вопросам взаимного обмена научной информацией и разработки технико-юридических регламентов и стандартов.

В отдельном разделе Конвенции необходимо разместить нормы о категорическом запрете внедрения и использования технологий искусственного интеллекта во все без исключения сферы гонки любых видов вооружений. В этой связи необходимо в этом же разделе сформулировать нормы об ответственности государств, международных организаций, юридических и физических лиц, нарушающих подобный запрет.

Если та или иная технология искусственного интеллекта нанесет вред людям, то государства объединенными усилиями должны найти причину, которая повлекла такой вред, и посредством ученых и специалистов устранить эту причину [5]. Особое внимание государства специализированные учреждения должны обращать на энергопитание промышленных и иных роботов, других устройств искусственного интеллекта, которое может быть отключено в случае выхода таких устройств из-под

контроля человека. Государства могут договориться о вводе в механизм робота противодействующей программы, которая будет автоматически выключать робот в случае выхода им за пределы границ, установленных в нем программным обеспечением; при этом коды всех программ должны находиться у конструкторов, инженеров, ответственных лиц государственных органов, которые ни в коем случае не должны хранить их в интернет-пространстве. Государства должны обеспечивать надлежащее сотрудничество создаваемых ими специализированных учреждений, которые будут специально заниматься обеспечением безопасности людей при использовании механизмов, устройств, промышленных и иных роботов и взаимно делиться опытом совершенствования такой безопасности.

Известно, что наибольших успехов по технологиям искусственного интеллекта добились США, Китай, Великобритания, Германия, Израиль, Индия, Испания, Франция, Швеция. Поэтому Министерство иностранных дел вместе с Министерством цифрового развития и Министерством индустрии и инфраструктурного развития Республики Казахстан могло бы провести работу с руководством всех стран и добиться разработки и подписания с каждым из них двусторонних договоров и соглашений о сотрудничестве и трансфере технологий искусственного интеллекта в экономические, машиностроительные отрасли республики.

К крупным компаниям в мире, успешно занимающимся проблемами искусственного интеллекта, можно отнести компании «Alphabet–Google» (США), «Apple» (США), «Baidu» (КНР), «Facebook» (США), «IBM» (США), «JD.com» (КНР). Казахстанские IT-компании («EPAM Kazakhstan», «Business & Technology Services», «Qazinfotech Systems», «Prime Source», «One Technologies», «Alabs.Team», «MSSP.GL», «1C-Рейтинг», «Первый бит», «Sergek Development») [6], казахстанские заводы электро-транспортного и сельскохозяйственного машиностроения («СарыаркаАвтоПром», «СемАЗ», «АгромашХолдингKZ», «Казахстанская агроинновационная корпорация», например) могли бы в рамках международного частного права заключать двусторонние контракты об интеллектуально-техническом сотрудничестве с приведенными зарубежными IT-компаниями напрямую.

Для подготовки кадров по искусственному интеллекту в Казахстане нужно в технических, технологических университетах открывать новую специальность «Искусственный интеллект», на юридических, экономических факультетах университетов вводить спецкурс «Правовое регулирование искусственного интеллекта», в старших классах средних школ республики необходимо преподавать учебный предмет «Основы искусственного интеллекта» [7].

Выводы

Исходя из имеющегося опыта искусственного интеллекта в Казахстане, а также на основе изучения большого зарубежного и международного опыта внедрения технологий искусственного интеллекта, авторы внесли предложения по необходимости разработки и принятия новых казахстанских законов о цифровом Казахстане, цифровом кодексе, законов об искусственном интеллекте, о внедрении искусственного интеллекта в цифровизированную деятельность заводов электротранспортного и сельскохозяйственного машиностроения республики. Существенная часть статьи посвящена обоснованию и анализу содержания предложенных перспективных казахстанских законодательных актов. Авторами была обоснована необходимость разработки и принятия новой международной универсальной конвенции о сотрудничестве государств в целях использования полезных преимуществ и наложения ограничений в развитии искусственного интеллекта. Авторы не только обосновали, но и провели анализ этого предложенного ими нового международно-правового акта, направленного на решение актуальных проблем искусственного интеллекта в разных сферах, в том числе в экономике, промышленности, машиностроении страны. Такой подход позволит выйти мировому сообществу, в том числе Казахстану, на новый уровень использования преимуществ искусственного интеллекта. Двустороннее международно-договорное сотрудничество Казахстана также внесет вклад в дело ускоренного развития искусственного интеллекта в республике. За искусственным интеллектом — большое будущее.

Данное исследование осуществлено при финансовой поддержке Комитета по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН № AP09261449).

Список литературы

- 1 Дэвенпорт Т. Внедрение искусственного интеллекта в бизнес-практику. Преимущества и сложности. Пер. с англ. — М.: Альпина Паблицер, 2021. — 320 с.; Шева Г. Инновационный менеджмент цифровой экономики / Г. Шева, С. Хюзиг, Г.И. Гумерова, Э.Ш. Шаймиева. — М.: КНОРУС, 2023. — 308 с.; Мусиенко Ю. Тренды искусственного интеллекта (ИИ) в 2023 году. 11 января 2023 г. / Ю. Мусиенко. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://merehead.com/ru/blog/ai-trends-2023/>. (Дата обращения 26.03.2023); Dehn, Simon & Jacobs. On identifying possible artificial intelligence applications in requirements engineering processes / Simon & Jacobs Dehn, Georg & Zerwas, Thilo & Berroth, Joerg & Hötter, Matthis & Korten, Matthias & Müller, Marvin & Gossen, Nico & Striegel, Serena & Fleischer, Dirk. Forschung im Ingenieurwesen. — 2023. — 1-10. DOI: 10.1007/s10010-023-00657-8.
- 2 Qin, Hongwei & Shiliang et al. Review of Autonomous Path Planning Algorithms for Mobile Robots. Drones. — 2023. — 7. — 211. 10.3390/drones7030211.
- 3 Азиломарские принципы искусственного интеллекта. 13.09.2017 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://robotrends.ru/pub/1737/azilomarskie-principiy-iskusstvennogo-intellekta>. (Дата обращения: 27.03.2023).
- 4 Uunona, Gabriel, Goosen Leila. Leveraging Ethical Standards in Artificial Intelligence Technologies. Pretoria, Gauteng: University of South Africa. — 2023. — P. 310-311. DOI: 10.4018/978-1-6684-7164-7.ch014.
- 5 Landgrebe, Jobst, Smith, Barry. Why Machines will Never Rule the World: Artificial Intelligence without Fear. — 2022. — New York: Routledge. — 54 p.
- 6 Машаев А. Год перезагрузки. Каким стал 2022 год для казахстанских разработчиков программного обеспечения / А. Машаев, Т. Бабаев // Курсив. — 2023. — № 9 (977). — С. 1, 6, 7.
- 7 Daochen Zha et al. Data-centric Artificial Intelligence: A Survey. — 2023. — 1. — 38 p.; Romero, Margarida & Heiser et al. Enseigner et apprendre à l'ère de l'intelligence artificielle. Acculturation, intégration et usages créatifs de l'IA en éducation. — 2023. — 98 p.; Koivisto, Matti. Tutoring Postgraduate Students with an AI-Based Chatbot / Matti Koivisto // International Journal of Advanced Corporate Learning (iJAC). — 2023. — Vol. 16. — No. 1. — P. 41-54. DOI: 10.3991/ijac.v16i1.35437.

М.А. Сәрсембаев, Б.С. Қаражан

Жасанды интеллект электр көлігі мен ауыл шаруашылық техникасын цифрландырудың бөлігі ретінде келешекте қазақстандық және халықаралық құқықта

Мақаланың мақсаты — қазіргі уақытта жасанды интеллект сияқты феноменальды құбылыстың дүниежүзілік және мемлекетішілік өзектілігін көрсету. Ол белгілі бір дәрежеде адамды алмастырады, өзіне қойылған сұрақтарға оператор ретінде адам сөзімен жауап береді, өнеркәсіптік, машина жасау зауыттарында өндірістік әрекеттерді орындайды, электромобильдер, пилотсыз автомобильдер мен ауылшаруашылық техникаларын өндіруге қатысады, пилотсыз автомобильдерді, тракторларды, комбайндарды жүргізе алады. Жасанды интеллект Қазақстан Республикасының көлік және ауыл шаруашылығы машина жасау зауыттарының өндірістік процестеріне енгізілуде. Келешекте жасанды интеллект технологиялары Қазақстанның қоғамдық өмірінің барлық салаларында, оның ішінде машина жасаудың барлық салаларында үлкен көлемде пайдаланылатын болады. Бұл технологияларды біздің елімізде енгізуге авторлар ұсынған және талдаған Қазақстан Республикасының заңнамалық актілері жәрдемдесетін болады. Бұдан басқа жасанды интеллектті пайдалану және дамыту мәселелері бойынша халықаралық және халықаралық-құқықтық құжаттар (оның ішінде авторлар ұсынған) осы процеске ықпал ететін болады. Мақалада жасанды интеллекттің артықшылықтары ашылған, оның адамдар, елдер, әлемдік қауымдастық үшін пайдалылығы көрсетілген және жасанды интеллект тетіктері адам бақылауынан шыққан жағдайда оларды шектеу тәсілдері ұсынылған.

Кілт сөздер: жасанды интеллект, цифрландыру, электртранспорттық машина жасау, ауыл шаруашылығы машина жасау, қазақстандық құқық, халықаралық құқық, заң, конвенция, цифрлық кодекс.

M.A. Sarsembayev, B.S. Karazhan

Artificial intelligence as part of digitalization of electric transport and agricultural engineering in the Kazakhstan and international law in the future

The purpose of the proposed study is to show the worldwide and domestic relevance of such a phenomenal fact as artificial intelligence at the present time. To a certain extent, it can replace a person by responding with human speech as an operator to questions asked to him, perform production actions at industrial, machine-building plants, participate in the production of electric vehicles, unmanned vehicles and agricultural machinery, drive unmanned vehicles, tractors, combines. Artificial intelligence is already being introduced

into the production processes of transport and agricultural machinery plants of the Republic of Kazakhstan. In the future, artificial intelligence technologies will be used to a large extent in all spheres of public life in Kazakhstan, including in all branches of mechanical engineering. The introduction of these technologies in our country will be facilitated by the legislative acts of the Republic of Kazakhstan proposed and analyzed by the authors. In addition, the same process will be facilitated by international and international legal documents (including those proposed by the authors) on the use and development of artificial intelligence. This scientific article reveals the advantages of artificial intelligence, shows its usefulness for people, countries, and the world community, and suggests ways to limit the mechanisms of artificial intelligence in case they get out of human control.

Keywords: artificial intelligence, digitalization, electric transport engineering, agricultural engineering, Kazakh law, international law, law, convention, digital code.

References

- 1 Devenport, T. (2021). Vnedrenie iskusstvennogo intellekta v biznes-praktiku. Preimushchestva i slozhnosti [Implementation of artificial intelligence in business practice. Benefits and Difficulties]. Moscow: Alpina Publisher [in Russian]; Sheve, G., Khyuzig, S., Gumerova, G.I., & Shaymiyeva, E.Sh. (2023). Innovatsionnyi menedzhment tsifrovoy ekonomiki [Innovative management of the digital economy]. Moscow: KNORUS [in Russian]; Musiyenko, Yu. (2023). Trendy iskusstvennogo intellekta (II) v 2023 godu [Trends in artificial intelligence (AI) in 2023]. Retrieved from <https://merehead.com/ru/blog/ai-trends-2023> [in Russian]; Dehn, Simon & Jacobs, Georg & Zerwas, Thilo & Berroth, Joerg & Hötter, Matthias & Korten, Matthias & Müller, Marvin & Gossen, Nico & Striegel, Serena & Fleischer, Dirk. (2023). On identifying possible artificial intelligence applications in requirements engineering processes. *Forschung im Ingenieurwesen*. 1-10. DOI: 10.1007/s10010-023-00657-8.
- 2 Qin, Hongwei & Shiliang, Shao & Wang, Ting & Yu, Xiaotian & Jiang, Yi & Cao, Zonghan. (2023). Review of Autonomous Path Planning Algorithms for Mobile Robots. *Drones*. 7, 211. 10.3390/drones7030211.
- 3 Azilomarskie printsipy iskusstvennogo intellekta [Azilomar principles of artificial intelligence]. 13.09.2017 goda. robotrends.ru. Retrieved from <https://robotrends.ru/pub/1737/azilomarskie-principy-iskusstvennogo-intellekta> [in Russian].
- 4 Uunona, Gabriel & Goosen, Leila. (2023). Leveraging Ethical Standards in Artificial Intelligence Technologies. Pretoria, Gauteng: University of South Africa. P. 310-311. DOI: 10.4018/978-1-6684-7164-7.ch014.
- 5 Landgrebe, Jobst & Smith, Barry. (2022). Why Machines will Never Rule the World: Artificial Intelligence without Fear. New York: Routledge. 54 p.
- 6 Mashayev, A., & Babayev, T. (2023). God perezagruzki. Kakim stal 2022 god dlia kazakhstanskikh razrabotchikov programmnogo obespecheniia [Year of reboot. What was the year 2022 for Kazakhstani software developers]. *Kursiv*, 9 (977), 1, 6, 7 [in Russian].
- 7 Daochen Zha, Zaid Pervaiz Bhat, Kwei-Herng Lai, Fan Yang, Zhimeng Jiang, Shaochen Zhong, and Xia Hu. (2023). Data-centric Artificial Intelligence: A Survey. 1, 38 p.; Romero, Margarida & Heiser, Laurent & Lepage, Alexandre & Gagnebien, Anne & Bonjour, et al. (2023). Enseigner et apprendre à l'ère de l'intelligence artificielle. Acculturation, intégration et usages créatifs de l'IA en éducation. 98 p. Koivisto, Matti. (2023). Tutoring Postgraduate Students with an AI-Based Chatbot. *International Journal of Advanced Corporate Learning (iJAC)*, 16(1), 41-54. DOI: 10.3991/ijac.v16i1.35437.

O.N. Ramashov^{1*}, K.S. Mussin²¹ M. Auezov South-Kazakhstan University, Kazakhstan;² Karaganda University of the name of academician Ye. A. Buketov, Kazakhstan
(E-mail: r.oljas@mail.ru, mkuat80@mail.ru)

Legal means of fight against corruption in the civil service system

In the article, the authors study the legal means of fight against corruption in the context of modern requirements, including all components that directly or indirectly affect the reduction of its level: anti-corruption policy is reflected as a consistent and systematic activity of the state and civil society institutions aimed at the development and sustainable implementation of comprehensive measures to prevent, limit and eliminate this negative phenomenon. Reducing the manifestations, causes and conditions that cause corruption; the creation of law is considered as the final stage of legal formation, during which the main goal is to analyze and evaluate the existing legal reality, views and concepts about the future of Legal Regulation, the formation of the legal foundations of anti-corruption policy. Implementation of law as a targeted activity of subjects of anti-corruption legal relations to implement the norms of anti-corruption legislation; legal incentives as a means of influencing corruption manifestations; the conceptual apparatus of legal restrictions, which perform the function of deterrence when influencing corruption relations, has been clarified. It is proposed to define the definitions of “corruption”, “anti-corruption policy”, “legal instruments”. Considering the nature, dual nature of corruption, the direction of systematization of the types and forms of its manifestation is determined. In the fight against corruption, the formulation of the purpose and content of its basic principles and legal means of fight against corruption was considered, allowing to determine specific areas of activity of the state and society.

Keywords: corruption, sovereignty, politics, law-making, system of power, legal instruments, public service, legislation, official, legal system, offense, legal regulation, legal mechanism.

Introduction

The relevance of our research topic is to consider various ways and effective ways to achieve effectiveness in the fight against corruption, which has changed with the development of our time, has become more complex over time, has become a great social tragedy and is of great concern to any of the countries in the world that are different from each other in terms of political development. Of course, the fight against corruption is reflected today as one of the branches of the logic of our state. Therefore, the relevance of our topic is very high. It is clear to all of us that corruption is usually a blow to the economic and social development of any country in a strong and harmful way. Corruption is a serious challenge for any state and society. In the new era, its characteristic feature acquired a universal character: it existed everywhere, regardless of the level of socio-economic development of states, entered all spheres of life, and acquired a transnational form. The fact that corruption as an antisocial phenomenon has a devastating effect on all legal institutions is beyond doubt, as a result of which the established norms of law are replaced by rules established by the personal interests of those who can influence representatives of state power and are ready to pay for it. The world has changed, and so has the scale of corruption. Globalization and the formation of the world economy allowed corruption to rise to the international level and become one of the most massive and dangerous phenomena of our time. In our study, legal tools for improving efficiency in fight against this corruption, especially in the direction of the public service system, are considered. Currently, corruption is one of the biggest problems around the world. If we look at this history, it is easy to see the following pattern, we can see that there was no corruption when the state was in close contact with the people, that is, when the voice of the people was heard by the people at the request of the people. The question “Why” arises here...

The first reason can be attributed to the fact that the authorities are not elected and do not report to the people, which leads to the emergence and flourishing of corruption.

Secondly, the presence of a market for corruption services.

Thirdly, the inefficiency of the institutions of legislative, executive and judicial power.

* Corresponding author's e-mail: r.oljas@mail.ru

Fourthly, lack of social control or necessary social control in making inappropriate power-management decisions.

Fifthly, the influence of the moral and psychological atmosphere in society.

An etymological approach to the meaning of the concept of “corruption” makes it possible to identify this as “buy for a bribe”, “bribe”, taking the Latin word “corruptio”. In Roman law, there was also the concept of “corrumpere”, which in general terms meant “to break, to spoil, to break, to damage, to fake, to buy for a bribe” and meant an illegal action. The Explanatory Dictionary of the Russian language describes corruption as bribery, betrayal of officials, political figures.

The main thing in development of the state is treasure of ancestor’s sayings “tura bide turanzhok, turandy bide imanzhok” [1, 20]. We know well from history that the life of the figures of the century Tole bi, Kazybek bi, Aiteke bi and many other outstanding bi and speakers is evidenced by their dedication to justice and directness.

It is no secret that the state apparatus is more susceptible to corruption, it is known that corruption is reflected, first of all, in the field of Public Service. “Official” and “corruption” — we cannot deny that such a comparison has steadily existed in society in relation to the activities of the state apparatus throughout the historical period [2; 75].

As the experience of the ongoing state and legal reforms, as well as the experience of the Anti-Corruption Law Enforcement Service shows, the status of the activities of corruption bodies of state power and their officials in the civil service system is not defined in detail. Various studies show that corruption covers areas where civil servants exercise organizational, executive, supervisory, jurisdictional, and permitting powers.

Each person, who wants to develop civilization, respects the environment, is interested in bringing order within the state to a certain system, ensuring security within the country. Thus, the main purpose of our article is to increase the effectiveness of actions, ensuring the implementation of the steps taken at the national referendum last June to restore the principle of decency and restraint in state power, clarifying the legal means of conducting a comprehensive and systematic struggle aimed at eliminating the negative phenomenon of corruption. In achieving this goal, we need to implement the following tasks:

- Improvement of the fight against corruption in the country and consideration of legal aspects of anti-corruption activities;
- Analysis of the historical experience of the use of legal tools in the fight against corruption in the periods of political, social, economic relations of our state;
- Consider the presentation and implementation of anti-corruption restrictions in the current legislation of the country as a means of preventing and suppressing corruption.

Corruption is a socially urgent problem that no country in the world has managed to overcome today. “Where there is no truth, there is a lot of horror”, corruption is the beginning of this horror. Corruption is, in our opinion, socially dangerous, useless criminal acts committed by officials who are activated in public administration in order to use the service entrusted to them for the benefit and benefit of their own. When asked why this is so, we cannot hide the fact that we have witnessed in the study the growth of corruption in the statistical proportion of our country through events in the sphere of direct power and in the field of Public Service.

Theoretical basis and methods

The basis of the methodology of the research direction in our article is the descriptive method, which consists in describing the object of study, the historical method in which the object is studied in the process of its formation and development, the formal and other method of analysis necessary for the study of norms and regulated relations with them, the comparative legal method and the system of general history.

In addition, general philosophical, cognitive-informational, substantive-reference, historical-legal, comparative-legal, and productive methods were used. The theoretical basis of the study is S.L. Fuchs in considering the problem of this type of offense, which is reflected as a negative phenomenon of society, the most dangerous and indispensable solution not only of our state, but also of the world level. In The History of Science A.N. Agybaev, A.S. Kalmurzaev, as well as foreign scientists from the near and far abroad, S.N. Akopova, A.A. Aslakhonov, A.Ya. Asnis, A.E. Binetsky, O.N. Vedernikova, T.V. Beken, R. Blackvela, D. Veili, E. Vyatra, along with the works of other scientists, formed the theoretical basis of our article by several corruption-oriented programs and legislation adopted by the country.

Results

Corruption is a complex social negative phenomenon with various manifestations. A characteristic feature of corruption can be considered a disagreement between the actions of an official and the interests of his employer, or a conflict between the actions of the elected person and the interests of society. The first serious scientific research on corruption in the world appeared only in the 70-80s of the twentieth century. For example, political corruption, which was recognized as one of the first scientific studies: A Handbook. — New Brunswick (USA, 1989), who formulated the concept that “it is necessary to be considered as a social multilateral phenomenon that has gained international significance”. Also the scientist concludes “corruption is considered an important problem of the national security of any state” [3]. The report presented by the European Commission on the results of the corruption analysis in 2014 gave a very detailed overview of the level of corruption in all 28 member countries of the European Union, as well as noted the facts about the damage caused by them (corruption costs the economy of the European Union 120 billion euros per year) [4; 3].

Corruption acts committed by officials using the position:

- violation of the rule of law;
- destruction of the fundamental values of a developed society;
- complication of the direct dialogue between the authorities and the public;
- causes of the emergence of popular protests.

As a result, the sovereignty of the state is threatened. The public service system should provide effective anti-corruption mechanisms. The economy and the standard of living of people directly depend on the result of the work of these mechanisms. There is no specific reason that is the basis of corruption among officials. This problem is of a social nature and depends on the actions of the legal sphere. Also, countries with a high level of corruption are distinguished by the gradual displacement of legal and ethical relations between people. As practice shows, the same power structure has both the powers of legislative norms and control functions. The simultaneous transfer of several functions to state bodies is a direct prerequisite for corruption. The second prerequisite is the willingness of citizens or administrative services to pay for the effective interpretation of the legislative norm or for ignoring offenses.

The following relationships can be called schemes or types of corruption offenses that occur in the field of Public Service:

- corruption in the distribution of budget funds.
- Fraud in public procurement. This means holding tenders that are not open for the purchase, development or construction of objects of State importance. In most cases, civil servants do not allow honest and competitive companies to participate in tenders. Instead, all grants are distributed among the firms that sponsored the dishonest selection of officials;
- Illegal privatization of enterprises.
- Use of official powers in the field of natural resource control.
- Taking of loans with a low percentage, and then find their order and not return them.
- Support of the shadow economy. It can be clearly seen that the main corrupt officials in this area are civil servants. Fraudulent schemes and bribes apply to both politicians and lower-level officials, only the amount of profit received varies, that is, in one very high and in the next it is lower.

Based on the content of the country's legislation, there is no doubt that the most important direction in the fight against corruption is legal instruments in the policy of our state. Fight against corruption in the civil service system as a whole is the basis of the anti-corruption mechanism and serves to implement the principle of transparency and transparency in the activities of state bodies, as well as the most important tool in the fight against this nuisance, we attribute these legal tools. The purpose of the legal means of fight against corruption is the creation of a legal and effective state, that is, the formation of institutions that allow the effective functioning of the social mechanisms of the state, the implementation of social transformations, increasing the efficiency of the national economy, respect for its state institutions, the formation of the image of the country in the international arena. In any case, the purpose of legal means of fight against corruption is to fully ensure the rights and freedoms of human being and citizen, to strengthen law and order, to form a rule of law and a high level of legal culture of society and the individual. In general, anti-corruption legislation in the field of Public Service is aimed at strengthening the restrictive regime for state structures, tightening responsibility for corruption crimes, expanding the prevention of corruption offenses.

Discussion

On the issue we are considering in our study, improving the legal means of fight against corruption in the civil service system and their application in practice is of great importance not only for our state, but also for the world, because the fight against evil created among these literate people is one of the most unresolved problems for all states living in society. Perhaps that is why the states are organizing relations of mutual exchange of experience in the fight against corruption in various forms and achieve results, which can be seen from the research and opinions of our legal scientists. In our country, the decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated February 2, 2022 No. 802 “On amendments and additions to the concept of the anti-corruption policy of the Republic of Kazakhstan for 2022-2026 and some decrees of the President of the Republic of Kazakhstan” approved the most important directions of anti-corruption policy. In the fight against corruption in the civil service sectors, it is planned to implement a number of legal instruments through compliance with the Code of ethics of Kazakhstan, the selection of civil servants, rotation, professionalization and professional development, legalization of measures such as fines [5]. However, Kazakhstani lawyers do not call these “legal instruments” — measures to combat corruption.

And among Russian lawyers, the so-called legal means of fight against corruption have been introduced. It cannot be said that there is a significant distinction between measures to combat corruption in general and legal instruments.

The purpose of legal means of fight against corruption is a joint institution of a legal and effective state, as well as the need for the effective functioning of social mechanisms of the state, the implementation of social transformations, improving the efficiency of the national economy [6;7, 8]. In any case, the purpose of legal means of fight against corruption is to fully ensure the rights and freedoms of man and citizen, to strengthen law and order, to form a high level of legal culture of the rule of law and society and the individual. Thus, legal means of fight against corruption should include, first of all, regulatory legal acts regulating ways of countering corruption relations and legal technologies combined with effective legal means, legal techniques, interpretation of rights and forms of implementation of law that contribute to reducing corruption factors — the action and the reasons that cause it are considered. Human activity is impossible without setting goals and the appropriate means to achieve them. Explanatory dictionaries define tools as methods, ways of acting, or means of performing some action to achieve something [7; 568]. The category of legal means is closely related to the concept of the mechanism of Legal Regulation, considering that legal regulation is possible at the expense of certain forms and prohibitions, legal capacity and rights and obligations, etc. That is, S.S. Alekseev defined as “a system of legal instruments adopted in unity, with the help of which it ensures the creation of an effective legal influence on public relations” [8; 320]. Among the legal means of fight against corruption, lawmaking occupies a special place.

The process of legislating or creating law is an important component of legislative policy, which is important for further improving and increasing the role of law. Legislative issues have become the subject of vital interest of lawyers, politicians and public figures of all countries. A certain experience has been accumulated on the legal regulation of corruption relations, but there are still many difficulties and contradictions.

A necessary condition for optimizing legislative policy, and therefore law-making, is their scientific justification. The need for scientific support and justification of legislative policy and the entire process of law-making is associated with the complication of public relations subject to their legal regulation, as well as with the growth and expansion of democratic principles of creating and improving legislation. Thus, legislative policy should be understood as scientifically substantiated, planned and systematic activities of law-making entities, consisting in the creation of new normative acts, as well as the elimination and modification of existing normative acts in order to effectively legal regulation of the most important areas of Public Relations. Since corruption occurs due to various circumstances, it is very important to use a systematic approach to combat this phenomenon [9; 27].

The legal scientist proposes that “in the process of preventing corruption, two processes should be distinguished, which are closely related to each other”.

The first is stimulation, the second is restriction. First of all, let's look at the essence of incentives, since incentive measures for conscientious work of officials are still not used enough. In dictionaries and scientific literature, the most common definition of a stimulus is to give an incentive to act, interpreted as a stimulating cause. However, such an explanation is not enough to reveal the nature of legal incentives for corruption relations. A legal incentive is a legal incentive for a law-abiding act that creates a suitable subject to satisfy

his interests. Since corruption is a diverse, multidimensional and multifaceted activity, legal incentives as a means of influencing corruption should be considered as a process of legal incentives that elevates it to the rank of state policy. It is this process that can become one of the legal instruments that largely determines the effectiveness of the fight against corruption.

Along with legal incentives, anti-corruption restrictions are significant tools for preventing and suppressing corruption.

Anti-corruption restrictions are legal deterrents of corruption actions that create conditions for protecting the interests of a person and citizen, society and protecting against corruption manifestations. These entities must act in the service used when entering state, local and other services, with the exception of certain features, the purpose of which is the need to limit the possibility of using official status to illegally obtain personal benefits. In this regard, legal incentives in the field of Public Administration should be aimed at preventing and eliminating corruption, and not at restoring corruption and transferring legal incentives to the field of corruption. For the formation of an honest, full-fledged and disciplined public administration apparatus, the necessary legal incentive tools for influencing corruption relations are:

1) compliance with the principle of selection and promotion of personnel on the basis of an objective assessment of their professional suitability.

2) stability of legal norms governing relations related to the promotion of a civil servant in the service, material and moral awards based on the results of his performance of official duties (these elements of the civil service allow employees to plan their career, actively participate in improving their skills, as well as in the formation of a positive picture for themselves and for the civil service as a whole).

3) provision of civil servants with remuneration and a complex of social benefits that sufficiently stimulate conscientious work and guarantee their fitness for work, high prestige of their social status after retirement.

To dwell in more detail, interesting experience has been accumulated in foreign countries, where one of the main methods of creating a civil service is the classification of positions with specific standards regarding the scope of duties of officials of each category and the qualification requirements for them. According to the "labor principle", which is based on the ideology of Western civil service, the prerequisite for holding administrative positions, with the exception of those classified as "political", is to pass the appropriate exams and pass the competition. During the competition, the results of the annual certification of civil servants are important. Thus, periodic assessments, exams and competitions are an integral part of the career of Western officials.

Conclusion

The nature of corruption, its roots are inextricably linked with the mechanism for the implementation of power, where corruption, being a direct carrier of power, uses it as a means of achieving a privileged social position associated with the acquisition of significant material benefits.

According to the above and considered grounds, the following conclusions can be drawn:

1. In the course of the study, the possibility of effective counteraction to this evil by corruption, episodic and individual measures is becoming more and more obvious. It should be remembered that corruption is a complex, complex social and legal problem that requires an adequate approach, that is, an integrated approach that combines various measures and tools. Targeted efforts on the part of the state and civil society are needed, an appropriate anti-corruption policy is needed.

2. Anti-corruption policy is a scientifically based, consistent and systematic activity of state and civil society institutions related to the prevention and reduction of the negative impact of corruption, as well as the elimination of the causes and conditions that contribute to its occurrence.

3. The Anti-Corruption Policy in its totality is based on the principles, ideas (initial provisions) that form the basis of which allows you to build an ideal structure for fight against corruption. They determine specific areas of activity of the state and society, help to correctly determine the methods and methods of fight against corruption, combining the social and legal components.

4. The guarantee of successful achievement of the goal of anti-corruption policy is its provision with the necessary legal means. That is, legal means of fight against corruption mean ways of countering illegal actions of participants in corruption relations carried out by society and the state within the framework of established legal methods. These include improving the country's legal system, applying special legal restrictions, legal responsibility and legal protection measures in the fight against corruption. It should be noted that legislative measures occupy a special place among legal measures.

5. The considered issues of law-making allow us to conclude that the consistent improvement of the legislative process and the legislation as a whole, the elimination of collisions, gaps and anti-corruption law that cause corruption will be of significant importance for the implementation of the norms of anti-corruption legislation.

That clarifies the point of view that in the future the relevance of the problem of corruption and the search for ways to counteract its manifestations will only increase. To neutralize them, our society and the state will have to mobilize huge material, political and intellectual resources. So that these efforts are not in vain and we can achieve the desired result, we must completely abandon the widely used method of “trial and error” and rely on a well-thought-out, balanced, holistic anti-corruption policy. With its help, it is possible to eliminate the causes of their occurrence and spread not only with certain manifestations of corruption, but also through the implementation and application of legal means of fight against corruption.

References

- 1 Қазақтың ата заңдары. Құжаттар, деректер және зерттеулер / Бағдарлама жетекшісі С. Зиманов. — Алматы: Жеті жарғы, 2005.
- 2 Булгакова И.Г. Некоторые аспекты профилактики коррупции в органах государственной власти / И.Г. Булгакова // Журн. российского права. — 2012. — № 8.
- 3 Луначо Виоланте. Конференция глав парламентов Центральной Европы / Виоланте Луначо. — 1997.
- 4 Доклад Европейской комиссии совету и Европейскому парламенту «Антикоррупционный доклад Европейского союза» СОМ (201384). — 2014. — 3 февр. — С. 3.
- 5 «Қазақстан Республикасының 2022-2026 жылдарға арналған сыбайлас жемқорлыққа қарсы саясатының тұжырымдамасын және Қазақстан Республикасы Президентінің кейбір жарлықтарына өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы» Қазақстан Республикасы Президентінің 2022 жылғы 2 ақпандағы № 802 Жарлығы.
- 6 Тихомиров Ю.А. Государство: преемственность и новизна / Ю.А. Тихомиров. — М., 2011. — С. 7,8.
- 7 Лопатин В.В. Малый толковый словарь русского языка / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. — М.: Рус. яз., 1993. — С. 568.
- 8 Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. — М., 1966; Проблемы теории государства и права / под ред. С. С. Алексеева. — М., 1979 (гл. 19 — авт. С. С. Алексеев); Он же. Общая теория права (гл. 19). — М., 2008. — С. 320.
- 9 Хамазина О.И. Правовые средства противодействия коррупции: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Спец. 12.00.01 — «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / О.И. Хамазина. — Саратов, 2008. — 200 с.

О.Н. Рамашов, Қ.С. Мусин

Мемлекеттік қызмет жүйесіндегі сыбайлас жемқорлыққа қарсы күрестің құқықтық құралдары

Мақалада авторлар сыбайлас жемқорлыққа қарсы күрестің құқықтық құралдарын қазіргі заманғы талаптар тұрғысынан, оның деңгейінің төмендеуіне тікелей немесе жанама әсер ететін барлық компоненттерді қоса алғанда, атап айтқанда: сыбайлас жемқорлыққа қарсы саясат мемлекет пен азаматтық қоғам институттарының осы келеңсіз құбылыстың алдын алу, шектеу және жою сипатындағы кешенді шараларды әзірлеуге және тұрақты жүзеге асыруға бағытталған жүйелі қызметті жиынтық нысанда зерттейді. Сыбайлас жемқорлықты тудыратын көріністерді, себептер мен жағдайларды азайту; құқықшығармашылығы құқықтық қалыптасудың соңғы кезеңі ретінде, оның барысында қалыптасқан құқықтық шындықты, құқықтық реттеудің келешекке көзқарастары мен тұжырымдамаларын талдау және бағалау, сыбайлас жемқорлыққа қарсы саясаттың құқықтық негіздерін қалыптастыру ретінде қарастырылған. Сыбайлас жемқорлыққа қарсы құқықтық қатынастар субъектілерінің сыбайлас жемқорлыққа қарсы заңнама нормаларын іске асыру жөніндегі мақсатты қызметі ретінде құқықтық іске асыру; сыбайлас жемқорлық көріністеріне ықпал ету құралы ретінде құқықтық ынталандыру; сыбайлас жемқорлық қатынастарға әсер ету кезінде тежеу функциясын орындайтын құқықтық шектеулердің ұғымдық аппараты нақтыланған. «Сыбайлас жемқорлық», «сыбайлас жемқорлыққа қарсы саясат», «құқықтық құралдар» ұғымдарын анықтау ұсынылған. Сыбайлас жемқорлықтың табиғатын, екі жақты сипатын ескере отырып, оның түрлері мен көрінісін жүйеге келтірудің бағыттылығы көрсетілген. Сыбайлас жемқорлыққа қарсы күрестің құқықтық құралдарының мақсаттары мен мазмұнын тұжырымдау және сыбайлас жемқорлыққа қарсы күресте мемлекет пен қоғам қызметінің нақты бағыттарын анықтауға мүмкіндік беретін оның негізгі принциптері қарастырылған.

Кілт сөздер: сыбайлас жемқорлық, егемендік, саясат, құқықшығармашылық, билік жүйесі, құқықтық құралдар, мемлекеттік қызмет, заңнама, шенеунік, құқықтық жүйе, құқықбұзушылық, құқықтық реттеу, құқықтық механизм.

О.Н. Рамашов, К.С. Мусин

Правовые средства борьбы с коррупцией в системе государственной службы

В статье исследованы правовые инструменты борьбы с коррупцией с точки зрения современных требований, включая все компоненты, прямо или косвенно влияющие на снижение ее уровня, в сводной форме: антикоррупционная политика направлена на разработку и постоянное осуществление институтами государства и гражданского общества комплексных мер профилактического, ограничительного и ликвидационного характера данного негативного явления, проявляется как последовательная и систематическая деятельность. Уменьшение проявлений, причин и условий, вызывающих коррупцию; правотворчество рассматривается как завершающий этап правового становления, как анализ и оценка сложившейся в его ходе правовой действительности, взглядов и концепций на будущее правового регулирования, формирование правовых основ антикоррупционной политики. Реализация права как целевой деятельности субъектов антикоррупционных правоотношений по реализации норм антикоррупционного законодательства; правовое стимулирование как средство воздействия на коррупционные проявления; уточнен понятийный аппарат правовых ограничений, выполняющий сдерживающую функцию при воздействии на коррупционные отношения. Предложены определения понятий «коррупция», «антикоррупционная политика», «правовые инструменты». Рассматривая двойственный характер коррупции, была обозначена направленность ее систематизации видов и форм проявления. Исследована формулировка целей и содержания правовых средств противодействия коррупции и ее основных принципов, позволяющих обозначить конкретные направления деятельности государства и общества в борьбе с коррупцией.

Ключевые слова: коррупция, суверенитет, политика, правоведение, система власти, правовые инструменты, государственная служба, законодательство, чиновничество, правовая система, правонарушения, правовое регулирование, правовой механизм.

References

- 1 Zimanov, S. (Ed.). (2005). *Qazaqtyn ata zandary. Quzhattar, derekter zhane zertteuler* [Kazakh State Law. Documents, data, reseaches]. Almaty: Zheti zhargy [in Kazakh].
- 2 Bulgakova, I.G. (2012). Nekotorye aspekty profilaktiki korruptsii v organakh gosudarstvennoi vlasti [Some aspects of corruption prevention in public authorities]. *Zhurnal Rossiiskogo prava — Journal of Russian Law*, 8 [in Russian].
- 3 Violante, L. (1997). Konferentsiia glav parlamentov Tsentralnoi Evropy [Conference of Heads of Parliaments of Central Europe] [in Russian].
- 4 Doklad Evropeiskoi komissii sovetu i Evropeiskomu parlamentu «Antikorruptsionnyi doklad Evropeiskogo soiuz» [Report of the European Commission to the Council and the European Parliament “Anti-Corruption Report of the European Union”], 3 [in Russian].
- 5 «Qazaqstan Respublikasynyn 2022-2026 zhyldarga arналған sybailas zhemqorlyqqa qarsy saiasatynyn tuzhyrymdamasyn zhane Qazaqstan Respublikasy Prezidentinin keibir zharlyqtaryna ozgerister men tolyqtyrular engizu turaly» Qazaqstan Respublikasy Prezidentinin 2022 zhyly 2 aqpan 2022 No. 802 Zharlygy [Decree of the president of the Republic of Kazakhstan dated February 2, 2022 No. 802 “On amendments and additions to the concept of the anti-corruption policy of the Republic of Kazakhstan for 2022-2026 and certain decrees of the president of the Republic of Kazakhstan”] [in Kazakh].
- 6 Tikhomirov, Yu.A. (2011). Gosudarstvo: preemstvennost i novizna [The state: continuity and novelty.] Moscow, 7, 8 [in Russian].
- 7 Lopatin, V.V., & Lopatina, L.E. (1993). *Malyi tolkovyi slovar russkogo yazyka* [Small explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow [in Russian].
- 8 Alekseev, S.S. (1966). Mekhanizm pravovogo regulirovaniia v sotsialisticheskom gosudarstve [The mechanism of legal regulation in a socialist state]. Moscow; Alekseeva, S.S. (Ed.). (1979). Problemy teorii gosudarstva i prava [Problems of the theory of state and law]. (Gl. 19 — avtor S.S. Alekseev [ch. 19 — author S.S. Alekseev]); On zhe. (2008). Obshchaia teoriia prava [General Theory of Law]. (gl. 19 [ch. 19]). Moscow [in Russian].
- 9 Hamazina, O.I. (2008). Pravovye sredstva protivodeistviia korruptsii: problemy teorii i praktiki [Legal means of fight against corruption: problems of theory and practice]. *Candidate's thesis*. Saratov [in Russian].

DOI 10.31489/2023L2/58-67
УДК 347.514.2(470+476+574)

А.А. Мукашева^{*1}, Д.М. Горохов², Н.А. Шингель³

¹Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан;

²Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия;

³Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
(E-mail: anarabai@mail.ru, bam051289@inbox.ru, svetlanka_8709@mail.ru)

Юридическая ответственность за нарушение законодательства об охоте в России, Беларуси и Казахстане

В статье представлены результаты комплексного исследования норм об юридической ответственности за нарушение правил охоты, незаконную охоту, установленных в трех государствах ЕАЭС. Актуальность рассматриваемого вопроса обусловлена необходимостью совершенствования теоретических аспектов юридической ответственности за нарушение правил охоты, незаконную охоту, проблем правильной квалификации незаконной охоты, нарушения правил охоты и смежных составов правонарушений. Основной целью данного исследования является установление сходных, сопоставимых механизмов правового регулирования в данной области, выявление специфики конструирования норм об ответственности в каждом государстве, формирование общих научно-доктринальных взглядов, обосновывающих необходимость гармонизации и унификации законодательства. Сформулированы выводы о том, что в настоящее время в России, Беларуси и Казахстане действует сходное законодательство; применяются гармонизированные правовые нормы и терминология; установлены сходные механизмы правового регулирования отношений, возникающих в связи с реализацией юридической ответственности за нарушение правил охоты, незаконную охоту. Вместе с тем выделены отличия при установлении административной и уголовной ответственности, отмечен положительный опыт построения норм и предложено его применение в других государствах.

Ключевые слова: административная ответственность, гражданско-правовая ответственность, Евразийский экономический союз, нарушение правил охоты, незаконная охота, объекты животного мира, охотничьи ресурсы, охотничьи угодья, юридическая ответственность за нарушение правил охоты, незаконная охота, уголовная ответственность.

Введение

Одним из важных направлений обеспечения экологической безопасности является сохранение объектов животного мира, что подтверждается принятием соответствующих правовых актов на международном уровне: Стокгольмская декларация (1972) [1], Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (1973) [2], Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию (1992) [3] и другие международные правовые акты.

На национальном уровне в трех государствах ЕАЭС (России, Беларуси и Казахстане) ряд международных стандартов имплементирован в законодательство, однако некоторые нормативно-правовые акты об ответственности за нарушение законодательства об охоте требуют более детальной проработки и внесения дополнений и изменений. В частности, в уголовном законодательстве Республики Казахстан недостаточно четко разграничены уголовные правонарушения за незаконную охоту и

^{*}Автор-корреспондент. E-mail: anarabai@mail.ru

незаконное обращение с редкими и находящимися под угрозой исчезновения, а также запрещенными к пользованию видами животных.

Актуальность рассматриваемого вопроса обусловлена не только необходимостью совершенствования теоретических аспектов юридической ответственности за нарушение правил охоты, незаконную охоту, но и потребностями практики: не только ростом количества совершаемых правонарушений в данной области, но и проблемами правильной квалификации незаконной охоты, нарушения правил охоты и смежных составов правонарушений.

Методы и материалы

Применены формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования при проведении сравнительно-правового анализа законодательств России, Беларусь и Казахстана, регламентирующих юридическую ответственность за незаконную охоту. В основном, был применен теоретический метод исследования — метод структурно-системного анализа.

При исследовании темы была изучена юридическая литература о юридической ответственности в экологическом праве, в том числе об ответственности за нарушение правил охоты и незаконную охоту авторов из России, Беларуси и Казахстана.

Обсуждение

В Российской Федерации за нарушение правил охоты и незаконную охоту в соответствии со ст. 57 ФЗ «Об охоте» установлена административная, уголовная и гражданско-правовая ответственность.

Административная ответственность предусмотрена ст. 8.37 «Нарушение правил охоты, правил, регламентирующих рыболовство и другие виды пользования объектами животного мира» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ).

В статье 8.37 КоАП РФ содержатся четыре состава различных правонарушений: 1) нарушение правил охоты (ч. 1); 2), повторное в течение года нарушение правил охоты (ч. 1.1); 3) охота с нарушением установленных правилами охоты сроков охоты либо недопустимыми для использования орудиями охоты или способами охоты (ч. 1.2); 4) непредъявление уполномоченному лицу (например, охотинспектору) охотничьего билета, разрешения на добычу охотничьих ресурсов, путевки либо разрешения на хранение и ношение охотничьего оружия в случае осуществления охоты с охотничьим огнестрельным и (или) пневматическим оружием (ч. 1.3).

Признаками объективной стороны всех составов правонарушений являются действия (бездействие), направленные на нарушение соответствующих правил. Все составы формальные, поскольку диспозициями частей 1–1.3 ст. 8.37 КоАП РФ не предусматривается наступление вредных последствий; сами диспозиции бланкетные — используются ссылки на нормы законодательства (правил), которые следует применять при осуществлении квалификации. В соответствии со ст. 23 ФЗ «Об охоте» основой осуществления охоты и сохранения охотничьих ресурсов являются Правила охоты, которые утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти [4].

С субъективной стороны правонарушения, перечисленные в ч. 1–1.3 ст. 8.37 КоАП РФ, могут совершаться умышленно или по неосторожности; субъектами являются физические и должностные лица.

В качестве санкций нормы ч. 1–1.3 ст. 8.37 предусматривают три вида административных наказаний: штраф, конфискация орудий совершения правонарушения и добычи, полученной с нарушением правил охоты, лишение специального права, предоставленного физическому лицу (ст. 3.2 КоАП РФ). Административный штраф или лишение специального права (права охоты) применяются в качестве основного наказания, а конфискация орудий совершения правонарушения и незаконной добычи — дополнительного. Размеры штрафов, в зависимости от состава и субъекта административного правонарушения (физическое или должностное лицо), установлены в диапазоне от четырех тысяч до пятидесяти тысяч рублей; срок лишения права охоты — от одного года до трех лет [5; 388].

Кроме ответственности за нарушения правил охоты, КоАП РФ предусмотрена ответственность по ст. 8.35 за добычу редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, занесенных в Красную книгу Российской Федерации либо охраняемых международными договорами, без надлежащего на то разрешения или с нарушением условий, предусмотренных разрешением, либо с нарушением иного установленного порядка. Причем под добычей редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, занесенных в Красную книгу Российской Федерации либо охраняемых

международными договорами, для целей ст. 8.35 КоАП РФ понимается изъятие таких животных из естественной природной среды без их уничтожения.

Уголовная ответственность за незаконную охоту установлена ст. 258 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). В диспозиции статьи понятие незаконной охоты не сформулировано, поэтому разграничение уголовно наказуемой незаконной охоты и нарушений правил охоты, образующих административные правонарушения, проводится по таким признакам, содержащимся в ст. 258 УК РФ, как причинение крупного ущерба, применение механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей, совершение деяния в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена, либо на особо охраняемой природной территории, в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации. Согласно Примечанию к этой статье, крупным признается ущерб, исчисленный по утвержденным Правительством Российской Федерации таксам и методике [6], превышающий сорок тысяч рублей, особо крупным — сто двадцать тысяч рублей.

Статья 258 УК РФ содержит два состава незаконной охоты — основной (ч. 1) и квалифицированный (ч. 2), предусматривающий наказание за незаконную охоту, совершенную лицом с использованием своего служебного положения либо группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо причинившую особо крупный ущерб.

Уголовные наказания за незаконную охоту установлены в виде высоких штрафов (до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период до двух лет — по ч. 1 ст. 258; от пятисот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до пяти лет — по ч. 2 ст. 258).

Альтернативой штрафу могут быть исправительные работы (на срок до двух лет, это наказание предусмотрено только ч. 1 ст. 258) либо лишение свободы (на срок до двух лет — по ч. 1 и на срок от трех до пяти лет — по ч. 2).

Часть 2 ст. 258 УК РФ предусматривает также дополнительное наказание — лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, назначаемое по усмотрению суда, исходя из обстоятельств дела.

Гражданско-правовая ответственность за нарушение правил охоты или незаконную охоту применяется независимо от административного или уголовного наказания и состоит в возмещении вреда, причиненного охотничьим ресурсам. Возмещение может быть добровольным или присуждаться в судебном порядке. Расчет ущерба производится на основании утвержденных в соответствии с ФЗ «О животном мире» (ст. 56) и ФЗ «Об охоте» (ст. 58) такс и методик исчисления ущерба, причиненного животному миру и охотничьему ресурсу, а при их отсутствии — исходя из затрат на воспроизводство охотничьих ресурсов.

В настоящее время действует методика и таксы для исчисления размера вреда, причиненного охотничьим ресурсам, утвержденные Минприроды России [7].

Важно, что с виновных, помимо ущерба, причиненного незаконным добыванием зверей и птиц, подлежит взысканию как неосновательное обогащение, также и стоимость незаконно добытой продукции — мяса, шкуры и т.п. (ст. 59 ФЗ «О животном мире», ст. 59 ФЗ «Об охоте», ст. 1102, 1105 ГК РФ). При этом средства, вырученные от реализации незаконно добытой продукции, зачету в счет возмещения ущерба не подлежат. Безвозмездное изъятие или конфискация объектов животного мира не освобождает граждан, юридических лиц, незаконно добывших объекты животного мира, от обязанности возместить ущерб, нанесенный объектам животного мира, охотничьим ресурсам и среде их обитания.

Причинителями вреда объектам животного мира — охотничьему ресурсу и среде его обитания — являются физические и юридические лица, нарушившие правила охоты, а также физические лица, признанные виновными в незаконной охоте.

В качестве потерпевшей стороны и, соответственно — взыскателем компенсации вреда (ущерба) судом могут быть признаны: уполномоченный орган государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, а также орган местного самоуправления. Если правонарушение совершено на закрепленных охотничьих угодьях, потерпевшими (взыскателями) могут являться юридические лица и индивидуальные предприниматели, заключившие охотхозяйственные соглашения и обеспечивающие проведение мероприятий по сохранению охотничьих ресурсов и среды их обитания и созданию охотничьей инфраструктуры на закрепленных за ними охотничьих угодьях. Органы государственной власти осуществляют полномочия по возмещению вреда объектам животного мира —

охотничьим ресурсам в порядке осуществления государственного охотничьего надзора (ст. 40 ФЗ «Об охоте»). Так, согласно п. 3, 6 ч. 3 ст. 40 ФЗ «Об охоте» должностное лицо органов государственного охотничьего надзора выдает предписания, в том числе о проведении мероприятий по обеспечению предотвращения вреда охотничьим ресурсам, предъявляет иски о взыскании средств в счет возмещения ущерба, нанесенного охотничьим ресурсам [8].

В целях обеспечения единства судебной практики применения законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял специальные постановления, в которых содержатся разъяснения и толкование норм, в том числе регулирующих возмещение вреда, причиненного объектам животного мира, охотничьим ресурсам и среде их обитания [9, 10].

В Республике Беларусь за нарушение законодательства об охоте и охотничьем хозяйстве наступает уголовная, административная и иная ответственность (п. 86 Правил ведения охотничьего хозяйства, п. 112 Правил охоты).

Административная ответственность в сфере охоты и охотничьего хозяйства наступает за правонарушения, составы которых систематизированы в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06.01.2021 г. № 91–3 (далее — КоАП РБ). КоАП РБ предусматривает ответственность за нарушение правил ведения охотничьего хозяйства и охоты (ст. 16.27), не разграничивая эти два направления, в том числе:

- охоту без надлежащего разрешения, либо в запрещенных местах, либо в запретное время, либо запрещенными орудиями, либо запрещенными способами, либо в запрещенные сроки;
- перемещение (транспортировку) либо разделку диких животных, относящихся к объектам охоты, в том числе погибших, или их частей в случаях, запрещенных законодательными актами об охране и использовании животного мира;
- нарушение порядка планирования изъятия охотничьих животных нормируемых видов либо условий ведения охотничьего хозяйства и охоты, установленных для охотохозяйственной зоны, и другие.

Ряд составов, закрепленных в данной статье, предусматривает усиление ответственности с учетом повторности совершения правонарушения в течение одного года, но без применения уголовной ответственности за данные деяния. К таким относится, например, нарушение правил безопасности охоты, либо невыполнение или ненадлежащее выполнение руководителем охоты обязанностей, предусмотренных правилами ведения охотничьего хозяйства и охоты, либо невыполнение участником охоты законных указаний руководителя охоты и некоторые другие.

Уголовная ответственность наступает в соответствии с Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее — УК РБ) за следующие деяния:

- незаконная охота (ст. 282 УК РБ);
- незаконное перемещение (транспортировка) или разделка диких животных (ст. 282–1 УК РБ) [11; 39]. Эта статья дополнила нормы об ответственности за незаконную охоту для тех случаев, когда факт незаконной охоты не может быть достоверно установлен, но имеет место незаконное использование продукции охоты.

При этом обязательным условием наступления уголовной ответственности является наличие квалифицирующих признаков данных преступлений (повторность, причинение ущерба в крупном размере, принадлежность животного к охраняемым видам, совершение действий на особо охраняемых или радиоактивно загрязненных территориях, совершение деяния лицом, ранее судимым за данные преступления, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий и др.), в противном случае наступает административная ответственность.

Гражданско-правовая ответственность. Особенности возмещения вреда, причиненного нарушением законодательства об охоте и охотничьем хозяйстве, вытекают из многообразия форм его проявления. В п. 84 Правил ведения охотничьего хозяйства установлена общая норма: вред, причиненный окружающей среде в результате незаконного изъятия или уничтожения диких животных и вредного воздействия на среду их обитания, подлежит возмещению лицом, причинившим его, в размере, определенном по таксам, установленным Президентом Республики Беларусь, а в случае невозможности их применения — по фактическим затратам на восстановление нарушенного состояния окружающей среды с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды. В настоящее время таксы утверждены Указом Президента Республики Беларусь от 24.06.2008 г. № 348 «О таксах для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде» в специальном при-

ложении (Приложение № 12). Тем самым происходит систематизация норм о возмещении вреда окружающей среде и отдельным природным ресурсам с вычленением этих норм из специального законодательства об охоте и ведении охотничьего хозяйства. Требования о возмещении вреда, причиненного окружающей среде в результате незаконного изъятия или уничтожения диких животных и вредного воздействия на среду их обитания, предъявляются Госинспекцией охраны животного и растительного мира, Минлесхозом. Незаконно добытая продукция охоты и используемые при этом орудия охоты подлежат обязательному изъятию, а при невозможности изъятия продукции охоты взыскивается их стоимость в порядке и размерах, установленных законодательством (п. 116 Правил ведения охотничьего хозяйства).

Главой 11 Правил охоты установлен порядок применения специальной меры ответственности в виде лишения права охоты в случае выявления фактов нарушения лицом установленных правил и причинения ущерба животному миру, а также при применении к виновному административной или уголовной ответственности.

В Республике Казахстан за нарушения законодательства об охоте и ведении охотничьего хозяйства установлена административная, уголовная и гражданско-правовая ответственность.

Административная ответственность. В Кодексе Республики Казахстан об административных правонарушениях от 05.07.2014 г. (далее — КоАП РК) содержатся две статьи по интересующему нас вопросу: статья 382 «Нарушение требований пользования животным миром и правил охоты» и статья 385 «Нарушение правил ведения охотничьего хозяйства» [12].

Нарушение правил охоты влечет предупреждение или штраф на физических лиц — в размере пяти, на субъектов малого предпринимательства — в размере двадцати пяти, на субъектов среднего предпринимательства — в размере пятидесяти, на субъектов крупного предпринимательства — в размере ста месячных расчетных показателей (ч. 1 ст. 382 КоАП РК).

В ч. 2 ст. 382 КоАП РК предусмотрена ответственность за повторное нарушение, совершенное в течение года после наложения административного взыскания, — штраф на физических лиц в размере пятнадцати, на субъектов малого предпринимательства — в размере шестидесяти пяти, на субъектов среднего предпринимательства — в размере ста, на субъектов крупного предпринимательства — в размере двухсот месячных расчетных показателей либо лишение права охоты на срок до двух лет, с конфискацией орудий добывания животных, транспортных средств и иных предметов, явившихся орудием совершения указанного нарушения.

Частью 3 этой статьи предусмотрена ответственность за нарушения правил охоты, совершенные на особо охраняемых природных территориях. Административным взысканием здесь выступает штраф на физических лиц — в размере семидесяти, на субъектов малого предпринимательства — в размере ста десяти, на субъектов среднего предпринимательства — в размере ста пятидесяти, на субъектов крупного предпринимательства — в размере одной тысячи месячных расчетных показателей либо лишение права охоты на срок до двух лет, с конфискацией предметов и (или) орудия административного правонарушения.

Статья 385 КоАП РК «Нарушение правил ведения охотничьего хозяйства» в ч. 1 предусматривает ответственность за нарушение правил ведения охотничьего хозяйства, если это действие не содержит признаков уголовно наказуемого деяния и совершено в виде:

- 1) незаконного ограничения посещения охотничьих угодий;
- 2) применения запрещенных видов, способов и сроков охоты;
- 3) необеспечения организации охраны, воспроизводства и пользования животным миром на закрепленных охотничьих угодьях.

Такие деяния влекут штраф на физических лиц — в размере трех, на должностных лиц и субъектов малого предпринимательства — в размере десяти, на субъектов среднего предпринимательства — в размере двадцати, на субъектов крупного предпринимательства — в размере пятидесяти месячных расчетных показателей.

За аналогичные действия, совершенные три и более раза в течение одного года после наложения административного взыскания, если это действие не содержит признаков уголовно наказуемого деяния, применяется штраф: на физических лиц — в размере пяти, на должностных лиц, субъектов малого предпринимательства — в размере двадцати, на субъектов среднего предпринимательства — в размере сорока, на субъектов крупного предпринимательства — в размере ста месячных расчетных показателей либо лишение права ведения охотничьего хозяйства (ч. 2).

Уголовная ответственность. В Уголовном кодексе Республики Казахстан (далее — УК РК) содержится статья 337 «Незаконная охота», в которую в конце 2019 г. были внесены поправки, существенно ужесточающие наказание за незаконную охоту, — суммы штрафов повышены в 18–20 раз (ч. 1, 2), увеличены сроки ограничения или лишения свободы (ч. 1, 4). Также была изменена структура статьи: содержание ее части 3 частично перенесено в часть 4, а часть 4 стала частью 6. В последнюю был включен новый квалифицирующий признак — совершение незаконной охоты лицом, лишенным права заниматься охотой по вступившему в законную силу приговору суда.

Под незаконной охотой понимается выслеживание, преследование и добыча объектов охоты «без надлежащего на то разрешения или в запрещенное время, или недозволенных местах, или недозволенными орудиями и способами» [13; 282].

В Казахстане уголовное преследование начинается по факту незаконной охоты (в том числе с применением огнестрельного, пневматического, метательного, холодного оружия, других видов орудий добывания, собак, ловчих хищных птиц, верхового, гужевого транспорта) с причинением значительного ущерба либо взрывчатых устройств или иных средств массового уничтожения животных, авиа-, авто-, мототранспортных средств, в том числе снегоходной техники, либо маломерных судов.

Квалифицирующими признаками по ст. 337 УК РК являются:

- 1) неоднократность совершения деяний;
- 2) совершение преступления группой лиц либо группой лиц по предварительному сговору;
- 3) совершение деяния на особо охраняемых природных территориях или территориях с чрезвычайной экологической ситуацией;
- 4) в отношении редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, а также животных, на которых введен запрет на пользование;
- 5) лицом с использованием своего служебного положения;
- 6) с причинением крупного ущерба;
- 7) преступной группой;
- 8) с причинением особо крупного ущерба;
- 9) лицом, лишенным права заниматься охотой по вступившему в законную силу приговору суда [14].

Наказания являются вариативными: штраф, исправительные работы, общественные работы, ограничение свободы, лишение свободы с конфискацией имущества, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Максимальный срок ограничения, лишения свободы за незаконную охоту — десять лет.

Гражданско-правовая ответственность наступает в случае причинения ущерба животному миру. Здесь также действует специальное законодательство — предусмотрены специальные таксы и методики. В частности, размер возмещения ущерба определяется по Приказу и.о. министра сельского хозяйства РК «Об утверждении размеров возмещения вреда, причиненного нарушением законодательства Республики Казахстан в области охраны, воспроизводства и использования животного мира» от 27 февраля 2015 г. № 18–03/158 [15].

Результаты

Сравнительно-правовой анализ норм о юридической ответственности за нарушение правил охоты, незаконную охоту, закрепленных в законодательстве России, Беларуси и Казахстана, показал, что в настоящее время в этих государствах ЕАЭС наблюдаются одинаковые тенденции в развитии данных норм: применяется общая терминология («незаконная охота», «нарушение правил охоты», «охотничье хозяйство»), установлены сходные механизмы правового регулирования отношений, возникающих в связи с реализацией юридической ответственности за нарушение правил охоты, незаконную охоту (наличие уголовной, административной, гражданско-правовой ответственности; применение такс и специальных методик при определении размеров причиненного вреда животному миру; система наказаний).

В частности, в качестве административных взысканий применяются административный штраф, конфискация орудий совершения правонарушения и добычи, полученной с нарушением правил охоты, лишение специального права, предоставленного физическому лицу.

Различия проявляются:

- 1) в группировке составов правонарушений. Так, в по КоАП РФ состав нарушения правил охоты сгруппирован в одной статье с нарушением правил, регламентирующих рыболовство и другие виды

пользования объектами животного мира. В Республике Беларусь — в одной статье содержатся нарушение правил ведения охотничьего хозяйства и нарушение правил охоты. В Казахстане — нарушение требований пользования животным миром и правил охоты и нарушение правил ведения охотничьего хозяйства выделены в две отдельные самостоятельные статьи;

2) в дополнительных признаках, позволяющих отнести некоторые правонарушения к административным. Так, КоАП РФ установлена ответственность за добычу видов животных, занесенных в Красную книгу Российской Федерации либо охраняемых международными договорами, в Казахстане к административным правонарушениям относятся нарушения правил охоты, совершенные на особо охраняемых природных территориях, в Беларуси — перемещение (транспортировка) либо разделка диких животных, относящихся к объектам охоты, в том числе погибших, или их частей;

3) в установлении размера ущерба, причиненного животному миру, являющегося «водоразделом» для установления уголовной либо административной ответственности. Так, в Казахстане уголовно наказуемой является незаконная охота, причинившая значительный ущерб, а в Беларуси и России — крупный ущерб;

4) в квалифицирующих признаках экологических преступлений, связанных с совершением незаконной охоты в определенных местах. Так, в РФ к таким квалифицирующим признакам относятся совершение незаконной охоты на особо охраняемой природной территории либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации, в Казахстане — на особо охраняемой природной территории либо зоне чрезвычайной экологической ситуации, в Беларуси указаны «на территории заповедника, национального парка, заказника, на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению, где установлен контрольно-пропускной режим»;

5) в степени общественной опасности квалифицированных составов экологических преступлений. Если в России более тяжелое наказание предусмотрено для лиц, совершивших незаконную охоту с использованием своего служебного положения, либо группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо причинившую особо крупный ущерб (ч. 2 ст. 258 УК РФ), то в Беларуси в отдельный состав выделена незаконная охота, совершенная лицом, ранее судимым за незаконную охоту или за незаконное перемещение (транспортировка) или разделку диких животных, а также совершенная должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 3 ст. 282 УК РБ). Еще более тяжким преступлением считается, как ни странно, незаконная охота, совершенная с использованием механического наземного, водного или воздушного транспортного средства (ч. 4 ст. 282 УК РБ). В УК РК и в УК РФ состав такого преступления содержится в ч. 1 аналогичной статьи.

Наиболее суровая ответственность за незаконную охоту предусмотрена в Казахстане. Здесь в ст. 337 УК РК предусмотрено шесть частей аналогичной статьи (ч.5 исключена), в каждой из которых более детально прописаны составы незаконной охоты, а уголовное наказание за некоторые является более жестким (по ч. 6 ст. 337 УК РК предусмотрено лишение свободы на срок от шести до десяти лет, с конфискацией имущества, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет).

Выводы

Краткое исследование норм о юридической ответственности за нарушение правил охоты, незаконную охоту, установленных в России, Беларуси и Казахстане, показало, что в законодательстве этих трех государств есть возможности для применения положительного опыта правового регулирования юридической ответственности за нарушение правил охоты, незаконную охоту и совершенствования соответствующих норм.

В частности, для России будет полезен опыт Казахстана и Беларуси, в КоАП которых содержится такой состав административного правонарушения, как незаконное обращение (перемещение, транспортировка) диких животных, относящихся к объектам охоты, их частей. А для этих двух стран интересен опыт России — когда с виновных, помимо ущерба, причиненного незаконным добыванием зверей и птиц, подлежит взысканию как неосновательное обогащение, а также и стоимость незаконно добытой продукции — мяса, шкуры и т.п.

Список литературы

- 1 Стокгольмская декларация. Принята в г. Стокгольме 16.06.1972 г. на Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды // Действующее международное право. — Т. 3. — М.: Моск. независ. ин-т междунар. права, 1997. — С. 682–687.
- 2 О присоединении Республики Казахстан к Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения. Закон Республики Казахстан от 6 апреля 1999 г. № 372–І. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000372_.
- 3 Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию: Принята в г. Рио-де-Жанейро 14.06.1992 г. // Действующее международное право. — Т. 3. — М.: Моск. независ. ин-т междунар. права, 1997. — С. 687–692.
- 4 Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 24.07.2020 г. № 477. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008310037>.
- 5 Комментарий к главе 8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195–ФЗ «Административные правонарушения в сфере охраны окружающей среды и природопользования» (постатейный) / А.Ф. Ноздрачев, М.И. Васильева, Е.А. Галиновская [и др.]; отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. — М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2020. — С. 386–400.
- 6 Постановление Правительства РФ от 10.06.2019 г. № 750 «Об утверждении такс и методики исчисления крупного и особо крупного ущерба для целей статьи 258 Уголовного кодекса Российской Федерации». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/72266816/>.
- 7 Приказ Минприроды России от 08.12.2011 г. № 948 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного охотничьим ресурсам». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70032926/>.
- 8 Боголюбов С.А. Возмещение экологического вреда, причиненного объектам животного мира // В кн. Правовое регулирование возмещения экологического вреда: науч.-практ. пос. / С.А. Боголюбов, Е.С. Болтанова, М.М. Бринчук [и др.]; отв. ред. Н.В. Кичигин. — М.: ИНФРА-М; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2017. — С. 239–255.
- 9 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136950/.
- 10 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283917/.
- 11 Лукашов А.И. Административная и уголовная ответственность за незаконное перемещение (транспортировку) или разделку диких животных / А.И. Лукашов // Юстиция Беларуси. — 2015. — № 2. — С. 38–44.
- 12 Об административных правонарушениях. Кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 235–V З РК». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235>.
- 13 Бекишева С.Д. Экологическое право Республики Казахстан: учеб. пос. / С.Д. Бекишева. — Караганда: Арко, 2009. — 472 с.
- 14 Уголовный кодекс Республики Казахстан. Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226–V З РК. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>.
- 15 Об утверждении размеров возмещения вреда, причиненного нарушением законодательства Республики Казахстан в области охраны, воспроизводства и использования животного мира. Приказ и.о. министра сельского хозяйства Республики Казахстан от 27 февраля 2015 г. № 18–03/158. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 30 апреля 2015 г. № 10929. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500010929>.

А.А. Мукашева, Д.М. Горохов, Н.А. Шингель

Ресейде, Беларусь және Қазақстанда аңшылық туралы заңнаманы бұзғаны үшін заңды жауапкершілік

Мақалада ЕАЭО-ға кіретін үш мемлекетте белгіленген аң аулау, заңсыз аң аулау ережелерін бұзғаны үшін заңды жауапкершілік туралы нормаларды кешенді зерттеудің нәтижелері берілген. Қарастырылып отырған мәселенің өзектілігі аң аулау ережелерін бұзғаны үшін заңды жауапкершіліктің теориялық аспектілерін жетілдіру қажеттілігімен, заңсыз аң аулаудың дұрыс саралануымен, аң аулау ережелерін және құқық бұзушылықтардың аралас құрамдарын бұзумен байланысты. Бұл зерттеудің негізгі мақсаты осы саладағы құқықтық реттеудің ұқсас, салыстырмалы тетіктерін белгілеу, әрбір мемлекетте жауапкершілік нормаларын құру ерекшеліктерін анықтау, заңнаманы өзара үйлестіру және біріздендіру қажеттілігін негіздейтін ортақ ғылыми және доктриналық көзқарастарды қалыптастыру. Қазіргі уақытта Ресейде, Беларусьта және Қазақстанда ұқсас заңнама қолданыста, үйлестірілген құқықтық нормалар мен терминология пайдаланылады, аң аулау ережелерін бұзғаны, заңсыз аң аулау үшін заң-

ды жауапкершілікті жүзеге асыруға байланысты туындайтын қатынастарды құқықтық реттеудің ұқсас тетіктері белгіленеді деген тұжырымдар негізделген. Сонымен қатар, әкімшілік және қылмыстық жауапкершілікті белгілеу кезінде айырмашылықтар анықталды, нормаларды құрудың оң тәжірибесі атап өтілді және оны басқа мемлекеттерде қолдану ұсынылды.

Кілт сөздер: әкімшілік жауапкершілік, азаматтық-құқықтық жауапкершілік, Еуразиялық экономикалық одақ, аңшылық ережелерін бұзу, заңсыз аң аулау, жануарлар дүниесінің объектілері, аңшылық ресурстар, аңшылық алқаптар, аңшылық ережелерін бұзғаны үшін заңды жауапкершілік, заңсыз аңшылық, қылмыстық жауапкершілік.

A.A. Mukasheva, D.M. Gorokhov, N.A. Shingel

Legal liability for violation of hunting legislation in Russia, Belarus and Kazakhstan

The article presents the results of a comprehensive study of the norms on legal liability for violation of the rules of hunting, illegal hunting, established in the three states of the EAEU. The relevance of the issue under consideration is due to the need to improve the theoretical aspects of legal liability for violation of hunting rules, illegal hunting, problems of proper qualification of illegal hunting, violations of hunting rules and related offenses. The main purpose of this study is to establish similar, comparable mechanisms of legal regulation in this area, to identify the specifics of the construction of liability rules in each state, to form common scientific and doctrinal views that justify the need for harmonization and unification of legislation. Conclusions are drawn that currently in Russia, Belarus and Kazakhstan similar legislation is in force, harmonized legal norms and terminology are applied, similar mechanisms of legal regulation of relations arising in connection with the implementation of legal liability for violation of hunting rules, illegal hunting are established. At the same time, differences are highlighted in establishing administrative and criminal liability, positive experience in building norms is noted, and its application in other states is proposed.

Keywords: administrative responsibility, civil liability, Eurasian Economic Union, violation of hunting rules, illegal hunting, wildlife objects, hunting resources, hunting grounds, legal liability for violation of hunting rules, illegal hunting, criminal liability.

References

- 1 (1997). Stokgolmskaia deklaratsiia. Priniata v g. Stokgolme 16.06.1972 goda na Konferentsii OON po problemam okruzhaiushchei cheloveka sredi [Stockholm Declaration: adopted in Stockholm on 06/16/1972 at the UN Conference on the Human Environment]. *Deistvuiushchee mezhdunarodnoe pravo — Current international law*, 3. Moscow: Moskovskii nezavisimyi institut mezhdunarodnogo prava [in Russian].
- 2 O prisoedinenii Respubliki Kazakhstan k Konventsii o mezhdunarodnoi torgovle vidami dikoi fauny i flory, nakhodiashchimisya pod ugrozoi ischeznoventiia. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 6 apreliia 1999 goda N 372–1 [On the accession of the Republic of Kazakhstan to the Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora. Law of the Republic of Kazakhstan No. 372–1 of April 6, 1999]. *adilet.zan.kz*. Retrieved from: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000372_ [in Russian].
- 3 (1997). Deklaratsiia Rio-de-Zhaneiro po okruzhaiushchei srede i razvitiui: Priniata v g. Rio-de-Zhaneiro 14.06.1992 goda [Rio de Janeiro Declaration on Environment and Development: Adopted in Rio de Janeiro on 14.06.1992.]. 3. Moscow: Moskovskii nezavisimyi institut mezhdunarodnogo prava [in Russian].
- 4 Prikaz Ministerstva prirodnikh resursov i ekologii Rossiiskoi Federatsii ot 24.07.2020 goda. N 477 [Order of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation No. 477 dated 07/24/2020]. *publication.pravo.gov.ru*. Retrieved from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008310037> [in Russian].
- 5 Nozdrachev, A.F., Vasilyeva, M.I., & Galinovskaya, E.A. (2020). Kommentarii k glave 8 Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniakh ot 30 dekabria 2001 goda N 195–FZ «Administrativnye pravonarusheniia v sfere okhrany okruzhaiushchei sredi i prirodopolzovaniia» (postateinyi) [Commentary to Chapter 8 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ of December 30, 2001 “Administrative offences in the field of environmental protection and nature management” (article-by-article)] Moscow: Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii; INFRA–M [in Russian].
- 6 Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 10.06.2019 goda N 750 «Ob utverzhdenii taks i metodiki ischisleniia krupnogo i osobo krupnogo ushcherba dlia tselei stati 258 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii» [Decree of the Government of the Russian Federation No. 750 dated 10.06.2019 “On Approval of Taxes and Methods for Calculating Large and Especially Large Damage for the Purposes of Article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation”]. *base.garant.ru*. Retrieved from: <https://base.garant.ru/72266816/> [in Russian].
- 7 Prikaz Minprirody Rossii ot 08.12.2011 goda N 948 «Ob utverzhdenii Metodiki ischisleniia razmera vreda, prichinennogo okhotnichim resursam» [Order of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation dated 08.12.2011. No. 948 “On

approval of the Methodology for calculating the amount of damage caused to hunting resources”]. *www.garant.ru*. Retrieved from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70032926/> [in Russian].

8 Bogolyubov, S.A., Boltanova, E.S., & Brinchuk, M.M. (2017). *Vozmeshchenie ekologicheskogo vreda, prichinennogo obektam zhivotnogo mira* // V knige: *Pravovoe regulirovanie vozmeshcheniia ekologicheskogo vreda: nauchno-prakticheskoe posobie* [Compensation for environmental damage caused to objects of the animal world. In the book. Legal regulation of environmental damage compensation: scientific and practical. Textbook]. Kichigin, N.V. (Ed.). Moscow: Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitelstve Rossiiskoi Federatsii; INFRA-M [in Russian].

9 Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 18.10.2012 goda N 21 «O primeneni sudami zakonodatelstva ob otvetstvennosti za narusheniia v oblasti okhrany okruzhaiushchei sredy i prirodopolzovaniia» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No 21 dated 18.10.2012 “On the Application by courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and nature management”]. *www.consultant.ru*. Retrieved from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136950/ [in Russian].

10 Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 30.11.2017 goda N 49 «O nekotorykh voprosakh primeneniia zakonodatelstva o vozmeshchenii vreda, prichinennogo okruzhaiushchei srede» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 30.11.2017. No. 49 “On some issues of the application of legislation on compensation for damage caused to the environment”]. *www.consultant.ru*. Retrieved from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283917/ [in Russian].

11 Lukashov, A.I. (2015). *Administrativnaia i ugolovnaia otvetstvennost za nezakonnoe peremeshchenie (transportirovku) ili razdelku dikikh zhivotnykh* [Administrative and criminal liability for illegal movement (transportation) or butchering of wild animals]. *Yustitsiia Belarusi — Justice of Belarus*, 2, 38–44 [in Russian].

12 Ob administrativnykh pravonarusheniakh. Kodeks Respubliki Kazakhstan ot 5 iiulia 2014 goda N 235–V Z `RK [About administrative offenses. Code of the Republic of Kazakhstan dated July 5, 2014 No. 235-V SAM.]. *adilet.zan.kz/rus*. Retrieved from: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> [in Russian].

13 Bekisheva, S.D. (2009). *Ekologicheskoe pravo Respubliki Kazakhstan: uchebnoe posobie* [Environmental Law of the Republic of Kazakhstan: Textbook]. Karaganda: Arko [in Russian].

14 Ugolovnyi kodeks Respubliki Kazakhstan. Kodeks Respubliki Kazakhstan ot 3 iiulia 2014 goda N 226–V Z RK [The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 No. 226-V SAM.]. *adilet.zan.kz/rus*. Retrieved from: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> [in Russian].

15 Ob utverzhdenii razmerov vozmesheniia vreda, prichinennogo narusheniem zakonodatelstva Respubliki Kazakhstan v oblasti okhrany, vosproizvodstva i ispolzovaniia zhivotnogo mira. Prikaz i.o. ministra selskogo khoziaistva Respubliki Kazakhstan ot 27 fevralia 2015 goda N 18–03/158. Zaregistrirovann v Ministerstve yustitsii Respubliki Kazakhstan 30 apreliia 2015 goda N 10929 [On approval of the amount of compensation for damage caused by violation of the legislation of the Republic of Kazakhstan in the field of protection, reproduction and use of wildlife. Order of the Acting Minister of Agriculture of the Republic of Kazakhstan dated February 27, 2015 No. 18-03/158. Registered with the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan on April 30, 2015 No. 1092.]. *adilet.zan.kz/rus*. Retrieved from: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500010929> [in Russian].

A.D. Jantassova*

*Karaganda University of Kazpotreboysuz, Karaganda, Kazakhstan
(E-mail: aminad13@yandex.ru)**Scopus autor ID: 57218776071*

On the issue of the “ecological corridor” concept

The following scientific paper explores the issue of defining the concept of ecological corridor as a means of protecting Special Protected Natural Areas (SPNA) and objects of the State Nature Reserve Fund (SNRF). The statutory definition given in Paragraph 22 of Article 1 of the Law of the Republic of Kazakhstan “On Special Protected Natural Areas” (hereinafter referred to as the SPNA Law) does not accurately reflect the essence and features of ecological corridors, or their main purpose. A number of legislative rules on environmental corridors contained in Article 81 of the SPNA Law and relevant resolutions of the Government of the Republic of Kazakhstan require adjustments as well. The paper gives a brief historical overview of the development of rules on ecological corridors within the environmental legislation of the Republic of Kazakhstan, as well as the process of establishing ecological corridors. The study has revealed very little attention paid both in Kazakhstan’s legislation and legal science to the definition of the concept of ecological corridor. Meanwhile internationally, based on the spatial culture model Patch-Corridor-Matrix by scientists R. Forman and M. Gaudron, they are explored in a whole multitude of scientific papers and separate regulatory legal acts (e.g., in the Kyrgyz Republic). The issues of establishing ecological corridors have been elaborated only in a few studies by landscape ecology and geoecology reps. Based on the analysis of the provisions of the EC RK, the SPNA Law, and other sources of Kazakhstan and foreign law, as well as scientific approaches to the issues of defining and establishing ecological corridors, terminology of landscape ecology and recommendations have been developed to improve Paragraph 22 of Article 1, Paragraphs 1 and 2 of Article 81 of the SPNA Law, as well as to develop new regulatory legal acts.

Keywords: reserve core, landscape ecology, matrix, objects of the State Nature Reserve Fund, special protected natural areas, natural complexes, patch, Ecological Code of the Republic of Kazakhstan, ecological network, ecological corridor.

Introduction

Both the state and society have been ordered legislative and regulatory protection of national parks and other natural resources of Kazakhstan in the Message of the Head of State K. Tokayev to the people of Kazakhstan “Kazakhstan in a New Reality: Time for Action” (September 1st, 2020) [1].

However, long before that, an appropriate regulatory framework has been formed in Kazakhstan and certain experience in protection of SPNAs and SNRF was accumulated, starting with the development of the first acts on nature reserves and ending with a more extensive list of SPNAs of various types and categories and highlighting the concepts of State Nature Reserve Fund and objects of State Nature Reserve Fund.

Concurrently, the conceptual apparatus of the SPNA and SNRF Institute requires amendments in connection with the transformation of relations for the protection of natural objects and complexes as in transitioning from conservative nature protection with the establishment of a special protection regime for individual natural complexes to multidimensional, spatial, and network type of protection.

The emergence of the concepts of ecological network and ecological corridor in the environmental legislation of the Republic of Kazakhstan requires their careful study, since the specialized literature shows an ambiguous approach to their interpretation.

This issue has practically not been addressed in domestic legal literature unless within the framework of landscape ecology and geoecology, while there are few comprehensive monographic studies [2; 112]. Dissertation studies on jurisprudence only mention the concept of ecological corridor [3; 71] and do not describe its legal essence, features, and legal regime. Incidentally, we see a gap in Kazakhstan’s legal research [4; 112–113].

The post-Soviet countries pay more attention to this issue, although again within the framework of natural sciences. [5; 18].

*Corresponding author’s e-mail: aminad13@yandex.ru

Consequently, the selected issue appears relevant and is caused by insufficiency of elaboration in research or schools of lawyer theory, or in the legislative provisions.

The purpose of this study is to analyze legislation regulating the concept of ecological corridor, to identify problematic issues of its legal regulation, to develop corresponding recommendations and proposals.

The following tasks serve to achieve the goal:

- Analyze national legislation on legal regulation of ecological corridors,
- Define the concept of ecological corridor, and
- Develop recommendations and proposals for improving the legislation of the Republic of Kazakhstan in this part.

The object of the study is the concept of ecological corridor.

The subject of the study is the legislation regulating the relations arising in the process of a network approach to the protection of SPNA and SNRF, as well as scientific research in the studied area.

Methods and Materials

The following general scientific methods were used for the study: analysis, synthesis, comparative legal, logical, systemic, historical, and legal methods.

Most notably, the method of legal analysis has been applied to the normative legal acts of the Republic of Kazakhstan and the norms of law; comparative legal analysis has been used to compare the concept of ecological corridor under the legislation of the post-Soviet countries (Russia, Belarus, Kyrgyzstan and Tajikistan); analysis and synthesis have been used to determine the relationship between the concepts of ecological network and ecological corridor; and historical and legal method proved successful in highlighting the process of legislative consolidation and establishing of ecological corridors in the Republic of Kazakhstan.

The research used the following materials:

- Scientific literature: dissertations and abstracts (D.T. Niyazgulov, Zh.K. Rysbekova, A.S. Tabelinova), articles (O.V. Ruleva, A.S. Rulev, E.M. Panchenko, A.G. Dyukarev, etc.), both in jurisprudence and in geographical, environmental sciences,
- Landscape textbooks (G.A. Demidenko, A.I. Safonov),
- Mass media articles and reviews, and
- Laws and subordinate regulatory legal acts.

Results and discussion

The results of the study are as follows:

- The conclusion on insufficient legal support of the institute of ecological network in terms of its element, the ecological corridor,
- Identification of a gap in legal research and theoretical schools of law on the definition of ecological corridor,
- Author's revision of the definition of ecological corridor,
- A proposal to make additions and amendments to Paragraph 22 of Article 1, Paragraphs 1 and 2 of Article 81 of the SPNA Law, and
- Recommendations on expanding the content of resolutions of the Government of the Republic of Kazakhstan and local executive bodies on ecological corridors or adopting independent provisions on them following the examples set by other states.

The definition of ecological corridor has been first enshrined at the legislative level in the Law of the Republic of Kazakhstan "On Special Protected Natural Territories" of July 7th, 2006 (hereinafter referred to as the SPNA Law); however, the Kazakhstan legislation would mention it even earlier.

Indicatively, the Concept of Development and Placement of Special Protected Natural Areas of the Republic of Kazakhstan until 2030 has stated that the development of a network of protected areas is implemented on the basis of one of the theoretical provisions of landscape ecology, namely, the one about nodes (cores) and corridors. However, this regulatory legal act does not list the corridors as green.

More specific on the issue was the Program for the Development of the System of Specially Protected Natural Areas of the Republic of Kazakhstan for 2007—2009. It indicates nature reserves and national parks as "protected cores" "interconnected by areas with less strict protection (nature sanctuaries, conservation areas), as well as with elements of ecological network: ecological corridors, forests, water protection zones and strips, and other protected natural areas".

We commend the state bodies of the Republic of Kazakhstan and the subjects of Kazakhstan's regulation-making for the following: After the adoption of the SPNA Law and the promulgation of provisions on ecological corridors in it, the first ecological corridor, the Yrgyz-Torgai-Zhylanshyk, was created in the Kostanay region to restore and increase the saiga population in the Republic of Kazakhstan [6]. Next off, two more: one to ensure migration of the Karatau argali on the ridges of the Karatau mountains (the Turkestan region) [7] and Kapshagai-Balkhash corridor in the Almaty region [8].

Even though there is a total of four ecological corridors currently operational [9], it is still clearly not enough to ensure biological diversity. Construction of communications (roads and railways, oil and gas pipeline systems) ignored conditions of animal habitats and their migration routes entirely, which ultimately had detrimental impact. Case in point, the Astana-Shchuchinsk highway has blocked migration routes of marals, the Western Europe-Western China highway has blocked migration routes of all large artiodactyls, and the construction of the Shalkar-Beineu railway has likely led to a sharp reduction of the Ustyurtsaiga population. Currently, this population is struggling to reach its previous number (over 500,000 animal units in 1970, currently 28,000), has lost fertility, and seized its winter migration to Uzbekistan and Turkmenistan, since the migration routes are now blocked by an active railway track.

Accordingly, we need new ecological corridors and appropriate regulatory legal acts describing the place, time, and process of their creation in sufficient detail.

Having analyzed the existing resolutions of local executive bodies on ecological corridors, we can acknowledge that, with the exception of the very first one, they are low-informative and are limited to indicating the adoption of such a decision, the purpose of creation, area, and region. The resolution on creation of Kapshagai-Balkhash also contains an appendix indicating space coordinates. Most certainly, legal acts on ecological corridors must go into much greater depth.

We would like to reiterate on a comparative novelty of the ecological network's key concepts. Prior to the inclusion of concepts of ecological network and ecological corridor in Kazakhstan legislation, similar concepts would be developed in landscape ecology based on the concept of spatial structure Patch-Corridor-Matrix by the American ecologist R. Forman and the French forestry scientist M. Gaudron (1986, 1997) [5; 18].

Intriguingly, any significant objects can be matrices, or "common and closely related types of landscape elements that play a dominant role in the landscape's functioning", while the patch is "a nonlinear surface that differs in its appearance from the surrounding one". The corridor is "a narrow strip that separates the matrices from each other".

It is assumed that the SPNA network consists of key SPNA objects or other large natural formations, the so-called nodes (cores) connected by spatial corridors also representing areas of nature. These can be natural ways of animal migration, plant propagation, both land and water (e.g., riverbeds). If necessary, in places of close contact with the artificial environment (railway tracks, highways, bridges, viaducts), nature can be supplemented with structures of non-natural origin disguised as objects of the natural environment).

Ecologists usually refer to the above nodes (or cores) as ecological cores, biocenters, natural core, or regional center of biodiversity. Ecological corridors are designated as transit territories (they provide the required connection between key territories), linear structures (axes or corridors), linearly elongated elements (biocorridors connecting cores) [10].

The above terms have been widely discussed and applied in theory in landscape ecology first and emerged in environmental legislation long after. The beginning of landscape ecology dates back to 1939 when C. Troll introduced the term "landscape ecology" (the ecology of landscapes) while the revival and active development took place in the 70–80s [11; 26–29]. Accordingly, the concepts of matrix, patch, and corridor have been actively discussed in scientific circles since 1986. As indicated above, in the legislation of the Republic of Kazakhstan, the concept of corridor appeared in 2000.

Few points should be stressed here.

Firstly, landscape ecology focuses a lot on the optimal combination of both natural and natural-anthropogenic complexes as indicated by a multitude of textbooks. For instance, V.A. Bakarasov argues that "the object of landscape ecology research is landscapes considered as polystructural and multicomponent natural (and natural-anthropogenic) formations" [12; 5].

Furthermore, we believe that the development of environmental sciences will lead to the active development of the institute of protected areas in settlements, the creation of so-called ecological frameworks that cover both natural and artificial objects. The concept of ecological framework is broader than that of the ecological network precisely due to the inclusion of anthropogenic objects in the first one.

Secondly, the science in question pays particular attention to human and human ways to “fit” into the natural environment. Scientists emphasize that “human economic activity in relation to natural conditions” is one of the “main directions of landscape ecology”.

For these reasons, unlike environmental law, this science puts human interests before nature's. Sometimes this disregards the fact that a human health and life expectancy rather depend on natural and climatic conditions than on the level of comfort in immediate environment.

Thirdly, the conceptual construct of natural sciences and jurisprudence may differ significantly and sometimes the same phenomenon could be described and denoted by different terms. To name few, biota and wildlife objects are “plant and animal life”, flora is “plant life”, and fauna is “animal life”. Laws and subordinate acts must use legal terminology.

These points must be taken into account when drafting regulatory legal acts and various concept definitions particularly.

Thus wise, since 2000, Kazakhstan has been implementing a network approach to the development of protected areas, i.e., considered them not as separate, isolated territorial objects but as interconnected ones, as part of a single network. The so-called ecological corridors have been playing the role of connecting links.

The SPNA Law gives the following definition: “Ecological corridor is a part of the ecological network represented by protected areas of land and water bodies connecting special protected natural areas to each other and to other types of protected natural areas to ensure natural migration (distribution) of wildlife and conservation of biological diversity” (Paragraph 22 of Article 1 of the SPNA Law).

The ecological network is understood as “a complex of special protected natural areas of various categories and types connected to each other and to other types of protected natural areas by ecological corridors, organized according to the natural, historical, cultural, and socio-economic features of the region” (Paragraph 23 of Article 1 of the SPNA Law).

Evidently, both definitions fulfill their task through each other: the definition ecological corridor indicates belonging to an ecological network while the latter concept is defined through the mention of ecological corridors' connecting function. This hinders understanding the rule of law and forces the search for other concepts.

The disadvantages of the ecological corridor's definition are as follows.

Firstly, the initial focus on the fact that it is part of the ecological network is not a requirement. Such an indication would be appropriate in the educational literature, but the rule of law must be concise.

Secondly, the definition specifies both main cores of protected areas and other types of protected natural areas. It is unclear what the latter are. Those might just as well be both individual objects of the State Nature Reserve Fund (SNRF) or not areas at all, e.g., a small pond, a relict tree or a natural monument. Or these could be recreational lands; however, they are usually not referred to as protected natural areas. Most likely, these are natural complexes that do not fall under the concept of protected areas. We believe that some SNRF objects (geological, landscape objects and their complexes, wetlands, unique natural water bodies or their sites) and natural complexes that do not fall under the concept of protected areas can act as so-called nodes (cores).

Thirdly, an ecological corridor's task of preserving other parts of the ecological network needs to be written in the law as well. Specifically, by ensuring the transit of wild animals, ecological corridors (migration routes of saigas, marals, fish spawning waterways, etc.) thereby preserve their numbers. Therefore, when including some SNRF objects as cores, ecological corridors should be fixed as also ensuring their safety. There is all the more reason for this as Paragraph 1 of Article 81 Ecological Corridors of the SPNA Law indicates this directly.

Fourthly, in its current definition, the ecological corridor is represented by protected areas of land and water bodies. However, based on the landscape ecology logic, such a corridor is not just linear, but rather a spatially linear object, i.e., it is a three-dimensional space that includes airspace. That is exactly where birds are migrating.

Additionally, the environmental legislation also presents protected areas as a 3D model: Paragraph 3 of Article 1 of the SPNA Law states that they include plots of land, water bodies, and airspace above them with natural complexes and objects of the state nature reserve fund provided with a special protection regime [6]. We believe that 3D holographic environment models are the future. Planning and coordination of environmental protection activities begins and will be built on such a basis, especially in the conditions of intensive digitalization of Kazakhstan.

Fifthly, the definition of ecological corridor uses the non-legal term “wildlife objects” as lawyers use the different term “objects of plant and animal life”.

Sixthly, here we are talking only about the conservation of biological diversity while ignoring landscape diversity. Cite one example, the Law of the Republic of Belarus “On Environmental Protection” of November 26th, 1992, No. 1982-XII specifies “preservation of natural ecological systems, biological, and landscape diversity” as the goal in the definition of the national ecological network. We believe that this could be used to form an updated definition of ecological corridor, but not limited to objects of the animal world.

We see the definition of an ecological corridor as follows: “ecological corridor is a plot of land and (or) water bodies, and airspace above them connecting other parts of the ecological network (special protected natural areas, objects of the state nature reserve fund, or other natural complexes) and ensuring their preservation, biological and landscape diversity, protection of natural ways of animal migration and plant propagation”.

The analysis of Article 81 Ecological Corridors of the SPNA Law has also shown some drawbacks as we see them.

Case in point, when specifying the goals of creating ecological corridors Paragraph 1 states that protection and arrangement of natural migration routes of animals and distribution of plants applies only to those that live and grow in special protected natural areas. But what about other objects of the plant and animal world? Saigas, to name a few, move and live not only in protected areas, but also outside them.

Even more so, the same paragraph states that “ecological corridors are created on land plots of all categories” even though the current definition of an ecological corridor stipulates that it is also represented by protected areas of water bodies.

Paragraph 2 does not mention water bodies as well.

This issue can be solved by introducing the following amendments and additions:

1. Supplement Paragraph 1 of Article 81 of the SPNA Law with “and landscape” after “biological”.
2. Exclude the following text snippet from Paragraph 1 of Article 81 of the SPNA Law: “living and growing in special protected natural areas”.
3. In paragraph 2 of Article 81 of the SPNA Law, replace “use of these lands” with “their use”.

In general, an analysis of Kazakhstan’s legislation on ecological corridors has shown that establishment of uniformity in creation of ecological corridors requires a detailed procedure. For one, the Republic of Kyrgyzstan has adopted the Procedure for Organizing Ecological Corridors that is currently in effect.

The result of the discussion of this is sue is identification of insufficient elaboration in the norms of the Kazakhstan legislation on ecological corridors.

Conclusion

The aforementioned issue can be solved by introducing appropriate amendments and additions to the SPNA Law, accompanying resolutions of the Government of the Republic of Kazakhstan and local executive bodies.

Supposedly, there is a second option: instead of expanding the content of Akimat resolutions on ecological corridors, appropriate is adoption of a separate subordinate normative legal act, a regulation or a procedure for organizing ecological corridors in the Republic of Kazakhstan, at the level of the Government of the Republic of Kazakhstan.

The key here is the definition of an ecological corridor (the author’s definition is proposed above), which should reflect the following features:

- It is a spatially linear object,
- It connects not only protected areas, but other types of protected natural objects (SNRF) as well,
- It preserves other parts of the ecological network, and
- It provides both biological and landscape diversity.

Speaking of the definition itself, the text of the norm must be corrected in terms of legal technique and use legal terminology.

We believe that the proposed results will expand the theory of environmental law and have practical value as they contribute to further development of ecological network and creation of new ecological corridors.

References

- 1 Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 1 сентября 2020 г. «Казахстан в новой реальности: время действий». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/addresses>.
- 2 Табелинова А.С. Природные и антропогенные процессы в ландшафтах северо-восточного Прикаспия (Мангыстауская и Атырауская области Казахстана): дис. ... канд. геогр. наук. Спец. 11.00.01 — «Геоэкология (географические науки)» / А.С. Табелинова. — М., 2019. — 249 с.

- 3 Рысбекова Ж.К. Правовое регулирование деятельности государственных национальных природных парков Республики Казахстан: дис. ... канд. юрид. наук. Спец. 12.00.06 — «Экологическое право» / Ж.К. Рысбекова. — Алматы, 2007. — 155 с.
- 4 Ниязгулов Д.Т. Правовой режим особо охраняемых природных территорий (сравнительный анализ законодательства Республики Казахстан и Великобритании): дис. ... д-ра философии (PhD). Спец. 12.00.00 — «Юридические науки» / Д.Т. Ниязгулов. — Алматы, 2009. — 146 с.
- 5 Демиденко Г.А. Ландшафтоведение: учеб. пос. / Г.А. Демиденко. — Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. аграр. ун-та, 2018. — 139 с.
- 6 Постановление акимата Костанайской области от 2 июня 2014 г. № 245 «О создании экологического коридора «Ыр-гыз–Торгай–Жыланшык» на территории Костанайской области». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/addresses>.
- 7 Постановление акимата Южно-Казахстанской области от 5 июня 2017 г. № 149 «О создании экологического коридора для обеспечения миграции Каратауских архаров на хребтах гор Каратау Туркестанской области». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/addresses>.
- 8 Постановление акимата Алматинской области от 7 февраля 2018 г. № 51 «О создании экологического коридора «Капшагай–Балхаш» на территории Алматинской области». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/addresses>.
- 9 Ахмедиева А. Коридор для диких животных создали в Алматинской области ради сохранения популяций. — [Электронный ресурс] / А. Ахмедиева. — Режим доступа: <https://informburo.kz/novosti/koridor-dlya-dikih-zhivotnyh-sozdali-v-almatinskoy-oblasti-radi-sohraneniya-populyaciy-.html>.
- 10 Казарян Р.А. Экологический каркас города или зелёный пояс / Р.А. Казарян, В.В. Хачатрян // Вестн. Евраз. науки. — 2020. — № 1. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://esj.today/PDF/82SAVN120.pdf>.
- 11 Рихлинг А. Состояние ландшафтной экологии и перспективы ее развития / А. Рихлинг // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5 «География». — 2009. — № 6. — С. 26–29.
- 12 Бакарасов В.А. Экология ландшафтов: Курс лекций / В.А. Бакарасов. — Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 2010. — 100 с.

А.Д. Жантасова

«Экологиялық дәліз» ұғымының кейбір мәселелері

Мақала ерекше қорғалатын табиғи аумақтарды (ЕҚТА) және мемлекеттік табиғи-қорық қорының объектілерін (МТҚҚО) қорғау құралы ретінде «экологиялық дәліз» ұғымын анықтау мәселесіне арналған. «Ерекше қорғалатын табиғи аумақтар туралы» Қазақстан Республикасы Заңының (бұдан әрі — ЕҚТА туралы Заң) 1-бабының 22-тармағында бекітілген анықтама экологиялық дәліздердің мәні мен сипаттамалық белгілерін, олардың негізгі мақсатын дәл көрсетпейді. ЕҚТА туралы Заңның 81-бабында қамтылған экологиялық дәліздер туралы бірқатар нормалар мен ҚР Үкіметінің тиісті қаулылары да түзетулер енгізуді талап етеді. Автор мақалада Қазақстан Республикасының экологиялық заңнамасындағы экологиялық дәліздерге қатысты нормалардың қалыптасуына, сондай-ақ іс жүзінде экологиялық дәліздерді құру үдерісіне қысқаша тарихи шолу жасаған. Зерттеу барысында Қазақстанның заңнамасында да, заң ғылымында да «экологиялық дәліз» түсінігінің анықтамасына нақты түсінік берілмегендігін, ал шетелдік ғалымдар Р. Форман мен М. Годронның көптеген ғылыми еңбектері «матрица-дақ-дәліз» құрылымының тұжырымдамасына негізделгені және шетелдік жекелеген нормативтік құқықтық актілерде (мысалы, Қырғыз Республикасында) тұжырымдама берілгені анықталған. Ландшафттық экология және геоэкология ғылымдары өкілдерінің кейбір зерттеулерінде ғана экологиялық дәліздерді құру мәселелері пысықталған. ҚР ЭК нормаларын, ЕҚТА туралы заңды және қазақстандық және шетелдік құқықтың басқа да көздерін, сондай-ақ экологиялық дәліздерді анықтау және құру проблемаларына ғылыми көзқарастарды, ландшафттық экология терминологиясын талдау негізінде ЕҚТА туралы Заңның 81-бабының 1, 1 және 2-тармақтарының 22-тармақтарын жетілдіру, сондай-ақ жаңа нормативтік құқықтық актілерді әзірлеу бойынша ұсынымдар әзірленді.

Кілт сөздер: қорғалатын өзеке, ландшафттық экология, матрица, мемлекеттік табиғи-қорық қорының объектілері, ерекше қорғалатын табиғи аумақтар, табиғи кешендер, дақ, Қазақстан Республикасының Экологиялық кодексі, экологиялық желі, экологиялық дәліз.

А.Д. Джантасова

К вопросу о понятии «экологический коридор»

Статья посвящена рассмотрению вопроса определения понятия «экологический коридор» как средства охраны особо охраняемых природных территорий (ООПТ) и объектов государственного природно-заповедного фонда (ОГПЗФ). Определение, закрепленное в п. 22 ст. 1 Закона РК «Об особо охраняемых природных территориях» (далее — Закон об ООПТ), недостаточно точно отражает сущность

и характерные признаки экологических коридоров, основное их предназначение. Ряд норм об экологических коридорах, содержащихся в ст. 81 Закона об ООПТ, и соответствующие постановления Правительства РК также требуют внесения корректив. В статье дан краткий исторический экскурс в формирование норм об экологических коридорах в экологическом законодательстве Республики Казахстан, а также процесс создания на практике экологических коридоров. В ходе исследования выявлено, что как в законодательстве, так и в юридической науке Казахстана вопросам определения понятия «экологический коридор» уделялось крайне мало внимания, тогда как за рубежом, на основе концепции пространственной культуры «матрица–пятно–коридор» ученых Р. Формана и М. Годрона, они представлены во многих научных работах и в отдельных нормативных правовых актах (например, в Кыргызской Республике). Лишь в некоторых исследованиях представителей наук ландшафтной экологии и геоэкологии проработаны проблемы создания экологических коридоров. На основе анализа норм Экологического кодекса РК, Закона об ООПТ и других источников казахстанского и зарубежного права, а также научных подходов к проблемам определения и создания экологических коридоров, терминологии ландшафтной экологии разработаны рекомендации по совершенствованию п. 22 ст. 1, п. 1 и 2 ст. 81 Закона об ООПТ, а также по разработке новых нормативных правовых актов.

Ключевые слова: заповедное ядро, ландшафтная экология, матрица, объекты государственного природно-заповедного фонда, особо охраняемые природные территории, природные комплексы, пятно, Экологический кодекс Республики Казахстан, экологическая сеть, экологический коридор.

References

- 1 Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazakhstana ot 1 sentyabrya 2020 goda «Kazakhstan v novoi realnosti: vremia deistviia» [Message of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan dated September 1, 2020 “Kazakhstan in a new reality: time for action”]. (n.d.). akorda.kz. Retrieved from <https://www.akorda.kz/ru/addresses>. [in Russian].
- 2 Tabelinova, A.S. (2019). Prirodnye i antropogennye protsessy v landshaftakh severo-vostochnogo Prikaspiia (Mangystauskaia i Atyrauskaia oblasti Kazakhstana) [Natural and anthropogenic processes in the landscapes of the northeastern Caspian region (Mangystau and Atyrau regions of Kazakhstan)]. *Candidate's thesis*. Moscow [in Russian].
- 3 Rysbekova, Zh.K. (2007). Pravovoe regulirovanie deiatel'nosti gosudarstvennykh natsionalnykh prirodnym parkov Respubliki Kazakhstan [Legal regulation of the activities of state national natural parks of the Republic of Kazakhstan]. *Candidate's thesis*. Almaty [in Russian].
- 4 Niiazgulov, D.T. (2009). Pravovoi rezhim osobo okhraniaemykh prirodnym territorii (sravnitelnyi analiz zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan i Velikobritanii) [The legal regime of specially protected natural areas (comparative analysis of the laws of the Republic of Kazakhstan and Great Britain)]. *Doctor's thesis (PhD)*. Almaty [in Russian].
- 5 Demidenko, G.A. (2018). Landshaftovedenie: uchebnoe posobie [Landscape science: Textbook]. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [in Russian].
- 6 Postanovlenie akimata Kostanaiskoi oblasti ot 2 iyunia 2014 goda N 245 «O sozdaniia ekologicheskogo koridora “Yrgyz–Torgai–Zhylynskiy” na territorii Kostanaiskoi oblasti» [Decree of the Akimat of the Kostanay region of June 2, 2014 No. 245 “On the creation of the Yrgyz–Torgai–Zhylynskiy ecological corridor on the territory of the Kostanay region”] (n.d.). akorda.kz. Retrieved from <https://www.akorda.kz/ru/addresses> [in Russian].
- 7 Postanovlenie akimata Yuzhno-Kazakhstanskoi oblasti ot 5 iyunia 2017 goda N 149 «O sozdaniia ekologicheskogo koridora dlia obespecheniia migratsii Karatauskikh arkharov na khrebtakh gor Karatau Turkestanskoi oblasti» [Resolution of the Akimat of the South Kazakhstan region of June 5, 2017 No. 149 “On the creation of an ecological corridor to ensure the migration of Karatau argali on the ridges of the Karatau mountains of the Turkestan region”]. akorda.kz. Retrieved from <https://www.akorda.kz/ru/addresses> [in Russian].
- 8 Postanovlenie akimata Almatinskoi oblasti ot 7 fevralia 2018 goda N 51 «O sozdaniia ekologicheskogo koridora “Kapshagai–Balkhash” na territorii Almatinskoi oblasti» [Decree of the Akimat of the Almaty region of February 7, 2018 No. 51 “On the creation of the ecological corridor “Kapshagai–Balkhash” in the territory of the Almaty region”]. akorda.kz. Retrieved from <https://www.akorda.kz/ru/addresses> [in Russian].
- 9 Akhmedieva, A. Koridor dlia dikikh zhivotnykh sozdali v Almatinskoi oblasti radi sokhraneniia populiatsii [Corridor for wild animals was created in the Almaty region for the sake of preserving populations]. informburo.kz. Retrieved from <https://informburo.kz/novosti/koridor-dlya-dikih-zhivotnykh-sozdali-v-almatinskoy-oblasti-radi-sohraneniya-populyatsiy-.html> [in Russian].
- 10 Kazarian, R.A. & Khachatryan, V.V. (2020). Ekologicheskii karkas goroda ili zelenyi poias [Ecological frame of the city or green belt.]. *Vestnik Evraziiskoi nauki — Bulletin of Eurasian Science*, 1. Retrieved from <https://esj.today/PDF/82SAVN120.pdf> [in Russian].
- 11 Rikhling, A. (2009). Sostoianie landshaftnoi ekologii i perspektivy ee razvitiia [State of landscape ecology and prospects for its development]. *Vestnik Moskovskogo universiteta — Bulletin of the Moscow University*, 6, 26–29 [in Russian].
- 12 Bakarov, V.A. (2010). Ekologiya landshaftov. Kurs lektsii [Ecology of landscapes. Course of lectures]. Minsk: Izdatel'stvo Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta [in Russian].

DOI 10.31489/2023L2/75-81

UDC 343.3/.7

R.M. Zhamiyeva^{*}, M.G. Albekova

*Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan
(E-mail: zhamieva.roza@gmail.com, albekova_m@mail.ru)*

*Scopus Author ID: 57209976091,
ORCID ID: 0000-0002-3397-478X*

AML in Kazakhstan: Progress, Challenges and Future Prospects

This academic article aims to analyze the current state and dynamics of developing the Anti-Money Laundering (AML) process in the Republic of Kazakhstan. The article reviews the regulatory framework for AML/CFT in Kazakhstan and discusses the government's efforts to combat money laundering in the country. The article also examines the role of financial institutions in implementing AML/CFT measures and the challenges faced by them. Based on the study and analysis of the national legislation of the Republic of Kazakhstan, the current problems of the formation and development of a system of counteraction to the legalization of criminal incomes are considered, and as a result, necessary measures will help to realize a necessary level of counteraction in the country. Also, the attention is focused on new money-laundering techniques such as using digital assets, which are actively used by criminal networks nowadays. In addition, the article highlights the recent developments and initiatives taken by Kazakhstan to strengthen its AML/CFT regime.

Keywords: money laundering, criminal proceeds, financial monitoring, financial institutions, Financial Action Task Force (FATF), digital assets, Financial Monitoring Agency, financial operations.

Introduction

Money laundering is recognized by global society as a serious threat to all countries, which is transnational in nature and can undermine the economic system of the country. The laundering of the proceeds of crime has a negative impact and effect on the economic activity of the state, affecting fair competition and increasing the size of the shadow economy.

The Republic of Kazakhstan is a rapidly developing country in Central Asia with a growing economy and a well-established financial sector. However, like many other countries, Kazakhstan faces the challenge of combating money laundering and terrorist financing.

In Kazakhstan, in January-October 2022 the country recorded 42 criminal offenses on legalization of money and other property obtained by illegal means — 55.6 % more than a year earlier. The established amount of damage for the period amounted to 3 billion tenge — twice as much as a year earlier [1].

An important threat to the Republic of Kazakhstan is the problem of capital flight, which for many years is directly linked to money laundering. According to international ratings, Kazakhstan is among the 20 countries with a “stable” outflow of capital abroad. National Bank data show that from 2010 to 2021, the gross outflow of direct investment from Kazakhstan (mainly to Cyprus, the Netherlands, the Cayman Islands, and Seychelles) amounted to about \$4.5 billion per year or \$53.4 billion for the entire period [2].

^{*} Corresponding author's e-mail: zhamieva.roza@gmail.com

The issue of digital assets, which in recent years have become developed in the country, deserves separate attention. Nowadays, digital assets pose a particular danger, facilitating the use of new methods of laundering criminal proceeds. The new payment systems facilitate money launderers' criminal activity. These systems are more convenient than cash as they allow large sums of money to be moved with ease, transactions are possible without the direct involvement of the persons concerned, which favors the use of fake buyers and false identities, the absence of credit risk, as there are usually prepaid, obstructing service providers from obtaining complete and accurate customer information, which allows us to conclude that it is necessary to take measures of legal regulation in this direction [3].

The government of Kazakhstan has recognized the threat posed by money laundering and has taken various steps to prevent it. This article analyzes the current state and development of the AML process in Kazakhstan, and proposes measures needed to improve the fight against this type of crime.

This article aims to determine the current situation and development of the AML/CFT system in Kazakhstan, identify the main problems of combating money laundering in the country, and develop a set of recommendations to improve the national system of combating criminal activity in the research.

The realization of the goal necessitated the solution of the following main issues: the scientific and theoretical foundations of the concept of money laundering were studied; the main directions of combating money laundering in Kazakhstan were identified; active role of financial institutions in the implementation of AML measures was determined; the measures necessary for the process of combating this type of crime were proposed.

Methods and Materials

In the process of writing the article general and special scientific methods of knowledge of social and legal reality were applied, such as analytical, formal-logical, comparative-legal, and system-structural.

The theoretical basis consisted of the works of well-known Kazakhstani and foreign scientists, who have made considerable input into the development of methodology of research of such crime as money laundering; a literature review on money laundering was made; materials of criminal cases and court decisions were studied; data of statistical reports of the Committee for Legal Statistics and Special Accounting under the General Prosecutor's Office of RK on the number of registered criminal cases were analyzed.

Results and Discussion

The term "legalization" is used interchangeably with the term "laundering" of funds obtained by criminal means. According to P.V. Zhubrin's definition, legalization of criminal proceeds should be understood as the commission of transactions and financial transactions disguised as legitimate transactions with criminal proceeds in order to conceal their criminal origin and give legitimacy to their possession, use and disposal [4; 7].

According to S.B. Chernov, the laundering of "dirty" money refers to any activity or transaction that is implemented in order to disguise the sources of origin, existence, distribution, redistribution and consumption of funds obtained as a result of a crime [5; 15].

P. Gilmour determined money laundering as an organized activity, whereby well-connected individuals operate collectively to pursue power or control and are motivated to conceal illicit funds from law enforcement [6; 45].

Summarizing the above positions of modern views on money laundering, we can say that all of them, despite the diversity of points of view, converge in the main one — money laundering is any operation implemented in order to disguise the origin of criminally acquired money and other funds, deliberately giving them a legitimate appearance.

The problem of anti-money laundering is becoming increasingly important both in Kazakhstan and around the world, which predetermines the creation of mechanisms for its suppression both at the international and national levels.

To launder the proceeds of crime, criminals use various schemes such as:

- Online Gambling: enables individuals to remit high amounts of money in a relatively anonymous and untraceable way. Criminals may use online gambling platforms to deposit illicit funds and then withdraw them as apparently legitimate winnings.
- Round Tripping: Numerous funds circulate through a significant number of money transfers from the account to the account of various companies and organizations before ending up with the money launderer.
- Reselling Assets: Criminals who launder money can purchase expensive property for cash and then sell it to make the money legal.

- Creating a false paper trail: The intentional use of documents to disguise the true sources, owners, and locations of criminally derived proceeds.
- Cryptocurrency: Cryptocurrency offer a high degree of anonymity and can be easily transferred across borders without the need for intermediaries such as banks. Criminals can use cryptocurrencies to hide the origin of illegal proceeds and transfer them without a trace to other parties.
- Smurfing: Smurfing relates to the technique of placing by dividing the total amount of money into smaller pieces.

Realizing the high degree of danger of criminal capital, and its adverse effect on the economy, politics, and society, the UN, the Council of Europe, and FATF (Financial Action Task Force on Money Laundering) indicate in their documents the need to strengthen the combat against money laundering by applying legislation, law enforcement, scientific and other measures of law enforcement, scientific and other prevention of such crimes [7].

At this stage, the government of Kazakhstan has already taken a number of significant actions to combat money laundering and terrorist financing. One of the most important decisions was the creation of the Financial Monitoring Agency (FMA), which was based on the President's personal instruction and FATF recommendations. This organization is intended to carry out control and implementation functions in the sphere of AML/CFT. The FMA has also established a system of suspicious transaction reporting conducts financial investigations and ensures the effective functioning of the financial monitoring system in the Republic of Kazakhstan.

Kazakhstan is a member of the Financial Action Task Force (FATF), an intergovernmental organization main purpose of which is to develop international standards to combat money laundering and terrorist financing and to monitor their implementation by member countries. Another important step for Kazakhstan was its membership in the Eurasian Group on Combating Money Laundering and Financing of Terrorism (EAG) in 2004, as a result of which the country passed several mutual evaluations by the EAG and FATF to assess its compliance with AML rules. In 2019, Kazakhstan underwent its third mutual evaluation by the FATF and was found to have made considerable headway in improving its AML/CFT regime since its previous evaluation in 2011. However, the evaluation also identified areas where Kazakhstan could improve its AML/CFT framework, such as enhancing the risk-based approach, strengthening the supervision of designated non-financial businesses and professions, and increasing the effectiveness of asset freezing and confiscation measures.

Since then, Kazakhstan has taken action to eliminate the weaknesses revealed in the Mutual Evaluation Report and has made strides in implementing the FATF recommendations. For example, Kazakhstan has made a number of significant changes to AML/CFT legislation, in particular introducing updated rules for certain categories of non-financial businesses and professions. Kazakhstan has also improved its cooperation with other countries and international organizations on AML/CFT issues and has intensified its endeavor to promote public understanding of AML/CFT risks.

The AML regulatory framework in Kazakhstan is mainly governed by the Law on Combating Legalization (Laundering) of Illegally Obtained Income and the Financing of Terrorism, which was passed in 2009. Under the AML Law, various entities, including banks, insurance companies, and other financial institutions, as well as non-financial institutions such as casinos, real estate agencies, and dealers in precious metals and dealers in precious stones, are required to implement AML measures. These measures include, first, customer due diligence (CDD), second, mandatory systematic monitoring of transactions and control of customer relationships, and third, immediate reporting of suspicious customer transactions to the Financial Intelligence Unit (FIU).

In addition to the AML/CFT law, Kazakhstan has issued a number of regulations and guidelines to assist in the enforcement of AML/CFT policies. For example, the FMA has issued guidelines on risk-based AML/CFT supervision and guidelines on the implementation of the AML/CFT law for subjects of financial monitoring. The National Bank of Kazakhstan has also developed and issued regulations on AML/CFT measures aimed at banks and other financial institutions. In addition, an essential step for the Republic of Kazakhstan has been the implementation of various international standards and best practices in the area of AML, including the recommendations of the FATF.

Financial institutions play a crucial role in implementing AML measures in Kazakhstan. They are required to conduct customer due diligence, monitor transactions, and inform about any suspicious transactions in the FMA. However, financial institutions face several challenges in implementing AML measures, such as inadequate resources, lack of AML expertise, and insufficient technology infrastructure.

According to the FMA of Kazakhstan, which is responsible for implementing AML measures and regulating financial institutions, the number of suspicious transaction alerts provided by financial institutions in Kazakhstan increased from 25,524 in 2020 to 27,196 in 2021 [8]. The FMA has attributed this increase to the improving AML awareness among financial institutions and the general public, as well as the strengthening of the AML regulatory framework in the country.

To monitor the current money laundering situation, Kazakhstan conducts an audit that determines the current state and threats in this area. In 2021, the second national AML risk assessment was conducted, following which the main risks, threats, and vulnerabilities were identified.

Using statistical techniques and data in the criminal law sphere, we can conclude that a high risk of AML crimes is: tax crimes, illegal economic activity, corruption, embezzlement of budget funds, fraud, and drug trafficking.

A high AML/CFT risk is assigned to the banking sector, the sector of microfinance organizations, as well as the gambling business. Based on national risk assessment results, all participants in the AML/CFT system are implementing measures aimed at reducing the identified risks and vulnerabilities.

According to T. Mussin, expert in the field of compliance and AML/CFT, an important role in implementing these measures is assigned to an AML/CFT expert (in international practice — AML Officer or Money Laundering Reporting Officer) of the organization, who is responsible for complying with all requirements in combating AML/CFT on the basis of legislation, international FATF recommendations and requirements of internal documents of the organization [9].

As Compliance Officer I. Kojumov noted, the role of a Compliance Officer is to ensure that employees and the company comply with legal requirements, including foreign ones if they have or may have an influence on the company and internal company rules. For companies providing financial services, Compliance Officer's role is to help the company achieve its strategic goals while managing the associated regulatory and financial crime risks [10].

In general, the dynamics of the state of development of the AML / CFT system in the Republic of Kazakhstan in the period from 2019 to 2021 show positive results. The number of financial monitoring entities covered by the AML/CFT system increased from 6,000 to 9,000, including 2,000 entities from the financial sector and 7,000 entities from the non-financial sector [11].

However, despite the implementation of laws and regulations, the AML system in Kazakhstan faces several challenges. Some of the main challenges include:

- Weak implementation of AML laws: There are reports of weak implementation and enforcement of AML laws and regulations in Kazakhstan. This is partly due to a lack of resources, capacity, and training among law enforcement and regulatory authorities.

- Capital flight: Each year huge amounts of illegal money are transferred out of the country by citizens, including officials. However, there are still no accurate estimates of the scale of this problem.

- Risks of using digital assets in money laundering and terrorist financing. The lack of approaches to identify all participants in transactions with digital assets is a challenge to the current global AML/CFT system and necessitates its improvement.

- Corruption: Corruption remains a significant issue in Kazakhstan, which could undermine AML efforts. There are reports of corruption in the financial sector, including money laundering, which can be conducted through banks and all other relevant financial organizations.

The problem of identifying the ultimate beneficiary: Identifying the ultimate beneficiary is an important means of ensuring the transparency and legitimacy of business [12; 181]. The lack of transparency in the ownership structure of legal entities creates opportunities for illicit activities such as money laundering and terrorist financing.

In recent years, Kazakhstan has taken several initiatives to strengthen its AML regime. In 2022, President Kassym — Jomart Tokayev approved the Concepts for the development of financial monitoring for 2022-2026, which aims to enhance the effectiveness of AML measures in the country. The strategy includes measures such as enhancing cooperation between government agencies, improving the regulatory framework, and increasing public awareness of AML risks. The key vision of development is to further strengthen the image of Kazakhstan as a responsible participant in the world system of combating money laundering using appropriate measures to protect the financial system and economy of the country from the real threats of money laundering and terrorist financing.

Kazakhstan has already taken important steps to combat money laundering in order to strengthen the national AML/CFT system. Some of the key initiatives include:

The return of assets: In 2022, the President decided to create an interdepartmental commission, headed by the Prosecutor General, to carry out comprehensive work on the return of funds illegally exported by citizens of Kazakhstan abroad. The head of state intends to personally supervise the work of the commission. Also within the framework of developing and improving this direction, Kazakhstan has introduced the institution of national public officials (NPL) — they now also fall under the control of subjects of financial monitoring.

Digital assets: Amendments to the AML/CFT legislation, which provide for the inclusion of persons engaged in business activities with digital assets in accordance with the Law of the Republic of Kazakhstan “On Informatization”, are currently being introduced [13]. The Agency has already signed a memorandum of cooperation with the international cryptocurrency exchange “Binance”. Its main purpose is to exchange information on the identification and blocking of transactions using digital assets obtained by criminal means, as well as those intended for money laundering and terrorist financing. To work effectively in this area, IT tools will be used to support the tracking of illegal financial transactions.

Enhancing the AML/CFT legal and regulatory framework: Kazakhstan actively applies the FATF standards as part of improving the national AML/CFT system, considering and addressing the deficiencies identified in the mutual evaluation reports. The adoption of the previously mentioned concept for the development of financial monitoring for 2022-2026 will also have a favorable effect on the regulatory framework in the field of AML/CFT.

Enhancing the role of the Financial Monitoring Agency (FMA): The FMA is the regulatory agency responsible for implementing AML measures and regulating financial institutions in Kazakhstan. The government of Kazakhstan is taking ongoing measures to strengthen the FMA's capacity and resources to improve its performance in combating money laundering and terrorist financing.

Implementation of a risk-based approach to AML/CFT: This approach is reflected in FATF Recommendation 1, which is the basis of the current methodology. Kazakhstan has adopted a risk-based approach to AML/CFT to implement financial monitoring measures when constructing a national AML/CFT system. The FMA has developed and issued risk-based AML/CFT supervisory guidance to assist financial institutions in implementing this approach.

Strengthening AML/CFT supervision: The FMA conducts regular financial monitoring of institutions to determine their compliance with AML/CFT regulations. An important step was the FMA's implementation of a new financial monitoring system for suspicious transactions in order to enhance its ability to detect and investigate money laundering and terrorist financing activities.

To address the problem of identifying beneficial owners, Kazakhstan has taken a number of important steps to improve its identification. In 2020, the government of Kazakhstan enacted amendments to the Law “On Combating Money Laundering and Terrorist Financing”, which obliged all legal entities to disclose their ultimate beneficiaries and inform the national register of beneficiary owners. The new amendments provide more specific and detailed requirements for beneficial ownership disclosure and establish administrative and criminal liability for non-compliance. The government has also been working to improve enforcement and raise awareness among businesses about the importance of transparency in beneficial ownership disclosure.

Kazakhstan has already established and continues to expand partnerships with other countries through memoranda of understanding to enhance global cooperation in combating money laundering and terrorist financing.

To improve anti-money laundering measures in Kazakhstan, such as strengthening the legal framework, increasing the transparency of beneficial ownership information, empowering financial institutions, and monitoring and preventing illegal activities of unsecured digital assets in the Republic of Kazakhstan are needed. Overall, Kazakhstan's AML initiatives demonstrate its commitment to strengthening its AML/CFT framework and combating money laundering and terrorist financing.

Conclusions

Money laundering is a global problem that involves concealing the source of illegally obtained funds by making them appear legitimate. Various methods are used, including online gambling, round-tripping, reselling assets, cryptocurrency, and smurfing. The formation of the AML system in the Republic of Kazakhstan began with the adoption of the law on AML in 2009. Kazakhstan has implemented measures to combat money laundering, such as establishing a Financial Monitoring Agency (FMA) responsible for implementing anti-money laundering (AML) measures, conducting regular inspections of financial institutions, and establishing a reporting system for suspicious transactions.

Kazakhstan faces challenges such as the weak implementation of AML laws, capital flight, risks of using digital assets in money laundering, corruption, and the problem of identifying the ultimate beneficiary. To overcome these challenges, Kazakhstan has taken several initiatives, including the return of assets, amendments to AML/CFT legislation for digital assets, strengthening the legal and regulatory framework, enhancing the role of the Financial Monitoring Agency, implementing a risk-based approach, improving the effectiveness of AML/CFT supervision, and establishing partnerships with other countries and international organizations. The country's recent initiatives are aimed at strengthening the AML regime and protecting its economy from the dangers of money laundering and terrorist financing.

Recent developments and initiatives undertaken by Kazakhstan demonstrate its efforts to combat money laundering and terrorist financing, and financial institutions have played a crucial role in implementing AML measures. However, there are still challenges to be addressed, and the government of Kazakhstan needs to continue its efforts to strengthen its AML regime.

References

- 1 Internet portal of legal statistics. — [Electronic resource]. — Access mode: <https://qamqor.gov.kz/>
- 2 Official website of the National Bank of the Republic of Kazakhstan. — [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.nationalbank.kz>
- 3 Abel Souto M. Money Laundering, Cybercrime and Criminal Responsibility of Legal Persons. / Abel Souto // Y. Liu, M. Tian, Y. Shao (Eds.) Cybercrimes and Financial Crimes in the Global Era. Springer, Singapore. — 2022. — P. 145-165.
- 4 Жубрин Р.В. Основы профилактики легализации преступных доходов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 — «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» / Р.В. Жубрин. — М., 2013. — 61 с.
- 5 Чернов С.Б. Противодействие легализации криминального капитала как стратегическое направление борьбы с преступностью в условиях перехода к рыночной экономике в России / С.Б. Чернов // Преступность: стратегия борьбы / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Долговой. — М., 2012. — 256 с.
- 6 Gilmour P. Reexamining the anti-money laundering framework: A legal critique and new approach to combating money laundering / P. Gilmour // Journal of Financial Crime. — 2023. — № 30(1). — P. 35–47.
- 7 Жубрин Р.В. Профилактика легализации преступных доходов / Р.В. Жубрин // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2016. — № 1 (35). — С. 74–80.
- 8 Official website of the Financial Monitoring Agency of the Republic of Kazakhstan. — [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.gov.kz/memleket/entities/afm?lang=en>
- 9 Мусин Т. Роль эксперта по ПОД/ФТ. — 2019 / Т. Мусин. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.banker.kz/blogs/TMussin/the-role-of-the-expert-amlcft.php?commentId=2117>
- 10 Комплаенс-культура как важнейший элемент системы управления регуляторным риском. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.nicnbk.kz/news/view?id=151>
- 11 Указ Президента Республики Казахстан от 6 октября 2022 г. № 1038 «Об утверждении Концепции развития финансового мониторинга на 2022–2026 гг.». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200001038>
- 12 Особенности национальных систем ПОД/ФТ государств Евразийского региона: учеб. пос. — Т. 1: Республика Казахстан / под ред. Н.А. Коржовой. — Нур-Султан–М., 2020. — 352 с.
- 13 Национальная оценка рисков легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, Агентства Республики Казахстан по финансовому мониторингу. Официальный сайт Агентства финансового мониторинга Республики Казахстан. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/afm/documents/details/209651?lang=ru>

Р.М. Жамиева, М.Г. Альбекова

Қазақстандағы АЖ/ТҚҚ: прогресс, мәселелері және болашақ перспективалары

Мақаланың мақсаты Қазақстан Республикасындағы ақшаны жылыстатуға қарсы іс-қимыл процесінің қазіргі жағдайы мен дамуына талдау жасау. Сонымен қатар Қазақстандағы АЖ/ТҚҚ-ға қарсы заңнамалық базаға және ақшаны жылыстатуға қарсы күресте үкімет жүргізіп жатқан күш-жігерге шолу жасалған. АЖ/ТҚҚ бойынша шараларды жүзеге асырудағы қаржы институттарының рөліне, олардың алдында тұрған проблемаларға назар аударылған. Қазақстан Республикасының ұлттық заңнамасын және оны қолдану тәжірибесін талдау негізінде қылмыстық жолмен алынған кірістерді заңдастыруға қарсы күрес жүйесін қалыптастыру мен дамытудың негізгі проблемалары айқындалған. Осының негізінде елімізде ақшаны жылыстатуға қарсы іс-шараларды жүзеге асырудың негізгі бағыттарын ұсынуға әрекет жасалуда. Қазіргі уақытта қылмыстық қауымдастықтар белсенді қолданатын цифрлық активтерді пайдалана отырып, ақшаны жылыстатудың жаңа әдістеріне көңіл бөлінуде. Сон-

дай-ақ мақалада АЖ/ТҚК режимін күшейту және қылмыстық кірістерді алу мен заңдастыру жағдайларын жою бойынша Қазақстанның соңғы оқиғалары мен бастамалары қарастырылған.

Кілт сөздер: ақшаны жылыстату, қылмыстан түскен кірістер, қаржылық мониторинг, қаржы институттары, қаржылық әрекеттер жөніндегі жұмыс тобы, цифрлық активтер, Қаржылық мониторинг агенттігі, қаржылық транзакциялар.

Р.М. Жамиева, М.Г. Альбекова

ПОД/ФТ в Казахстане: прогресс, проблемы и перспективы

Цель настоящей статьи — анализ текущего состояния и развития процесса борьбы с отмыванием денег в Республике Казахстан. Авторами представлен обзор нормативно-правовой базы ПОД/ФТ в Казахстане и усилия, предпринимаемые правительством, для борьбы с отмыванием денег. Уделено внимание роли финансовых учреждений в реализации мер по ПОД/ФТ и проблемам, с которыми они сталкиваются. На основе анализа национального законодательства Республики Казахстан и практики его применения обозначены основные проблемы формирования и развития системы противодействия легализации преступных доходов. Представлена попытка предложения основных направлений реализации мер по противодействию отмыванию незаконных доходов в стране. Акцентируется внимание на новых методах отмывания денег с использованием цифровых активов, которые активно используются преступными сообществами в настоящее время. Кроме того, в статье рассмотрены последние события и инициативы, предпринятые Казахстаном для укрепления режима ПОД/ФТ и устранения условий для получения и легализации преступных доходов.

Ключевые слова: отмывание денег, преступные доходы, финансовый мониторинг, финансовые учреждения, группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, цифровые активы, Агентство финансового мониторинга, финансовые операции.

References

- 1 Internet portal of legal statistics. Retrieved from <https://qamqor.gov.kz/>
- 2 Official website of the National Bank of the Republic of Kazakhstan. Retrieved from <https://www.nationalbank.kz>
- 3 Abel Souto, M. (2022). Money Laundering, Cybercrime and Criminal Responsibility of Legal Persons. In: Liu, Y., Tian, M., Shao, Y. (Eds.) *Cybercrimes and Financial Crimes in the Global Era*. Springer, Singapore, 145-165.
- 4 Zhubrin, R.V. (2013) *Osnovy profilaktiki legalizatsii prestupnykh dokhodov* [Basics of money laundering prevention]. *Extended abstract of Doctor's thesis*. Moscow [in Russian].
- 5 Chernov, S.B. (2012). *Protivodeistvie legalizatsii kriminalnogo kapitala kak strategicheskoe napravlenie borby s prestupnostiu v usloviakh perekhoda k rynochnoi ekonomike v Rossii* [Combating legalization of criminal capital as a strategic direction in the fight against crime in the transition to a market economy in Russia]. A.I. Dolgovaja (Ed.). Moscow [in Russian].
- 6 Gilmour, P. (2023). Reexamining the anti-money laundering framework: A legal critique and new approach to combating money laundering. *Journal of Financial Crime*, 30(1), 35–47.
- 7 Zhubrin, P.V. (2016). *Profilaktika legalizatsii prestupnykh dokhodov* [Prevention of money laundering]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika — Legal Science and Law Enforcement Practice*, 1 (35), 74–80 [in Russian].
- 8 Official website of the Financial Monitoring Agency of the Republic of Kazakhstan. Retrieved from <https://www.gov.kz/memleket/entities/afm?lang=en>
- 9 Mussin, T. (2019). Rol eksperta po POD/FT [The role of the AML/CFT expert]. Retrieved from <https://www.banker.kz/blogs/TMussin/the-role-of-the-expert-amlcft.php?commentId=2117> [in Russian].
- 10 Komplaens-kultura kak vazhneishii element sistemy upravleniia reguliatsionnym riskom [Compliance culture as an essential element of the regulatory risk management system]. (n.d.). [nicnbk.kz](https://www.nicnbk.kz). Retrieved from <https://www.nicnbk.kz/news/view?id=151> [in Russian].
- 11 Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 6 oktiabria 2022 goda N 1038 «Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiia finansovogo monitoringa na 2022–2026 gody» [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated October 6, 2022 No 1038 On approval of the Concept of development of financial monitoring for 2022-2026]. Retrieved from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200001038> [in Russian].
- 12 (2020). *Osobennosti natsionalnykh sistem POD/FT gosudarstv Evraziiskogo regiona: uchebnoe posobie*. Tom 1: Republic of Kazakhstan [Peculiarities of national AML/CFT systems of the Eurasian region] / N.A. Korzhova (Ed.). Nur-Sultan–Moscow, 1[in Russian].
- 13 *Natsionalnaya otsenka riskov legalizatsii (otmyvaniia) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem*, Agentstva Respubliki Kazakhstan po finansovomu monitoringu. Ofitsialnyi sait Agentstva finansovogo monitoringa Respubliki Kazakhstan [National Risk Assessment of Money Laundering by the Financial Monitoring Agency of the Republic of Kazakhstan. Official website of the Financial Monitoring Agency of the Republic of Kazakhstan]. Retrieved from <https://www.gov.kz/memleket/entities/afm/documents/details/209651?lang=ru> [in Russian].

А.М. Есентемирова^{*1}, С.С. Суркова²

¹ Университет Алихана Букейханова, Семей, Казахстан;

² Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
(E-mail: bam051289@inbox.ru; svetlanka_8709@mail.ru)

Выявление органами внутренних дел причин правонарушений в бытовом насилии в Казахстане

Статья посвящена исследованию основных моментов по выявлению правоохранительными органами причин правонарушений в бытовом насилии, которые в последующем могут стать превентивными мерами в области семейно-бытовых отношений. Основной целью исследования является выработка основных предложений для дальнейшей работы правоохранительных органов в выявлении и уменьшении бытового насилия в семьях. Проведенное исследование показало необходимость принятия правил взаимодействия правоохранительных органов с жертвами бытового насилия и агрессорами. Для подробной проработки темы исследования были выбраны основные направления по исследованию понятий виктимизация жертв, латентность семейно-бытового насилия и превенция в этой области. С целью недопущения в ходе исследования недостатков в рекомендациях по совершенствованию законодательства о профилактике бытового насилия в Республике Казахстан данные статьи основаны на опыте зарубежных государств и доктрине. Научное исследование имеет ряд результатов, которые заключаются в следующем: систематизация поведения субъектов бытового насилия для дальнейшего предотвращения преступлений в сфере бытового насилия, а также значение факторов, влияющих на совершение противоправных действий в семейно-бытовых отношениях. Создание эффективного механизма по предупреждению бытового насилия позволит уменьшить уровень правонарушений в этой области, а также повысить уровень доверия к правоохранительным органам в исследуемой сфере.

Ключевые слова: бытовое насилие, домашнее насилие, семейно-бытовое насилие, правоохранительные органы, профилактика бытового насилия, административное правонарушение.

Введение

Данная работа посвящена феномену бытового насилия в Казахстане, основным вопросам ответственности правоохранительных органов и превенции этого негативного явления, получившего особую известность и остроту в последние годы. Проблемы бытового насилия — сложное явление, для которого нет комплексного решения. Важным вопросом остается оценка исследования зарубежного опыта, международных документов и национального законодательства.

Минимизация преступлений в сфере бытового насилия в условиях нынешнего времени является актуальной не только в Казахстане, но и во всем мире.

Неоднократно Президент Казахстана К.-Ж. Токаев в своих выступлениях отмечал, что в обществе уже продолжительное время поднимается вопрос об ужесточении наказания за насилие в семейно-бытовой сфере [1]. Также Президент указал на дальнейшую деликатную работу с семейными дебоширами, и о важности принятия всех необходимых мер.

Премьер-министр А. Смайлов, выступая на заседании Правительства 18 октября 2022 г., дал ряд поручений «по ужесточению наказания за бытовое насилие против женщин, укреплению профильных подразделений полиции и пересмотру подходов к организации работы с потерпевшими» [2].

Изучение статистики Бюро национальной статистики показывает уменьшение количества зарегистрированных обращений по бытовому насилию в отношении женщин. В 2019 г. было зафиксировано — 96750, в 2020 г. — 63644 и в 2021 г. 61464 случая [3]. Но это не отменяет факта наличия преступлений в сфере бытового насилия.

Актуальность данного исследования обусловлена фактом наличия бытового насилия в семьях Казахстана. Деструктивное поведение членов семьи приводит к определенным негативным последствиям. А также возрастает угроза устойчивости семьи и межпоколенные конфликты. Чаще всего таким семьям требуется помощь определенных специалистов.

Целью данной работы является выработка основных предложений (рекомендаций) для дальнейшей работы правоохранительных органов в выявлении и предотвращении бытового насилия в семьях

^{*} Автор-корреспондент. E-mail: bam051289@inbox.ru

путем использования превентивных мер. Предпосылкой послужило наличие несколько трудов в этом направлении, которые требуют более тщательной проработки и систематизации. Основными задачами являются: раскрыть основные формы бытового насилия; выявление факторов бытового насилия; выработка более четких рекомендаций для деятельности правоохранительных органов в бытовых преступлениях.

О выработке программы, «направленной на обеспечение безопасности семьи», упоминается еще в 1934 г. научными исследователями супругами А. Мюрдаль и Г. Мюрдаль [4]. В некоторых государствах функционируют специальные службы, тогда как в нашем государстве предпринимаются попытки просто примирить дебошира с семьей.

Данное авторское исследование направлено на определение основных проблем, связанных с возникновением бытового насилия, работой правоохранительных органов с вызовом на жалобу о домашнем насилии и работой с бытовыми дебоширами. Тем не менее анализ проблем бытового насилия показал высокую латентность, по утверждению Научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов, «70–90 % женщин, страдающих от мужей-тиранов, длительное время не обращаются за помощью в полицию» [5].

Конфликтным моментом, на наш взгляд, является взаимодействие теории и практики в вопросах бытового насилия. Так, теория имеет множество исследований. В отношении применения теории в практике может иметь иной исход. Примером может служить выезд представителей органов внутренних дел на вызов о бытовом насилии. Ключевым моментом для сотрудников правоохранительных органов является необходимость видеть ситуацию такой, какая она есть, возможность проведения анализа дальнейшего исхода бытовой ссоры, учитывая позитивные и негативные моменты, используя принцип объективности.

Мы согласны с мнением сотрудниц кризисных центров, что «одна из главных особенностей домашнего насилия состоит в том, что оно представляет собой *систематически повторяющееся действие*, и именно это отличает домашнее насилие от конфликта или ссоры. Конфликт обычно имеет в своей основе некую конкретную проблему, которую можно разрешить. *Домашнее насилие*, наоборот, *происходит с целью обретения полной власти и контроля над пострадавшей стороной*» [6].

Также стоит отметить, что в основе бытового конфликта лежит агрессия. Ряд авторов дает определение этому явлению. Приведем более четкое определение, на наш взгляд, «агрессивность — это личностная позиция, свойство личности, заключающееся в наличии деструктивных тенденций в области субъектных отношений и предпочтении использования насильственных средств для реализации своих целей» [7].

Сразу следует оговориться, что в работе не ставилась задача выработать (исходя из анализа зарубежного законодательства, практики его применения и др.) какой-либо подход или изобрести средство, которые явились бы лучшим средством от бытового насилия, которым наше общество тоже, к сожалению, страдает. Единого подхода нет и быть не может, но, тем не менее, следует знать, как эту «болезнь» лечат в других государствах и обществах, имеющих разные культурные и правовые традиции.

Методы и материалы

Данное исследование основывается на теоретических методах. Так, за основу теоретического метода исследования был взят метод анализа. На наш взгляд, это наиболее подходящий метод, поскольку позволяет мысленно разложить предмет на составляющие части. Этим методом легче систематизировать информацию и прийти к логическому заключению.

Мы глубоко убеждены в том, что проблема домашнего насилия может быть решена в нашей стране лишь совместными усилиями общественных и государственных структур. Их взаимодействие необходимо как для подготовки работников правоохранительных органов, так и для разъяснения правовой основы домашнего насилия его жертвам.

При исследовании темы был изучен обширный спектр литературы. Идеи каждого автора имеет огромную ценность, как и результаты. Одним из ключевых источников была взята работа «Оценка уровня безопасности населения и доверия к правоохранительным органам» [8], которая основывается на международном опросе виктимизации в Казахстане. Данное исследование дает широкое описание, проводимое в Казахстане при финансовой поддержке Европейского союза для дальнейшей работы в области совершенствования уголовного правосудия в Казахстане. Для подробной проработки темы исследования были выбраны основные направления по исследованию понятий виктимизации жертв [9–11], латентность семейно-бытового насилия [12–14] и превенция в этой области.

На наш взгляд, не менее интересные предложения были выдвинуты авторами С.Ш. Мурзабаевой и М.П. Писклаковой-Паркер о совершенствовании законодательства в области семейно-бытового насилия среди стран Содружества [15].

Результаты

При написании работы мы столкнулись с неоднозначным мнением по поводу терминологии. В Кодексе об административных правонарушениях РК (далее — КоАП) содержатся понятия административного правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, предусматривающие ответственность за совершение дебоширства в сфере семейно-бытового насилия, включая унижение, нецензурную брань, повреждение предметов домашнего обихода. Также отмечено понятие «семейно-бытовых отношений», то есть «отношения между супругами, бывшими супругами, лицами, проживающими или проживавшими совместно, близкими родственниками, лицами, имеющими общего ребенка (детей)» [16]. Закон РК «О профилактике бытового насилия» использует термин «бытовое насилие», которому дается следующее объяснение: «умышленное противоправное деяние (действие или бездействие) одного лица в сфере семейно-бытовых отношений в отношении другого (других), причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания» [17]. Мы разделяем мнение некоторых ученых-исследователей в отношении интерпретации упомянутых выше терминов и разделяем точку зрения о том, что «семейно-бытовое насилие», «бытовое насилие» и «домашнее насилие» являются тождественными понятиями. По-нашему мнению, использовать термин «домашнее насилие» будет более логично, поскольку оно как оценочное понятие охватывает и отношение незарегистрированного брака, что теоретически относится к семье и может в последующем, с появлением детей, привести к родственным связям [18]. Кроме того, подобное объяснение можно соотнести и к «бытовому насилию», тогда как понятие «семейно-бытовое насилие» практически не используется в законодательстве. Полагаем, что синонимичные термины также могут быть полноценно использованы в статье, поскольку законодательством не дано более подробного уточнения, что является более правильным словосочетанием.

Правовая классификация бытового насилия закреплена в Законе РК «О профилактике бытового насилия», который разделяет следующие виды бытового насилия: физическое, сексуальное, психологическое (эмоциональное) и экономическое [17; 4].

Помимо этого, Р. Ерусланова отмечает, что есть ряд различий форм насилия, которые автор подразделяет по субъекту взаимодействия, а именно: от кого к кому направлено бытовое насилие — «взрослые по отношению к детям, дети и взрослые по отношению к престарелым, отношения между взрослыми членами семьи, мужа по отношению к жене и т.д.» [19].

Физическое насилие — одна из распространенных форм насилия дома [19; 43]. Чаще всего физическое насилие выражено нанесением телесных повреждений различных форм. Следствием чего жертва получает увечья, из-за которых становится временно нетрудоспособной.

Психологическое насилие выражается в систематических оскорблениях, воздействии на психику члена семьи различными способами для подавления более слабых. Кроме того, сюда включают контроль, слежку и эмоциональное воздействие, подавляющее волю человека и унижающее достоинство жертвы. По данным Доклада (2016 г.), эта форма насилия самая трудноизмеримая и обидная форма [20]. Последствия подобного воздействия приводят к стрессу, страданиям и страху.

Сексуальное насилие чаще всего это принуждение без согласия партнера к половым актам, и, как следствие, применение силы и угрозы в достижении цели.

Экономическое насилие чаще всего выражено в единоличном контроле членов семьи в отношении бюджета, в том числе запрет работать относится к этой же форме. Выдача определенной суммы денег, за трату которых требуется отчет.

По поводу факторов, влияющих на проявление бытового насилия, высказывается множество различных мнений. Так, факты, влияющие на возникновение бытового насилия, по мнению А.Я. Воронцовой, одним из распространенных мотивов совершения бытового насилия являются «личная неприязнь, приводящая к возникновению ссор, драк и других бытовых эксцессов, хулиганские побуждения и сопутствующая им месть, ревность, корысть и иные мотивы» [21]. Кроме того, отмечаются иные «факторы риска, предрасполагающие к домашнему насилию: невысокий уровень образования женщины, проживание в сельской местности, отсутствие собственного недвижимого имущества, возраст до 20 лет, отсутствие работы, а также продолжительность брака более 5 лет. Результаты данного,

а равно многих иных исследований подтверждают тезис о том, что бедность и сопутствующие ей факторы являются одними из ключевых причин домашнего насилия» [21; 43].

В то же время, по мнению коллектива авторов, отмечается, что «именно с исламом как с религией и с мусульманской культурой проблема домашнего насилия ассоциируется наиболее сильным образом» [22; 46], тогда как, согласно статистике исследования Комитета по делам религии за 2019 г., «92,8 % считают себя религиозными» [23]. Выявление подобных негативных последствий происходит, в первую очередь, с целью дальнейшего их устранения.

Тем не менее, анализ проблем бытового насилия показал высокую латентность, по утверждению научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов «70-90% женщин, страдающих от мужей-тиранов, длительное время не обращаются за помощью в полицию» [24].

Безусловно, часто в семьях бывают ссоры, члены семьи не разделяют мнение друг друга. Но тем не менее если же конфликта не удалось избежать, то в этом случае требуется обращение к участковому, позвонить в службу 102 или в кризисные центры.

В первую очередь, следует высказать мнение, о компетенции органов внутренних дел в вопросах профилактики бытового насилия. В ст. 10 Закона РК «О профилактике бытового насилия» (2009) указывается, что в компетенцию правоохранительных органов входит «осуществление мер по профилактике бытового насилия». В ст. 17 названного выше закона дано описание мер, которые применяются согласно еще одному Закону РК «О профилактике правонарушений» (2010). Под профилактикой правонарушений понимается «комплекс правовых, экономических, социальных и организационных мер, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений, направленных на сохранение и укрепление правопорядка путем выявления, изучения, устранения причин и условий, способствующих совершению правонарушений» [25]. Меры индивидуальной профилактики бытового насилия определяются с учетом индивидуальных особенностей лица, в отношении которого они применяются, характера и степени общественной опасности, совершенных им правонарушений.

Для бытовых дебоширов, согласно КоАП РК, предусматривается ряд особых мер к их дальнейшему поведению. Согласно Закону РК «О профилактике бытового насилия», хотелось бы заострить внимание на защитном предписании. Тем не менее в отношении защитного предписания, которое выносится для безопасности потерпевшего в отношении правонарушителя, на наш взгляд, есть некоторые недопонимания. После проведения профилактической беседы и выявления состояния правонарушителя на усмотрение уполномоченных лиц (участковый инспектор полиции) и с согласия жертвы выносится защитное предписание. Само защитное предписание предполагает особые требования для правонарушителя, а именно: запрет некоторых действий, в том числе преследование и розыск жертвы. В КоАП РК и в Комментарий к Закону «О профилактике бытового насилия» дается пояснение, что «установление особых требований к правонарушителю является мерой, которая применяется только судом» [5]. Соответственно, для участковых инспекторов полиции остается лишь запретить дебоширить и проводить профилактические беседы.

Сегодня в Казахстане имеются организации по оказанию помощи, цель которых оказание социальной поддержки и защиты, а также реабилитации пострадавших от бытового насилия, которые в силу определенных обстоятельств не могут обратиться к кому-либо. Законодательством также предусмотрена психологическая помощь, в том числе и психокоррекционная работа с агрессорами. Но тем не менее стоит заметить, что вся эта работа проводится непосредственно уже на фактах совершенных противоправных действий.

Обсуждение

Бытовое насилие — это не миф, это реальность. Мы полностью разделяем точку зрения коллектива авторов (М.П. Кабакова, З.М. Садвакасова, Н.Н. Семененко, В.В. Полякова, А.Ж. Габдулина, М.М. Сулеймен) о том, что «насилие можно отследить во всех социальных группах, независимо от уровня дохода, образования, положения в обществе, классовых, расовых, культурных, религиозных, социоэкономических аспектах, то есть распространенность различных видов и форм насилия в семье такова, что охватывает всю популяцию» [26; 27]. Также поддерживаем точку зрения Н.А. Туниной, что жертвой может стать любой член семьи [14], в то же время следует согласиться, что насилие в семье ведет к другим глобальным общественным проблемам.

Немаловажно отметить значение внутрисемейных отношений на дальнейшее проявление виктимного поведения у подростков, особенно в неблагополучных семьях [27]. Авторы исследуют последовательность и взаимосвязь возникновения девиантного поведения у детей в семье, которое зна-

чительно зависит от внутрисемейного климата. В связи с этим заключением, мы твердо уверены, что дети в качестве образца поведения копируют подобные действия и в последующем могут применить их в жизни. Также в одном из исследований отмечается, что если в семье проявляется авторитарность, то, как следствие, у детей появляется «склонность к зависимому и беспомощному поведению, и тем сильнее выражена у них реализованная виктимность» [27; 51]. Мы не разделяем точку зрения авторов, так как авторитарность родителей может сказываться и в другом направлении, например, ребенок отстаивает свою позицию, проявляет агрессию на то, что его не слушают и не учитывают его мнение, поведение которого в дальнейшем может привести к девиантному поведению в обществе, в том числе и проявлению агрессии.

В дальнейшем плодотворная работа с трудными подростками, поведение которых может отслеживаться классными руководителями и своевременным сообщением школьным инспекторам может уменьшить уровень преступности уже взрослого человека. К слову сказать, по данному направлению работают и школьные психологи. Но в настоящее время все большее количество родителей заявляют свою отрицательную позицию в работе детей с психологами. В своей работе «Ранняя профилактика домашнего насилия» автор Г. Козлова предлагает тренинговые уроки со старшеклассниками в качестве воспитательной работы [28]. На наш взгляд, привлечение школьных инспекторов и грамотное разъяснение некоторых моментов домашнего насилия может служить профилактической мерой в дальнейшем.

Формы насилия всесторонне изучены, практически в каждом учебнике о бытовом/домашнем насилии есть описание форм и видов бытового насилия и, как следствие, несут в себе определенную опасность.

Мы также убеждены, что факторами насилия может служить множество причин. И в каждой теории есть определенный смысл и подтверждение.

Значение виктимологии и виктимизации в преступлениях бытового насилия играют также ключевую роль. В авторской работе А.Е. Шалагина «Криминальная виктимология: понятие, содержание, профилактика» [9] хорошо раскрывается понятие как виктимологии, так и виктимности. Автор дает предположительно высокую личностно-ситуативную виктимность предполагаемых жертв и описывает процесс виктимизации, что важно для применения разработанных исследований на практике. Чаще всего аспекты виктимологии рассматриваются в контексте преступного поведения. В процессе исследования темы виктимности мы не нашли отдельных разработок в отношении бытового насилия.

Немало работ зарубежных ученых посвящено латентности семейно-бытового насилия, которые отражают причины скрытости данного вида преступления, постановки проблемы и последствия.

Следующий вопрос, поднимаемый зарубежными исследователями, «Как избежать виктимности детей, родители которых находятся в разводе?». По мнению одного из зарубежных авторов (V. Roseby), дети очень часто становятся жертвами подобного явления, такой как агрессия между родителями, и какую роль играют в этих случаях правоохранительные органы [29].

Вовремя предпринятые меры по жалобам от бывших супругов по поводу воспитания и встреч с несовершеннолетними детьми, проведение своевременных бесед с агрессорами являются также положительными превентивными мерами в предотвращении домашнего насилия. Данные меры могут быть выполнены специалистами в области психологии специальных центров при направлении органами полиции.

Несмотря на обилие компетентных органов и их взаимодействие, каждый из них решает и реагирует на факты бытового насилия самостоятельно и решает проблемы в этой области. На каждом этапе исследования работы компетентных правоохранительных органов в вопросах семейно-бытового насилия определяется круг первоочередных проблем, которые должны быть решены в определенной последовательности, которые стали особенно важными потребностями практики в последнее время. О чем свидетельствует выдвинутое предложение в Послании Президента РК народу Казахстана от 1 сентября 2022 г.: «Правоохранительные органы сомневаются в необходимости данного шага [криминализации семейно-бытового насилия], поскольку считают, что он приведет к снижению выявляемости таких правонарушений» [30]. Полагаем, что можно выразить обратное утверждение, поскольку криминализация как раз усилит страх за совершаемое преступление в отношении членов семьи. Как таковое чувство безнаказанности еще больше подталкивает к определенным правомерным действиям.

И тем не менее Глава государства в Послании Президента Республики Казахстан от 2 сентября 2019 К.-Ж. Токаев уже отмечал необходимость срочного ужесточения наказания за «... бытовое

насилие против женщин и другие тяжкие преступления против личности, особенно против детей. Вопросы защиты прав ребенка и противодействия бытовому насилию должны быть нашим приоритетом» [1].

Не менее интересные предложения были выдвинуты авторами С.Ш. Мурзабаевой и М.П. Пискаковой-Паркер о совершенствовании законодательства в области семейно-бытового насилия среди стран Содружества [15]. Следует признать и согласиться с авторами, что «действующие нормативно-правовые акты направлены не на предупреждение, а на ликвидацию последствий случившегося и начинают действовать после факта совершения насилия» [15]. Сегодня в странах СНГ не существует каких-либо механизмов профилактики и пресечения домашнего насилия и борьбы с его последствиями. Отсутствие специального закона против домашнего насилия препятствует системному решению данной проблемы.

Важным научным исследованием, на наш взгляд, явилось сравнительное исследование социальных норм в Норвегии и Бразилии, в котором указывается недостаточная обученность опрошенных (медики и представители полиции), которые заявили об этом в своем интервью [31]. В нашем случае недостаток знаний в области реагирования на домашнее насилие правоохранительных органов является ключевым вопросом в предупреждении и борьбе с домашним насилием.

Выводы

Описанные процессы в настоящем исследовании дают возможность понять основные виды и формы бытового насилия. Также полагаем, что информация позволяет идентифицировать личностные и внутрисемейные факторы, которые влияют на возможность возникновения уязвимости личности.

Последовательное изучение и понимание многих внутренних концепций внутрисемейных взаимоотношений позволит разработать необходимые профилактические программы, в первую очередь, для компетентных уполномоченных, которые, на наш взгляд, позволят снизить уровень виктимности, а следовательно, количество правонарушений в области семейно-бытовых отношений.

Хочется еще раз отметить, что одним из главных субъектов предупреждения и пресечения семейно-бытовых конфликтов является, в первую очередь, участковый инспектор полиции. В его компетенцию входит специфика работы как эффективная система реагирования на совершенные правонарушения, также и работа с правонарушителями в виде профилактической работы. Следует отметить, что они также ведут профилактический учет и контроль за «проблемными семьями».

Поэтому, на наш взгляд, требуется максимально эффективно проводить анализ выявления причин совершения бытового насилия, для того чтобы в дальнейшем это способствовало выработке эффективных предупредительных мер.

На основе проведенного исследования считаем необходимым сделать следующие выводы:

1. Проблема бытового насилия является актуальной, но достаточно латентной, что вызывает множество дискуссий.
2. Наличие проводимых превентивных мер по правонарушению в сфере семейно-бытовых отношений уполномоченными субъектами позволило бы сократить правонарушения.
3. Привлечение школьных инспекторов и грамотное разъяснение некоторых моментов домашнего насилия может служить профилактической мерой в дальнейшем.
4. Требуется более обширное информирование общественности о наличии государственных и неправительственных организаций в регионах, оказывающих специальные социальные услуги для жертв бытового насилия.
5. Также считаем допустимым внести в компетенцию работы участковых инспекторов полиции направление и правонарушителя и жертв бытового насилия к специалистам в области психологии.
6. Для достижения результатов эффективной работы органов внутренних дел в сфере бытового насилия требуется прохождение специальных психологических курсов.

Предложенные изменения позволят улучшить работу правоохранительных органов с бытовым насилием, а также снизить уровень совершаемых правонарушений в этой области.

Список литературы

- 1 Послание Президента Республики Казахстан К.-Ж.К. Токаева народу Казахстана от 2 сентября 2019 г. «Конструктивный общественный диалог — основа стабильности и процветания Казахстана». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana. (Дата обращения: 03.03.2023)
- 2 Ахметжанов М. Назрела необходимость изменения акцентов с репрессивной направленности на реабилитационную. / М. Ахметжанов. — 2022. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://primeminister.kz/ru/news/nazrela-neobhodimost-izmeneniya-akcentov-s-repressivnoy-napravlenosti-na-reabilitacionnyu-m-ahmetzhanov-1893747>. (Дата обращения: 03.03.2023).
- 3 Количество зарегистрированных случаев бытового насилия в отношении женщин. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://gender.stat.gov.kz/page/frontend/detail?id=85&slug=-70&cat_id=4&lang=ru
- 4 Карлсон А. Шведский эксперимент в демографической политике: Гуннар и Альва Мюрдали и межвоенный кризис народонаселения / А. Карлсон; пер. с англ. — М.: ИРИСЭН; Мысль, 2009. — 312 с.
- 5 Анализ проблем в сфере бытового насилия. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://academy-gr.kz/?p=10638&lang=ru>.
- 6 Насилие в семье: метод. пос. для спец. — Псков: Изд-во «ЛОГОС Плюс», 2013. — 52 с.
- 7 Ратинов А.Р. Избранные труды / А.Р. Ратинов; сост. М.В. Кроз, Н.А. Ратинова; предисл. О.Д. Ситковской. — М.: Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2016. — 212 с.
- 8 Исследование «Оценка уровня безопасности населения и доверия к правоохранительным органам (международный опрос виктимизации в Казахстане)». — Астана, 2018. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://research.nu.edu.kz/ws/portalfiles/portal/16792006/_pdf (Дата обращения: 03.03.2023).
- 9 Шалагин А.Е. Криминальная виктимология: понятие, содержание, профилактика / А.Е. Шалагин // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. — 2017. — № 1 (27). — С. 62.
- 10 Андронникова О.О. Теоретический анализ основных современных теорий виктимизации, разработанных в рамках зарубежной науки / О.О. Андронникова // Вестн. Кемер. гос. ун-та. — 2015. — № 4 (64). — С. 54.
- 11 Аракелян К.Н. Внутрисемейные факторы виктимизации личности / К.Н. Аракелян, А.В. Шаболтас // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. — 2015. — Т. 8. № 1. — С. 50.
- 12 Абдраманова Н.К. Латентность домашнего насилия в Республике Казахстан на современном этапе / Н.К. Абдраманова, Е.О. Алауханов // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. — 2020. — № 38. — С. 5–14.
- 13 Романенко Е.Д. К вопросу о латентности семейно-бытовой насильственной преступности: сб. ст. Междунар. науч.-исслед. конкурса / Е.Д. Романенко. — 2020. — С. 63–69.
- 14 Тунина Н.А. Латентность семейного насилия и её последствия. Постановка проблемы / Н.А. Тунина // Исследования молодых ученых. — 2011. — С. 82–85.
- 15 Мурзабаева С.Ш. Законодательное регулирование проблемы семейно-бытового насилия в странах Содружества / С.Ш. Мурзабаева, М.П. Пискалова-Паркер // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2013. — № 14. — С. 105.
- 16 Об административных правонарушениях. Кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 235–V З РК.
- 17 Закон Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия» от 4 декабря 2009 года № 214–IV (с изм. и доп. по состоянию на 24.11.2021 г.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30525680 (Дата обращения: 03.03.2023).
- 18 Амирова Д.К. Законодательная регламентация уголовной ответственности за семейно-бытовое насилие: проблемы и пути их решения / Д.К. Амирова, Ю.В. Куницына // Ученые записки Казан. юрид. ин-та МВД России. — 2021. — Т. 6. № 1 (11). — С. 7–11.
- 19 Ерусланова Р.И. Насилие в семье: учеб. пос. / Р.И. Ерусланова. — М: Изд-во «Дашков и К», 2015. — 128 с.
- 20 Выборочное обследование по насилию в отношении женщин в Казахстане: стат. сб. на каз. и рус. яз. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.stat.gov.kz
- 21 Воронцов А.Я. Подворно-поквартирный обход участковым уполномоченным полиции: основные аспекты / А.Я. Воронцов // Евраз. юрид. журн. — 2016. — № 8. — С. 251.
- 22 Домашнее насилие по законодательству зарубежных стран: ответственность и превенция / отв. ред. Н.А. Голованова. — М.: НИЦ «ИНФРА-М», 2011. — 384 с.
- 23 Доклад о свободе вероисповедания в странах мира за 2020 год. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://kz.usembassy.gov/ru/2020-report-on-international-religious-freedom-kazakhstan-ru/>
- 24 Анализ проблем в сфере бытового насилия. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://academy-gr.kz/?p=10638&lang=ru>
- 25 Закон Республики Казахстан «О профилактике правонарушений» от 29 апреля 2010 г. № 271–IV (с изм. и доп. по состоянию на 19.12.2020 г.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000271> (Дата обращения: 02.01.2023).

- 26 Кабакова М.П. Семейно-бытовое насилие: теория и практика: учеб.-метод. пос. / под общ. ред. М.П. Кабаковой / М.П. Кабакова, З.М. Садваксова, Н.Н. Семененко, В.В. Полякова, А.Ж. Габдулина, М.М. Сулеймен. — Алматы: Қазақ университеті, 2021. — 127 с.
- 27 Аракелян К.Н. Внутрисемейные факторы виктимизации личности / К.Н. Аракелян, А.В. Шаболтас // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер. Психология. — 2015. — Т. 8. № 1. — С. 50–55.
- 28 Козлова Г.Л. Пособие для педагогов учреждений общего среднего образования / Г.Л. Козлова. — Минск: Четыре четверти, 2015. — 64 с.
- 29 Roseby V. Clinical interventions with latency-age children of high conflict and violence / V. Roseby // American Journal of Orthopsychiatry. — 1995. — Том 65, Выпуск 1. — С. 48. DOI 10.1037/h0079585.
- 30 Послание Президента Республики Казахстана К.-Ж.К. Токаева народу Казахстана от 1 сентября 2022 г. «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130> (Дата обращения: 03.03.2023).
- 31 Raquel Barbosa Miranda. Domestic violence and social norms in Norway and Brazil: A preliminary, qualitative study of attitudes and practices of health workers and criminal justice professionals / Miranda Raquel Barbosa, Lange Siri. — December 4, 2020. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0243352>

А.М. Есентемирова, С.С. Суркова

Ішкі істер органдарының Қазақстандағы тұрмыстық зорлық-зомбылықтағы құқық бұзушылықтардың себептерін анықтауы

Мақала құқық қорғау органдарының тұрмыстық зорлық-зомбылықтағы құқық бұзушылықтардың себептерін анықтау жөніндегі негізгі ойларды зерттеуге арналған, олар кейіннен отбасылық-тұрмыстық қатынастар саласындағы алдын алу шараларына айналуы мүмкін. Зерттеудің негізгі мақсаты — отбасылардағы тұрмыстық зорлық-зомбылықты анықтау және азайту бойынша құқық қорғау органдарының алдағы жұмысы бойынша негізгі ұсыныстарды әзірлеу. Зерттеу құқық қорғау органдарының тұрмыстық зорлық-зомбылық құрбандарымен және агрессорлармен өзара әрекеттесу ережелерін қабылдау қажеттілігін көрсетті. Зерттеу тақырыбын егжей-тегжейлі зерделеу үшін құрбандардың виктимизациясы, тұрмыстық зорлық-зомбылықтың летенттілігі және осы саладағы алдын алу тұжырымдамаларын зерттеудің негізгі бағыттары таңдалды. Зерттеу барысында Қазақстан Республикасында тұрмыстық зорлық-зомбылықтың алдын алу туралы заңнаманы жетілдіру жөніндегі ұсынымдардағы кемшіліктерді болдырмау мақсатында осы мақала шет мемлекеттердің тәжірибесіне және доктринаға негізделген. Ғылыми зерттеу бірқатар нәтижелерге ие, олар мыналардан тұрады: тұрмыстық зорлық-зомбылық субъектілерінің тұрмыстық зорлық-зомбылық саласындағы қылмыстардың одан әрі алдын алу үшін тәртібін жүйелеу, сондай-ақ отбасылық-тұрмыстық қатынастарда заңсыз әрекеттерді жасауға әсер ететін факторлардың маңызы. Тұрмыстық зорлық-зомбылықтың алдын алудың тиімді тетігін құру осы саладағы құқық бұзушылықтардың деңгейін төмендетуге, сондай-ақ зерттелетін саладағы құқық қорғау органдарына деген сенім деңгейін арттыруға мүмкіндік береді.

Кілт сөздер: тұрмыстық зорлық-зомбылық, үйдегі зорлық-зомбылық, отбасылық-тұрмыстық зорлық-зомбылық, құқық қорғау органдары, тұрмыстық зорлық-зомбылықтың алдын алу, әкімшілік құқық бұзушылық.

A.M. Yessentemirova, S.S. Surkova

Identification by internal affairs bodies of the causes of offenses in domestic violence in Kazakhstan

This work is devoted to the study of the main points on the identification by law enforcement agencies of the causes of offenses in domestic violence, which in the future can become preventive measures in the field of family and domestic relations. The main purpose of the study is to develop basic proposals for the further work of law enforcement agencies in identifying and reducing domestic violence in families. The study showed the need to adopt rules for the interaction of law enforcement agencies with victims of domestic violence and aggressors. For a detailed study of the research topic, the main directions for researching the concepts of victimization, the latency of domestic violence and prevention in this area were chosen. In order to avoid shortcomings in the recommendations for improving legislation on the prevention of domestic violence in the Republic of Kazakhstan during the study, these articles are based on the experience of foreign countries and doctrine. The scientific study has a number of results, which are as follows: systematization of the behavior of subjects of domestic violence for the further prevention of crimes in the field of domestic violence, as well as the importance of factors influencing the commission of unlawful acts in family and domestic rela-

tions. The creation of an effective mechanism for the prevention of domestic violence will reduce the level of offenses in this area, as well as increase the level of trust in law enforcement agencies in the area under study.

Keywords: domestic violence, law enforcement agencies, prevention of domestic violence, administrative offense.

References

- 1 Poslanie Prezidenta Respubliki Kazakhstana K.-Zh.K. Tokayeva narodu Kazakhstana ot 2 sentiabria 2019 goda «Konstruktivnyi obshchestvennyi dialog — osnova stabilnosti i protsvetaniia Kazakhstana» [Message from the President of the Republic of Kazakhstan K.-Zh.K. Tokayev to the people of Kazakhstan dated September 2, 2019 “Constructive public dialogue is the basis of stability and prosperity of Kazakhstan”. *akorda.kz*. Retrieved from: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazakhstan [in Russian].
- 2 Akhmetzhanov, M. (2022). Nazrela neobkhodimost izmeneniia aktsentov s repressivnoi napravlenosti na reabilitatsionnuu [There is a need to change the emphasis from a repressive focus to a rehabilitation one]. *Premierministr.kz*. Retrieved from: <https://primeminister.kz/ru/news/nazrela-neobkhodimost-izmeneniya-akcentov-s-repressivnoy-napravlenosti-na-reabilitatsionnuyu-mahmetzhanov-1893747> [in Russian].
- 3 Kolichestvo zaregistrirannykh sluchaev bytovogo nasiliia v otnoshenii zhenshchin [Number of reported cases of domestic violence against women]. *Stat.gov.kz*. Retrieved from: https://gender.stat.gov.kz/page/frontend/detail?id=85&slug=-70&cat_id=4&lang=ru [in Russian].
- 4 Karlson, A. (2009). Shvedskii eksperiment v demograficheskoi politike: Gunnar i Alva Myurdali i mezhoennii krizis narodonaseleniia [The Swedish Experiment in Population Policy: Gunnar and Alva Myurdali and the Interwar Population Crisis]. Moscow: Izdatelstvo «IRISEN» [in Russian].
- 5 Analiz problem v sfere bytovogo nasiliia [Analysis of problems in the field of domestic violence]. Retrieved from: <https://academy-gp.kz/?p=10638&lang=ru> [in Russian].
- 6 (2013). Nasilie v seme: metodicheskoe posobie dlia spetsialistov [Violence in family. Methodological guide for specialists]. Pskov: Izdatelstvo «LOGOS Plus» [in Russian].
- 7 Ratnov, A.R. (2016). Izbrannye trudy [Selected writings]. Moscow: Akademiia Generalnoi prokuratury Rossiiskoi Federatsii [in Russian].
- 8 (2018). Issledovanie «Otsenka urovnia bezopasnosti naseleniia i doveriia k pravookhranitelnykh organam (mezhdunarodnyi opros viktimizatsii v Kazakhstane)». [Survey “Assessment of the level of public safety and trust in law enforcement agencies” (international survey of victimization in Kazakhstan)]. Retrieved from: https://research.nu.edu.kz/ws/portalfiles/portal/16792006/_pdf [in Russian].
- 9 Shalagin, A.Ye. (2017). Kriminalnaia viktimologiya: poniatie, sodержanie, profilaktika [Criminal victimology: concept, content, prevention]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii — Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1 (27), 62 [in Russian].
- 10 Andronnikova, O.O. (2015). Teoreticheskii analiz osnovnykh sovremennykh teorii viktimizatsii, razrabotannykh v ramkakh zarubezhnoi nauki [Theoretical analysis of the main modern theories of victimization developed within the framework of foreign science]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of the Kemerovo State University*, 4 (64), 54 [in Russian].
- 11 Arakelyan, K.N., & Shaboltas, A.V. (2015). Vnutrisemeinye faktory viktimizatsii lichnosti [Intra-family factors of personality victimization]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of the South Ural State University*, 8, 1, 50 [in Russian].
- 12 Abdramanova, N.K., & Alaukhanov, Ye.O. (2020). Latentnost domashnego nasiliia v Respublike Kazakhstan na sovremennom etape [Latency of domestic violence in the Republic of Kazakhstan at the present stage]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo — Bulletin of Tomsk State University. Law*, 38, 5–14 [in Russian].
- 13 Romanenko, Ye.D. (2020). K voprosu o latentnosti semeino-bytovoi nasilstvennoi prestupnosti [To the question of the latency of family and domestic violent crime]. *Sbornik statei Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa — Collection of articles of the International Research Competition*, 63–69 [in Russian].
- 14 Tunina, N.A. (2011). Latentnost semeinogo nasiliia i eio posledstviia. Postanovka problemy [Domestic violence latency and its consequences. Statement of the problem]. *Issledovaniia molodykh uchenykh — Research of young scientists*, 82–85 [in Russian].
- 15 Murzabayeva, S.Sh., & Pisklakova-Parker, M.P. (2013). Zakonodatelnoe regulirovanie problemy semeino-bytovogo nasiliia v stranakh Sodruzhestva [Legislative regulation of the problem of domestic violence in the Commonwealth countries]. *Yevraziiskaia integratsiia: ekonomika, pravo, politika — Eurasian integration: economics, law, politics*, 14, 105 [in Russian].
- 16 Ob administrativnykh pravonarusheniakh. Kodeks Respubliki Kazakhstan ot 5 iuliia 2014 goda N 235–V Z RK [About administrative offenses. Code of the Republic of Kazakhstan dated July 5, 2014 No 235–V ZRK]. *Yurist-Paragraf*. Retrieved from <https://www/http://online.zakon.kz> [in Russian].
- 17 Zakon Respubliki Kazakhstan «O profilaktike bytovogo nasiliia» ot 4 dekabria 2009 goda N 214-IV (s izmeneniiami i dopolneniiami po sostoianiu na 24.11.2021 g.) [Law of the Republic of Kazakhstan “On the Prevention of Domestic Violence” dated December 4, 2009 No. 214-IV (as amended and supplemented as of November 24, 2021)]. Retrieved from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30525680 [in Russian].

- 18 Amirova, D.K., & Kunitsyna, Yu.V. (2021). Zakonodatelnaia reglamentatsiia ugovnoy otvetstvennosti za semeino-bytovoe nasilie: problemy i puti ikh resheniia [Legislative regulation of criminal liability for domestic violence: problems and ways to solve them]. *Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii — Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 6, 1 (11), 7–11 [in Russian].
- 19 Yeruslanova, R.I. (2015). Nasilie v seme: uchebnoe posobie [Violence in family. Tutorial]. Moscow: Izdatelstvo «Dashkov i Ko.» [in Russian].
- 20 Vyborochnoe obsledovanie po nasiliu v otnoshenii zhenshchin v Kazakhstane: statisticheskii sbornik na kazakhskom i russkom yazykakh [Sample survey on violence against women in Kazakhstan / statistical compendium / in Kazakh and Russian / 37 pages. The compendium is available on the Internet resource of the Committee on Statistics of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan]. www.stat.gov.kz [in Russian].
- 21 Vorontsov, A.Ya. (2016). Podvorno-pokvartirnyi obkhod uchastkovym upolnomochennym politzii: osnovnye aspekty [Door-to-door bypass by district police officers: main aspects]. *Yevraziiskii yuridicheskii zhurnal — Eurasian Law Journal*, 8, 251 [in Russian].
- 22 Golovanov, N.A. (2011). Domashnee nasilie po zakonodatelstvu zarubezhnykh stran: otvetstvennost i preventsiia [Domestic violence under the laws of foreign countries: responsibility and prevention]. Moscow: NITS «INFRA-M» [in Russian].
- 23 Doklad o svobode veroisповедaniia v stranakh mira za 2020 god [World Religious Freedom Report 2020]. Retrieved from: <https://kz.usembassy.gov/ru/2020-report-on-international-religious-freedom-kazakhstan-ru/> [in Russian].
- 24 Analiz problem v sfere bytovogo nasiliia [Analysis of problems in the field of domestic violence]. Retrieved from: <https://academy-gp.kz/?p=10638&lang=ru> [in Russian].
- 25 Zakon Respubliki Kazakhstan «O profilaktike pravonarushenii» ot 29 apreliia 2010 goda N 271–IV (s izmeneniiami i dopolneniiami po sostoiianiiu na 19.12.2020 g.) [Law of the Republic of Kazakhstan “On the Prevention of Offenses” dated April 29, 2010 No. 271-IV (as amended and supplemented as of December 19, 2020)]. Retrieved from: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000271> [in Russian].
- 26 Kabakova, M.P. (2021). Semeino-bytovoe nasilie: teoriia i praktika: uchebno-metodicheskoe posobie [Domestic violence: theory and practice: Educational and methodological manual]. Almaty: Qazaq universiteti [in Russian].
- 27 Arakelyan, K.N., & Shaboltas, A.V. (2015). Vnutrisemeinye faktory viktimizatsii lichnosti [Intrafamilial factors of personality victimization]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia Psikhologiya — Bulletin of the South Ural State University. Ser. Psychology*, 8, 1, 50–55 [in Russian].
- 28 Kozlova, G.L. (2015). Posobie dlia pedagogov uchrezhdenii obshchego srednego obrazovaniia [Manual for teachers of general secondary education institutions]. Minsk: Chetyre chetverti [in Russian].
- 29 Roseby, V. (1995). Clinical interventions with latency-age children of high conflict and violence. *American Journal of Orthopsychiatry*, Vol. 65, Issue 1, P. 48. DOI 10.1037/h0079585
- 30 Poslanie Prezidenta Respubliki Kazakhstan K.-Zh.K. Tokaeva narodu Kazakhstana ot 1 sentiabria 2022 goda «Spravedlivoe gosudarstvo. Yedinaia natsiia. Blagopoluchnoe obshchestvo» [Message from the President of the Republic of Kazakhstan K.-Zh.K. Tokayev to the people of Kazakhstan dated September 1, 2022 “A Just State. United nation. Prosperous Society”]. Retrieved from: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazakhstan-181130> [in Russian].
- 31 Raquel Barbosa Miranda, & Siri Lange. Domestic violence and social norms in Norway and Brazil: A preliminary, qualitative study of attitudes and practices of health workers and criminal justice professionals. — December 4, 2020. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0243352>

DOI 10.31489/2023L2/92-100

ӨОЖ 34.4414

Р.А. Тоқатов, Г.А. Ильясова *,

Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қарағанды, Қазақстан
(E-mail: tokatov77@mail.ru, G.Iliasova@mail.ru)

ORCID ID: 0000-0002-6289-8325,
Scopus Author ID: 57197811182,
Researcher ID WOS: AAR-6742-2020

Мемлекеттік тілді заңның тілі ретінде қалыптастыру

Мақалада елімізде заңдардың ресми орыс тілінде әзірленіп, қабылдануынан кейін мәтінін мемлекеттік тілге аударудың салдары туралы мәселелер талқыланған. Авторлар мемлекеттің егемендігіне тұрақтылық беретін қасиеттің бірі ретінде мемлекеттік тілдің мәртебесін көтеру өте маңызды екеніне көз жеткізген. Орыс тілінен қазақ тіліне аударылған заңның мәтініндегі дұрыс емес әрі түсініксіз аударылған баптарды құқыққолдану тәжірибесінде қолдануда қиындықтар кездесетіні мәлім. Сонымен қатар ҚР Азаматтық кодексі (Жалпы бөлім), ҚР Азаматтық кодексі (Ерекше бөлім), ҚР Кәсіпкерлік кодексі, ҚР «Қайырымдылық туралы» Заңының орыс және қазақ тілдеріндегі мәтіндеріндегі теңтүпнұсқалық қағидасына сәйкес келмейтін кейбір қате аудармаларды айқындап, олардың дұрыс аудармалары ұсынылған. Қате аудармалардың орын алу себебі заң шығару процесінде заңдық техника талаптарының, соның ішінде, заңдық лингвистика бойынша заңдық терминологияларды аударуда бірізділіктің сақталмауынан деген қорытынды жасалған. Мақала авторлары заңдардың қазақ тіліндегі мәтіндерінен анықталған қате аудармаларға талдау жүргізе отырып, мемлекеттік тілімізді заңның тіліне айналдырудың құқықтық тетіктерін ұсынған. Қорытындыда осындай құқықтық реттеу тетігін орнату жолымен ғана мемлекеттік тілді заңның тілі ретінде қалыптастыру мәселесін шешу қажеттігі негізделген.

Кілт сөздер: мемлекеттік тіл, мемлекеттік тілдің құқықтық мәртебесі, заңның тілі, қазақ тілі, заңдық техника, Азаматтық кодекс, заңдарды аудару, заңдық терминология, теңтүпнұсқалық, заң лингвистикасы, лингвистикалық сараптама.

Kipicne

Отанымыздың егемендігін жариялағалы отыз жылдан астам уақыт өтсе де оның шынайы құндылығы мен нәрін тата алмай отырғанымыз айдан анық. Бұлай деп айтуымыздың басты себебі, заңгер болған соң қазақ тілінде заң шығару мен оларды қабылдаудағы проблемаларды тілге тиек етпекпіз. Мемлекеттің егемендігіне тұрақтылық беретін үш қасиет бар, егер олар қоғамда басты құндылық болып танылса, онда мемлекеттегі егемендіктің шынайы лебі соғып, мемлекеттің рухани құндылықтары ерен орын алып, ел дамуына орасан ықпал етеді. Ал олар дамымаса немесе олардың дамуына атүсті қарап, құр қағаз жүзінде шаруасын дөңгелетіп, шынайы өмірде олардың дамуына мемлекет тарапынан бөлінетін қыруар қаражатты құмға құйылғандай қаралса, онда мемлекеттің болашағы бұлыңғыр болады. Сонымен, елдің тәуелсіздігі алдымен қоғамдағы ұлттық негізді қалыптастыратын үш басты мәселемен тығыз байланысты. Оларға біз тіл, діл және дінді жатқызамыз. Бұлар қандай заманда болмасын ел егемендігі тізгінінің басты құралы болып табылған. Осылардың ішінде бастысы тіл аса ма-

* Хат-хабарларға арналған автор. E-mail: G.Iliasova@mail.ru

ңызды орын алады, себебі тіл дұрыс болса діл дұрыс болады, ал ділі дұрыс елдің діні дұрыс болады. Осы үш негіз ұлттың, мемлекеттің рухани тұтқасы, болашағының негізін қалыптастырушы басты құралдар. Егер осылардың мемлекетімізде дамуын дұрыс жолда ұстасақ болашақ жарқын болары ақиқат.

«Өзге тілде сөйлеу жаман емес, өзге тілде ойлау қауіпті» деген накыл сөз бар халқымызда. Себебі адам қай тілде ойласа оның ана тілі сол болары ақиқат. Тілі мен ойы бұзылған қоғамда діл мәселесі құлдырайды, ал ол өз алдына қоғамда ғасырлар бойы қалыптасқан әдет-ғұрыптық ұстанымдардың негізі болатын рухани болмысымызды жояды. Себебі халықтың ділі жойылса оның сенім нанымы дүбәрә күйге ұшырайды. Ал оның салдары қандай проблеманы туындатып жатқанын қазір күнделікті өмірде көріп жатырмыз. Мәселен, ажырасу, тастанды бала, адамдар арасында аяусыз жауыздық, күншілдік, менмендік және тағы да басқа толып жатқан келеңсіз жағдайларды айта беруге болады. «Тіл сөйлеу-сөйлесу, оқу-үйрену, жазу-сызу арқылы өседі. Бұл үшеудің біріне көңіл аудармау — үлкен қылмыс. Этика, эстетика дегендердің тым нәзік сырларын әр халық өз тілінде ғана еркін түсінсе керек», — деген екен ұлағатты сөздің авторы Ғабит Мүсірепов [1].

Міне, осы орайда біздің көңіл бөлгелі отырған бұндай түйткілді мәселеміз — қоғамдық қатынастарды реттеуші заңның тіл мәселесі. Тарихқа үңілер болсақ, алпауыт көрші Қытай елінің атақты ғұламаларының бірі Конфуцийге егер ел билеу тізгінін берсе ең алдымен не істер едіңіз дегенде, ол тіл мәселесімен айналысар едім, — деп жауап берген екен. Себебі тіл барлық адамдарды біріктіретін ең қуатты құрал. Сонда Конфуций: «Бір ұлттың тілі бұзылса, сол ұлттың рухы мен әдет-ғұрпы бұзылады. Егер бір ұлттың рухы мен әдет-ғұрпы бұзылса, әділет және ақиқат жоғалып, халық шарасыздықтан жойылу қаупіне душар болады. Қысқасы, бір ұлттың тілі бұзылса сол ұлттың келешегінен үміт күтуге болмайды. Мұндай жағдай туылудан бұрын алдын алу өте маңызды», — деген екен [2].

Қазақ халқында «Өз тілің — бірлік үшін, өзге тіл — тірлік үшін» деген асыл сөз бар. Қазақ тілі — халқымыздың рухани байлығы, атадан балаға, ұрпақтан ұрпаққа мирас болып қалып отырған баға жетпес асыл мұра. Ана тілдің қасиеті туралы қанша айтсақ та таусылмайды. Отыз жылдық егемендігімізді атап өткенімізбен қазақ тілі мәселесі әлі де көкейкесті мәселелердің бірі болып отыр. Өз елінде өгей орын алып отырған қазақ тілі қазіргі таңда қарын аштыратын мәселе екендігі сөзсіз шындық. Отыз жылдық егеменді ел болғалы Парламент қабырғасынан не бәрі екі ғана заң қазақ тілінде қабылданған. Оның бірі 1997 жылы Әкім Ысқақтың ықпалымен әзірленген «Көші-қон туралы» заң және екіншісі — Фариза Оңғарсынованың бастамасымен дайындалған 2002 жылғы «Қазақстан Республикасындағы баланың құқықтары туралы» заңы [3]. Осы мысалдың өзі жеткілікті, егеменді еліміздің тілі өз жерінде өгей күй кешіп отырғаны өкінішті жайт.

Әдістер мен материалдар

Мақаланы жазу барысында талдау, жалпылау, зерттеушілік, салыстырмалы-құқықтық, жүйелілік әдістері қолданылды. Азаматтық заңдардың орыс тілі мен қазақ тіліндегі мәтіндеріне салыстырмалы-құқықтық лингвистикалық сараптама жүргізу арқылы алынған нәтижелерге талдау әдістемесін қолдану заңдық техника талаптарының сақталмағандығын айқындады.

ҚР Азаматтық кодексі (Жалпы және Ерекше бөлімдері), Құқықтық актілер туралы 2016 жылдың 6 сәуірдегі ҚР Заңы, Қазақстан Республикасының Кәсіпкерлік Кодексі туралы 2015 жылғы 29 қазандағы № 375-V ҚРЗ, Қайырымдылық туралы 2015 жылғы 16 қарашадағы № 402-V ҚР Заңы, заң техникасы мен тіл мәселесіне арналған заң ғылымы әдебиеттерінде, мерзімдік басылымдарда жарияланған отандық және ресей ғалым-заңгерлерінің, ғалымдардың, атап айтқанда, Г.А. Ильясова, Қ. Бектаев, Т.В. Кашанина, Н.Л. Власенко, С.В. Утенков, В.М. Барановтың еңбектері аталмыш зерттеудің материалдық негізін құрайды.

Талқылаулар

Заңның қоғамдық қатынастарды реттеуде қолданылуын және оның сапалылығын қамтамасыз ететін әдісі — заңдық техника болып табылады.

Заңдық техника — бұл заңдық құжаттарды құрастырудың әдістері, құралдары, тәсілдерінің жиынтығы [4; 26].

Нормативтік құқықтық актілерді сәтті дайындаудың шарты жобаланатын нормалардың тиісті сапасын қамтамасыз ету болып табылады. Бұл жерде олардың құқықтық, лингвистикалық, логикалық жақтарын жетілдірудің жоғары деңгейіне жету туралы айтып отырмыз.

Заңдық техника тұрғысынан нормативтік құқықтық акт жобасының сапасы, оның құқықтық, тілдік, логикалық және әлеуметтік құрамдас бөліктері оның мынадай талаптарға сәйкестігін болжайды: нормативтілік, толықтығы, нақтылығы, жүйелілігі, дәлдігі, айқындылығы, қарапайымдылығы, қысқалығы (үнемділігі).

Тілдік талаптар норма белгілеушінің еркін білдіретін тілдің лексикалық құралдарын дұрыс қолдануға бағытталған [5; 58]. Біз нормативтік грамматикалық сөйлемдер, құқықтық фразеологиялық бірліктер, сөздер мен аббревиатуралар және т.б. туралы айтып отырмыз.

Құқықтық норма мәтінінің негізгі тілдік бірлігі — нормативтік грамматикалық сөйлем. Ол нормативтік құқықтық актінің мәтінін ұйымдастырудың заңдылықтарына бағынады және құқық нормаларын білдіру тәсілі ретінде әрекет етеді. Норма берушінің еркі мен мүдделерінің сәйкестік деңгейі көбінесе ұсыныстың техникалық сапасына байланысты.

Құқық шығармашылықтың заңдылығы — бұл синонимдердің минимумына деген ұмтылыс, ол нормативтік мәтіннің мазмұнын біркелкі түсіну мен қолданудың шарты ретінде дәлдік пен айқындыққа негізделген.

Шет тіліндегі лексикаға келетін болсақ, қазіргі уақытта құқықтық реттеуде ол барған сайын белсенді позицияларды алады. Бұл орыс лексиконында қолданылатын басқа тілдерден алынған терминдер. Шет тіліндегі сөздер мен сөз тіркестерін қолданудың жалпы ережесін келесідей тұжырымдауға болады: нормативтік құқықтық актінің жобасының мәтінін шет тіліндегі лексикамен шамадан тыс жүктемеу керек. Нормативтік құқықтық актілерде шет тіліндегі терминологияны шамадан тыс өте көп пайдалану құқықтық нормаларды түсінуде қиындықтар туғызады, сөздіктерге, басқа анықтамалық әдебиеттерге жүгінуге мәжбүрлейді. Әрине, шет тілінен енген терминнің мәнісін жоғалтып алмас үшін оны заң мәтінінде аудармай қолданған ыңғайлы. Дегенмен, ретсіз қолдана берудің өзі заңның тілін түсініксіз етеді.

XIX—XX ғасырлар тоғысындағы еуропалық заң ғылымы толқынында заң техникасы ұғымы категориялық аппаратқа тоғысып, құқықтық позитивизмнің танымалдығы зерттеушілердің құқық тілі, заң шығару сапасы мәселелеріне, басқа техникалық-құқықтық мәселелерге және құқықтық техника ұғымын қалыптастыру мен зерттеудің теориялық негізіне айналды [6; 8].

Техникалық-құқықтық әдістер мен ережелердің құқықтық ішкі немесе сыртқы жағына бағдарлануына байланысты заң техникасының екі түрін айтуға болады:

- құқық нысанын жетілдіру техникасы (құжаттарды жасаудың тілдік, стилистикалық, графикалық ережелері; тәсілдері заңды рәсімдердің тиімділігін арттыру, қаражат құқықтың түсінігі мен қолжетімділігін қамтамасыз ету);

- құқық мазмұнын жетілдіру техникасы. Құқықтық техниканың бұл бөлігі құқықтық реттеудің оңтайлы құралдары мен әдістерін таңдауға, алдын-ала реттеудің барабар белгіленуіне, заңда олқылықтар мен қақтығыстардың болмауына жауап береді, тиімді заңды қақтығыстарды шешуді жетілдіру [7; 39].

Заңдық техниканың қазіргі таңда аса көңіл бөліп отырған саласы заңдық лингвистика ғылымы болып табылады. Тіл мен заңды зерттейтін саланы заң лингвистикасы деп атайды. Заңдық лингвистика мемлекет тілін мемлекеттің тіл саясатының объектісі ретінде және құқық тілін заң саласына қызмет студия элементі ретінде зерттейді. Тіл — мемлекеттің қалыптасуына ықпал ететін негізгі компоненттердің бірі. Сонымен қатар, «біртұтас тілдік кеңістікті сақтау — ел бірлігін сақтаудың кепілі» ел ішінде жүргізіліп жатқан тіл саясатының көптеген кезеңдерінің бірі [8].

Отандық заң шығару тәжірибесінде заңдардың басым көпшілігі орысша қабылданып қазақ тіліне аударылып, содан кейін қолданысқа беріледі. Ал қазақ тіліндегі заңдардың мәтіндерінің аудармасы қазіргі таңда сын көтермейді. Осы заң саласында аударма шаруасына келсек, тағы бір күрделі мәселе заң терминдерімен байланысты. Құқықтану саласындағы терминдерді аударудың маңызды ерекшелігі және тиісінше лексикографиялық жұмыс саласында аса үлкен назарды құқықтың ерекшелігі және кәсіби тілдің ерекшелігін түсіну, тәжірибеде көп кездесетін түсініксіз терминдер жұмыс істейді, көп мағыналы сөздер, білімнің басқа салаларындағы терминдер, синонимдер, ауызекі тіл, жаргондар, архаизм және т.б. заң қолдану тәжірибесінде көптеген тәжірибелік алаңдатушылықтар туғызады.

Осы жоғарыдағы жағдайларды анықтай отырып, мемлекеттегі қоғамдық қатынастардың дұрыс әрі сапалы қалыптасуына басты ықпал тигізетін құрал сол қатынастарды құқықтық реттейтін заңдар екенін ескеруіміз керек. Олардың қазіргі таңдағы отанымыздағы жағдайын анықтау арқылы шынайы көрінісін анықтап, болашағын түсінуге болады. Отандық қатынастарды құқықтық реттеуді жүзеге асыратын заңдар мәселесі аса елеулі жағдайлардың бірегейі болып табылады. Себебі қоғамдағы қа-

лыптасатын қатынастар жан-жақты әрі нақты реттейтін заңдармен қамтылған болса онда, қоғамдық қатынастар нақты әрі әділ реттеледі. Осы орайда басты зерттеуге алып отырған мәселе қоғамдағы азаматтық қатынастардың құқықтық реттелуі және оны реттейтін азаматтық заң саласының жалпы жағдайы мен қазақ тілінде қалыптастырылатын нормалардың сапасын зерделеу қазіргі таңның елеулі мәселелерінің біріне айналып отыр.

Қоғамдық қатынастарды құқықтық реттеуші басты құрал заң болып табылады. Егер осы заңдар сауатсыз қабылданып, үнемі қайшылықтарға толы болса, оны қолданушылар мен олардың арасында қалыптасатын қатынастар шиеленістерден бас көтертпейтін болады. Заңгер мамандардың қазіргі таңдағы басты мәселелерінің бірі қазақ тілінде қалыптастырылған заңдарды түсіну мен түсіндіру. Егер басшылыққа алынатын заңдардың өзі қате жазылатын болса, онымен қандай қатынастарды реттеп жарытамыз деген сұрақ туындайды.

Нәтижелер

Қазақстан Республикасының 2016 жылдың 6 сәуіріндегі «Құқықтық актілер туралы» Заңының 24-бабында нормативтік құқықтық акт мәтінінің мазмұнына және жазылу стиліне қойылатын талаптар көрсетілген, ал 3-тармақшасында «Қазақ және орыс тілдеріндегі нормативтік құқықтық актілердің мәтіндері теңтүпнұсқалы болуға тиіс» делінген [9]. Олай болса, біз зерттеуге алып отырған азаматтық құқық саласын реттейтін Азаматтық кодекстің мәтініне көз жүгіртіп көрелік. Соның негізінде бұл талаптардың, яғни қазақ және орыс мәтіндегі аударылымдардың теңтүспалығы, қаншалықты сақталғанын анықтаймыз.

Заң саласындағы аударма мәселесіндегі елең еткізер қателіктер аз емес, солардың бірі Қазақстан Республикасының Азаматтық Кодексінің Жалпы бөлімінің 6-бабында көрсетіледі, бұл бап «Азаматтық заң қалыптарының түсінілуі» деп аталған, алайда дәл осы Кодекстің орысша баламасында «Толкование норм гражданского законодательства» деп жазылған, бұл жердегі көзге оттай басылатын қателік «норма» сөзінің қазақша аудармасында «қалып» деп аударылуы [10]. «Құқықтық актілер туралы» Қазақстан Республикасының 2016 жылғы 6 сәуірдегі Заңының 1-бабының 18-тармағында «құқық нормасы» сөзіне «реттелетін қоғамдық қатынастар шеңберінде көп мәрте қолдануға арналған, жеке-дара айқындалмаған тұлғалар тобына қолданылатын, тұрақты немесе уақытша сипаттағы жалпыға міндетті мінез-құлық қағидасы» деп түсініктеме береді [9]. Көріп отырғанымыздай, бұл жерде «норма» сөзі қазақ мәтіндегі аудармада «қалып» деген сөзбен аударылмаған. «Қалып» сөзі әдеби тілде белгілі бір мағына берсе, ресми заң тіліне сәйкес келмейді. Сол себепті заңның мәтіндегі заңдық терминдерді әдеби сөздерді қолданып аудару дұрыс емес деп ойлаймыз. Әсіресе, шет тілінен енген кірме сөздерді аудармай сол бетінде қалдырған жөн де есептейміз. Бірақ, шет тіліндегі термин халықаралық қолданыста болып, оны аудару мәнісін жоғалтатын болса ғана аудармаған жөн.

Осы жерде тағы бір тоқтала кететін маңызды мәселе, Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексіндегі (Жалпы бөлім) 24-баптың, 34-баптың 5-тармағында, Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексіндегі (Ерекше бөлім) 406-баптың 2, 3-тармақтарына сәйкес, орысша мәтіндегі «законодательные акты» деген сөздер түрліше аударылған, бір жерде «заң актілері», ал екінші бір жерде «заңнамалық актілер» немесе «заң құжаттары» деп берілген. Осы сөздердің мағынасы бірдей болғанымен, бірізділікті сақтау мақсатында Кодекстің толық мәтіні бойынша «Құқықтық актілер туралы» Қазақстан Республикасы Заңының 1-бабының 2) тармақшасына сәйкес «заңнамалық акт» деп қолданылған орынды болар еді деп санайды мамандар [9].

ҚР Азаматтық Кодексінің 42-бабының 6-тармағында қарастырылған «рынок» деген сөз үйлесімсіз деп есептейміз. Қ. Бектаев еңбегінде «рынок» сөзі «нарық» деп аударылады [11]. Тиісті өзгерістерді «Бағалы қағаздар рыногы туралы» 2003 жылғы 2 шілдедегі № 461-ІІ Қазақстан Республикасының Заңында қолданған жөн деп санаймыз.

ҚР Азаматтық Кодексінің көптеген баптарында «лицо» деген орыс мәтіндегі сөзді «адам» деп аударған, бұл азаматтық құқықтық доктринасы тұрғынан қате болып есептеледі [12; 73]. Мысалы, орыс тіліндегі мәтіндегі 16-бапта «Өкілдік» туралы «Сделка, совершенная одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия...» деген сөйлемінде «лицо» деген сөзді қазақ тіліндегі мәтіндегі: «Басқа адамның (өкілдік берушінің) атынан бір адамның (өкілдің)» «адам» деп аударған. Негізі «лицо» деген орыс мәтіндегі сөзді «тұлға» деп аударған дұрыс. Сонда жоғарыдағы мәтін келесі түрде рәсімделеді: «Басқа тұлғаның (өкілдік берушінің) атынан бір тұлғаның (өкілдің)» деп жазылса құқықтық қатынастағы субъектілер ауқымы шектеліп қалмайды. «Лицо» сөзін «адам» деп аударсақ азаматтық құқықтағы өзге де субъектілер бұл қатынастың қатысу-

шылары бола алмайды, сол себепті «тұлға» дейтін болсақ оның құрамына жеке тұлғалар, яғни адам, сонымен қатар заңды тұлғалар, мемлекет кіреді. Бұның негізінде осы нормаларда анықталып отырған субъектілер қатары шектелмейді [13].

ҚР Азаматтық кодексінің 167-бабының 4-тармақшасына назар аударар болсақ, Азаматтық кодекстің орыс тіліндегі мәтініндегі: «командованием соответствующих воинских частей» деген сөйлемді қазақ тіліндегі мәтінінде «әскери бөлімдердің командованиясы» деп қате аударған. Бұл жердегі орыс тіліндегі мәтіндегі «командованием» деген сөзді қазақ тіліне мүлдем аудармай кеткен [10]. Егер қазақ тіліндегі мәтініндегі аудармасын өңдер болсақ дұрысы: «әскери бөлімдердің қолбасшылығымен» деп аударылуы тиіс.

Қазақстан Республикасы Азаматтық кодексінің 173-бабында «Уақыт кезеңімен белгіленетін мерзімнің басталуы» деген сөйлемінде орыс тіліндегі мәтініндегі «Начало срока, определяемого периодом времени» деген сөйлеміндегі «определяемого» деген сөзді «белгіленетін» деп аударған. Ал «белгіленетін» деген сөзді орыс тіліне аударар болсақ «устанавливаемое» деген сөз болып аударылды. Сол себепті орыс тіліндегі мәтіндегі «определяемого» деген сөзді «анықталатын» деген сөзбен ауыстыру керек, сонда жоғарыда көрсетілген 173-бап қазақ тілінде келесі түрде жазылуы тиіс: «Уақыт кезеңімен анықталатын мерзімнің басталуы» [10].

Азаматтық кодекстегі 188-баптың «Меншік құқығы ұғымы және оның мазмұны» 1- тармақшасында «Меншік құқығы мәміле жасалған кезде болған барлық жүктемелерімен басқа адамға беріледі», — деген сөйлеміндегі «жүктемелерімен» деген сөз орыс тіліндегі мәтініндегі «обременениями» деген сөздің аудармасын береді. Негізінде бұл сөзді қазақшаға аударғанда «ауыртпалықтарымен» деген сөзбен аударылып, жоғарыдағы сөйлем дұрысында 188-баптың 1-тармақшасында «Меншік құқығы мәміле жасалған кезде болған барлық ауыртпалықтарымен басқа адамға беріледі» деп жазылуы тиіс [10].

Азаматтық кодекстің 286-бабында «Бірнеше несие беруші немесе бірнеше борышқор қатысатын міндеттеменің орындалуы» деген атауда көрсетілген «несие беруші» сөзі кодексте әр түрлі нұсқада көрініс табады. Мысалы, 286-бапта «несие беруші» деп аударылған, «Жеке кәсіпкердің банкроттығы» 21-баптың 3-ші тармағында «кредитор» деп сипатталады. Бұл соңы емес, дәл осы кредитор сөзі Азаматтық кодекстің мәтінінде 46 рет жазылған екен, ал «несие беруші» сөзі 221 рет жазылған. Егер заң шығару нормаларды қалыптастыру барысында терминдердің бірізділігі қағидасын ұстанбайтын болса, құқыққолдану тәжірибесіне өзінің кері ықпалын тигізері сөзсіз.

Сонымен қатар, Қазақстан Республикасы Азаматтық кодексінің «Мүлікті күтіп ұстау ауыртпалығы» 189-баптың 2-тармақшасында «Затты күтімсіз және заңсыз ұстаған адамға мүлікті күтіп ұстауға жұмсаған шығындары өтелмейді» деген сөйлемінде «күтімсіз» сөзін орыс мәтініндегі «недобросовестно» деген сөзінен аударған, ал «недобросовестно» деген орыс сөзін қазақшаға аударсақ «жосықсыз» деген сөзімен аударылған және ол Қазақстан Республикасының Кәсіпкерлік кодексінде «жосықсыз» деп аударылып жазылған [14].

Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексінің «Кепілге салынған мүлікті күштеп алу салдары» атты 324-бабында орыс мәтініндегі «предмет» деген сөзі «нәрсе» деген сөзбен аударылған. «Нәрсе» сөзін орыс тіліне аударғанда «вещь» немесе «что-то» деген аудармалар береді. Ал бұл аудармалар осы және кодекстің өзгеде баптарындағы қолданысына мүлдем сәйкес келмейді. «Предмет» сөзінің ресми аударма сөздіктеріндегі сөзі «пәні» деп аударылады [10]. Сол себепті Азаматтық кодекстегі «предмет» деген орыс тіліндегі мәтіндегі сөзі ресми тілде «пәні» деп аударылуы тиіс.

Азаматтық кодекстің «Кепілдік берушінің және кепіл болушының жауапкершілігі» атты 332-бабының орыс мәтініндегі «неустойка» деген сөз қазақ тіліндегі мәтінінде «айыпақы» деген сөзімен аударылған. Орнына «тұрақсыздық айыбы» деген сөзбен аударған дұрыс деп есептейміз. Себебі «айыпақы» сөзін орыс тіліне аударғанда «штраф» деген мағына береді [10].

Жалпы, ҚР Азаматтық кодексінің қазақ тіліндегі баптарын оқитын болсақ, мәтіндерінен «пәні» деген сөздің «нысанасы» деген аудармасын кезіктіруге болады. Мысалы, бұл сөзді 619-баптың 5-тармағынан кездестіреміз, онда «міндеттеме нысанасы» делінген, осы баптың орыс тіліндегі нұсқасына назар салсақ «предмет обязательства» деп жазылған. Құқықтану ғылымында «предмет» сөзі «пән» деп аударылып, қолданысқа ие. Сонымен қатар, сөздіктерде «нысана» сөзі «цель» деп аударылады, мағынасы тұрғысынан екеуі мүлдем сәйкес келмейді [15]. «Предмет» сөзі көп мағыналы сөз, сол мағыналар арасынан лайықты сөзді тауып қолдануға болар еді. Ресми тілге «нысанасы» сөзі мүлдем үйлесімсіз, осы «нысанасы» сөзін тек Ерекше бөлімнің өзінде 17 баптан 77 рет байқауға болады

екен, олар: ҚР АҚ-нің 566, 571, 631, 719, 720, 721, 722, 723, 730, 731, 732, 871, 1108, 916, 910, 1113, 1120-баптары.

Сонымен қатар, Азаматтық кодекстің «Кепілдік берушінің өзіне несие беруші талаптар қойған жағдайдағы құқықтары мен міндеттері» атты 333-бабында «предъявлен иск» деген орыс тіліндегі мәтініндегі сөзі қазақ тіліндегі мәтінінде «қуыным» деген сөзімен аударылған. Оның орнына «талап қою» деген сөзбен ауыстыру заң техникасы тұрғысынан орынды деп есептейміз. Екінші жағынан, ҚР Азаматтық процестік кодексіндегі «талап қою» терминімен бірізділікті сақтауға мүмкіндік береді.

Көптеген жоғары оқу орындарының оқытушыларын және заңгерлерді толғандырып жүрген, Азаматтық кодекстегі тағы бір қате аударма — «Қайырмалдық» атты 516-бап. Бұл баптың орыс тіліндегі нұсқасынан қарайтын болсақ, «пожертвование» деп жазылған. Бұл жердегі «пожертвование» деген сөзді қазақ тіліне «қайырымдылық» деп аударған жөн.

Енді осы «қайырмалдық» сөзін зерттеп көрейік. «Қайырымдылық туралы» Қазақстан Республикасының 2015 жылғы 16 қарашадағы Заңының 1-бабының 4-тармағында «ерікті қайырмалдық» ұғымына былай деп анықтама берген: «Пайдаланушыларға олардың ағымдағы қажеттіліктерін қанағаттандыру үшін күнтізбелік жыл ішінде бір мәрте берілген, тұлғалардан түскен ақша, сондай-ақ өзге де мүлік». Алайда, дәл осы баптың 5-тармағында «қайырымдылық» ұғымына анықтама былай деп берілген «қайырымдылық көмек көрсетуге және ізгілік қажеттіліктерді қанағаттандыруға негізделген, филантропиялық, демеушілік және меценаттық қызмет, сондай-ақ кіші отанға қолдау көрсету түрінде ерікті, өтеусіз не жеңілдікті шарттармен жүзеге асырылатын әлеуметтік пайдалы қызмет» деп анықталған [16]. Азаматтық кодекстің Ерекше бөліміндегі 516-бапқа зер салатын болсақ, осы баптың 1-тармағында «Қайырмалдық азаматтарға, емдеу, тәрбие беру мекемелеріне, әлеуметтік қорғау мекемелеріне және басқа да сол сияқты мекемелерге, қайырымдылық, ғылыми және оқу мекемелеріне, қорларға, мұражайлар мен басқа да мәдениет мекемелеріне, қоғамдық және діни бірлестіктерге, сондай-ақ мемлекетке және осы Кодекстің 111 және 112-баптарында аталған азаматтық құқықтың басқа да субъектілеріне жасалуы мүмкін» [17] делінген екі анықтамаға да көз жүгіртсек Азаматтық кодекстің 516-бабындағы анықтамасына «Қайырымдылық туралы» Қазақстан Республикасының Заңының 1-бабының 5-тармағындағы анықтама сай келеді. «Қайырымдылық» пен «қайырмалдық» сөздерінің арасында мағыналық тұрғысынан айтарлықтай айырмашылық болмағанымен түсіністік тұрғысынан құлаққа жағымды «қайырымдылық» сөзінің қолданылуын дұрыс деп санаймыз.

Қорытынды

Сонымен, жоғарыда қарастырылған мәселелер бойынша заңдардың қазақ тіліндегі мәтіндерінен анықталған қате аудармаларға талдау жүргізе отырып, қорытылған тұжырымдар келесідей:

Біріншіден, ҚР Конституциясындағы 7-баптың 2-бөлімін алып тастау ұсынылады. Тек қана осы жағдайда заңдар қазақ тілінде қабылданып, мемлекеттік тілімізді заңның тіліне айналдыра аламыз.

Екіншіден, мемлекеттік тілдің құқықтық мәртебесін айқындайтын «Мемлекеттік тіл туралы» заңды қабылдау қажет, онда мемлекеттік тілді заң шығару тілі ретінде бекіту қажет. Бұл заңдардың мәтінінің сапалы болуына кепілдік беретін алғышарт болады. Қазақ тілінде қабылданған заңдарды өзге тілге аудару жөнінде ереже бекітуге болады.

Үшіншіден, «Мемлекеттік тіл туралы» заңда мемлекеттік билік және басқару органдарында іс-қағаздарды мемлекеттік тілде жүргізілетіні және қажет болған жағдайда басқа тілдерге аударма қамтамасыз етіледі деген ереже орнату қажет деп санаймыз.

Осындай құқықтық реттеу тетігін орнату арқылы ғана біз мемлекеттік тілді заңның тілі ретінде қалыптастыра аламыз. Әйтпесе, орыс тілінде қабылданған заңдарды аударумен, оның қателіктерін түзетумен күй кеше береміз, яғни, заңды аударудың жетегінде кете береміз.

Мақала 2021-2023 жылдарға арналған ғылыми және (немесе) ғылыми-техникалық жобалар бойынша гранттық қаржыландыру шеңберінде Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің тапсырысы бойынша ИРН АР09259787 «Мемлекеттік тілдегі нормативтік-құқықтық актілердің сапасын қамтамасыз етудің теориясы және тәжірибесі (азаматтық және азаматтық іс жүргізу заңнамалары саласында)» тақырыбы бойынша дайындалды.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Ғабит Мүсіреповтің тіл туралы нақыл сөздері [Электрондық ресурс]. — Қолжетімділік тәртібі: https://massaget.kz/mangilik_el/tup_tamir/asyil_soz/32084/ (жүгіну күні 09.03.2023).
- 2 Конфуций. Елге басшы болсам, ұлттың тілін жөнге салар едім [Электрондық ресурс]. — Қолжетімділік тәртібі: <https://massaget.kz/layfstayl/zhadnama/20673/> (жүгіну күні 09.03.2023).
- 3 28 жылда екі-ақ заң қазақ тілінде қабылданды [Электрондық ресурс]. — Қолжетімділік тәртібі: <https://abai.kz/post/101303> (жүгіну күні 10.03.2023).
- 4 Кашанина Т.В. Юридическая техника в сфере частного права (корпоративное и договорное нормотворчество): учеб. пос. / Т.В. Кашанина. — М.: Норма; ИНФРА-М, 2016. — 288 с.
- 5 Власенко Н.Л. Язык права / Н.Л. Власенко. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1997. — 173 с.
- 6 Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н.А. Власенко. — М.: Юстицинформ, 2011. — 310 с.
- 7 Юридическая техника. *Technique juridical techniques*: учеб. / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуж. деятеля науки РФ В.М. Баранова. — М.: Проспект, 2021. — 648 с.
- 8 Утенкова С.В. Юридическая лингвистика как новое научное направление: актуальные проблемы / С.В. Утенкова. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016026457>.
- 9 «Құқықтық актілер туралы» 2016 жылдың 6 сәуірдегі ҚР Заңы [Электрондық ресурс]. — Қолжетімділік тәртібі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000> (жүгіну күні 09.03.2023).
- 10 Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексі (Жалпы бөлім). [Электрондық ресурс]. — Қолжетімділік тәртібі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K940001000_ (жүгіну күні 09.03.2023).
- 11 Бектаев Қ. Сөздік = Словарь. Үлкен қазақша-орысша, орысша-қазақша сөздік = Большой казахско-русский, русско-казахский словарь [Электронный ресурс] / Қ. Бектаев. — Алматы: Алтын қазына. — 2007. — 712 с. — Режим доступа: <https://www.marwin.kz/kazahstanskies-slovari-18731/bektaev-bol-shoj-kazahsko-russkij-russko-kazahskij-slovar.html> (дата обращения 09.03.2023).
- 12 Ильясова Г.А. Қазақстан Республикасының Азаматтық процестік кодексінің қазақ және орыс тілдеріндегі мәтіндерінің теңтүпнұсқалығын қамтамасыз ету мәселелері / Г.А. Ильясова // Қарағанды университетінің хабаршысы. Құқық сериясы. — 2022. — №3 (107). — Б. 71-78.
- 13 Ильясова Г.А. Заңнамалық актілердің мәтінін мемлекеттік тілге аударуға байланысты өзекті мәселелер [Электрондық ресурс] / Г.А. Ильясова // Қазақстан Республикасы Заңнама институтының жаршысы. — 2017. — №1 (46). — Б. 155-163. — Қолжетімділік тәртібі: http://www.iz.adilet.gov.kz/sites/default/files/upload-files/na_sayt_vestnik_no_146-1017.pdf
- 14 Қазақстан Республикасының Кәсіпкерлік Кодексі 2015 жылғы 29 қазандағы № 375-V ҚРЗ [Электрондық ресурс]. — Қолжетімділік тәртібі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1500000375/375_1.htm (жүгіну күні 10.03.2023).
- 15 Русско-казахский словарь. Словарь предназначен для перевода слов или фраз. Для произвольных текстов. «sozdik.kz». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sozdik.kz/> (Дата обращения 10.03.2023).
- 16 Қайырымдылық туралы Қазақстан Республикасының Заңы 2015 жылғы 16 қарашадағы № 402-V ҚРЗ. — [Электрондық ресурс]. — Қолжетімділік тәртібі: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1500000402>.
- 17 Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексі (Ерекше бөлім). Қазақстан Республикасының 1999 жылғы 1 шілдедегі № 409 Кодексі. — [Электрондық ресурс]. — Қолжетімділік тәртібі: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K990000409_.

Р.А. Тоқатов, Г.А. Ильясова

Формирование государственного языка как языка закона

В статье обсуждены вопросы о последствиях перевода текста законов на государственный язык после разработки и принятия на официальном русском языке в нашей стране. Авторы убеждены, что повышение статуса государственного языка как одного из принципов, придающих стабильность суверенитету государства, имеет первостепенное значение. Как известно, в правоприменительной практике возникают трудности в применении неправильно переведенных с русского на казахский язык статей в тексте законов. Авторы, в качестве примера, выявили некоторые некорректные варианты переводов, не соответствующие принципу аутентичности в текстах Гражданского кодекса РК (Общая часть), Гражданского кодекса РК (Особенная часть), Предпринимательского кодекса РК, Закона РК «О блоготворительности» на русском и казахском языках, и предложили свой вариант переводов на государственном языке в текстах законов. Кроме того, сделан вывод о том, что причина некорректности переводов заключается в несоблюдении в законотворческом процессе требований юридической техники, в том числе и юридической лингвистики относительно юридической терминологии. Авторами настоящей статьи предложены правовые механизмы формирования государственного языка как языка закона, с образцами часто употребляемых словосочетаний, оборотов речи и т.д., с конкретным указанием выявленных ошибочных переводов из текстов законов на казахском языке. В заключении обоснована необходимость решения вопроса формирования государственного языка как языка закона путем установления указанного выше механизма правового регулирования.

Ключевые слова: государственный язык, правовой статус государственного языка, язык закона, казахский язык, юридическая техника, Гражданский кодекс Республики Казахстан, перевод законов, юридическая терминология, аутентичность, юридическая лингвистика, лингвистическая экспертиза.

R.A. Tokatov, G.A. Ilyassova

Formation of the state language as the language of the law

The article discusses the consequences of translating the text of laws into the state language after their development and adoption in the official Russian language in our country. The authors are convinced that raising the status of the state language is of paramount importance, acting as one of the principles that give stability to the sovereignty of the state. As is known, in law enforcement practice, difficulties arise in the application of incorrectly translated articles from Russian into Kazakh in the text of laws. As an example, the authors have identified some incorrect translations that do not correspond to the principle of authenticity in the texts of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan (general part), the Civil Code of the Republic of Kazakhstan (special part), the Entrepreneurial Code of the Republic of Kazakhstan, the Law of the Republic of Kazakhstan “On Charity” in Russian and Kazakh, and offer correct translations in the state language in the texts of laws. It is concluded that the reason for the incorrect translations is the non-compliance in the legislative process with the requirements of legal technology, including the requirements of legal linguistics for the translation of legal terminology. The authors propose legal mechanisms for the formation of the state language as the language of the law, by analyzing the identified erroneous translations from the texts of laws in the Kazakh language. In conclusion, the necessity of solving the issue of the formation of the state language as the language of the law is justified only by establishing such a mechanism of legal regulation.

Keywords: state language, legal status of the state language, language of the law, Kazakh language, legal technique, Civil Code, translation of laws, legal terminology, authenticity, legal linguistics, linguistic expertise.

References

- 1 Gabit Musirepovtin til turaly naqyl sozderi [Proverbs about the language by Gabit Musrepov]. *massaget.kz*. Retrieved from https://massaget.kz/mangilik_el/tup_tamyir/asyil_soz/32084/ [in Kazakh].
- 2 Konfutsii. Elge basshy bolsam, ulttyn tilin zhonghe salar edim [If i were the leader of the country, i would set the language of the nation]. *massaget.kz*. Retrieved from <https://massaget.kz/layfstayl/zhadnama/20673/> [in Kazakh].
- 3 28 zhylda eki-aq zan qazaq tilinde qabyldandy [In 28 years, two laws were adopted in the Kazakh language]. *abai.kz*. Retrieved from <https://abai.kz/post/101303> [in Kazakh].
- 4 Kashanina, T.V. (2016). *Yuridicheskaya tekhnika v sfere chastnogo prava (korporativnoe i dogovornoe normotvorchestvo)* [Legal technique in the field of private law (corporate and contractual rulemaking)]. Moscow: Norma; INFRA-M [in Russian].
- 5 Vlasenko, N.L. (1997). *Yazyk prava* [The language of law]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo [in Russian].
- 6 Vlasenko, N.A. (Ed.). (2011). *Normotvorcheskaya yuridicheskaya tekhnika* [Rule-making legal technique]. Moscow: Yustitsinform [in Russian].
- 7 Baranov, V.M. (2021). *Yuridicheskaya tekhnika. Tekhnika juridical texhniques: uchebnik* [Legal technique. Texnika juridical texhniques Textbook]. Moscow: Prospekt [in Russian].
- 8 Utenkova, S.V. (2021). *Yuridicheskaya lingvistika kak novoe nauchnoe napravlenie: aktualnye problemy* [Legal linguistics as a new scientific direction: actual problems]. *scienceforum.ru*. Retrieved from <https://scienceforum.ru/2016/article/2016026457> [in Russian].
- 9 “Quqyqtyq aktiler turaly”. Qazaqstan Respublikasynyn Zany 2016 zhylygy 6 sauirdegi N 480-V QRZ. [“On legal acts”. The Law of the Republic of Kazakhstan dated April 6, 2016 No 480-V LRK.]. *adilet.zan.kz*. Retrieved from <https://adilet.zan.kz/eng/docs/Z16000004804> [in Kazakh].
- 10 Qazaqstan Respublikasynyn Azamattyq Kodeksi (Zhalpy bolim). Qazaqstan Respublikasynyn Kodeksi 1994 zhylygy 27 zheltosandagy N 268-XIII [Civil Code of the Republic of Kazakhstan. Enforced by the Decree of the Supreme Council of the Republic of Kazakhstan dated December 27, 1994]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=51006061#activate_doc=2 [in Kazakh].
- 11 Bektaev, K. (2007). *Sozlik = Slovar* [Dictionary]. Bolshoi kazakhsko-russkii, russko-kazakhskii slovar [Russian Russian-Kazakh dictionary is a large Kazakh-Russian dictionary]. *www.marwin.kz*. Retrieved from <https://www.marwin.kz/kazhstanskieslovari-18731/bektaev-bol-shoj-kazahsko-russkij-russko-kazahskij-slovar.html> [in Kazakh, in Russian].
- 12 Ilyassova, G.A. (2022). Qazaqstan Respublikasynyn Azamattyq protsestik kodeksinin qazaq zhane orys tilderindegi matinderinin tentupnysqalygyn qamtamasyz etu maseleleri [Issues of ensuring the authenticity of the texts of the Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan in Kazakh and Russian languages]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya Pravo — Bulletin of the Karaganda University. Law Series*, 3 (107), 71-78 [in Kazakh].

13 Ilyassova, G.A. (2017). Zaǵnamalyq aktilderdiń mätinin memlekettik tilge audaruǵa bailyasty özekti mäseleler [The urgent problems connected with the translation of the text of acts to the state language]. *Qazaqstan Respublikasy zaǵnama institutynyń zharshysy — Bulletin of the Legislation Institute of the Republic of Kazakhstan*, 1 (46), 155-163. www.iz.adilet.gov.kz. Retrieved from: http://www.iz.adilet.gov.kz/sites/default/files/upload-files/na_sayt_vestnik_no_146-1017.pdf [in Kazakh].

14 Qazaqstan Respublikasynyn Kasipkerlik Kodeksi 2015 zhylgy 29 qazandagy N 375-V QRZ [Business Code of the Republic of Kazakhstan dated October 29, 2015 No. 375-V LRK]. adilet.zan.kz Retrieved from https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1500000375/375_1.Htm [in Kazakh].

15 Russko-kazakhskii slovar. Slovar prednaznachen dlia perevoda slov ili fraz. Dlia proizvolnykh tekstov. «sozdik.kz» [Russian-Kazakh dictionary. The dictionary is designed to translate words or phrases. For arbitrary texts. “sozdik.kz”]. sozdik.kz. Retrieved from <https://sozdik.kz> [in Russian].

16 Qaiyrymdylyq turaly Qazaqstan Respublikasynyn Zany 2015 zhylgy 16 qarashadagy N 402-V QRZ [The law of the Republic of Kazakhstan on charity dated November 16, 2015 No. 402-V LRK]. adilet.zan.kz. Retrieved from <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1500000402> [in Kazakh].

17 Qazaqstan Respublikasynyn Azamattyq kodeksi (Erekshe bolim). Qazaqstan Respublikasynyn 1999 zhylgy 1 shildedegi N 409 Kodeksi [Civil Code of the Republic of Kazakhstan (Special part). Code of the Republic of Kazakhstan No 409 dated July 1, 1999.]. adilet.zan.kz. Retrieved from <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K990000409> [in Kazakh].

А.А. Курманов^{1*}, С.Б. Курманова²¹ «Олимп» ҚДЗ ЖШС, Астана, Қазақстан;² С.Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық зерттеу университеті, Астана, Қазақстан
(E-mail: team3d@inbox.ru, saule_kurmanova@inbox.ru)

Мемлекеттік-жекешелік әріптестікті құқықтық реттеу

Қоғамдық инфрақұрылымды дамыту өз кезегінде жеке бизнес пен мемлекеттің өзара іс-қимылының әртүрлі нысандарын пайдалануды талап етеді. Осындай нысандардың қатарына мемлекеттік-жекешелік әріптестік кіреді. Мемлекеттік-жекешелік әріптестік инвестицияларды тарту, бюджеттік ресурстарды үнемдеу, бәсекелестік пен кәсіпкерлік белсенділікті ынталандыру сияқты оң нәтижелер беріп, көптеген дамыған мемлекеттерде сәтті қолданылуына байланысты, оның реттелуі елдің нормативтік құқықтық актілерінде де өз орнын тапқан. Мәселен, қазақстандық мемлекеттік-жекешелік әріптестік орталығының келтірген ақпаратына сәйкес, тек білім саласында ғана 2020 жылдың 1 маусымына дейін 786 мемлекеттік-жекешелік әріптестіктік шарты жасалған. Бұл жасалған барлық шарттың 56 пайызын құрайды. Мақаланың мақсаты — мемлекеттік-жекешелік әріптестіктің әртүрлі құқықтық нысандарын нормативтік-құқықтық реттеудің ерекшеліктерін талдау. Мақалада авторлар жария-жекешелік әріптестікті құқықтық реттеу қағидаларының мазмұнын жан-жақты зерттеген, тұжырымдаған және мәнісін ашқан. Аталған мәселе бойынша ғылыми әдебиеттерде бар ұстанымдар талданып, олардың осы мәселе төңірегіндегі жаңаша ойлары қарастырылған. Халықаралық ұйымдардың, сонымен қатар экономикасы өзара тығыз байланысқан ЕАЭО елдерінің нормативтік құқықтық актілері талданған. Мемлекеттік-жекешелік әріптестік институтының мәнін білдіретін бастапқы қағидаттар, ережелер сияқты қағидалар құқықтық реттеудің біркелкілігін қамтамасыз ету үшін заңнамалық тұрғыдан бекітілуі керек екендігі дәлелденді. Жүргізілген жұмыстардың нәтижесінде құқықтық реттеу тетіктері ашылып, басқа елдердің тәжірибелерімен салыстырылып, артықшылықтары мен кемшіліктері ашылған.

Кілт сөздер: жария-жекешелік әріптестік, мемлекеттік-жекешелік әріптестік, құқықтық реттеу қағидалары, мемлекеттік-жекешелік әріптестік қағидалары, міндеттері, субъектілер, реттеу, жеке әріптес, ЕАЭО.

Kipicne

2015 жылы ЕАЭО кеңістігіндегі бірқатар мемлекеттермен бірге, Қазақстан Республикасында да елдегі мемлекеттік-жекешелік әріптестікті реттейтін «Мемлекеттік-жекешелік әріптестік туралы» Заң қабылданды. Алайда бұл саланың Қазақстанда қалыптасуы мен дамуы тәуелсіздік алған сәттен бастау алады.

М.А. Алтыбасарова мен Д.Ж. Абдрахманова «Қазақстандағы мемлекеттік-жекешелік әріптестіктің даму тенденциясы» атты мақаласында Қазақстандағы осы саладағы нормативтік базаны енгізу мен өзгертуге сәйкес мемлекеттік-жекешелік әріптестіктің (бұдан әрі — МЖӘ) даму тарихын 1991-1993 жылдар, 1994-2005 жылдар, 2006-2015 жылдар, 2016 жылдан қазіргі уақытқа дейін деп төрт кезеңге бөліп қарастырған [1; 174].

Атап айтқанда, біріншісі 1991 жылы тәуелсіздік алғаннан кейін Қазақстан Республикасы табиғи және энергетикалық ресурстардың үлкен қорына, өнеркәсіптік және көліктік әлеуетке ие болып, мемлекеттік-жекеменшік серіктестік негізінен мемлекеттік активтерді басқару элементі ретінде қарастырылған кезең. Бұл кезеңде Қазақстандағы мемлекеттік-жекешелік әріптестікті реттейтін бірінші құқықтық негіз инвесторларға жалғыз құрал — концессия ұсынды. ҚР «Концессиялар туралы» бірінші заңы 1991 жылы қабылданып, 1993 жылы күші жойылды (шетелдік инвесторларға концессияға объектілерді берудің құқықтық шарттарын реттеді). Осы Заңға сәйкес концессия дегеніміз — шетелдік жеке тұлғаға немесе заңды тұлғаға-концессионерге мүлікті, жерді, табиғи ресурстарды жалға беру.

«Концессиялар туралы» Заң салалық болмаса да, ол негізінен табиғи ресурстарды пайдалануға байланысты жобаларды жүзеге асыруға арналған. Ол кезде мұнай мен газ ұлттық экономиканың жалғыз мүмкін қозғаушы күші ретінде қарастырылғандықтан, заңның мұнай-газ жобалары үшін арнайы әзірленгені өте орынды болды. Яғни бұл кезең негізінен тек шетелдік инвесторларға ғана арналды.

* Хат-хабарларға арналған автор. E-mail: team3d@inbox.ru

Заң күші жойылғаннан кейін және қолданыстағы «Концессиялар туралы» Заң қабылданғанға дейін екінші кезеңде Қазақстандағы МЖӨ жобалары үшін құқықтық база Қазақстан Республикасы Азаматтық кодексінің жалпы нормалары, «Жекешелендіру туралы», «Акционерлік қоғамдар туралы» және «Мемлекеттік сатып алу туралы» Қазақстан Республикасының заңдары болды.

МЖӨ немесе Концессиялар туралы қандай да бір нақты заңдардың болмауына қарамастан, осы уақыт ішінде МЖӨ қағидаттарына негізделген және Қазақстанның Азаматтық құқығындағы шарт бостандығының жалпы қағидатына ғана сүйенетін жария құқық субъектілері (яғни Қазақстан Республикасы, оның өңірлері немесе қалалары) мен инвесторлар арасында бірқатар келісімдер жасалды [2; 56]. Бұл кезең осы саланы тікелей реттейтін бір салалық заңнаманың болмауына қарай, жалпы алғанда осы саланы реттейтін нормативтік құқықтық актілердің қалыптасуына негіз болған кезең деп атауға болады.

Үшінші кезеңде, 2006 жылы «Концессиялар туралы» Қазақстан Республикасы Заңының жаңа редакциясында концессия тетігін пайдалана отырып, инвестициялық жобаларды іске асыру үшін құқықтық алаң қаланды. Мемлекеттік меншік объектілерін құруға құқықтарды шетелдік қана емес, сонымен қатар ҚР резидент-заңды тұлғаларына да беруге мүмкіндік туғызды.

Бұдан басқа, әлемдік тәжірибеге сүйене отырып, Қазақстан Республикасының Үкіметі 2008 жылы МЖӨ жобаларына жәрдемдесу үшін «Қазақстандық мемлекеттік-жекешелік әріптестік орталығы» деп аталатын мамандандырылған бөлімше құрды. Орталық ұсынылатын МЖӨ-ні экономикалық бағалауға, соның ішінде концессияларға және тендерлік құжаттаманы, әлеуетті жеке серіктестердің ұсыныстарын және концессиялық жобаларды бағалау сияқты жобаларды дайындауға көмектесуге жауапты.

Төртінші кезеңде МЖӨ-ні дамытуда 2015 жылғы 30 қарашадағы Қазақстан халқына Жолдау қуатты серпін болды, онда Қазақстанның Тұңғыш Президенті Н.Ә. Назарбаев МЖӨ-ні елдің экономикалық дамуын жеделдету мақсатында пайдалануға шақырды [3]. Бұл жаңа жобалар үшін берік құқықтық және институционалдық негіз құруға үлкен қолдау көрсетті. 2015 жылдың соңында ел Үкіметі осы сәттен бастап Қазақстанның әрбір өңірі жаңа мақсатқа: жылына кемінде бес МЖӨ жобасын іске асыруға қол жеткізуі тиіс екенін ресми растады. Үкімет сонымен қатар салалық министрліктер жыл сайын қол қоюы керек МЖӨ келісімдерінің санына ұқсас мақсатты белгіледі.

Қазақстандық мемлекеттік-жекешелік әріптестік орталығының деректері бойынша 2021 жылғы 1 қаңтардан «Мемлекеттік-жекешелік әріптестік туралы» Заңның қолданысы басталған сәттен бастап Қазақстанда 1,5 трлн теңге сомасына МЖӨ туралы 864 шарт жасалды [4].

Әдістер мен материалдар

Мемлекеттік-жекешелік әріптестікті әкімшілік-құқықтық реттеу пәнінің құрамдас бөлігі ретінде доктриналық және заңды түрде тану осы қатынастардың әртүрлі аспектілеріне қызмет көрсететін МЖӨ жобаларын іске асырумен байланысты қатынастарды құқықтық реттеудің жекелеген проблемаларын әкімшілік-құқықтық санаттар тұрғысынан және жүйелілік қағидатын ескере отырып қайта қарау туралы сұрау салуды қалыптастырады. МЖӨ өзінің құқықтық реттеу әдіс-тәсілдерімен Ресей Федерациясының, Беларусь Республикасының, Қырғызстан Республикасының және Қазақстан Республикасының заңнамасында бекітілген. Еуразиялық экономикалық одақ біртұтас экономикалық кеңістікті қалыптастыруға бағытталғанын ескере отырып, осы мемлекеттердегі МЖӨ институтына нормативтік тәсілдерді оларды ықтимал үйлестіру тұрғысынан талдау, сондай-ақ осы институттың құқықтық табиғатына қатысты қолда бар доктриналық ұстанымдарды және олардың қалыптасқан нормашығармашылық және құқық қолдану практикасымен арақатынасын бағалау қажет.

Кез келген қайта құру кезеңінде қоғам бірінші кезекте қарым-қатынастың тұрақтылығына мұқтаж. Әртүрлі қатынастарды тұрақтандыру қоғамдық өмірдің барлық салаларында конституциялық құрылысты нығайтуға ықпал етеді. Бұл құқықтық жүйенің, оның институттарының сыртқы ортамен байланысын ескеру қажеттілігін анықтайды.

Е.И. Марковская атап өткендей, «инвестициялық жобаларды іске асырудың негізгі құралы ретінде МЖӨ тетігін енгізу ықтимал тәуекелдердің туындауына және жеке бизнес пен мемлекет арасындағы жауапкершілікті бөлуге неғұрлым салмақты қарауға мүмкіндік береді. Бұл әлеуметтік-экономикалық қатынастардың әртүрлі салаларын өзгерту бағдарламаларын жүзеге асыруға мүмкіндік береді...» [5].

Зерттеушілер арасында осы институтқа деген қызығушылық және осы саладағы нормативтік талаптарды жүзеге асыру тәжірибесі әртүрлі бағыттар бойынша бірқатар ғылыми еңбектердің пайда

болуына себеп болды. Сонымен, мемлекеттік-жекеменшік әріптестіктің теориялық негіздемесі және халықаралық тәжірибені талдау А.В. Белицкая [6], М.А. Хатаева [7], В.И. Якунин [8], Ю.С. Емьянов [9], В.Н. Мочальников [10] және т.б. ғалымдардың еңбектерінде баяндалған.

Нәтижелер

Қазіргі уақытта қалыптасу ЕАЭО елдеріндегі МЖӘ институты институционалдық ортаны және МЖӘ жұмыс істеу әдістерін дамыту шеңберінде өтеді. Өзгерістер қоғамның әлеуметтік және экономикалық өмірін жақсарту мақсатында неғұрлым тиімді саяси және әкімшілік жүйені құруға бағытталған.

МЖӘ тетігін іске асыру мақсатында Беларусь Республикасында 2015 жылғы 30 желтоқсанда «Мемлекеттік-жекешелік әріптестік туралы» № 345-З Заң (бұдан әрі — Заң) қабылданды. Заңның 1-бабына сәйкес жекешелік әріптес: заңды тұлға (мемлекеттік унитарлық кәсіпорындарды, мемлекеттік мекемелер мен мемлекеттік бірлестіктерді, сондай-ақ акцияларының (жарғылық қордағы үлестерінің) 50%-дан астамы Беларусь Республикасына не оның әкімшілік-аумақтық бірлігіне тиесілі шаруашылық қоғамдарды қоспағанда), заңды тұлға болып табылмайтын шетелдік ұйым, мемлекеттік-жекешелік әріптестік туралы келісім жасасқан дара кәсіпкер бола алады. Реттеуші мемлекеттік әріптестерге Беларусь Республикасының атынан Беларусь Республикасының Президенті уәкілеттік берген мемлекеттік орган немесе Беларусь Республикасының Министрлер Кеңесі уәкілеттік берген өзге де мемлекеттік ұйым Беларусь Республикасының Министрлер кеңесіне бағынатын республикалық мемлекеттік басқару органы немесе өзге де мемлекеттік ұйым, оның атынан мемлекеттік-жекешелік әріптестік туралы келісім жасасқан жергілікті атқарушы және өкімдік орган сөз сөйлейтін әкімшілік-аумақтық бірлік жатады.

Жария міндеттерді шешудің тиімділігін арттыру және МЖӘ туралы Заңды дамыту үшін мемлекетте бірқатар басқа нормативтік құқықтық актілер қабылданды, онда заңнамалық ережелерді іске асыру шаралары айқындалды, концессиялық келісімшартқа негізделген инфрақұрылымдық жобаларды іске асыру тәртібі белгіленді және т.б. қолданыстағы заңнамаға сәйкес жария әріптес жеке серіктеске қарағанда үлкен құқықтарға ие.

Арменияда заң шығарушы Армения Республикасының 2019 жылғы 28 маусымдағы № 3Р-113 «Мемлекеттік-жекешелік әріптестік туралы» Заңын (бұдан әрі — Заң) қабылдады. Заңның 2-бабында жария әріптес — конкурста жеңімпаз деп танылған қатысушымен МЖӘ туралы шарт жасасатын заңды орган, ал жеке әріптес — жария әріптес МЖӘ туралы шарт жасасқан немесе Заңның 21-бабында көзделген тәртіппен заңды тұлғаны алмастыратын Армения Республикасының заңнамасына сәйкес құрылған және әрекет ететін шарттың тарабы болып табылатын жеке заңды тұлға. Заңның 22-бабына сәйкес МЖӘ субъектілері өздерінің құқықтық мәртебесі бойынша тең, жария әріптес, егер бұл Армения Республикасының заңнамасына қайшы келмесе, МЖӘ туралы шартта белгіленген қызметті жүзеге асыруға жеке әріптеске айрықша құқықтарды беруге құқылы.

Өз кезегінде Қырғыз Республикасында МЖӘ жобаларын іске асыру «Мемлекеттік-жекешелік әріптестік туралы» Қырғыз Республикасының 2021 жылғы 11 тамыздағы № 98 Заңымен реттеледі. МЖӘ саласындағы уәкілетті мемлекеттік орган мемлекеттік органдармен, жергілікті өзін-өзі басқару органдарымен, мемлекеттік, муниципалдық кәсіпорындармен және мекемелермен, акционерлік қоғамдармен бірлесіп, олардың дауыс беретін акцияларының 50% және одан да көбі мемлекетке тиесілі, тиісті қызмет саласында не мемлекеттік органдар, жергілікті өзін-өзі басқару органдары, мемлекеттік органдар, жергілікті өзін-өзі басқару органдары, мемлекеттік, муниципалдық кәсіпорындар мен мекемелер, акционерлік қоғамдар, дауыс беретін акцияларының 50% және одан да көп бөлігі шағын жобалар бойынша тиісті қызмет саласында мемлекетке тиесілі, ал заңды тұлғалар мен дара кәсіпкерлер жеке әріптес ретінде әрекет етуге құқылы (4-бап). Заң шығарушы (14-бабының 1-тармағы) мемлекеттік әріптес пен жеке серіктестің құқықтары мен міндеттері келісімде айқындалатынын белгіледі.

Ресей Федерациясындағы осы саладағы қатынастарды құқықтық реттеудің негізін құрайтын нормативтік құқықтық актілер жүйесі олардың түрлері мен формалары бойынша айырмашылықтары негізінде, сондай-ақ мемлекеттік биліктің әртүрлі деңгейлері мен жергілікті өзін-өзі басқаруды ұйымдастыруды ескере отырып құрылады [11]. Ресейде: 2015 жылғы 13 шілдедегі № 224-ФЗ «Мемлекеттік-жекеменшік әріптестік, Ресей Федерациясындағы муниципалды-жеке серіктестік және Ресей Федерациясының жекелеген заңнамалық актілеріне өзгерістер енгізу туралы» Федералдық заң, 2015 жылғы 21 шілдедегі «Концессиялық келісімдер туралы» № 115-ФЗ Федералдық заң, Ресей Федерациясы мен субъектілерінің басқа федералдық заңдары мен нормативтік құқықтық актілері қабылданды. Заң шығарушы Ресей Федерациясының Үкіметі немесе оның атынан уәкілетті федералды атқа-

рушы орган немесе федералды аумақтың мемлекеттік органы немесе Ресей Федерациясының субъектісінің мемлекеттік билігінің жоғарғы атқарушы органы немесе оның атынан Ресей Федерациясының субъектісінің атқарушы билігінің уәкілетті органы болып табылатын Ресей Федерациясының субъектісі мемлекеттік серіктес болып табылатындығын анықтады. Муниципалитет, оның атынан муниципалитеттің басшысы немесе муниципалитеттің жарғысына сәйкес жергілікті өзін-өзі басқарудың басқа уәкілетті органы сөйлейді. Жеке серіктес — федералды заңға сәйкес келісім жасалған ресейлік заңды тұлға (3-бабы). Ресей Федерациясында заң шығарушы мемлекеттік және жеке серіктестердің құқықтары мен міндеттерін белгілейді және оларды мемлекеттік-жекешелік әріптестік туралы келісімнің объектісіне байланысты келісімде нақтылауға мүмкіндік береді.

Талқылау

Беларусь пен Ресей заңнамасында жалпы тәсілдер басым: бұл арнайы уәкілетті мемлекеттік орган (ұйым) және жергілікті билік және басқару органдары. Қазақстан Республикасының заңнамасында дауыс беретін акцияларының (жарғылық капиталға қатысу үлестерінің) 50% және одан да көп мемлекетке тікелей немесе жанама тиесілі уәкілетті заңды тұлға мемлекеттік әріптес ретінде әрекет етеді. Жеке әріптесті айқындау кезінде беларусь және қазақстандық заң шығарушы жалпы тәсілді қолданады: бұлар мемлекеттің бақылауындағы (мүлкі (үлестері, акциялары 50% -дан астамы) мемлекет меншігінде болатын) қоспағанда, коммерциялық шаруашылық жүргізуші субъектілер (ұлттық және шетелдік). Ресейлік заң шығарушы жеке серіктес ретінде тек ресейлік заңды тұлғаны қарастырады. МЖӨ-ні айқындауға қатысты барлық елдер ортақ тәсілді қолданады және МЖӨ-ні мемлекеттік және жеке әріптестердің ресурстарын біріктіруді және олардың арасында тәуекелдерді міндетті бөлу-ді қамтитын заңды рәсімделген шарт ретінде қарастырады. ЕАЭО-ға мүше мемлекеттердің заңнамасында мемлекеттік-жекешелік әріптестікті қолдану салаларын айқындау бойынша да айырмашылықтар бар: Беларусь Республикасы МЖӨ-ні алып қоймай жүзеге асыру қызметінің салаларын айқындайды; Ресей заң шығарушысы берілуі мүмкін объектілерді анықтайды; Қазақстан Республикасында да МЖӨ-ге байланысты тиісті қызмет салалары айқындалған.

ЕАЭО елдеріндегі МЖӨ институтының құқықтық табиғатын талдай отырып, МЖӨ келісімін жасасуға болатын объектілердің тізбесі әртүрлі екенін, МЖӨ нысандарын айқындай отырып, МЖӨ бірыңғай терминологиялық базасы құрылмағанын, жеке әріптестер үшін бірыңғай кепілдіктер жоқ екенін атап өткен жөн. Жүргізілген салыстырмалы-құқықтық талдау негізінде ЕАЭО елдерінің ұлттық заңнамасының ерекшелігіне қарамастан МЖӨ жобаларын іске асырудың бірыңғай кезеңдерінің болуы байқалады. МЖӨ институты Беларусь Республикасының, Ресей Федерациясының, Қазақстан Республикасының және Қырғызстан Республикасының заңнамасында көзделеді, бірақ аталған мемлекеттердің ешқайсысында МЖӨ контурында әкімшілік және басқарушылық байланыстар қалыптаспаған, МЖӨ жобаларын іске асыруға байланысты мемлекеттік әріптес пен жеке әріптес арасында тәуекелдерді бөлудің тәсілдері айқындалмаған, бұл МЖӨ-нің әртүрлі нысандарына қатысты теориялық және қолданбалы мәселелерді тудырады.

Осы институттың зерттеуі шеңберінде атап өтілгендерден басқа да маңызды проблемаларға мыналар жатқызылуы тиіс: өзіне қатысты келісімдер жасалуы мүмкін объектілер тізбесін ұлғайту қажеттілігі; жария-жекешелік әріптестікті ұйымдастыру және жүзеге асыру кезінде әкімшілік іс-қимылдар жасау реттілігін регламенттеу; жария-жекешелік әріптестік жобаларының тиімділігін бағалаудың және конкурстық іріктеудің бірыңғай әдістемесін енгізу.

Қорытынды

Соңғы жылдары МЖӨ жобаларын дамыту мен іске асыруда оң үрдіс байқалады, мысалы, бюджеттен ішінара өтелетін немесе өтелмейтін жобалардың ұлғаюы.

Коронавирус пандемиясымен байланысты экономикалық дағдарыс Қазақстанның экономикалық өсуінің дамуында өз ізін қалдырды. Экономиканы қалпына келтіру үшін ел үкіметі бірнеше шешім қабылдады және олардың бірі мемлекеттік-жекешелік әріптестікті дамыту болды. Бұл кезеңде денсаулық сақтау, білім беру, сондай-ақ энергетика және ТКШ саласындағы жобалар ерекше өзекті болды. Бірлескен кәсіпорындар кәсіби, ғылыми және техникалық қызмет саласында және сумен жабдықтау секторында да жұмыс істейді.

Заңнаманың ережелерін және инвестициялық климатты қалыптастыру үшін қажетті институционалдық ортаның жұмыс істеуін талдау құқықтық тәуекелдер мәселесі елде жұмыс істейтін инвесторлар үшін өзекті болып қала беретінін көрсетеді. Санкциялар жағдайында мемлекеттік-жекешелік

әріптестік жобаларына қатысқан ірі инвесторлардың мүдделері саяси шешімдерге байланысты заңмен қорғалмайды. Мемлекеттік-жекешелік әріптестіктің қалыптасқан құқықтық модельдері бизнес-модельдерге сәйкес келмейді. Бизнеске қолданылатын мемлекеттік-жекешелік әріптестіктің құқықтық модельдерінің көпшілігі заңнаманы тиімді іске асыру проблемаларына тап болады. Бизнес пен билік серіктестігінің тиімді жұмыс істеуі үшін жекелеген қиындықтар монополияға қарсы қызмет пен ішкі кірістер қызметін заңсыз әрекеттерімен жасайды. Мемлекеттік-жекешелік әріптестік жобасында төрелік жағдайлар бойынша нақты ұстанымның болмауы инвестициялық ахуалды да нашарлатады. Мемлекеттік-жекешелік әріптестіктің құқықтық нысандарын талдау олардың барлығының дербес белгілері бар екенін көрсетеді, оларды практикада есепке алу олардың қолдану нүктесін анықтайды (жер қойнауын пайдалану, инфрақұрылымды дамыту және т.б.).

Әрине, аталған проблемалар, толық емес. Алайда оларды іске асыру Қазақстанның ғана емес, ЕАЭО елдерінің экономикасындағы жария-жекешелік әріптестік институтының сапалы дамуына ықпал етеді, мемлекет пен инвесторлардың шығыстарын қысқартуға мүмкіндік береді, мемлекеттік басқарудың тұрақты жүйесін қалыптастыруға мүмкіндік жасайды, бұл өз кезегінде жария-жекешелік әріптестік институтын басқарудың нысандары мен әдістерін жетілдіруді талап етеді.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Алтыбасарова М.А. Тенденция развития государственно-частного партнерства в Казахстане: сб. науч. ст. по итогам V Молодежного конкурса научных работ / М.А. Алтыбасарова, Д.Ж. Абдрахманова. — Волгоград: Науч. изд. центр «Абсолют», 2022. — С.174–179.
- 2 Chikanayev Sh. Partner of GRATA International Law Firm, LL.M. PublicPrivate Partnerships in Kazakhstan: Evolution of the Government Policy and Reality of PPP Deployment. Part II / Sh. Chikanayev // Научные труды «ӘДІЛЕТ». — 2021. — No 1. — P. 56–67.
- 3 2015 жылғы 30 қарашадағы Қазақстан халқына Жолдау [Электрондық ресурс]. — Қолжетімділік: www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/astana_other_events/poslanie-glavy-gosudarstva-narodu-kazakhstana.
- 4 Реестр проектов государственно-частного партнерства [Электрон. текстовые данные]. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://kzppp.kz/>
- 5 Механизмы государственно-частного партнерства. Теория и практика: учеб. и практикум для вузов / под общ. ред. Е.И. Марковской. — М.: Юрайт, 2019. — 491 с.
- 6 Белицкая А.В. Правовое регулирование государственно-частного партнерства / А.В. Белицкая. — М.: Статут, 2012. — 191 с.
- 7 Хатаева М.А. Законодательство о государственно-частном партнерстве в Российской Федерации: проблемы, тенденции, перспективы / М.А. Хатаева // Журн. рос. права. — 2008. — № 10. — С. 156–167.
- 8 Якунин В.И. Партнерство в механизме государственного управления / В.И. Якунин // Социол. исслед. — 2007. — № 2. — С. 58–68.
- 9 Емельянов Ю.С. Государственно-частное партнерство в инновационной сфере: зарубежный и российский опыт / общ. ред. и предисл. С.Н. Сильвестрова. — М.: ЛИБРОКОМ, 2012. — 256 с.
- 10 Мочальников В.Н. Государственно-частное партнерство: отечественный опыт, мировые тенденции, вектор развития для России / В.Н. Мочальников. — М.: Экономика, 2012. — 351 с.
- 11 Сиваев С.Б. Государственно- и муниципально-частное партнерство в России и за рубежом / С.Б. Сиваев, Э. Маркварт. — М.: Дело; РАНХиГС, 2018. — 404 с.

А.А. Курманов, С.Б. Курманова

Правовое регулирование государственно-частного партнерства

Развитие общественной инфраструктуры, в свою очередь, требует использования различных форм взаимодействия частного бизнеса и государства. Среди таких объектов — государственно-частное партнерство. Государственно-частное партнерство дает положительные результаты, такие как привлечение инвестиций, экономия бюджетных ресурсов, стимулирование конкуренции и предпринимательской активности. Благодаря успешному применению во многих развитых государствах, его регулирование нашло свое место и в нормативных правовых актах страны. Так, по информации КаЗАСТ, только в сфере образования до 1 июня 2020 г. заключено 786 договоров государственно-частного партнерства. Это составляет 56 % от числа всех заключенных договоров. Цель настоящей статьи — проанализировать особенности нормативно-правового регулирования различных правовых форм государственно-частного партнерства. Авторы всесторонне исследуют, формулируют и раскрывают содержание принципов правового регулирования публично-частного партнерства. По данному вопросу исследованы существующие в научной литературе позиции, рассмотрены их новые представ-

ления по указанной проблеме. Проанализированы нормативные акты международных организаций, а также стран ЕАЭС, экономика которых тесно взаимосвязана. Доказано, что такие принципы, как исходные принципы, положения, выражающие сущность института государственно-частного партнерства, должны быть законодательно закреплены для обеспечения единообразия правового регулирования. В результате проведенной работы были раскрыты механизмы правового регулирования, их преимущества и недостатки, которые сопоставлены с опытом других стран.

Ключевые слова: публично-частное партнерство, государственно-частное партнерство, принципы правового регулирования, принципы государственно-частного партнерства, задачи, субъекты, регулирование, частный партнер, ЕАЭС.

A.A. Kurmanov, S.B. Kurmanova

Legal regulation of public-private partnership

The development of public infrastructure requires the use of various forms of interaction between private business and the state. Among such facilities is a public-private partnership. Public-private partnership gives positive results, such as attracting investments, saving budget resources, stimulating competition and entrepreneurial activity, thanks to its successful application in many developed countries, its regulation has found its place in the country's regulatory legal acts. Thus, according to Kazakh Public-Private Partnership Center, 786 public-private partnership agreements have been concluded in the field of education alone until June 1, 2020. This represents 56 percent of all contracts concluded. The purpose of the article is to analyze the legal aspects of regulation of public-private partnership. In the article, the author comprehensively explores, formulates and reveals the content of the principles of legal regulation of public-private partnership. On this issue, the existing positions in the scientific literature will be analyzed; their new ideas on this issue will be considered. The normative acts of international organizations, as well as the EAEU countries, economies of which are closely interconnected, are analyzed. It is proved that such principles as the initial principles, provisions expressing the essence of the institution of public-private partnership should be legislatively fixed to ensure uniformity of legal regulation. As a result of the work carried out, the mechanisms of legal regulation will be disclosed, compared with the experience of other countries, the advantages and disadvantages will be discussed.

Keywords: public-private partnership, state-private partnership, principles of legal regulation, principles of public-private partnership, tasks, subjects, regulation, private partner, EAEU.

References

- 1 Altybasarova, M.A. & Abdrahmanova, D.Zh. (2022). Tendentsiia razvitiia gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Kazakhstane: sbornik nauchnykh statei po itogam V Molodezhnogo konkursa nauchnykh rabot [The trend of development of public-private partnership in Kazakhstan]. Volgograd: Nauchnyi izdatelskii tsentr «Absoliut» [in Russian].
- 2 Chikanayev, Sh. (2021). Partner of GRATA International Law Firm, LL.M. PublicPrivate Partnerships in Kazakhstan: Evolution of the Government Policy and Reality of PPP Deployment. Part II. *Nauchnye trudy «ADILET» — Scientific works of «ADILET»*, 1, 56–67.
- 3 2015 zhylgy 30 qarashadagy Qazaqstan khalqyna zholdau [Message to the People of Kazakhstan dated November 30, 2015] www.akorda.kz/ru. Retrieved from: www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/astana_other_events/poslanie-glavy-gosudarstvaronodu-kazahstana [in Kazakh].
- 4 Reestr proektov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Register of public-private partnership projects]. kzppp.kz. Retrieved from: <https://kzppp.kz/> [in Russian].
- 5 (2019). Mekhanizmy gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Mechanisms of public-private partnership]. E.I. Markovskaia (Ed.). Moscow: Yurait [in Russian].
- 6 Belitskaia, A.V. (2012). Pravovoe regulirovanie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Legal regulation of public-private partnership]. Moscow: Statut [in Russian].
- 7 Khataeva, M.A. (2008). Zakonodatelstvo o gosudarstvenno-chastnom partnerstve v Rossiiskoi Federatsii: problemy, tendentsii, perspektivy [Legislation on public-private partnership in the Russian Federation: problems, trends, prospects]. *Zhurnal rossiiskogo prava — Journal of Russian Law*, 10, 156–167 [in Russian].
- 8 Yakunin, V.I. (2007). Partnerstvo v mekhanizme gosudarstvennogo upravleniia [Partnership in the mechanism of public administration]. *Sotsiologicheskie issledovaniia — Sociological research*, 2, 58–68 [in Russian].
- 9 Emelianov, Yu.S. (2012). Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v innovatsionnoi sfere: zarubezhnyi i rossiiskii opyt [Public-private partnership in innovation: foreign and Russian experience]. S.N. Silvestrov (Ed.). Moscow: LIBROKOM [in Russian].
- 10 Mochalnikov, V.N. (2012). Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: otechestvennyi opyt, mirovye tendentsii, vektor razvitiia dlia Rossii [Public-private partnership: domestic experience, global trends, development vector for Russia]. V.N. Mochalnikov (Ed.). Moscow: Ekonomika [in Russian].
- 11 Sivaev, S.B. & Markvart, E. (2018). Gosudarstvenno i munitsipalno-chastnoe partnerstvo v Rossii i za rubezhom [Public and municipal-private partnership in Russia and abroad]. Moscow: Delo; RANKHiGS [in Russian].

М.Ю. Прудникова*

Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: mariela78@mail.ru)

Медицинская услуга как гражданско-правовая категория

Основной задачей развитого государства является сохранение здоровья нации путем создания условий для его поддержания и восстановления. На сегодняшний день в Казахстане имеется внушительная основа для регулирования отношений в сфере медицинского обслуживания в лучших традициях мировых стандартов, многое сделано для обеспечения права граждан на получение качественной медицинской помощи. Однако несмотря на относительную сформированность правовой базы для регулирования рынка медицинских услуг, отчасти, все еще прослеживается некоторая неопределенность в гражданско-правовой регламентации отношений, складывающихся по поводу их оказания. Целью исследования является анализ правовой природы медицинской услуги как объекта гражданских прав. Автором рассмотрены видовые особенности медицинской услуги; обобщены основные юридические черты, определяющие ее сущность; обоснована значимость. Особое внимание уделено значению объектных признаков медицинской услуги в формировании предмета договора об оказании медицинских услуг. Исследование природы медицинской услуги как гражданско-правовой категории позволило автору оценить эффективность действующих норм, обобщить ряд правовых проблем, а также обосновать актуальность их разрешения для практики правоприменения. Вопросы, исследуемые автором в статье, представлены актуальными в условиях модернизации законодательства о здравоохранении и постоянного обновления гражданского законодательства, регулирующего договоры об оказании услуг.

Ключевые слова: здравоохранение, здоровье, объект, услуга, медицинская услуга, обязательство, договор, пациент, услугодатель.

Введение

Здоровье нации есть основа будущего любого государства. Учитывая это, в Республике Казахстан особое внимание уделяется долгосрочной модернизации современного казахстанского здравоохранения, внедрению международных стандартов в сфере обеспечения качества медицинских услуг, повышению уровня их доступности для населения. Новые медицинские технологии, мировая пандемия, а также огромная нагрузка на отечественную медицину в условиях изменившейся за последние годы эпидемиологической ситуации, вызвали необходимость конкретизации как уже существующих отдельных положений действующего законодательства о здравоохранении, так и принципиальных изменений в подходах к управлению им. Кодекс «О здоровье народа и системе здравоохранения», принятый в Казахстане 7 июля 2020 г., сохранив основу, коснулся не только этих вопросов, но и глобально был направлен на обеспечение международной и внутренней безопасности граждан, укрепление общественного здоровья, поддержку и повышение статуса медицинских работников. Безусловной заслугой отечественного законодателя являются нормы, закрепившие за пациентом статус потребителя медицинских услуг, обозначившие договорной характер отношений в сфере их оказания, и, как следствие, окончательное признание за ними гражданско-правового характера.

Однако несмотря на такое, довольно подробное, регулирование гражданско-правовых отношений в сфере оказания медицинских услуг, незначительное пространство правовой неопределенности здесь продолжает сохраняться. Проводимые реформы не решают практических проблем, осложняются проявлениями коррупции в здравоохранении, отягощаются отчасти административным подходом к отношениям «врач–пациент», усугубляются несовершенством практики применения действующих норм на фоне постоянного ухудшения качества здоровья населения и угрозы распространения новых заболеваний и вирусов в мировых масштабах.

Целью данной статьи является анализ понятия «медицинская услуга» в контексте действующего законодательства, а также ее объектных признаков, которые напрямую влияют на формирование предмета договора об оказании медицинских услуг.

Одной из причин, создающей неполное представление о медицинской услуге как о специфиче-

* Автор-корреспондент. E-mail: mariela78@mail.ru

ском объекте гражданских прав, на наш взгляд, является неточное определение, закрепленное в ныне действующем законодательстве. Представляется, что оно не отражает гражданско-правовой сущности медицинской услуги и это обосновывается в данном исследовании.

Методы и материалы

Методологическую базу исследования составили методы научного познания, позволяющие описать состояние исследуемой проблемы, понять и пояснить ее актуальность, а также сделать прогнозы относительно возможности ее разрешения, в том числе путем предложения конкретных правовых способов.

Использование диалектического метода позволило автору провести оценку развития законодательства о здравоохранении и правовой доктрины в рассматриваемой сфере; формально-логического — обосновать объектные признаки медицинской услуги. Исследованию поставленных в статье проблем способствовало использование общенаучных методов, таких как системный анализ — для поиска путей разрешения обозначенных правовых и практических проблем, синтез — для смыслового объединения выводов и предложений, выделенных в результате анализа, дедукция — для выделения закономерностей, исходя из уже имеющихся знаний по теме исследования.

Обсуждение и результаты

Первоначально понятие «медицинские услуги» было предложено Законом Республики Казахстан «О системе здравоохранения» от 4 июня 2003 г. (ныне — утратил силу) [1]. Согласно п. 17 ст. 1 данного Закона, под медицинской услугой понималась услуга физических и юридических лиц, действующих на основании соответствующей лицензии по оказанию гражданам медицинской помощи [1]. В свою очередь, медицинская помощь определялась как профессиональная деятельность физических лиц, получивших высшее или среднее профессиональное медицинское образование, а также юридических лиц, направленная на охрану здоровья граждан [1].

Данное определение, хотя и учитывало видовые особенности медицинской услуги, не давало полной характеристики ее сущностных признаков как объекта гражданских прав. Такая тенденция прослеживается и ныне, учитывая, что определение медицинской услуги, сформулированное ранее действующим Кодексом, сохранилось и в новом законодательстве. Подпункт 181 ст. 1 Кодекса о здоровье народа и системе здравоохранения (далее — Кодекс о здоровье народа) определяет медицинские услуги как действия субъектов здравоохранения, имеющие профилактическую, диагностическую, лечебную, реабилитационную или паллиативную направленность по отношению к конкретному человеку [2]. На наш взгляд, данное определение не содержит существенных характеристик медицинской услуги, позволяющих говорить о ее гражданско-правовой природе. Опираясь на теоретические представления об услуге, анализируя ее легальное определение, а также учитывая характер медицинской деятельности, следует выделить признаки медицинской услуги, квалифицирующие ее как особый объект гражданских прав.

Во-первых, процесс оказания медицинских услуг в качестве цели преследует восстановление и поддержание здоровья человека, а в качестве объекта воздействия выступает его организм. Чаще всего пациент обращается за медицинской помощью для устранения негативных симптомов, которые он замечает. Такое устранение непосредственно выражается в деятельности врачей и медицинского персонала по диагностике заболевания (комплексе медицинских услуг, направленных на установление факта наличия или отсутствия заболевания (пп. 98 ст. 1 Кодекса о здоровье народа)), выбору пути лечения и проведению самого лечения (комплекса медицинских услуг, направленных на устранение, приостановление и (или) облегчение течения заболевания, а также предупреждение его прогрессирования (пп. 103 ст. 1 Кодекса о здоровье народа))[2]. Предложенное законодателем определение медицинской услуги включает в себя также действия по профилактике как «комплекс медицинских и немедицинских мероприятий, направленных на предупреждение возникновения заболеваний, прогрессирования на ранних стадиях болезней и контролирование уже развившихся осложнений, повреждений органов и тканей» (пп. 207 ст. 1 Кодекса о здоровье народа); паллиативную помощь как «комплекс медицинских услуг, направленных на облегчение боли и тяжелых проявлений заболевания (состояния) неизлечимо больного пациента при отсутствии показаний к проведению радикального лечения» (п. 2 ст. 126 Кодекса о здоровье народа); а также деятельность по реабилитации пациента как «комплекс медицинских услуг, направленных на сохранение, частичное или полное восстановление

нарушенных и (или) утраченных функций организма пациента» (пп.187 ст. 1 Кодекса о здоровье народа) [2].

Думается, что медицинское обслуживание, исходя из такого легального определения, в целом, представляет собой деятельность, непосредственно направленную на улучшение состояния здоровья пациента. Однако при таком общем подходе, на наш взгляд, теряется грань, определяющая сущность именно медицинских действий, преследующих цель — помочь пациенту восстановить здоровье, улучшить его состояние, устранить причину, ставшую следствием снижения качества его жизни. В частности, комплекс немедицинских профилактических мероприятий, направленных на предупреждение возникновения заболеваний, вряд ли можно подводить под понятие «медицинская услуга», что прямо следует из анализа понятий, предложенных законодателем. Представляется, что подобное разграничение возможно лишь при обозначении медицинских и немедицинских мероприятий по профилактике, последние из которых не должны включаться в предмет договора, поскольку отчасти противоречат сущности медицинской деятельности.

При этом в числе медицинских услуг на специальном законодательном уровне необходимо прямо выделить услуги, объектом которых является воздействие на организм или его отдельные части, связанное с применением медицинских манипуляций с целью улучшения и коррекции внешности (косметологические услуги). На сегодняшний день вывод о том, какие из услуг в сфере красоты подлежат лицензированию можно сделать лишь на основе анализа норм Закона Республики Казахстан «О разрешениях и уведомлениях» от 16 мая 2014 г. и подзаконных нормативно-правовых актов. Так, к услугам, подлежащим лицензированию в сфере здравоохранения, государство отнесло пластическую хирургию, дерматовенерологию (дерматокосметологию) (п.15 Приложения к Закону «О разрешениях и уведомлениях» [3]. Деятельность по оказанию косметических услуг лицензированию в Республике не подлежит. К косметическим услугам относят физическое или химическое воздействие на кожу лица и тела, на брови, ресницы, ногти и волосы клиента, с использованием косметических средств и декоративной косметики для удовлетворения эстетических потребностей клиента, не требующих медицинского контроля [4]. Действующие подзаконные нормы прямо исключают из их числа деятельность по оказанию медицинских услуг реконструктивно-пластической хирургии, лечению заболеваний кожи и подкожной клетчатки, косметологических и массажных кабинетов [4].

К косметологическим процедурам относят мероприятия, применяемые с целью лечения и профилактики заболеваний, сопровождающихся косметическими дефектами, а также для предупреждения старения кожи и выпадения волос. Лечебные косметологические процедуры выполняются врачом-дерматологом, а некоторые из них — медицинской сестрой. Отметим, что в действующем законодательстве отсутствует установленный перечень услуг, охватывающийся понятием «косметологические услуги».

Учитывая лечебную и профилактическую (медицинскую) составляющую мероприятий, относящихся к косметологическим услугам, считаем, что к таковым следует относить инъекционную терапию (мезотерапию, биоревитализацию, ботулинотерапию, контурную пластику), а также иные врачебные манипуляции, требующие специальных знаний по анатомии, физиологии человека, строению лица и тела, соответствующих показаний и противопоказаний. Думается, что правовая регламентация данного вопроса должна обеспечиваться отнюдь не сопоставлением норм подзаконного уровня и требует юрисдикционной конкретики и специального правового регулирования законодательством о здравоохранении.

Второй признак медицинской услуги — это деятельность (совокупность действий), которую могут осуществлять только отдельные исполнители, поскольку такая деятельность связана с его личностью, а эффект от ее оказания напрямую зависит от уровня его знаний, профессиональных навыков и квалификации. Требования, предъявляемые к таким исполнителям, реализуются через установленную государством систему лицензирования.

В теории медицинского права этот признак связывают с профессиональным характером медицинской деятельности для одной стороны, и с потребительским — для другой.

В-третьих, медицинская услуга характеризуется направленностью на конкретного субъекта (пациента) и оказывается последнему для удовлетворения его личных нужд [5; 54]. Несмотря на то, что медицинские услуги оказываются пациенту, объектом воздействия являются его жизнь и здоровье. Эти неимущественные блага являются наиболее важными, обладают свойством неустойчивости и не имеют возможности многократно восстанавливаться. Зачастую воздействие на такие объекты носит необратимый характер, а последствия сохраняются даже при прекращении оказания медицинской

помощи [6; 94]. Это позволяет говорить об особом объекте воздействия в отношениях об оказании медицинских услуг.

В-четвертых, оказание медицинских услуг не связано с созданием овеществленного результата. Это — едва ли не самый определяющий сущность услуги, в общем, и медицинской услуги, в частности, признак, поскольку именно он во многом позволяет выделить отношения по оказанию услуг из подрядных отношений.

Однако современный научно-технический прогресс в процессе эволюции создает предпосылки для юридического переосмысления старых подходов и выработки новых квалификационных признаков медицинской услуги. Появление неизвестных ранее методов лечения путем трансплантации, протезирования, хирургической пластики, подсадки оплодотворенных в пробирке эмбрионов по-новому ставят вопрос о природе договорных отношений, осуществляемых в процессе медицинского обслуживания.

Вместе с тем некоторые авторы при определении юридической природы отношений в данном случае предпочитают разграничивать их по принципу овеществленности результата. Так, например, проведение стоматологических медицинских мероприятий, связанных с появлением овеществленного результата, квалифицируется ими как выполнение подрядных работ, а проведение диагностической консультации — как правоотношения по возмездному оказанию услуг.

Думается, что следует отказаться от такого принципиального противопоставления. Процесс оказания медицинских услуг — это комплекс зачастую отдельных действий, направленных на достижение единой цели — восстановление и поддержание здоровья пациента, а появление в некоторых случаях материального результата, так или иначе, является итогом выполненной услуги. Отсюда — возникновение отношений смешанного типа, когда оказание медицинской услуги путем совершения нематериальных действий — консультации, диагностики, лечения опосредовано появлением овеществленного результата. Яркий пример — оказание услуг по протезированию. Такой процесс состоит из нескольких этапов, каждый из которых объективно самостоятелен. Он представлен первичным обследованием пациента, изготовлением самого протеза и последующей его установкой. Соответственно обследование следует рассматривать как услугу, изготовление протеза допустимо квалифицировать как подряд, а его установку вновь как услугу, и, хотя установка — своеобразный вещественный результат, этот результат не может быть отчужден пациентом в силу своей специфики. Когда процесс оказания медицинской услуги разделить на отдельные действия, приводящие или не приводящие к определенному вещественному результату невозможно, следует исходить из презумпции его отсутствия, несмотря на его передачу конкретному пациенту. Такой подход, в той или иной степени встречающийся в работах некоторых авторов [7; 22], исходя из сущности услуги, видится наиболее логичным и оправданным.

Отдельные вопросы возникают также при квалификации отношений, возникающих по поводу выполнения услуг в сфере пластической хирургии. В данном случае заказчик, как правило, заинтересован не в самом процессе оказания медицинских услуг, а в определенном результате. Поскольку достижение желаемого результата зависит не только от врача-исполнителя, но и от непосредственного объекта, на который он воздействует, — организма пациента (учитывая общее состояние здоровья, переносимость отдельных препаратов, тургор кожи и т.д.), а полезность процедуры выражена в действиях хирурга, эти отношения подпадают под оказание услуг. В связи с этим особый интерес вызывают правовые последствия недостижения полезного результата.

Согласно действующему законодательству, заключая договор оказания услуг, заказчик принимает риск случайного неисполнения на себя. То есть для того, чтобы привлечь исполнителя к ответственности, наличие его вины обязательно. В противном случае возможны два варианта — полная оплата услуг в случае, если в невозможности их исполнения виновен сам заказчик или возмещение заказчиком фактических расходов исполнителю, если такая невозможность обусловлена обстоятельствами, за которые ни одна из сторон не отвечает [8]. На наш взгляд, в тех случаях, когда процесс исполнения медицинской услуги направлен на заранее определенный результат (например, создание пациенту путем пластической хирургии предварительно подобранного в процессе компьютерной обработки овала лица, формы носа, ушей, разреза глаз и т.д.), достичь которого путем проведения операционных действий не удалось по вине врача-исполнителя, корректнее говорить не о «неисполнении», а о «ненадлежащем исполнении» медицинской услуги. А обязанность оплатить результат должна исполняться пациентом, если оказанная медицинская услуга была надлежащего качества.

Допускаем, что, в подобных случаях, вступая в договорные отношения, в целях защиты своих прав, пациенту необходимо оговаривать условие, согласно которому услуги будут подлежать оплате лишь при наступлении их полезного эффекта. По мнению отдельных авторов, такая возможность представляется бесспорной [9; 8].

Противоположную точку зрения высказывает Ю.В. Романец. Он считает, что «... отсутствие результата, отделимого от процесса оказания услуг, обуславливается спецификой деятельности по оказанию услуг... стороны не вправе включать в договор условие об имущественной ответственности врача за необеспечение выздоровления или о том, что оплата будет произведена только в случае выздоровления» [10;121].

Думается, что, определяя в договоре об оказании услуг пластической хирургии условие об их оплате исполнителю только при достижении желаемого результата, как отлагательное, стороны не превращают его в подрядное обязательство и не меняют его специфики.

Полагаем, что в современном обороте дорогостоящих медицинских услуг наличие договоров с отлагательным условием об оплате во многом будет гарантировать качество их оказания. На наш взгляд, конструкция договора как сделки с отлагательным условием в данном случае не только юридически возможна, но и обоснована, поскольку достижение полезного эффекта от медицинской услуги, хоть и желательно, но не гарантировано, поскольку невозможно спрогнозировать реакцию организма на медицинское воздействие. Такое положение позволяет нам подводить последствия, в отношении которых на момент заключения договора не известны — наступят они или нет под отлагательное условие в сделке.

Представляется, что рисковый характер медицинской услуги должен предопределять практику заключения подобных сделок даже тогда, когда ее оказание не связано с созданием и установкой ее материального компонента.

В-пятых, несмотря на то, что предоставление и пользование медицинскими услугами имеет конкретную цель, результат услуги по большей части не может быть гарантирован исполнителем. Поддержку данного положения мы находим в работах отдельных авторов, например, М.В. Кротова, который пишет: «В отношениях по оказанию нематериальных услуг не существует овеществленного результата. Потребителю гарантируется лишь осуществление определенного вида деятельности, направленного на достижение какого-либо полезного эффекта. Он может быть достигнут или не достигнут...» [11; 10]. Невозможность установления гарантий вызвано спецификой обязательства по оказанию медицинских услуг, которая заключается в том, что его исполнение напрямую связано с встречными действиями самого пациента, а также особенностями объекта, на который воздействует исполнитель — организма человека. То есть эффективность лечения во многом будет зависеть не только от правильной диагностики заболевания и выбора соответствующего метода лечения врачом, но и точности и систематичности действий пациента по исполнению его указаний. Дополнительно необходимо учитывать направленность деятельности учреждения, оказывающего медицинские услуги, на достижение полезного эффекта от них, учитывая технические и профессиональные возможности современной медицины.

Тем не менее этот признак недопустимо трактовать слишком расширительно, поскольку непосредственным объектом любой медицинской манипуляции является здоровье пациента как неотъемлемое и особо важное для него благо. Основной целью медицинской помощи, которая и является содержанием медицинской услуги как таковой, выступает лечение пациента. Оно должно проводиться целенаправленно и качественно, с учетом состояния пациента, противопоказаний, с использованием современных достижений науки, техники и медицины. Поэтому объективная возможность достижения результата все-таки должна учитываться при определении медицинской услуги, как объекта гражданских прав, так как это во многом может повлиять на грамотную квалификацию ответственности врачей в случае ненадлежащего исполнения ими своих обязательств.

В-шестых, представляется, что медицинская услуга обладает имущественным характером, и, соответственно, подлежит оплате со стороны заказчика. Цена на услуги в сфере здравоохранения складывается из затрат исполнителя, связанных с их оказанием, и вознаграждения ему. Возмездными отношения врача и пациента по договору о медицинском обслуживании являются независимо от того, кто является источником финансирования сделки — пациент или третье лицо, являющееся плательщиком.

В-седьмых, медицинская услуга отличается индивидуальным характером. Медицинские услуги, хоть и не всегда обладают характером уникальности, однако их оказание всегда сопровождается про-

цессом взаимодействия врача с пациентом, с присущими только его организму особенностями. В условиях оказания медицинской помощи двум разным пациентам при одинаковой симптоматике врач должен учитывать не только их состояния, которые на первый взгляд могут быть сходными, но и обстоятельства, предшествующие заболеванию или усугубившие его, наличие других хронических заболеваний, провоцирующих рецидив и мешающих оперативному лечению, возможность проявления индивидуальных аллергических реакций и мн. др. Представляется, что только индивидуальный подход может стать залогом положительного эффекта от медицинских услуг, что должно являться целью как для пациента, так и для врача.

В-восьмых, медицинская услуга должна отличаться оборотоспособностью, то есть не должна носить запрещенный характер и противоречить основам нравственности и правопорядка. Недопустимыми при оказании медицинских услуг являются принудительное лечение, использование при лечении запрещенных препаратов, эвтаназия, незаконная стерилизация и т. д. К сожалению, в условиях нарастающей в отдельных сферах коммерческого врачевания конкуренции отступление от отдельных действующих норм сегодня не редкость. Приведем конкретный пример. Согласно п. 5 ст. 146 Кодекса о здоровье народа «при использовании вспомогательных репродуктивных методов и технологий выбор пола будущего ребенка не допускается, за исключением случаев возможности наследования заболеваний, связанных с полом» [2]. Однако все без исключения клиники в сфере репродуктивной медицины сегодня предоставляют своим заказчикам такую возможность. На наш взгляд, подобные договоры следует признавать юридически порочными, не соответствующими требованиям действующего законодательства.

Следует отметить и такой признак медицинской услуги как то, что процесс ее оказания часто сопряжен с нарушением «суверенитета потребителя (пациента)», где последний не способен оценивать характер и объем медицинской помощи, в которой он нуждается, а значит, определять содержание поведения исполнителя по договору. В этом, как совершенно верно отмечает С.В. Нагорная, видится ее рисковый характер [12; 32]. Пациент, который обращается в медицинское учреждение, нуждается в восстановлении здоровья. В большинстве случаев, описывая симптомы заболевания, он не имеет профессиональной и иной возможности определить необходимость прохождения тех или иных медицинских манипуляций. Недобросовестный подход услугодателя в данном случае, особенно в отношениях по оказанию платных медицинских услуг, чреват злоупотреблениями в виде назначения многочисленных и дорогостоящих мероприятий по диагностике и лечению, при отсутствии необходимости их прохождения. Это может привести к дополнительным и ненужным затратам для пациента, а значит — нарушению его права на качественное медицинское обслуживание. Подобное положение может вызвать неблагоприятный исход для пациента и в тех случаях, когда ему назначаются дорогостоящие препараты профилактического назначения производителя, представителем которого является сам медицинский работник-дистрибьютор. И хотя деятельность медицинских работников по продвижению лекарственных средств и изделий медицинского назначения своим пациентам запрещена, подобные нарушения — не редкость.

И, наконец, следует согласиться с С.В. Нагорной и в том, что медицинская услуга как объект обладает также алеаторным (рисковым) характером для пациента, который принимает на себя ответственность за вероятность невозможности исполнения договора [12; 33]. Этот признак явно прослеживается в содержании норм, регламентирующих отношения по возмездному оказанию услуг гражданским законодательством Республики Казахстан (ст. 685 ГК РК). Однако необходимо учитывать, что даже если за медицинской помощью обращается пациент, страдающий неизлечимым заболеванием или при наличии патологии в запущенной форме, что препятствует полному восстановлению и проведению лечебных и диагностических мероприятий, возникновение риска неисполнения обязательства должно быть обусловлено исключительно тяжестью его состояния или сложностью медицинских мероприятий, а не отсутствием знаний и навыков у врача. Учитывая важное практическое значение рассматриваемых отношений, алеаторному характеру медицинской услуги должно уделяться пристальное внимание как при формировании условий договора об оказании медицинских услуг, так и при рассмотрении споров об ответственности медицинских работников перед пациентами.

Выводы

Подводя итог исследования, следует отметить, что сложившаяся ситуация в сфере здравоохранения делает необходимым и востребованным изучение медицинской услуги как объекта, выступающего зачастую в качестве товара, именно с позиций ее гражданско-правовой природы. Такой под-

ход позволит создать действенную систему регулирования отношений в сфере медицинского обслуживания, которая, учитывая ее сущностные особенности, сможет обеспечивать право пациента на квалифицированную медицинскую помощь и реальную защиту гражданско-правовыми способами в случае его нарушения.

Медицинскую услугу, исходя из ее объектных признаков, можно определить как комплекс профессиональных действий медицинских работников, которые носят имущественный характер и направлены на достижение полезного эффекта от лечения, диагностики, профилактики или реабилитации по отношению к конкретному пациенту, с целью восстановления или улучшения состояния его здоровья, исходя из его индивидуальных особенностей, а также возможностей современной медицины.

Для устранения создавшейся нормативной неопределенности в сфере оказания косметологических услуг, повышения ответственности косметологических клиник и частнопрактикующих услугодателей в сфере красоты и прекращения правового беспредела с их стороны, считаем необходимым на законодательном уровне установить перечень процедур, которые относятся к косметологическим медицинским услугам. Практическое значение такой конкретизации заключается в возможности государства прямо контролировать процесс их оказания, а, значит, обеспечивать качество и безопасность для потенциального потребителя.

Учитывая сложность медицинских услуг, а также предопределенный природой потенциальный риск, в условиях, когда их оказание сопровождается огромными затратами для пациента, юридически обеспеченная возможность оплачивать положительный эффект от них только и, если такой эффект наступил, позволит ему быть уверенным в том, что медицинские работники будут заинтересованы в качественном оказании медицинской помощи. В случаях оказания уникальных, сложных, комплексных медицинских услуг их стоимость должна учитывать цену собственно за сами услуги и дополнительное вознаграждение за положительный исход, удовлетворяющий потребителю интересам пациента. Именно заключение договора об оказании медицинских услуг как сделки с отлагательным условием о дополнительной оплате желаемых последствий может обеспечить пациенту право на справедливую оплату медицинских услуг и повысить качество медицинской помощи в отдельных сферах ее оказания.

Представляется, что нормы действующего законодательства, направленные на получение пациентом как потребителем медицинских услуг информации, призваны защищать его от злоупотреблений в этой сфере. Предоставление полных и достоверных сведений, на наш взгляд, способствует существенному снижению риска нарушения суверенитета потребителя медицинских услуг, обеспечивает ему свободу выбора, уравнивает его, на сколько это возможно, с услугодателем. Главная задача государства в этих условиях — обеспечить реализацию права пациента на информацию при оказании медицинских услуг путем применения реальных мер ответственности в случаях его нарушения.

Все обобщенные нами в исследовании признаки присущи медицинской услуге как объекту гражданских прав, отражают сущность обязательства, возникающего в связи с ее оказанием, и должны учитываться при формировании условия о предмете договора, поскольку во многом влияют на достижение цели при его исполнении.

Список литературы

- 1 О системе здравоохранения. Закон Республики Казахстан от 4 июня 2003 г. № 430–II // Ведомости Парламента Республики Казахстан. — 2003. — № 11. — С. 70 (Утратил силу).
- 2 О здоровье народа и системе здравоохранения. Кодекс Республики Казахстан от 7 июля 2020 г. № 360–VI. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=34464437#pos=4;-88.
- 3 О разрешениях и уведомлениях. Закон Республики Казахстан от 16 мая 2014 г. № 202–V. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000202>.
- 4 Об утверждении санитарных правил «Санитарно-эпидемиологические требования к объектам коммунального назначения». Приказ министра здравоохранения Республики Казахстан от 26 июля 2022 г. № ҚР ДСМ–67. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200028925>.
- 5 Зайцева Н.В. Договор по оказанию медицинских услуг: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.03 — «Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право / Н.В. Зайцева. — Волгоград, 2004. — 186 с.
- 6 Шаяхметова А.Р. Правовая природа возмездного оказания медицинских услуг / А.Р. Шаяхметова // Молодой ученый. — 2016. — № 22. — С. 91–97. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/126/34921/>.

- 7 Сироткина А.А. Договор оказания медицинских услуг: особенности правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.03 — «Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право / А.А. Сироткина. — М., 2004. — 173 с.
- 8 Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 г. № 409-І. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409_.
- 9 Борисов Б.А. Услуги. Правовой режим реализации / Б.А. Борисов. — М., 1997. — 45 с.
- 10 Романец Ю.В. Договор возмездного оказания услуг / Ю.В. Романец // Закон. — 1999. — № 10. — С. 121–132.
- 11 Кротов М.В. Обязательство по оказанию услуг в советском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.03 — «Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право / М.В. Кротов. — Л., 1989. — 34 с.
- 12 Нагорная С.В. Договор об оказании медицинских услуг: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.03 — «Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право / С.В. Нагорная. — Белгород, 2004. — 180 с.

М.Ю. Прудникова

Медициналық қызмет көрсету азаматтық-құқықтық санат ретінде

Дамыған мемлекеттің негізгі міндеті — ұлттың денсаулығын сақтау және қалпына келтіру үшін жағдай жасау арқылы оны сақтау. Бүгінгі таңда Қазақстанда медициналық қызмет көрсету саласындағы қарым-қатынастарды әлемдік стандарттардың үздік дәстүрлері бойынша реттеудің қомақты негізі қаланды, азаматтардың сапалы медициналық көмек алу құқығын қамтамасыз ету үшін көп жұмыстар атқарылды. Алайда, медициналық қызметтер нарығын реттеудің заңнамалық базасының салыстырмалы түрде жетілгендігіне қарамастан, қызмет көрсетуге қатысты туындайтын қатынастарды азаматтық-құқықтық реттеуде әлі де болса кейбір екіұштылық байқалады. Зерттеудің мақсаты — азаматтық-құқықтық объектісі ретінде медициналық қызметтің құқықтық табиғатын талдау. Автор оның көрнекті ерекшеліктерін қарастырады және мәнін анықтайтын негізгі құқықтық белгілерді тұжырымдайды, олардың маңыздылығын негіздейді. Медициналық қызмет көрсету шартының пәнін қалыптастыруда медициналық қызметтің объектілік ерекшеліктерінің маңыздылығына ерекше назар аударылған. Медициналық қызметтің табиғатын азаматтық-құқықтық санат ретінде зерттеу авторға қолданыстағы нормалардың тиімділігін бағалауға, бірқатар құқықтық мәселелерді қорытындылауға, сондай-ақ құқық қолдану практикасы үшін олардың рұқсатының өзектілігін негіздеуге мүмкіндік берді. Мақалада автор зерттеген мәселелер денсаулық сақтау туралы заңнаманы жетілдіру және қызмет көрсету туралы шарттарды реттейтін азаматтық заңнаманы үнемі жанарту шарттарында өзекті болып табылады.

Кілт сөздер: денсаулық сақтау, денсаулық, объект, қызмет, медициналық қызмет, міндеттеме, шарт, пациент, қызмет көрсетуші.

M.Yu. Prudnikova

Medical service as a civil law category

The main focus of a developed state is to protect the health of the nation by providing the conditions for its maintenance and restoration. Currently, Kazakhstan has laid an impressive foundation for regulating relations in the field of medical care in the best traditions of world standards; much has been done to ensure the right of citizens to receive quality medical care. However, despite the relative formation of the legal framework for regulating the medical services market, there is still some uncertainty in the civil law regulation of relations that develops regarding the provision of such services. The purpose of the study is to analyze the legal nature of medical services as an object of civil rights. The author considers the specific features, summarizes the main legal features that determine its essence and substantiates their significance. Special attention is paid to the importance of the object features of medical services in the formation of the subject of the contract for the provision of medical services. The study of the nature of medical services as a civil legal category allowed the author to assess the effectiveness of the current norms, summarize a number of legal problems, and justify the relevance of their resolution for the practice of law enforcement. The issues investigated by the author in the article seem relevant in the context of the modernization of healthcare legislation and the constant updating of civil legislation regulating service contracts.

Keywords: healthcare, health, object, service, medical service, obligation, contract, patient, service provider.

References

- 1 «O sisteme zdravookhraneniia» Zakon Respubliki Kazakhstan ot 04 iyunia 2003 goda N 430-II (Utratil silu) ["On the healthcare system" Law of the Republic of Kazakhstan dated June 4, 2003 No. 430-II]. *Vedomosti Parlamenta Respubliki Kazakhstan* — *Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan*, 11 [in Russian].
- 2 «O zdorove naroda i sisteme zdravookhraneniia» Kodeks Respubliki Kazakhstan ot 7 iulia 2020 goda N 360-VI ["On the health of the people and the healthcare system" Code of the Republic of Kazakhstan dated July 7, 2020 No. 360-VI]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/document/?doc_id=34464437#pos=4;-88 [in Russian].
- 3 «O razresheniakh i uvedomleniakh» Zakon Respubliki Kazakhstan ot 16 maia 2014 goda N 202-V ["On Permits and Notifications" Law of the Republic of Kazakhstan dated May 16, 2014 No. 202-V]. *adilet.zan.kz*. Retrieved from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000202> [in Russian].
- 4 Ob utverzhdenii sanitarnykh pravil «Sanitarno-epidemiologicheskie trebovaniia k obektam kommunalnogo naznachenii», Prikaz ministra zdravookhraneniia Respubliki Kazakhstan ot 26 iulia 2022 goda N KR DSM-67 [On the approval of sanitary rules "Sanitary and epidemiological requirements for communal facilities", Order of the Minister of Health of the Republic of Kazakhstan dated July 26, 2022 No. KR DSM-67]. *adilet.zan.kz*. Retrieved from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200028925> [in Russian].
- 5 Zajceva, N.V. (2004). Dogovor po okazaniiu meditsinskikh uslug [Contract for the provision of medical services]. *Candidate's thesis*. Volgograd [in Russian].
- 6 Shayahmetova, A.R. (2016). Pravovaia priroda vozmeznogo okazaniia meditsinskikh uslug [The legal nature of the paid provision of medical services]. *Molodoi uchenyi* — *Young scientist*, 22, 91-97. Retrieved from <https://moluch.ru/archive/126/34921/> [in Russian].
- 7 Sirotkina, A.A. (2004). Dogovor okazaniia meditsinskikh uslug: osobennosti pravovogo regulirovaniia [Contract for the provision of medical services: features of legal regulation]. *Candidate's thesis*. Moscow [in Russian].
- 8 Grazhdanskii kodeks Respubliki Kazakhstan (Osobennaia chast) ot 1 iulia 1999 goda N 409-I [Civil Code of the Republic of Kazakhstan (Special Part) No. 409-I dated July 1, 1999]. *adilet.zan.kz*. Retrieved from https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409_. [in Russian].
- 9 Borisov, B.A. (1997). Uslugi. Pravovoi rezhim realizatsii [Services. The legal regime of implementation]. Moscow [in Russian].
- 10 Romanec, Yu.V. (1999). Dogovor vozmeznogo okazaniia uslug [Contract for the provision of paid services]. *Zakon* — *Law*, 10, 121-132 [in Russian].
- 11 Krotov, M.V. (1989). Obiazatelstvo po okazaniiu uslug v sovetskom grazhdanskom prave [Obligation to provide services in Soviet civil law]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Leningrad [in Russian].
- 12 Nagornaya, S.V. (2004). Dogovor ob okazanii meditsinskikh uslug [Contract for the provision of medical services]. *Candidate's thesis*. Belgorod [in Russian].

Л.Р. Алиева^{1*}, Е.Н. Ключева²

¹Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан;

²Государственный университет инфраструктуры и технологий, Киев, Украина
(E-mail: aliyevalyuda@inbox.ru , klyuyeva0711@ukr.net)

ORCID ID: 0000-0003-4306-9959,
Scopus Author ID: 57216920223

Сравнительно-правовой анализ некоторых положений законодательства Республики Казахстан и Украины об усыновлении (удочерении) ребенка

В рамках настоящего исследования рассмотрены некоторые особенности института усыновления (удочерения) ребенка в Республике Казахстан и Украине. Авторы подвергают анализу легальное понятие «усыновление»; состав лиц, участвующих в деле об усыновлении (удочерении) ребенка в гражданском судопроизводстве. Изучены вопросы о лицах, которые подлежат усыновлению, и лицах, которые могут выступать в качестве усыновителей, согласно законодательству каждого из государств. Уделено внимание различным научным воззрениям, имеющимся в доктринальных источниках, относительно дефиниции «усыновление». Авторами статьи обращено внимание на то, что, по некоторым схожим положениям рассматриваемого института, все же имеются определенные различия норм казахстанского и украинского законодательства. Проведен анализ правовых норм, регламентирующих порядок рассмотрения дел об усыновлении (удочерении) ребенка в судах Республики Казахстан и Украины. Методологическую основу данной научной работы составили диалектический, системный, сравнительно-правовой, нормативный и иные методы познания. Взяты во внимание нормы основных международно-правовых актов, регламентирующих данную сферу отношений. В статье также исследован вопрос о возможности снижения 10-летнего возраста ребенка, подлежащего усыновлению в Республике Казахстан, для получения его согласия на усыновление.

Ключевые слова: усыновление (удочерение) ребенка, права ребенка, усыновитель, усыновленный, законодательство об усыновлении (удочерении), гражданские дела об усыновлении (удочерении) ребенка, Республика Казахстан, Украина.

Введение

В настоящее время в любом современном цивилизованном государстве семья определенно находится под защитой самого государства. Общество, в целом, и государства, в частности, объединяются одной общей целью — создать условия и правовую основу таким образом, чтобы семьи были прочными, полносоставными, благополучными и материально стабильными.

Данная цель обусловлена изначальным предназначением института семьи в обществе. Сами категории «общество», «социум» и «семья», безусловно, имеют явную взаимосвязь. В настоящее время институт семьи является одним из основных институтов современного общества, который детально исследован как классиками, так и современными представителями науки об обществе. Так, Г. Спенсер усмотрел в институтах семейного права организации, предназначенные для сотрудничества и образованные для того, чтобы были достигнуты цели индивидов, которые бессознательно воздействуют на уровень общественного благосостояния: «Самое высокое устройство семьи достигается тогда, когда существует такое согласование интересов общества и его членов» [1; 299].

Т. Парсонс видит семью как «хорошо организованную и интегрированную группу, коллектив в социальной подсистеме и одновременно институт, элемент нормативной структуры культурной подсистемы, выполняющий интегративную функцию в социальной подсистеме» [2; 731].

Сегодня любое государство, являясь полноправным членом мирового сообщества, будучи одновременно правовым и цивилизованным, при определении приоритетных задач своей политики, максимально популяризирует ценности семьи и детей в обществе. Опираясь на общепризнанную базу нормативно-правовых актов международного характера, принимаются всевозможные меры, направленные на укрепление института семьи и защиту прав детей, как субъектов, имеющих особый статус в обществе. Соответственно, для защиты и охраны прав и законных интересов таких субъектов

* Автор-корреспондент. E-mail: aliyevalyuda@inbox.ru

в законодательстве предусмотрены особые правовые предписания. Черпая истоки со времен древних предков, для современного общества и сегодня особо актуален вопрос об устройстве в семье тех детей, кто волею судьбы и по независящим от них причинам остался на жизненном пути без попечения своих кровных родителей.

Нынешний казахстанский законодатель предусматривает несколько альтернативных вариантов устройства ребенка в семью. Так, Кодекс «О браке (супружестве) и семье» в ст. 116 предусматривает следующее: «Защита прав и интересов детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, осуществляется путем передачи их на воспитание в семью (усыновление, опеку или попечительство, патронат, приемная семья), а при отсутствии такой возможности — в организации всех типов для детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей» [3]. Разумеется, будет некорректно каким-то образом умалять значимость всех предусмотренных законом способов устройства детей на воспитание в семьи, но все же надо признать, что усыновлению отдана приоритетная роль. Думается, что именно по этой причине рассматриваемый институт возглавляет указанный перечень. Усыновление представляется сложным правовым институтом, при котором, по мнению Г.М. Арутюнян, «происходит юридическое закрепление отношений, когда усыновленный в своих правах и обязанностях приравнивается к кровному ребенку и усыновители принимают на себя родительские права и обязанности» [4; 18].

Самой главной и первостепенной целью, которую преследует институт усыновления (удочерения), является защита прав и интересов усыновленного ребенка. Именно поэтому, правильно сделанный выбор усыновителя, а также семьи, в которой на воспитании будет находиться ребенок, является залогом достижения той самой цели и как результат реализованная защита прав и интересов несовершеннолетних участников этих «щепетильных» правоотношений.

Материалы и методы

В статье использованы общие и частнонаучные методы познания, позволившие объективно проанализировать цель исследования. Учитывая специфику темы, целей и задач исследования, был использован диалектический метод, который помог выявить методологические основы исследования и уточнить сущность анализируемых концепций.

Для выяснения основных проблем, возникающих при рассмотрении и разрешении гражданских дел об усыновлении (удочерении) в судах Республики Казахстан и Украины, применен метод научно-го анализа и обобщения судебной практики.

Формально-правовой метод был использован для выяснения структуры и взаимосвязи исследуемых понятий, а также для изучения соответствующих положений законодательства Республики Казахстан и Украины об усыновлении (удочерении) ребенка в соответствующих государствах.

Системно-структурный метод применен для углубленного изучения нормативных положений национального законодательства об отношениях, возникающих в рамках института усыновления (удочерения) в Республике Казахстан и Украине, а также в части рассмотрения вопросов, возникающих на стадии судебного разбирательства по делам об усыновлении (удочерении), в судах указанных государств.

Сравнительно-правовой метод явился основным методом исследования и сопоставления одноименных правовых норм и правоотношений рассматриваемого института.

Результаты и обсуждения

В настоящее время, несмотря на достаточно высокий и постоянно растущий уровень жизни населения во многих государствах, вопросы, связанные с устройством детей, оставшихся без попечения родителей, остаются в перечне наиболее актуальных и требующих неотложного законодательного регулирования.

Различные предпосылки исторического характера, а также факторы современной действительности являются непосредственным объяснением актуальности и насущности рассматриваемых отношений. Сюда можно отнести: высокий уровень смертности населения, недостаточно полноценную социальную политику, которая проводилась в 80–90-х гг. прошлого столетия. При ее осуществлении проблемы материнства, детства, социальных гарантий всевозможной поддержки граждан были взяты во внимание недостаточно.

Ребенок имеет особое правовое положение в обществе и отнесен к обособленной категории субъектов права [5; 87]. В соответствии со ст. 20 Конвенции «О правах ребенка»: «Ребенок, который

временно или постоянно лишен своего семейного окружения или который в его собственных наилучших интересах не может оставаться в таком окружении, имеет право на особую защиту и помощь, предоставляемые государством» [6].

Говоря об институте усыновления (удочерения) детей, несомненно, следует начинать разговор с рассмотрения и исследования понятия усыновления. Данная категория неоднократно и на протяжении достаточно длительного времени является объектом пристального внимания немалого количества ученых в сфере семейного, гражданского и гражданского процессуального права.

Так, А.М. Нечаева рассматривает усыновление «как форму устройства детей, оставшихся без попечения родителей, как административный акт (в настоящее время судебное решение) и как факт, имеющий юридическое значение» [7; 54].

Ю.Ф. Беспалов понимает усыновление «не только как форму устройства детей, оставшихся без попечения родителей, и не только как факт, имеющий юридическое значение, но и как способ, применяемый судом для защиты прав и интересов ребенка (способ принудительной реализации)» [8; 63].

«С точки зрения социологии усыновление — одна из разновидностей социального отцовства и материнства. Однако если права и обязанности усыновителей практически идентичны родительским, то фактические отношения, возникающие в процессе усыновления, не всегда напоминают родительские. В тех случаях, когда ребенок считает усыновителей своими родителями, их отношения не отличаются от родственных. Если ребенок знает о том, что усыновители не его родители, фактические отношения между ними могут быть несколько иными», — писала М.В. Антокольская [9; 288]

Н.В. Летова вовсе не считает нужным обозначать единое понятие «усыновление». Она указывает, что «о понятии усыновления можно говорить в следующих смыслах:

1) усыновление — форма воспитания детей в семье усыновителя, при которой обеспечиваются условия жизни, равные с условиями жизни родных детей. В этом понятии акцентируется внимание на конечной цели — обеспечении ребенку в чужой семье условий, отвечающих той бытовой, психологической, духовной близости, которая существует в родных семьях;

2) усыновление как форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей, — это способ определения юридической судьбы ребенка посредством деятельности государственных, муниципальных органов власти, а также суда, направленный на его устройство в семью усыновителей для воспитания;

3) усыновление — юридический факт, устанавливаемый в судебном порядке и порождающий возникновение комплекса правоотношений, аналогичных по содержанию с родительскими;

4) усыновление — сложная система правоотношений, различных по правовой природе, в которой усыновитель и усыновленный состоят в правоотношениях как между собой, так и с третьими лицами;

5) усыновление — комплексный институт законодательства, содержащий нормы различной отраслевой принадлежности, направленные на регулирование отношений по усыновлению, а также отношений между усыновителем, усыновленным и третьими лицами» [10; 38].

По мнению С.А. Муратовой, «усыновление представляет собой семейное правоотношение между усыновителем и усыновленным, которое по содержанию эквивалентно родительскому правоотношению» [11; 241].

Л.М. Пчелинцева считает, что усыновление рассматривается как «юридический акт, в результате которого между усыновителями (усыновителем) и его родственниками, с одной стороны, и усыновленным ребенком — с другой, возникают такие же права и обязанности, как между родителями и детьми, а также их родственниками по происхождению» [12; 511].

Это только малая часть научных воззрений, имеющих место в доктрине семейного права относительно дефиниции «усыновление». Со всеми этими научными воззрениями можно безоговорочно согласиться, но, безусловно, нельзя оставить без внимания взгляд на эту категорию законодателя.

Ранее действовавший Закон Республики Казахстан от 17 декабря 1998 г. «О браке и семье», явившийся первым нормативно-правовым актом, регулирующим семейно-брачные отношения в уже независимом Казахстане, легального определения усыновления не закреплял [13]. Спустя более чем десять лет, созрела необходимость в кардинальном обновлении норм семейно-брачного законодательства и на смену Закону РК «О браке и семье» от 17 декабря 1998 г. пришел Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. «О браке (супружестве) и семье».

Примечательным является факт, что в действующем нормативно-правовом акте, регулирующем семейно-брачные правоотношения, казахстанский законодатель уже предусматривает легальное

определение категории «усыновление». Так, в ст. 1 Кодекса Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. «О браке (супружестве) и семье» установлено: «Усыновление (удочерение) — правовая форма передачи ребенка (детей) на воспитание в семью на основании судебного решения, в результате которой возникают личные неимущественные и имущественные права и обязанности, приравняемые к правам и обязанностям родственников по происхождению» [3].

Интересным является положение дел относительно общего состояния семейно-брачного законодательства на Украине. В отличие от нормативно-правового акта Республики Казахстан, Семейный кодекс Украины, принятый 10 января 2002 г., действует и в настоящее время. Он, безусловно, подвергался внесению многочисленных изменений и дополнений, но остался «наплаву».

Украинский законодатель уже более двух десятков лет назад закрепил легальное определение усыновления в ст. 207 Семейного кодекса Украины от 10 января 2002 г. № 2947-III: «Усыновлением является принятие усыновителем в свою семью лица на правах дочери или сына, осуществленное на основании решения суда, кроме случая, предусмотренного статьей 282 настоящего Кодекса» [14].

Очевидно, что Украина здесь оказалась более предусмотрительной. Что касается самого легального определения усыновления, на наш взгляд, казахстанское законодательство в определении термина «усыновление» более корректно указывает, что это именно правовая форма передачи ребенка на воспитание в семью. Украинский законодатель же закрепляет положение о принятии усыновителем в свою семью нового лица. Схожим моментом, объединяющим оба определения, является указание на осуществление усыновления исключительно на основе судебного акта.

Примечательным также является то, что казахстанский законодатель приравнивает понятие «удочерение» к понятию «усыновление», то есть при рассматриваемой нами форме устройства детей разного пола к указанным правоотношениям будут равным образом применяться общие нормы законодательства, существующие в данной сфере. В законодательстве Украины такого положения нами замечено не было. Также следует обратить внимание на то, где в нормативно-правовом акте содержится легальное определение рассматриваемой категории. Так, в Кодексе Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. «О браке (супружестве) и семье» категория «усыновление» содержится в перечне основных понятий (ст.1 п.1.) [3], используемых в указанном Кодексе, а в украинском законе, ввиду отсутствия подобной нормы, данная дефиниция открывает своим содержанием «Главу 18. Усыновление» [14].

Значительные расхождения имеют место в отношении вопроса о лицах, которые подлежат усыновлению. Например, Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. «О браке (супружестве) и семье» предусматривает норму императивного характера, которая содержится в ст. 84 п.1: «Усыновление допускается в отношении несовершеннолетних детей, рождение которых зарегистрировано в порядке, установленном настоящим Кодексом, и только в их интересах с учетом возможностей обеспечения полноценного физического, психического, духовного и нравственного развития» [3]. На наш взгляд, для придания большей императивности данной норме целесообразно было бы дополнить названную выше статью словом «только» после глагола «допускается».

Пункт 2 ст. 208 Семейного кодекса Украины от 10 января 2002 г. № 2947-III напротив предусматривает правило, разрешающее «в исключительных случаях усыновление совершеннолетнего лица, не имеющего матери, отца или лишенного их попечения на основе решения суда» [14].

На наш взгляд, подобное мнение украинского законодателя противоречит общим правилам, целям и предназначению института опеки и попечительства в семейном праве, а также института семейно-брачных отношений, в целом. Поскольку оба рассматриваемых нами государства, определяя правовой статус ребенка, считают детьми лиц в возрасте до 18 лет, соответственно по достижении ими указанного возраста, логически отпадает необходимость в представлении законными представителями их прав и интересов.

Что касается лиц, которые могут выступать в качестве усыновителей, то и здесь мнения казахстанского и украинского законодателей немного отличаются друг от друга.

К примеру, ст. 91 Кодекса Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. № «О браке (супружестве) и семье» содержит следующее правило: «Усыновителями могут быть совершеннолетние лица, за исключением:

- 1) лиц, признанных судом недееспособными или ограниченно дееспособными;
- 2) супругов, один из которых признан судом недееспособным или ограниченно дееспособным;
- 3) лиц, лишенных судом родительских прав или ограниченных судом в родительских правах;

4) лиц, отстраненных от обязанностей опекуна или попечителя за ненадлежащее выполнение возложенных на него законами Республики Казахстан обязанностей;

5) бывших усыновителей, если усыновление отменено судом по их вине;

6) лиц, которые по состоянию здоровья не могут осуществлять родительские права. Перечень заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить ребенка, принять его под опеку или попечительство, патронат, устанавливается уполномоченным органом в области здравоохранения;

7) лиц, не имеющих постоянного места жительства;

8) лиц, придерживающихся нетрадиционной сексуальной ориентации;

9) лиц, имеющих непогашенную или неснятую судимость за совершение умышленного преступления на момент усыновления, а также лиц, указанных в пп. 14) настоящего пункта;

10) лиц без гражданства;

11) лиц мужского пола, не состоящих в зарегистрированном браке (супружестве), за исключением случаев фактического воспитания ребенка не менее трех лет в связи со смертью матери или лишением ее родительских прав;

12) лиц, которые на момент усыновления не имеют дохода, обеспечивающего усыновляемому ребенку прожиточный минимум, установленный законодательством Республики Казахстан;

13) лиц, состоящих на учетах в наркологическом или психоневрологическом диспансерах;

14) лиц, имеющих или имевших судимость, подвергающихся или подвергавшихся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено на основании пп. 1) и 2) части первой ст. 35 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан) за уголовные правонарушения: убийство, умышленное причинение вреда здоровью, против здоровья населения и нравственности, половой неприкосновенности, за экстремистские или террористические преступления, торговлю людьми;

15) граждан Республики Казахстан, постоянно проживающих на территории Республики Казахстан, не прошедших психологическую подготовку в порядке, установленном п. 4 настоящей статьи (за исключением близких родственников ребенка)» [3].

Статья 211 Семейного кодекса Украины от 10 января 2002 г. указывает: «Усыновителем ребенка может быть дееспособное лицо в возрасте не моложе двадцати одного года, за исключением, когда усыновитель является родственником ребенка» [14].

Семейный кодекс Украины, в отличие от семейного законодательства Республики Казахстан, в самостоятельной ст. 212 предусматривает лиц, которые не могут быть усыновителями: «Лица, которые не могут быть усыновителями:

1) ограничены в дееспособности;

2) признаны недееспособными;

3) лишены родительских прав, если эти права не были возобновлены;

4) были усыновителями (опекунами, попечителями, приемными родителями, родителями-воспитателями) другого ребенка, но усыновление было отменено или признано недействительным (были прекращены опека, попечение или деятельность приемной семьи или детского дома семейного типа) по их вине;

5) состоят на учете или на лечении в психоневрологическом или наркологическом диспансере;

6) злоупотребляют спиртными напитками или наркотическими средствами;

7) не имеют постоянного места жительства и постоянного заработка (дохода);

8) страдают болезнями, перечень которых утвержден федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим формирование государственной политики в сфере здравоохранения;

9) являются иностранцами, не состоящими в браке, кроме случаев, когда иностранец является родственником ребенка;

10) были осуждены за уголовные правонарушения против жизни и здоровья, воли, чести и достоинства, половой свободы и половой неприкосновенности лица, против общественной безопасности, общественного порядка и нравственности, в сфере обращения наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, а также за уголовные правонарушения, предусмотренные статьями 148, 150, 150–1, 164, 166, 167, 169, 181, 187, 324, 442 Уголовного кодекса Украины, или имеют непогашенную или не снятую в установленном законом порядке судимость за совершение других уголовных правонарушений;

11) по состоянию здоровья нуждаются в постоянном постороннем уходе;

12) являются лицами без гражданства;

13) состоят в браке с лицом, в соответствии с пунктами 3–6, 8 и 10 настоящей статьи не может быть усыновителем» [14].

В целом, перечень лиц, не имеющих права быть усыновителями, является в обоих нормативно-правовых актах схожим.

Особое внимание в разрезе сравнения аналогичных норм двух законов, предусматривающих указанный перечень привлекает то, как законодатели определяют лиц, входящих в него. У казахстанского законодателя — это просто совершеннолетние лица, а у украинского — лица, обладающие полной дееспособностью не моложе двадцати одного года.

Разница в возрасте между усыновителем и усыновляемым ребенком тоже не особо отличается. В Украине она составляет 15 лет, а в Республике Казахстан — 16 лет.

В обоих рассматриваемых государствах требуется согласие ребенка на усыновление. Отличие состоит в том, что ст. 218 Семейного кодекса Украины от 10 января 2002 г. предусматривает правило: «Для усыновления ребенка необходимо его согласие, если он достиг такого возраста и уровня развития, что может ее высказать» [14]. В свою очередь, казахстанский законодатель указывает на конкретный возраст — 10 лет (ст. 95) [3].

На наш взгляд, в современных условиях глобализации, научно-технического прогресса и стремительного развития современного общества возможно даже целесообразнее признать норму украинского закона, не указывающего на конкретный возраст ребенка, более правильной. Поскольку нынешние дети значительно опережают как в физическом, так и ментальном развитии своих сверстников, живших лет 20–30 назад. Вероятно, сегодняшний, например, 8-летний ребенок вполне может осознавать всю серьезность происходящего в отношении него усыновления и соответственно согласие, данное им, вполне может быть должным образом оценено и взято во внимание судом, рассматривающим дело.

Что касается случаев, в которых не требуется согласия родителей ребенка на его усыновление, то оба анализируемых закона являются в этом вопросе в большей части схожими.

Так, ст. 94. Кодекса Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. № 518–IV «О браке (супружестве) и семье» закрепляет правило, в каких случаях не требуется согласия родителей ребенка на его усыновление. «К ним относятся случаи, если родители:

1) неизвестны или судом объявлены умершими, признаны безвестно отсутствующими;

2) признаны судом недееспособными;

3) лишены судом родительских прав;

4) не проживают совместно с ребенком и уклоняются от его воспитания и содержания более шести месяцев по причинам, признанным судом неуважительными.

При наличии оформленного в установленном законодательством Республики Казахстан порядке письменного заявления об отказе от ребенка в медицинской организации матери, не состоящей в браке (супружестве), суд не вправе истребовать другие документы, подтверждающие согласие родителей на усыновление» [3].

Аналогичное положение имеет свое закрепление в ст. 219 Семейного кодекса Украины от 10 января 2002 г. № 2947–III: «1. Усыновление ребенка производится без согласия родителей, если они:

1) неизвестны;

2) признаны безвестно отсутствующими;

3) признаны недееспособными;

4) лишены родительских прав в отношении ребенка, который усыновляется;

5) в течение двух месяцев после рождения ребенка не забрали его на воспитание к себе в семью и запись о них в Книге регистрации рождений совершена, согласно ст. 135 настоящего Кодекса.

2. Усыновление ребенка может быть произведено без согласия совершеннолетних родителей, если судом будет установлено, что они, не проживая с ребенком более шести месяцев без уважительных причин, не проявляют в отношении его родительской заботы, не воспитывают и не содержат его» [14].

Порядок усыновления ребенка в Республике Казахстан идентичен порядку усыновления детей в Украине.

Оба государства законодательно закрепляют рассмотрение и разрешение гражданских дел об усыновлении (удочерении) ребенка в гражданском процессуальном законодательстве в рамках особого производства.

В качестве небольшого отличия можно указать на то, что украинский гражданский процессуальный кодекс определяет особое производство как отдельное производство, закрепив легальное его определение в ст. 293 ГПК Украины от 18 марта 2004 г. № 1618–IV: «Отдельное производство — это вид неискового гражданского судопроизводства, в порядке которого рассматриваются гражданские дела о подтверждении наличия или отсутствия юридических фактов, имеющих значение для охраны прав, свобод и интересов лица или создания условий осуществления им личных неимущественных или имущественных прав или подтверждения наличия или отсутствия неоспариваемых прав» [15]. И в пункте втором этой же статьи имеет место закрепление дел об усыновлении как категории дел, подлежащих рассмотрению в рамках указанного вида гражданского судопроизводства.

В казахстанском гражданском процессуальном Законе гл. 33 содержит все основные положения, предусматривающие порядок рассмотрения и разрешения дел об усыновлении, и это тоже одна из многочисленных категорий гражданских дел, которые подлежат рассмотрению в суде в рамках особого производства [16].

Правила подсудности по делам об усыновлении (удочерении) ребенка в Казахстане и Украине одинаковые. В обоих государствах заявление об усыновлении или удочерении ребенка подается заявителем в суд по месту жительства усыновляемого лица.

Оба нормативно-правовых акта, регулирующих семейно-брачные отношения как в Республике Казахстан, так и в Украине, закрепляют правило о тайне усыновления. В связи с этим ст. 19 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 377–V и ст. 7 Семейного кодекса Украины от 10 января 2002 г. № 2947–III предусматривают изъятие из принципа гласности, которое предполагает рассмотрение гражданских дел об усыновлении (удочерении) ребенка в закрытом судебном заседании [15, 16]. Следует обратить внимание на тот факт, что императивное правило о рассмотрении гражданских дел об усыновлении в закрытом судебном заседании было внесено в ГПК РК Законом Республики Казахстан от 20 декабря 2021 г. № 84–VII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования гражданского процессуального законодательства и развития институтов внесудебного и досудебного урегулирования споров» [17]. Таким образом, ст. 19 ГПК РК была приведена в соответствие со ст. 314 ГПК РК.

Общеизвестно, что от правильной подготовки дела к судебному разбирательству зависит то, насколько продуктивно пройдет само судебное разбирательство и, как следствие, будет вынесено законное и обоснованное решение. По этой причине нельзя игнорировать данную подготовительную стадию гражданского процесса, тем более что она общепризнанно является стадией обязательного характера в гражданском процессе.

Так, в рамках подготовки дела к рассмотрению судья должен разрешить все основные вопросы и совершить все необходимые действия процессуального характера, перечисленные в ст. 312 ГПК Украины [15] и ст. 313 ГПК Республики Казахстан [16].

Гражданские дела об усыновлении рассматриваются при условии обязательного участия в судебном заседании некоторых лиц.

Статья 314 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан закрепляет правило, согласно которому: «Дела об усыновлении ребенка суд рассматривает с обязательным участием самих усыновителей (усыновителя), представителей органа, осуществляющего функции по опеке или попечительству.

В необходимых случаях суд может привлечь к участию в деле родителей (родителя) или иных законных представителей усыновляемого ребенка, его родственников и других заинтересованных лиц, а также самого ребенка, достигшего возраста десяти лет» [16].

В свою очередь, ст. 313 Гражданского процессуального кодекса Украины предусматривает похожее правило:

«1. Суд рассматривает дело об усыновлении ребенка с обязательным участием заявителя, органа опеки и попечительства или уполномоченного органа исполнительной власти, а также ребенка, если он по возрасту и состоянию здоровья осознает факт усыновления, с вызовом заинтересованных и других лиц, суд признает необходимым допросить.

2. Суд рассматривает дело об усыновлении совершеннолетнего лица с обязательным участием заявителя (заявителей), усыновляемого лица, с вызовом заинтересованных и других лиц, которых суд признает необходимым допросить» [15].

Проанализировав указанные выше нормы, очевидно, что украинский законодатель не предусматривает необходимости и возможности закрепления правила о привлечении к участию в деле родителей или иных законных представителей ребенка, подлежащего усыновлению, а также его родственников. А ведь в некоторых случаях без участия в судебном заседании указанных лиц действительно будет сложно принять правильное решение в таком деле, поскольку на кону жизнь и судьба усыновляемого лица.

Как мы отмечали ранее, на наш взгляд, в современных условиях можно с уверенностью рассмотреть возможность привлечения ребенка, подлежащего усыновлению к участию в рассмотрении гражданского дела об усыновлении, даже если он не достиг еще 10-летнего возраста.

Ранее в Республике Казахстан гражданские дела об усыновлении ребенка также рассматривались с обязательным участием прокурора. С принятием Закона Республики Казахстан от 11 июля 2017 г. № 91–VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам их приведения в соответствие с нормами Конституции Республики Казахстан», это правило было упразднено [18]. Получается, что теперь с внесением данного изменения, к этому правилу можно обратиться в соответствии с нормой диспозитивного характера, предполагающей случаи, когда необходимость участия прокурора будет признана судом (ст. 54 ГПК РК) [16].

В обоих нормативно-правовых актах говорится, что после рассмотрения заявления суд принимает решение о его удовлетворении или отказе в удовлетворении.

В части вынесения судом решения по рассмотренному делу об усыновлении есть различия, заключающиеся в том, что ст. 315 ГПК Республики Казахстан устанавливает 3-дневный срок со дня вступления решения в законную силу, в течение которого Выписка из решения суда должна быть направлена в орган, осуществляющий государственную регистрацию актов гражданского состояния, по месту вынесения акта суда, а также в орган, выполняющий функции по опеке или попечительству, по месту вынесения судебного решения. В свою очередь ГПК Украины направления выписки из решения суда в орган, осуществляющий функции по опеке или попечительству, и никаких сроков для совершения подобных действий не предусматривает.

Что касается правовых последствий усыновления, то они как в Республике Казахстан, так и в Украине идентичны и наступают как только судебное решение, вынесенное по данному делу, вступает в законную силу.

Выводы

На сегодняшний день семейно-брачное и гражданско-процессуальное законодательство как Республики Казахстан, так и Украины содержат все необходимые нормы и правила, касающиеся основных положений института усыновления (удочерения) ребенка.

Следует обратить внимание на то, что Семейный кодекс Украины от 10 января 2002 г. и Гражданский процессуальный кодекс Украины от 18 марта 2004 г., по сравнению с аналогичными нормативно-правовыми актами Республики Казахстан, несмотря на то, что неоднократно подвергались внесению изменений и дополнений, с момента их принятия до настоящего времени остаются действующими. И некоторые положения относительно правоотношений, возникающих в процессе усыновления (удочерения) детей, закреплены в них уже более двух десятков лет. Причем, в начале 2000-х гг., когда шло становление национального законодательства независимой Украины, имели место бурные дискуссии относительно целесообразности принятия отдельного нормативно-правового акта в сфере семейного права. После длительных обсуждений было принято решение о необходимости принятия Семейного кодекса Украины. Он был принят 10 января 2002 г., но вступил в силу 1 января 2004 г. одновременно с Гражданским кодексом Украины. В свою очередь, в Республике Казахстан становление национального законодательства в сфере семейного и гражданского процессуального права, в том числе норм, регулирующих правоотношения института усыновления (удочерения) ребенка, проходило в несколько этапов.

С учетом сегодняшнего состояния общества, развития научно-технического прогресса, думается, что в качестве положительного примера, имеющего законодательное закрепление в Семейном кодексе Украины, относительно согласия ребенка на усыновление, следовало бы рассмотреть в казахстанском законодательстве возможность изменения нормы, указывающей на получение согласия ребенка, подлежащего усыновлению в Республике Казахстан, достигшего 10-летнего возраста, на получение согласия усыновляемого, возраст и уровень ментального развития которого позволит осознавать всю

серьезность совершаемого в отношении него усыновления без прямого указания полных 10 лет, то есть возможно и более раннего возраста.

Проанализировав нормативно-правовые акты Республики Казахстан и Украины, регулирующих общественные отношения в сфере института усыновления (удочерения) ребенка, хочется отметить, что объединяет законодательство обоих государств в рассматриваемой сфере, конечно, общая цель, которую преследует институт усыновления, а именно: создание благоприятных условий для усыновляемого ребенка в целях его гармоничного развития в рамках устройства его в семью усыновителя путем закрепления данного статуса через вынесение судебного акта.

Список литературы

- 1 Синтетическая философия Герберта Спенсера. The synthetic philosophy by Herbert Spencer: в сокращенном изложении Говарда Коллинза / [пер. с англ. П.В. Мокиевского]. — Киев: Ника-центр; Вист-С, 1997. — 510 с.
- 2 Парсонс Талкотт. О социальных системах / Талкотт Парсонс. — М.: Изд-во: «Академический проект», 2002. — 832 с.
- 3 Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. № 518–IV «О браке (супружестве) и семье» (с изм. и доп. по состоянию на 08.04.2023 г.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31102748
- 4 Арутюнян Г.М. Правовое регулирование усыновления в Российской Федерации / Г.М. Арутюнян // Гражданское право. — 2013. — № 2. — С. 18.
- 5 Синцов Г.В. Актуальные вопросы частного и публичного права в современных условиях: моногр. / Г.В. Синцов, А.В. Сабаева, С.С. Бабанян и др.; под ред. Г.В. Синцова. — Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. — 162 с.
- 6 Конвенция о правах ребенка, принятая Резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml.
- 7 Нечаева А.М. Охрана детей-сирот в России: история и современность / А.М. Нечаева. — М.: Дом, 1994. — 176 с.
- 8 Беспалов Ю.Ф. Защита гражданских и семейных прав ребенка в РФ / Ю.Ф. Беспалов. — М.: «Ось-89», 2004. — 192 с.
- 9 Антокольская М.В. Семейное право: учеб. / М.В. Антокольская. — 2-е изд., перераб и доп. — М.: Юристъ, 2004. — 688 с.
- 10 Летова Н.В. Усыновление в Российской Федерации: правовые проблемы / Н.В. Летова. Науч. конс.: Р.П. Мананкова. — М.: Волтерс Клувер, 2006. — 256 с.
- 11 Муратова С.А. Семейное право: учеб. / С.А. Муратова. — М.: Изд-во «Эксмо», 2004. — 448 с.
- 12 Пчелинцева Л.М. Семейное право России: учеб. для вузов / Л.М. Пчелинцева. — М.: Норма, 2006. — 704 с.
- 13 Закон Республики Казахстан «О браке и семье» от 17 декабря 1998 г. № 321. Утратил силу Кодексом Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. № 518–IV. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000321_.
- 14 Семейный кодекс Украины от 10 января 2002 года № 2947-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.01.2022 г.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418309&doc.
- 15 Гражданский процессуальный кодекс Украины от 18 марта 2004 года № 1618–IV (с изм. и доп. по состоянию на 12.01.2023 г.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30418564.
- 16 Кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 377–V «Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан» (с изм. и доп. по состоянию на 08.04.2023 г.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=34329053.
- 17 Закон Республики Казахстан от 20 декабря 2021 г. № 84–VII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования гражданского процессуального законодательства и развития институтов внесудебного и досудебного урегулирования споров». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39218292.
- 18 Закон Республики Казахстан от 11 июля 2017 г. № 91–VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам их приведения в соответствие с нормами Конституции Республики Казахстан». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=39427968.

Л.Р. Алиева, Е.Н. Ключева

Қазақстан Республикасы мен Украинаның бала (қыз) асырап алу туралы заңнамасының кейбір ережелерін салыстырмалы-құқықтық талдау

Мақалада Қазақстан Республикасы мен Украинадағы бала (қыз) асырап алу институтының кейбір ерекшеліктері қарастырылған. Авторлар «асырап алудың» заңды ұғымына, азаматтық сот ісін жүргізуде баланы асырап алу (асырап алу) ісіне қатысатын тұлғалардың құрамына талдау жасайды. Мемлекеттердің әрқайсысының заңнамасына сәйкес бала асырап алуға жататын адамдар және бала асырап алушы ретінде әрекет ете алатын адамдар туралы мәселелер қаралған. «Бала асырап алу» анықтамасына қатысты доктриналық дереккөздерде бар әртүрлі ғылыми көзқарастарға тоқталған. Авторлар қарастырылып отырған институттың кейбір ұқсас ережелері бойынша қазақстандық және украиндық заңнама нормаларында әлі де белгілі бір айырмашылықтар бар екеніне назар аударады. Қазақстан Республикасы мен Украина соттарында баланы (қызды) асырап алу туралы істерді қарау тәртібін регламенттейтін құқықтық нормаларға талдау жүргізілген. Мақаланың әдіснамалық негізін диалектикалық, жүйелік, салыстырмалы-құқықтық, нормативтік және танымның басқа әдістері құрайды. Қатынастардың осы саласын реттейтін негізгі халықаралық-құқықтық актілердің нормалары назарға алынды. Сонымен қатар, бала асырап алуға келісім алу үшін Қазақстан Республикасында асырап алуға жататын баланың жасын 10-жасқа дейін төмендету мүмкіндігі туралы мәселе қаралған.

Кілт сөздер: бала (қыз) асырап алу, бала құқықтары, бала асырап алушы, асырап алынған, бала (қыз) асырап алу туралы заңнама, бала (қыз) асырап алу туралы азаматтық істер, Қазақстан Республикасы, Украина.

L.R. Aliyeva, Ye.N. Klyuyeva

Comparative legal analysis of certain provisions of the legislation of the Republic of Kazakhstan and Ukraine on the adoption of a child

In the framework of this research, some features of the institution of adoption of a child in the Republic of Kazakhstan and Ukraine are considered. The authors analyze the legal concept of “adoption”, the composition of the persons involved in the adoption of a child in civil proceedings. Questions about persons who are subject to adoption and persons who may act as adoptive parents according to the legislation of each of the states are considered. Attention was paid to various scientific views available in the doctrinal sources regarding the definition of “adoption”. The authors draw attention to the fact that, according to some similar provisions of the institution under consideration, there are still certain differences in the norms of Kazakhstan and Ukrainian legislation. The analysis of legal norms regulating the procedure for considering cases of adoption of a child in the courts of the Republic of Kazakhstan and Ukraine was conducted. The methodological basis of this scientific work was a dialectical, systemic, comparative legal, normative and other methods of cognition. The norms of basic international legal acts governing this area of relations are taken into account. The article also discusses the possibility of reducing the age of 10, the child to be adopted in the Republic of Kazakhstan in order to receive his consent to adoption.

Keywords: adoption of a child, child’s rights, adoptive parents, adopted, legislation on adoption, civil cases on adoption of a child, the Republic of Kazakhstan, Ukraine.

References

- 1 Kollinz, G. (1997). Sinteticheskaia filosofia Gerberta Spensera [Synthetic philosophy by Herbert Spencer]. (P.V. Mokievski, Transl.). Kiev: Nika-tsentr; Vist-S [in Russian].
- 2 Talkott, P. (2002). O sotsialnykh sistemakh [About social systems]. Moscow: Izdatelstvo «Akademicheskii proekt» [in Russian].
- 3 Kodeks Respubliki Kazakhstan ot 26 dekabria 2011 goda N 518–IV «O brake (supruzhestve) i seme» [Code of the Republic of Kazakhstan “On Marriage (Matrimony) and Family”]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31102748 [in Russian].
- 4 Arutjunjan, G.M. (2013). Pravovoe regulirovanie usynovleniia v Rossiiskoi Federatsii [Legal regulation of adoption in the Russian Federation]. *Grazhdanskoe pravo — Civil law*, 2, 18 [in Russian].
- 5 Sincov, G.V., Sabaeva, A.V., & Babanjan, S.S. (2015). Aktualnye voprosy chastnogo i publicnogo prava v sovremennykh usloviakh [Actual issues of private and public law in modern conditions]. Penza: Izdatelstvo Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta [in Russian].

- 6 Konventsiia o pravakh rebenka, priniataia Rezoliutsiei 44/25 Generalnoi Assamblei ot 20 noiabria 1989 goda [Convention on the Rights of the Child, adopted by General Assembly resolution 44/25 from November 20, 1989]. *un.org/ru*. Retrieved from https://un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml [in Russian].
- 7 Nechaeva, A.M. (1994). *Okhrana detei-sirot v Rossii: istoriia i sovremennost* [Protection of orphans in Russia: History and modernity]. Moscow: Dom [in Russian].
- 8 Bespalov, Yu.F. (2004). *Zashchita grazhdanskikh i semeinykh prav rebenka v RF* [Protection of civil and family rights of the child in the Russian Federation.]. Moscow: «Os-89» [in Russian].
- 9 Antokolskaja, M.V. (2004). *Semeinoe pravo* [Family law]. Moscow: Yurist [in Russian].
- 10 Letova, N.V. (2006). *Usynovlenie v Rossiiskoi Federatsii: pravovye problemy*. Nauchnyi konsultant: R.P. Manankova [Adoption in the Russian Federation: legal problems]. Moscow: Volters Kluver [in Russian].
- 11 Muratova, S.A. (2004). *Semeinoe pravo* [Family law]. Moscow: Izdatelstvo «Eksmo» [in Russian].
- 12 Pchelinceva, L.M. (2006). *Semeinoe pravo Rossii* [Family law of Russia]. Moscow: Norma [in Russian].
- 13 Zakon Respubliki Kazakhstan «O brake i seme» ot 17 dekabria 1998 goda N 321 [Law of the Republic of Kazakhstan “On Marriage and Family”]. *adilet.zan.kz*. Retrieved from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000321> [in Russian].
- 14 Semeinyi kodeks Ukrainy ot 10 yanvaria 2002 goda N 2947–III [Family Code of Ukraine]. *continent-online.com*. Retrieved from https://continent-online.com/Document/?doc_id=30418309 [in Russian].
- 15 Grazhdanskii protsessualnyi kodeks Ukrainy ot 18 marta 2004 goda N 1618-IV [Civil Procedural Code of Ukraine]. *continent-online.com*. Retrieved from https://continent-online.com/Document/?doc_id=30418564 [in Russian].
- 16 Kodeks Respubliki Kazakhstan ot 31 oktiabria 2015 goda N 377–V «Grazhdanskii protsessualnyi kodeks Respubliki Kazakhstan» [Code of the Republic of Kazakhstan of October 31, 2015 N 377-V “Civil Procedural Code of the Republic of Kazakhstan”]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/document/?doc_id=34329053 [in Russian].
- 17 Zakon Respubliki Kazahstan ot 20 dekabria 2021 goda N 84–VII «O vnesenii izmenenii i dopolnenii v nekotorye zakonodatelnye akty Respubliki Kazahstan po voprosam sovershenstvovaniia grazhdanskogo protsessualnogo zakonodatelstva i razvitiia institutov vnesudebnogo i dosudebnogo uregulirovaniia sporov» [Law of the Republic of Kazakhstan “On amendments and additions to some legislative acts of the Republic of Kazakhstan on the improvement of civil procedural legislation and the development of institutions of extra-court and pre-trial disputes”]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39218292 [in Russian].
- 18 Zakon Respubliki Kazakhstan ot 11 iulia 2017 goda N 91-VI «O vnesenii izmenenii i dopolnenii v nekotorye zakonodatelnye akty Respubliki Kazakhstan po voprosam ikh privedeniia v sootvetstvie s normami Konstitutsii Respubliki Kazahstan» [The Law of the Republic of Kazakhstan “On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan on their issues of bringing them in line with the norms of the Constitution of the Republic of Kazakhstan”]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/document/?doc_id=39427968 [in Russian].

Т.Б. Жунусова*

Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: is-is-iu-k@mail.ru)

Добровольность как «сквозной» принцип брачных отношений в Республике Казахстан (некоторые частно-правовые и публично-правовые аспекты)

В статье подвергнуты теоретическому анализу отдельные спорные аспекты законодательного обеспечения принципа добровольности брака в Казахстане, который исследуется в необходимой «триаде»: «добровольность заключения брака–добровольность пребывания в браке–добровольность прекращения брачных отношений». Явный акцент законодателя на добровольности исключительно как принципе заключения брака приводит к тому, что он значительно нивелируется в двух других проявлениях данной «триады». Автором проведен анализ нормативных положений брачно-семейного законодательства Республики Казахстан, других нормативно-правовых актов национального законодательства, а также сравнительно-правового исследования нормативного регулирования отдельных частных вопросов в странах ближнего зарубежья, на основе которого проиллюстрированы некоторые нарушения принципа добровольности в нормах отечественного брачно-семейного законодательства. Параллельно выявлены сохраняющиеся тенденции отечественного законодательства к наличию норм с выраженной гендерной асимметрией, не имеющей к настоящему времени объективного социально-правового обоснования. Аргументирован конфликтный потенциал сохраняющихся законодательных запретов в вопросах расторжения брака, не способствующих обеспечению принципов брачных отношений в Республике Казахстан, а также предложены варианты коррекции законодательных предписаний с целью его существенного снижения.

Ключевые слова: брачные отношения, добровольность, гендерная асимметрия, гендерная дискриминация, запрет на расторжение брака, конфликтность семейно-брачного законодательства.

Введение

По общему правилу, заключение и расторжение брака относятся к сферам добровольного решения лиц, вступающих в брак или принявших решение о его расторжении. Вместе с тем, при всей очевидности данного принципа, вопросы его соблюдения и обеспечения имеют значительное количество спорных аспектов, которые заслуживают детального рассмотрения, анализа и учета в нормативном регулировании. Конечно, в прежние исторические эпохи на территории практически всех современных государств существовали различные варианты регулирования семейных отношений, при которых имел место явный диспаритет в отношениях мужа и жены. В рамках настоящей статьи мы не ставим цель историко-правового анализа, а концентрируем внимание исключительно на современном положении дел. При этом примечательно, что фактически документами, которые впервые зафиксировали принцип равенства супругов были первые советские декреты от 18 и 19 декабря 1917 года [1, 2]. Именно данными документами закреплялось равноправие супругов в момент заключения брака, в период пребывания в брачных отношениях, а также при расторжении брака. Вместе с тем до настоя-

* Автор-корреспондент. E-mail: is-is-iu-k@mail.ru

щего времени некоторые вопросы, непосредственно касающиеся различных аспектов принципа равенства супругов, становятся предметом анализа и дискуссий. В частности, в этом ключе можно оценивать принцип добровольности в структуре брачных отношений. Фактически равенство должно предполагать и равную степень добровольности.

В Республике Казахстан провозглашается конституционный принцип защиты от дискриминационного неравенства по различным основаниям, в том числе по таким, как пол (ч. 2 ст. 14 Конституции РК) [3]. В соответствии с пп. 26 п. 1 ст. 26 Кодекса о браке (супружестве) и семье (далее — КоБС РК), «брак (супружество) — равноправный союз между мужчиной и женщиной, заключенный при свободном и полном согласии сторон в установленном законом Республики Казахстан порядке, с целью создания семьи, порождающий имущественные и личные неимущественные права и обязанности между супругами» [4]. При этом в ст. 2 данного Кодекса дополнительно указывается, что брачно-семейное законодательство РК основывается на принципах добровольности брачного союза между мужчиной и женщиной (пп. 1 п. 2 ст. 2), равенства прав супругов в семье (пп. 2 п. 2 ст. 2) и др.

Корреспондирующая норма, фиксирующая принцип добровольности при заключении брака, содержится в пп. 2 п. 1 ст. 25 КоБС РК, в соответствии с которым брак признается недействительным, если он был заключен по принуждению. При этом в пп. 2 ст. 26 КоБС в качестве субъекта права требования расторжения брака указывается супруг (а также прокурор), чьи права были нарушены в силу отсутствия добровольного согласия на заключение брака. В указанной норме также содержится перечень обстоятельств, которые непосредственно связаны с нарушением принципа добровольности (принуждение, обман, заблуждение, невозможность в силу своего состояния на момент регистрации брака понимать суть совершаемых действий и руководить ими). В данном случае, как совершенно справедливо указывают казахстанские исследователи, «отсутствие добровольного согласия одного из супругов на заключение брака является законодательной фиксацией порока воли и волеизъявления» [5; 167].

Материалы и методы исследования

Учитывая то обстоятельство, что исследуемые в настоящей статье аспекты практически не поднимались на страницах казахстанской научной печати, основным методом исследования стал метод объективации проблемы, существующей в рамках действующего отечественного брачно-семейного законодательства. Соответственно, приоритетным материалом исследования явились нормы отечественного и зарубежного брачно-семейного законодательства, а также отдельные дискуссионные публикации, имеющиеся к настоящему времени, по вопросам ненадлежащего обеспечения принципа добровольности в браке. В качестве дополнительного методологического инструментария, обеспечившего достоверность и обоснованность выводов, использовались также следующие методы: сравнительно-правовой метод (для выявления различных моделей правового регулирования и определения возможности эффективного заимствования); метод структурно-системного анализа (при постановке акцентов на противоречиях в системе семейно-брачного законодательства Республики Казахстан, а также иных законодательных актов); формально-логический метод (при выявлении логико-содержательного смысла законодательных предписаний), а также метод моделирования (при обосновании положительных последствий предлагаемых изменений).

Результаты

К настоящему времени точные законодательные предписания, в которых принцип добровольности достигает практически своего аутентичного значения, затрагивают только вопросы заключения брака. Вместе с тем добровольность следует рассматривать как «сквозной» принцип брачного союза на протяжении всего периода его существования, то есть фактически как «триаду» добровольности заключения брака, добровольности продолжения брачных отношений, а также добровольности их прекращения. Частным подтверждением этому является законодательное установление относительно того, что сроки исковой давности не распространяются на требования, вытекающие из семейно-брачных отношений, за исключением специально установленных случаев, в частности, в случаях раздела имущества после расторжения брака (п. 1 ст. 8 КоБС).

Одним из специфических вопросов оценки принципа добровольности в семейно-брачных отношениях являются ситуации, в которых супруг не может расторгнуть брак без согласия супруги в период ее беременности или в течение первого года жизни ребенка (п. 2 ст. 16 КоБС). Несмотря на явно выраженное стремление законодателя посредством данной императивной нормы обеспечить интере-

сы беременной женщины и родившегося ребенка, данная норма требует определенного анализа на предмет ее целесообразности. При этом в п. 4 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан № 5 от 28 апреля 2000 г. (в действующей редакции) «О применении судами законодательства при рассмотрении судами дел о расторжении брака (супружества)» содержится дополнительное указание относительно того, что «указанное ограничение не относится к случаям, когда ребенок родился мертвым или не дожил до года. И в том, и в другом случае судья не вправе отказывать в приеме искового заявления» [6]. В данном случае следует отметить сравнительную «демократичность» казахстанской судебной практики по расторжению брака в описываемых ситуациях. Так, в частности, в п. Постановления Пленума Верховного Суда РФ №15 от 5 ноября 1998 г. (в действующей редакции) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» указывается, что запрет на расторжение брака распространяется и на случаи, когда ребенок родился мертвым или умер до достижения года [7].

Гендерные вопросы нередко становятся объектом пристального внимания в правовых исследованиях, в особенности в течение последних десятилетий. При этом иногда затруднительно однозначно ответить на вопрос: «Что именно имеет место в отдельных случаях — гендерная асимметрия или гендерная дискриминация?». Асимметричные аспекты правового регулирования, в целом, нередко имеют те или иные обоснования, поскольку отдельные состояния (в частности, беременность как состояние, обусловленное исключительной биосоциальной принадлежностью к женскому полу) не предполагают возможность полной гендерной симметрии. В этом смысле вопрос о гендерном равенстве мужчины и женщины с точки зрения семейно-брачных отношений возникает достаточно часто. Причем имеются как точки зрения, согласно которым наличие определенных предпочтений у одной стороны брака (как правило, у женщин по причине наличия детей) является обоснованным и желательным, так и противоположные позиции, аргументирующие необоснованную асимметрию (фактически дискриминацию) в отношении мужчин.

Наиболее часто возникают вопросы относительно паритетности в вопросах воспитания детей, их материальной поддержки в случае расторжения брака и т.д. Однако одним из наиболее критичных является ранее приведенное законодательное установление относительно невозможности мужчины расторгнуть брак с женщиной, находящейся в состоянии беременности, либо при наличии ребенка в возрасте до одного года. Во многих публикациях указывается, что данный запрет следует оценивать как стремление оградить женщину от чрезмерных переживаний по причине развода в случае наличия у нее состояния беременности или ребенка в возрасте до одного года. Вместе с тем отсутствие каких-либо дополнительных условий (ограничений, исключений) делает эту норму «несправедливой в отношении мужей» [8; 11]. При этом другие авторы указывают на то обстоятельство, что конкретная ситуация может быть весьма неоднозначной, по причине чего утверждать безусловную презумпцию аморальности мужа при расторжении брака с беременной женой либо при наличии ребенка в возрасте до одного года было бы неверным. Так, в частности, закон не предусматривает права мужа возражать против расторжения брака с беременной женщиной или при наличии ребенка до одного года (то есть для женщины в данной ситуации отсутствуют ограничения, в отличие от мужчины). В целом, подобные ситуации также нельзя исключать. Соответственно, если речь идет о защите прав будущего или родившегося ребенка, то подобная правовая асимметрия представляется спорной. Не исключены и такие ситуации, при которых муж не является биологическим отцом ребенка (мы в данном случае исключаем частные ситуации, связанные с использованием репродуктивных технологий), либо отцовство является оспариваемым. В данном случае фактически как КоБС, так и выше процитированное Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан не дают оснований для того, чтобы разрешить данную ситуацию, с точки зрения «здорового смысла» (в том числе, и с точки зрения защиты прав супруга). При этом Т.В. Шершень указывает, что случаи оспаривания отцовства в судебном порядке и даже наличие судебного решения, удовлетворившего иск об оспаривании отцовства, фактически никак не влияет на действие запрета относительно расторжения брака в подобных ситуациях [9; 30].

Возникает ситуация, при которой законодатель ставит позитивные цели (возможное сохранение семьи, защита прав нерожденного или родившегося ребенка) в приоритет над принципом добровольности при расторжении брака. Вместе с тем, как совершенно справедливо отмечают исследователи, запрет на расторжение брака в подобных ситуациях «серьезно ограничивает права мужа, однако не защищает женщину от конфликта и не способствует налаживанию отношений между супругами, если в семье произошел разлад» [10; 104].

Еще раз подчеркнем, что добровольность как принцип брачных отношений должна оцениваться в качестве «сквозного» принципа как при заключении брака, так и при его расторжении (в том числе и в одностороннем порядке), на что совершенно справедливо указывают исследователи [11; 150, 151]. В целом, вопросы расторжения брака относятся к одним из наиболее сложных и щепетильных в контексте нормативного регулирования. Однако можно с уверенностью утверждать, что чрезмерная лаконичность законодателя в целом ряде случаев является нежелательной. Как совершенно справедливо указывал более века назад известный юрист Г.Ф. Шершеневич, «трудность законодателя в деле развода заключается в определении тех условий, при которых становится невозможным общение и сожительство: оно может или настолько затруднить расторжение браков, что многие из них не будут соответствовать своей идее, или же, наоборот, настолько облегчит возможность развода, что каждая ссора станет поводом к разрыву...» [12]. Соответственно, основания для расторжения брака должны быть четкими, соответствующими логике оценки социально-правовой природы брачных отношений, а также имеющими равные правовые ориентиры для обоих супругов. Так, в частности, в контексте исследуемого законодательного запрета, на наш взгляд, явно требуется коррекция. Мы уже указали на такие вариации, как невозможность супруга возражать против расторжения брака в аналогичных обстоятельствах, наличие нравственной коллизии в случаях, когда супруг не является отцом ребенка, или его отцовство оспаривается. Кроме того, как указывают исследователи, существующая законодательная конструкция может привести к тому, что расторжение брака станет невозможным на протяжении достаточно длительного времени (в частности, в случае последующей беременности жены, причем независимо от того, кто является биологическим отцом ребенка) [13; 78].

При этом следует отметить, что в законодательстве стран ближнего зарубежья данный вопрос решается различным образом. Ранее мы уже отметили еще более выраженную консервативность российского законодателя в сравнении с казахстанским подходом к регламентации данного вопроса. В целом, в отдельных странах ближнего зарубежья имеются схожие варианты регулирования. Так, согласно ст. 34 Семейного кодекса Молдовы от 26 октября 2000 г., указано, что «муж не имеет права без согласия жены требовать расторжения брака во время ее беременности, а также на протяжении года после рождения ребенка, если ребенок родился живым и в течение этого года оставался жизнеспособным» [14]. Здесь наличествует схожесть с казахстанской моделью, при этом основным параметром сходства является логически следуемая возможность жены расторгнуть брак при наличии данных обстоятельств, даже при возражении супруга. К более выгодному варианту решения следует отнести лишь детализацию обстоятельств (указание на то, что ребенок родился живым и оставался живым на протяжении всего года) непосредственно в Кодексе, а не в Акте официального судебного толкования, как в Республике Казахстан.

В практически аутентичном с казахстанской моделью варианте регламентирован вопрос в ст. 18 Семейного кодекса Кыргызской Республики от 30 августа 2003 г.: «Муж не имеет права без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения их общего ребенка» [15].

Аналогичное предписание содержится в ст. 39 Семейного кодекса Республики Узбекистан [16], ст. 15 Семейного кодекса Азербайджана [17], ч. 2 ст. 1123 Гражданского кодекса Грузии [18], а также ч. 1 ст. 23 Семейного кодекса Туркменистана [19]. При этом в Семейном кодексе Туркменистана также содержится запрет на расторжение брака по заявлению опекуна недееспособного супруга в случаях, когда опекуном является один из супругов. Данное положение, безусловно, заслуживает внимания, однако не в контексте исследования принципа добровольности, поскольку недееспособность одного из супругов фактически исключает постановку вопроса о добровольности как факторе осознания и проявления своей воли вовне. В данном случае речь идет о гарантиях прав недееспособных лиц и нейтрализации рисков злоупотреблений другой стороны.

В ст. 17 Семейного кодекса Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 г. имеет место некоторая вариативность анализируемого правила. В частности, согласно ч. 1 данной статьи, муж лишен права требовать расторжения брака во время беременности жены и до достижения ребенком 1,5 лет. Однако в ч. 2 указанной статьи содержится правило, согласно которому запрет не распространяется на мужа, «если в указанный срок он непосредственно занимался воспитанием ребенка, а супруга оказалась от воспитания ребенка или явилась инициатором расторжения брака» [20].

Часть 3 ст. 13 Семейного кодекса Армении от 9 ноября 2004 г. содержит более ограниченный запрет: «Муж без согласия жены не вправе подавать заявление о расторжении брака в период беременности жены» [21]. С одной стороны, данный вариант регламентации отчасти более либеральный, но

также не лишен диспаритета в реализации принципа добровольности в отношении супругов на сохранение брачных отношений.

В свою очередь, согласно ст. 35 КоБС Республики Беларусь от 9 июля 1999 г., данное обстоятельство имеет несколько иную направленность регулирования. С одной стороны, не допускается расторжение брака во время беременности жены и до достижения ребенком 3-х лет (то есть в течение еще более продолжительного периода времени, нежели в ранее рассмотренных законодательных моделях). С другой стороны, также включен ряд оговорок, которые существенно меняют смысл данной нормы. Во-первых, по смыслу анализируемой статьи, недопустимость расторжения брака устанавливается не только в отношении мужа, но и в отношении жены: на данное обстоятельство прямо указывает текстуальное оформление «без письменного согласия другого супруга на расторжение брака». Во-вторых, данный запрет имеет место только в том случае, когда супруг (то есть как муж, так и жена), от которого требуется письменное согласие, «проживает с ребенком и осуществляет заботу о нем». То есть фактически следует вывод, что отсутствие факта проживания с ребенком и осуществления заботы в отношении него исключает для любого из супругов возможность возражать против расторжения брака. Безусловно, в данном случае имеется неизбежная преференция жены, поскольку в подавляющем большинстве случаев дети в соответствующем возрасте находятся с матерью. Вместе с тем, такая конструкция позволяет и мужу, который непосредственно осуществляет заботу о ребенке в возрасте до 3-х лет, возражать против расторжения брака, инициированного супругой. Наконец, в-третьих, в анализируемой статье содержится указание на исключительные случаи, когда «отцовство по отношению к ребенку признано другим лицом или по решению суда сведения о муже как об отце ребенка исключены из записи Акта о рождении ребенка» [22]. Белорусский вариант регламентации исследуемого правового момента, на наш взгляд, является гораздо более благополучным, как минимум, по причине отсутствия явной гендерной асимметрии в принципе добровольности сохранения брачных отношений.

Еще гораздо более выраженной гендерной паритетностью в вопросах принципа добровольности сохранения брачных отношений обладают нормы КоБС Украины от 10 января 2002 г., несмотря на то, что в ст. 110 содержится запрет на расторжение брака во время беременности жены и до достижения ребенком одного года. Во-первых, как и в белорусской модели, отсутствует исключительное право кого-либо из супругов возражать против расторжения брака (запрет установлен в отношении обоих супругов). Во-вторых, обращает на себя внимание крайне интересная конструкция, связанная с возможностью расторжения брака при подобных условиях в тех ситуациях, когда «один из супругов совершил противоправное поведение, содержащее признаки уголовного преступления, в отношении другого из супругов или ребенка» [23]. Данное предписание заслуживает особого внимания, в силу чего будет упомянуто дополнительно. В-третьих, украинский законодатель учитывает ту нравственную коллизию, на которую мы уже ранее указывали, а именно отсутствие (или спорность) отцовства мужа по отношению к ребенку. Соответственно, в ч. 3 ст. 110 КоБС Украины устанавливается правило, согласно которому и муж, и жена могут инициировать расторжение брака в течение беременности жены, если отцовство признано другим лицом. В свою очередь, ч. 4 ст. 110 КоБС Украины, аналогично, содержит дозволение на расторжение брака до достижения ребенком одного года в случаях, когда «отцовство в отношении его признано другим лицом или по решению суда сведения о муже как отце ребенка исключены из актовой записи о рождении ребенка» [23].

Совершенно иной подход к учету исследуемого обстоятельства имеет семейное законодательство стран Балтии. Так, в Законе Эстонии «О семье» от 18 ноября 2009 г. не содержится каких-либо императивных норм в отношении запрета на расторжение брака в период беременности жены или недостижения ребенком определенного возраста (чаще всего одного года, исходя из ранее рассмотренных вариантов законодательных моделей). Здесь следует отметить, что эстонское законодательство в заметной степени восприняло европейскую модель расторжения брака, принятую во многих странах, в которых учитывается так называемый «период охлаждения». Так, в соответствии с ч. 2 ст. 67 Закона «О семье» Эстонии, «предполагается, что брачные отношения прекращены, если супруги живут раздельно не менее двух лет» [24]. Фактически данный вариант регламентации является гендерно нейтральной фиксацией полного паритета супругов с точки зрения их добровольного сохранения (или несохранения) брачных отношений.

Заслуживает внимания и латвийская модель регулирования соответствующего вопроса. Как и в Эстонии, в Латвии отсутствует специальное указание на запрет к инициированию расторжения брака в случае беременности жены или наличия ребенка в возрасте до 1 года. Вместе с тем п. 76 Граждан-

ского закона Латвийской Республики, действующего с 28 января 1937 г., предусмотрено правило, согласно которому «суд брак не расторгает, несмотря на то, что он распался, если и к тому же в порядке исключения сохранение брака необходимо по особым причинам в интересах общего несовершеннолетнего ребенка супругов» [25]. Это весьма специфическая норма, которая, на первый взгляд, существенно ограничивает принцип добровольности пребывания в брачных отношениях (поскольку факт распада брака является констатацией волевого решения супругов о невозможности его сохранения). Однако явно выраженная приоритетность интересов несовершеннолетних детей в данном случае нивелирует диспарат между супругами (то есть ущемление добровольности в данном случае имеет двусторонний характер). При этом в Латвии также действует правило «периода охлаждения», когда презумпция распада брака имеет место после 3-х лет раздельного проживания супругов (п. 70). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что трехлетний «период охлаждения» является практически безусловным основанием для расторжения брака, однако он может быть расторгнут и до его истечения, в частности, при достижении согласия между супругами, а также в случае, когда один из них начал совместную жизнь с другим лицом, и у них родился ребенок или ожидается его рождение (пп. 2 и 3 п. 73 Закона). При этом пп. 1 п. 73 Гражданского закона Латвии предусматривает схожее обстоятельство для расторжения брака с тем, которое имеет место в Семейном кодексе Украины: «Причиной распада брака является физическое, сексуальное, психологическое или экономическое насилие супруга над супругом, требующим расторжения брака, или над его ребенком или общим ребенком супругов» [25]. Несмотря на различие формулировок (в украинском варианте речь идет о совершении преступления в отношении супруга или ребенка, а в латвийском — фактически о любых формах бытового насилия), в данном случае мы имеем дело с учетом равнозначного фактора.

В литовском варианте, которым мы фактически завершаем сравнительно-правовой анализ исследуемого аспекта, также отсутствует прямой запрет на расторжение брака при беременности жены или до достижения ребенком одного года (или другого возраста). При этом, как и в некоторых других, ранее рассмотренных законодательных моделях, имеется указание на расторжение брака по вине одного из супругов (ч. 2 ст. 3.49 ГК Литвы), к которой, в частности, относятся случаи, когда один из супругов был «осуждён за сознательное преступление или был неверным, или жестоко обращался с другим супругом или членами семьи, или оставил семью и более одного года совершенно не заботился о ней» [26]. Примечательно, что в процессе рассмотрения вопроса о расторжении брака суд может применить временные защитные меры, в частности, обязать одного из супругов жить отдельно (пп. 1 п. 2 ст. 3.65 ГК Литвы). При этом аналогично другим прибалтийским странам, в Литве действует правило «периода охлаждения», который в литовском варианте именуется «сепарацией» (ст. 3.55 ГК Литвы).

Таким образом, следует признать, что регулирование данного вопроса в различных странах является крайне вариативным. При этом мы исключаем из сравнительно-правового анализа вопросы регулирования исследуемого аспекта в странах дальнего зарубежья, поскольку при отсутствии единой традиции правового регулирования они представлены совершенно иными моделями. В частности, во многих европейских странах (Великобритания, Франция и другие) механизм расторжения брака крайне сложный и финансово затратный (за исключением случаев достижения соглашения между супругами). Однако в данном случае речь идет об иной «культуре брака», когда само отношение к вступлению в брак оценивается с точки зрения осознания всех обязательств, порождаемых брачными отношениями, а также сложностями при расторжении брака. По этой причине дефрагментация из общего массива правового регулирования только одного аспекта представляется методологически неверной. Кроме того, даже представленного результата сравнительно-правового анализа вполне достаточно для того, чтобы признать некоторую правовую «ущербность» абсолютного запрета на расторжение брака в период беременности жены и достижения ребенком одного года (или другого возраста, в зависимости от особенностей нормативного регулирования).

Обсуждение

Полагаем, что данный запрет на фоне привлечения внимания к проблемам семейно-бытового насилия является не только не в полной мере обоснованным, но даже потенциально вредным и опасным. Наличие у одного из супругов стойкого нежелания к продолжению брачных отношений даже при условии нахождения супруги в состоянии беременности или наличия ребенка в возрасте до одного года может стать фактором детерминации как деликтного, так и криминального поведения. Безусловно, не следует исключать из внимания психологические факторы, поскольку возникновение

кризисов в семейных парах, ожидающих ребенка или занимающихся уходом за только что родившимся ребенком, имеют определенные закономерности. Возможны ситуации, когда семейной паре требуется помощь психолога, медиатора, близких родственников и других специалистов для преодоления сложившейся ситуации. Вместе с тем, императивность запрета в целом ряде случаев может привести не столько к охране публичных интересов общества (сохранить семью и обеспечить воспитание ребенка в семье), сколько к нарастанию кризиса отношений, вплоть до нежелательных внешних проявлений пренебрежения и даже агрессии. Здесь нельзя, в частности, не учитывать то обстоятельство, что сама мотивация рождения ребенка может быть как со знаком «плюс», так и со знаком «минус». В частности, безусловно, положительной мотивацией к рождению ребенка является стремление реализовать себя в качестве матери или отца, укрепить отношения, дать им дальнейшее развитие, готовность нести ответственность за рожденного ребенка и т. д. [27; 113]. Однако мотивация может быть и неадекватной, причем ее вариации также могут быть представлены значительным спектром: наличие социальных ожиданий («в семье обязательно должен быть ребенок» и т.п.), стремление удержать возле себя партнера, наличие тех или иных материальных соображений (различные варианты социального иждивенчества и т.д.) [28; 28, 29].

Добровольность вступления в брак, пребывания в брачных отношениях и прекращения брачных отношений, таким образом, является своего рода гарантией для того, чтобы искусственное сохранение семьи (даже по позитивным мотивам) не нарушало саму сущность брака как, в первую очередь, духовного союза между мужчиной и женщиной. Соответственно, необходимы более гибкие механизмы для разрешения вопроса и в тех ситуациях, когда сохранение брака фактически невозможно, однако требуется обеспечение интересов беременной женщины и родителя, который непосредственно осуществляет уход за ребенком в возрасте до одного года (либо до более позднего периода). В данном случае возможны варианты законодательного решения: с сохранением запрета или с принципиальным отказом от него. В первом случае (при сохранении запрета) необходимо, во-первых, установить паритетность для обоих супругов (без явного приоритета прав жены); во-вторых, определить перечень обстоятельств, при которых действие запрета исключается (в частности, в случаях, когда отцовство по отношению к ребенку признано другим лицом, после удовлетворения судом иска об оспаривании отцовства; случаи, когда супруга не занимается непосредственным уходом за ребенком или отказалась от него и т.д.). Во втором варианте (полном отказе от соответствующего запрета) необходимо создать дополнительные механизмы защиты за счет включения имущественных обязательств для социально уязвимой стороны (для беременной женщины, а также для родителя, который непосредственно осуществляет уход за ребенком). При этом обращает на себя внимание текущее состояние регулирования алиментных обязательств, которые возникают между супругами, как во время брака, так и случае его расторжения. Так, ст. 147 КоБС РК «Обязанности супругов по взаимному содержанию», а также ст. 148 КоБС «Право бывшего супруга на получение алиментов после расторжения брака (супружества)» содержат идентичные предписания о наличии права на материальную поддержку в аналогичных ситуациях, среди которых и беременность супруги, а также период до достижения общим ребенком 3х-летнего возраста [4]. В рамках настоящей статьи мы оставим без внимания отсутствие гендерной симметрии в данной норме (фактически устанавливается только право женщины, но не предусматриваются случаи, когда ребенок до 3-х лет остается с отцом). В контексте исследуемого вопроса необходимо признать, что норма о запрете на расторжение брака в случае беременности супруги и до достижения ребенком одного года не создает более выраженных гарантий, нежели приведенные выше нормы (в частности, при ситуации, когда жена, находящаяся в состоянии беременности или осуществляющая уход за ребенком в возрасте до одного года, дает согласие на расторжение брака). При этом, учитывая ранее сформулированные замечания относительно того, что сохранение брака, помимо явно выраженного принципа добровольности на продолжение брачных отношений со стороны одного из супругов, может привести к крайне нежелательным поведенческим паттернам (вплоть до актов семейного насилия либо пренебрежения), наличие соответствующего запрета представляется еще более спорным. Таким образом, положение п. 2 ст. 16 КоБС РК требует серьезной ревизии и коррекции для соблюдения баланса частно-правовых (принципа добровольности) и публично-правовых (сохранение семьи и обеспечение воспитания ребенка в семье) интересов.

Наконец, для завершения исследования баланса частно-правовых и публично-правовых интересов в вопросах расторжения брака необходимо остановиться на случаях, когда расторжение брака осуществляется без согласия одного из супругов, но когда данный супруг допустил случаи противоправного поведения в отношении другого супруга или несовершеннолетних детей. Как показал срав-

нительно-правовой анализ, учет данного фактора имеет место в тех странах, в которых вопросы семейно-бытового насилия находятся в ракурсе внимания законодателя (Украина, страны Балтии). В этом смысле Казахстан, как одна из стран, поставившая вопросы профилактики семейно-бытового насилия на законодательный уровень, по нашему мнению, не использует до настоящего времени тотальный учет соответствующих инцидентов в нормах национального законодательства, в том числе и в нормах, касающихся расторжения брака. При этом в п. 4 ст. 1 Закона РК от 04 декабря 2009 г. «О профилактике бытового насилия» указывается, что под профилактикой бытового насилия понимается комплекс мер (правового, экономического, социального, организационного характера), направленных на предупреждение и пресечение бытового насилия, а также на выявление и устранение причин, ему способствующих [29]. Соответственно, полагаем, что ч. 2 ст. 17 КоБС РК, предусматривающая случаи расторжения брака по заявлению одного из супругов (независимо от наличия несовершеннолетних детей), должна содержать, в том числе и указание на случаи совершения другим супругом актов семейно-бытового насилия, а также уголовного правонарушения, связанного с посягательством на жизнь и здоровье другого супруга или несовершеннолетних детей. В данном случае фактически будет достигнута реализация двух значимых аспектов. Во-первых, данное обстоятельство позволит супругу, подвергнутому акту насилия, существенно облегчить процедуру расторжения брака, что избавит его от пролонгации рисков и в дальнейшем подвергаться новым насильственным инцидентам. Во-вторых, это станет дополнительной гарантией принципа добровольности брачных отношений, поскольку в случаях домашнего насилия данный принцип неизбежно подвергается недопустимой деформации. Безусловно, не исключены случаи, когда подвергающийся насилию супруг не выразит желание к расторжению брака по различным причинам, преимущественно находящимся в сфере психологических проблем. Однако при наличии соответствующего желания закон должен предоставлять уязвимому супругу необходимые механизмы для более беспрепятственного разрешения ситуации.

Выводы

Таким образом, действующее брачно-семейное законодательство содержит ряд небезупречных законодательных решений, а также пробелов в регулировании вопросов обеспечения принципа добровольности брачных отношений на протяжении всего периода брака (начиная с заключения и заканчивая расторжением брака).

В целях обеспечения гендерной паритетности супругов при расторжении брака в случаях беременности супруги и в течение первого года жизни ребенка п. 2 ст. 16 КоБС РК целесообразно изложить в следующей редакции:

«Расторжение брака (супружества) невозможно без согласия обоих супругов в период беременности супруги и в течение первого года жизни ребенка в случаях, когда суд придет к выводу о возможности сохранения брака, с применением примирительных процедур, предусмотренных настоящим законом, а также иными законодательными актами Республики Казахстан [здесь, в частности, предполагается законодательство о медиации].

Данное положение не распространяется на случаи, когда:

- 1) суд придет к выводу о невозможности сохранения брачных отношений по причине фактического распада брака;
- 2) ребенок родился мертвым или умер до достижения одного года;
- 3) супруг (супруга), возражающий против расторжения брака, фактически не проживает с ребенком и (или) не осуществляет заботу о нем;
- 4) отцовство по отношению к ребенку признано другим лицом или по решению суда сведения о муже как об отце ребенка исключены из записи акта о рождении ребенка».

Предлагаемая формулировка позволит, во-первых, повысить инициативность суда; во-вторых, преодолеть гендерную дискриминацию в отношении супругов, имеющую место в действующей редакции; в-третьих, исключит нравственные коллизии, при которых брак сохраняется в случаях, когда супруг не является биологическим отцом ребенка.

Пункт 2 ст. 17 КоБС РК, предусматривающий случаи одностороннего расторжения брака даже при наличии несовершеннолетних детей, должен быть дополнен новым обстоятельством: «Совершил акты бытового насилия либо уголовное правонарушение, посягающее на жизнь и здоровье другого супруга или несовершеннолетних детей».

Данное нововведение позволит в полной мере учесть вектор государственной политики на противодействие семейно-бытовому насилию за счет закрепления за уязвимым супругом права на одно-

стороннее расторжение брака в случае различных форм насильственных инцидентов со стороны другого супруга.

Список литературы

- 1 О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния. Декрет ЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. // СУ РСФСР. — 1917. — № 11. — Ст. 160.
- 2 О расторжении брака. Декрет ЦИК и СНК РСФСР от 19 декабря 1917 г. // СУ РСФСР. — 1917. — № 10. — Ст. 152.
- 3 Конституция Республики Казахстан. Принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г. (в действ. ред.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. — 1996. — № 4. — Ст. 217.
- 4 О браке (супружестве) и семье: Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. № 518-IV (в действ. ред.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. — 2011. — № 22. — Ст. 174.
- 5 Абраменко О.Ю. Недействительный брак: понятие, особенности, процедуры / О.Ю. Абраменко // Научные исследования и разработки молодых ученых. — 2014. — № 1. — С. 162–172.
- 6 О применении судами законодательства при рассмотрении судами дел о расторжении брака (супружества): Нормативное постановление Верховного Суда РК от 28 апреля 2000 г. № 5 (в действ. ред.) // Юридическая газета. — 2000. — № 22.
- 7 О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/.
- 8 Караманукян Д.Т. Законодательные предпосылки гендерной дискриминации в Российской Федерации / Д.Т. Караманукян // Вестн. Омск. юрид. акад. — 2019. — Т. 16. № 1. — С. 6–12.
- 9 Шершень Т.В. Принцип равенства прав супругов: генезис и некоторые проблемы его реализации в современном семейном праве России / Т.В. Шершень // Российская юстиция — 2010. — № 7. — С. 28–31.
- 10 Хазова О.А. Семейное законодательство: проблемы гендерного равенства / О.А. Хазова // Гендерная экспертиза российского законодательства / отв. ред. Л.Н. Завадская. — М.: БЕК, 2001. — 272 с.
- 11 Тверитинова О.Г. Институт расторжения брака как инструмент укрепления семьи / О.Г. Тверитинова // Общество и право. — 2021. — № 2 (76). — С. 150–154.
- 12 Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. — М., 2005. — Т. 2. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elilib/1541.html
- 13 Щелкин П.А. Нарушение конституционных свобод и девальвация семейных ценностей как следствие правового запрета на свободное расторжение брака (ст. 17 СК РФ) / П.А. Щелкин // Образование и право. — 2022. — № 3. — С. 77–82.
- 14 Семейный кодекс Республики Молдова от 26 октября 2000 г. № 1316-XIV (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30398164&pos=44;-31#pos=44;-31.
- 15 Семейный кодекс Кыргызской Республики от 30 августа 2003 г. № 201 (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30286698#pos=6;-106.33332824707031.
- 16 Семейный кодекс Республики Узбекистан от 30 апреля 1998 г. № 698-I (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421452&pos=4;-106#pos=4;-106&sel_link=1001070380.
- 17 Семейный кодекс Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 г. № 781-IQ (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420386.
- 18 Гражданский кодекс Грузии от 26 июня 1997 г. № 786 (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/31702?publication=120>.
- 19 Семейный кодекс Туркменистана от 10 января 2012 г. № 258-IV (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31343599#pos=6;-106.33332824707031.
- 20 Семейный кодекс Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 г. № 682 (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30445181.
- 21 Семейный кодекс Республики Армения от 8 декабря 2004 г. № ЗР-123 (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8661.
- 22 О браке и семье: Кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 278-3 (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414964&pos=5;-106#pos=5;-106&sel_link=1001084578.
- 23 Семейный кодекс Украины от 10 января 2002 г. № 2947-III (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418309.
- 24 О семье: Закон Эстонии от 18 ноября 2009 г. (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused_01.03.2018.pdf.
- 25 Гражданский закон Латвийской Республики от 28 января 1937 г. (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.inlatplus.lv/wp-content/uploads/2019/11/.pdf>.
- 26 Civil Code of the Republic of Lithuania от 18 июля 2000 г. № 1864-VIII (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.245495>.

27 Котельникова Ю.С. Психологическая характеристика нормативных кризисов супружеских отношений в молодой семье / Ю.С. Котельникова // Наука и образование сегодня. — 2018. — № 5 (28). — С. 112–116.

28 Захарова Г.И. Психология семейных отношений: учеб. пос. / Г.И. Захарова. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2009. — 63 с.

29 О профилактике бытового насилия: Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 г. № 214–IV (в действ. ред.) // Казахстанская правда. — 2009. — № 293 (26037).

Т.Б. Жунусова

Қазақстан Республикасындағы еріктілік неке қатынастарының «өтпелі» қағидаты ретінде (кейбір жеке-құқықтық және жария-құқықтық аспектілер)

Мақалада Қазақстандағы неке еріктілігі қағидатын заңнамалық қамтамасыз етудің жекелеген даулы аспектілері теориялық талдаудан өткен, ол қажетті «үштікте» зерттелген: неке киюдың еріктілігі, неке болудың еріктілігі және неке қатынастарын тоқтатудың еріктілігі. Заң шығарушының еріктілікке тек неке қағидаты ретінде баса назар аударуы оның осы «үштіктің» басқа екеуінің пайда болуында айтарлықтай теңестірілуіне әкеледі. Автор Қазақстан Республикасы Неке-отбасы заңнамасының нормативтік ережелеріне, ұлттық заңнаманың басқа да нормативтік-құқықтық актілеріне, сондай-ақ таяу шет елдердегі жекелеген жеке мәселелерді нормативтік реттеуді салыстырмалы-құқықтық зерттеуге талдау жүргізген, соның негізінде отандық неке-отбасы заңнамасының нормаларындағы еріктілік қағидатының кейбір заң бұзушылықтарын мысалдармен дәлелдеген. Сонымен қатар, қазіргі уақытта объективті әлеуметтік-құқықтық негіздемесі жоқ айқын гендерлік асимметриясы бар нормалардың болуына отандық заңнаманың жалғасып жатқан үрдістері анықталды. Қазақстан Республикасындағы неке қатынастарының қағидаттарын қамтамасыз етуге ықпал етпейтін, некені бұзу мәселелері бойынша қалған заңнамалық тыйымдардың шиеленісінің әлеуеті дәлелденіп, оны айтарлықтай азайту мақсатында заңнамалық нұсқауларды түзету нұсқалары ұсынылған.

Кілт сөздер: неке қатынастары, еріктілік, гендерлік асимметрия, гендерлік кемсітушілік, некені бұзуға тыйым салу, отбасылық-неке заңнамасының шиеленісуі.

T.B. Zhunusova

Voluntariness as a “cross-cutting” principle of marriage relations in the Republic of Kazakhstan (some private-legal and public-legal aspects)

The article presents a theoretical analysis of some controversial aspects of the legislative provision of the principle of voluntary marriage in Kazakhstan, which is investigated in the necessary “triad”: voluntary marriage, voluntary stay in marriage and voluntary termination of marital relations. The legislator's explicit emphasis on voluntariness, exclusively, as a principle of marriage leads to the fact that it is significantly leveled in the other two manifestations of this “triad”. The author analyzes the normative provisions of the marriage and family legislation of the Republic of Kazakhstan, other normative legal acts of national legislation, as well as a comparative legal study of the regulatory regulation of certain private issues in neighboring countries, on the basis of which some violations of the principle of voluntariness in the norms of domestic marriage and family legislation are illustrated. At the same time, the continuing trends of domestic legislation towards the presence of norms with pronounced gender asymmetry, which currently has no objective socio-legal justification, are revealed. The conflict-causing potential of the remaining legislative prohibitions in matters of divorce, which do not contribute to ensuring the principles of marriage relations in the Republic of Kazakhstan, is argued, and options for correcting legislative prescriptions are proposed in order to significantly reduce it.

Keywords: marital relations, voluntariness, gender asymmetry, gender discrimination, prohibition of divorce, conflictogenicity of family and marriage legislation.

References

- 1 О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния. Декрет ЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 года [About civil marriage, about children and about keeping books of state certificates. Decree of the Central Executive Committee and the SNK of the RSFSR of December 18, 1917]. *SU RSFSR*, 11 [in Russian].
- 2 О расторжении брака. Декрет ЦИК и СНК РСФСР от 19 декабря 1917 года [About the dissolution of marriage. Decree of the Central Executive Committee and the SNK of the RSFSR of December 19, 1917]. *SU RSFSR*, 10 [in Russian].
- 3 Konstitutsiia Respubliki Kazakhstan. Priniata na respublikanskom referendume 30 avgusta 1995 goda (v deistvuiushchei redaktsii) [Constitution of the Republic of Kazakhstan. Adopted at the republican referendum on August 30, 1995 (in the current version)]. *Vedomosti Parlamenta Respubliki Kazahstan — Statements of the Parliament of the Republic of Kazakhstan*, 4, 217 [in Russian].
- 4 О браке (supruzhestve) i seme: Kodeks Respubliki Kazakhstan ot 26 dekabria 2011 goda N 518-IV (v deistvuiushchei redaktsii) [About marriage (matrimony) and family. Code of the Republic of Kazakhstan No. 518-IV dated December 26, 2011 (as amended)]. *Vedomosti Parlamenta Respubliki Kazahstan — Statements of the Parliament of the Republic of Kazakhstan*, 22 [in Russian].
- 5 Abramenko, O.Yu. (2014). Nedeistvitelnyi brak: poniatie, osobennosti, protsedury [Invalid marriage: concept, features, procedures]. *Nauchnye issledovaniia i razrabotki molodykh uchenykh — Research and development of young scientists*, 1, 162–172 [in Russian].
- 6 О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака (supruzhestva): Normativnoe postanovlenie Verkhovnogo Suda RK ot 28 aprelia 2000 goda N 5 (v deistvuiushchei redaktsii) [On the application of legislation by courts when considering cases of dissolution of marriage (matrimony) by courts: Regulatory Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan dated April 28, 2000 No. 5 (as amended)]. *Yuridicheskaiia gazeta — Legal newspaper*, 22 [in Russian].
- 7 О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 5 noiabria 1998 goda N 15 (v deistvuiushchei redaktsii) [On the application of legislation by courts when considering cases of divorce: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 15 of November 5, 1998 (as amended)]. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/ [in Russian].
- 8 Karamanukjan, D.T. (2019). Zakonodatelnye predposylki gendernoi diskriminatsii v Rossiiskoi Federatsii [Legislative prerequisites for gender discrimination in the Russian Federation]. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii — Bulletin of the Omsk Law Academy*, 1, 6–12 [in Russian].
- 9 Shershen, T.V. (2010). Printsip ravenstva prav suprugov: genezis i nekotorye problemy ego realizatsii v sovremennom semeinom prave Rossii [The principle of equal rights of spouses: the genesis and some problems of its implementation in modern family law in Russia]. *Rossiiskaia yustitsiia — Russian justice*, 7, 28–31 [in Russian].
- 10 Khazova, O.A. (2001). Semeinoe zakonodatelstvo: problemy gendernogo ravenstva [Family legislation: problems of gender equality]. *Gendernaia ekspertiza rossiiskogo zakonodatelstva*. L.N. Zavadskaya (Ed.). Moscow: BEK [in Russian].
- 11 Tveritina, O.G. (2021). Institut rastorzheniia braka kak instrument ukrepleniia semi [The institution of divorce as a tool for strengthening the family]. *Obshchestvo i pravo — Society and law*, 2 (76), 150–154 [in Russian].
- 12 Shershenevich, G.F. (2005). Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Textbook of Russian Civil Law]. Moscow. Retrieved from https://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/1541.html [in Russian].
- 13 Shchelkin, P.A. (2022). Narushenie konstitutsionnykh svobod i devalvatsiia semeinykh tsennostei kak sledstvie pravovogo zapreta na svobodnoe rastorzhenie braka (st. 17 SK RF) [Violation of constitutional freedoms and devaluation of family values as a consequence of the legal prohibition on the free dissolution of marriage (Article 17 of the RF IC)]. *Obrazovanie i pravo — Education and Law*, 3, 77–82 [in Russian].
- 14 Semeinyi kodeks Respubliki Moldova ot 26 oktiabria 2000 goda N 1316-XIV (v deistvuiushchei redaktsii) [Family Code of the Republic of Moldova No. 1316-XIV dated October 26, 2000 (in the current version)]. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30398164&pos=44;-31#pos=44;-31 [in Russian].
- 15 Semeinyi kodeks Kyrgyzskoi Respubliki ot 30 avgusta 2003 goda N 201 (v deistvuiushchei redaktsii) [Family Code of the Kyrgyz Republic No. 201 dated August 30, 2003 (as amended)]. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30286698#pos=6;-106.33332824707031 [in Russian].
- 16 Semeinyi kodeks Respubliki Uzbekistan ot 30 aprelia 1998 goda N 698-I (v deistvuiushchei redaktsii) [Family Code of the Republic of Uzbekistan No. 698-I dated April 30, 1998 (as amended)]. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421452&pos=4;-106#pos=4;-106&sel_link=1001070380 [in Russian].
- 17 Semeinyi kodeks Azerbaidzhanskoi Respubliki ot 28 dekabria 1999 goda N 781-IQ (v deistvuiushchei redaktsii) [Family Code of the Republic of Azerbaijan No. 781-IQ dated December 28, 1999 (as amended)]. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420386 [in Russian].
- 18 Grazhdanskii kodeks Gruzii ot 26 iunia 1997 goda N 786 (v deistvuiushchei redaktsii) [Civil Code of Georgia No. 786 of June 26, 1997 (as amended)]. Retrieved from <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/31702?publication=120> [in Russian].
- 19 Semeinyi kodeks Turkmenistana ot 10 yanvaria 2012 goda N 258-IV (v deistvuiushchei redaktsii) [Family Code of Turkmenistan No. 258-IV dated January 10, 2012 (as amended)]. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31343599#pos=6;-106.33332824707031 [in Russian].

20 Semeinyi kodeks Respubliki Tadjikistan ot 13 noiabria 1998 goda N 682 (v deistvuiushchei redaktsii) [Family Code of the Republic of Tajikistan No. 682 dated November 13, 1998 (as amended)]. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30445181 [in Russian].

21 Semeinyi kodeks Respubliki Armeniia ot 8 dekabria 2004 goda N ZR-123 (v deistvuiushchei redaktsii) [Family Code of the Republic of Armenia No. ZR-123 dated December 8, 2004 (as amended)]. Retrieved from https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8661 [in Russian].

22 O brake i seme: Kodeks Respubliki Belarus ot 9 iiulia 1999 goda N 278-Z (v deistvuiushchei redaktsii) [On Marriage and Family: Code of the Republic of Belarus No. 278-Z of July 9, 1999 (as amended)]. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414964&pos=5;-106#pos=5;-106&sel_link=1001084578 [in Russian].

23 Semeinyi kodeks Ukrainy ot 10 yanvaria 2002 goda N 2947-III (v deistvuiushchei redaktsii) [Family Code of Ukraine N 2947-III of January 10, 2002 (as amended)]. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418309 [in Russian].

24 O seme: Zakon Estonii ot 18 noiabria 2009 goda (v deistvuiushchei redaktsii) [On the family: The Estonian Law of November 18, 2009 (as amended)]. Retrieved from https://www.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused_01.03.2018.pdf [in Russian].

25 Grazhdanskii zakon Latviiskoi Respubliki ot 28 yanvaria 1937 goda (v deistvuiushchei redaktsii) [Civil Law of the Republic of Latvia of January 28, 1937 (as amended)]. Retrieved from <https://www.inlatplus.lv/wp-content/uploads/2019/11/.pdf> [in Russian].

26 Civil Code of the Republic of Lithuania ot 18 iiulia 2000 goda N 1864-VIII (v deistvuiushchei redaktsii) [Civil Code of the Republic of Lithuania No. 1864-VIII of July 18, 2000 (as amended)]. Retrieved from <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.245495> [in Russian].

27 Kotelnikova, Yu.S. (2018). Psikhologicheskaiia kharakteristika normativnykh krizisov supruzheskikh otnoshenii v molodoi seme [Psychological characteristics of normative crises of marital relations in a young family]. *Nauka i obrazovanie segodnia — Science and Education Today*, 5 (28), 112–116 [in Russian].

28 Zakharova, G.I. (2009). Psikhologiiia semeinykh otnoshenii: uchebnoe posobie [Psychology of family relations]. Cheliabinsk: Izdatelstvo Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta [in Russian].

29 O profilaktike bytovogo nasiliia: Zakon Respubliki Kazakhstan ot 4 dekabria 2009 goda N 214-IV (v deistvuiushchei redaktsii) [On the prevention of domestic violence: Law of the Republic of Kazakhstan dated December 4, 2009 No. 214-IV (as amended)]. *Kazakhstanskaia pravda — Kazakhstan truth*, 293 (26037) [in Russian].

М.А. Сейдинова*

*Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: madina.seidinova@bk.ru)*

Этические вопросы суррогатного материнства

Глобальный рынок коммерческого суррогатного материнства растет значительными темпами. Каждый год тысячи женщин соглашаются за определенную плату выносить ребенка для другой женщины. В результате тысячи детей рождаются, зачатые одной женщиной, но востребованные другой. Центральным аргумент этой статьи заключается в том, что к суррогатному материнству следует подходить как к сложным коммерческим, этическим, юридическим отношениям. В данный момент времени идет активная международная торговля матками, спермой и яйцеклетками. Есть быстро развивающиеся медицинские технологии, которые, несомненно, увеличили как спрос на услуги суррогатного материнства, так и предложение от суррогатных матерей. Однако правовые основы рынка, регулирующие суррогатное материнство, нормы, законы, развиваются значительно медленнее. Одни государства, как, например, США, Франция, Германия, Австрия, регулируют вопросы, связанные с суррогатным материнством, в основном, в форме запрета, другие государства — создают максимально либеральное законодательство, как, например, Индия, Россия, Казахстан. В статье автором сделан вывод о том, что этические и моральные вопросы суррогатного материнства разделили на два лагеря все страны в мире: сторонники и противники, которые сравнивают его с рабством женщин. Обоснована необходимость установления мер безопасности, гарантирующих, что в этой сделке не будет эксплуатации женщин, находящихся в трудном финансовом положении.

Ключевые слова: суррогатное материнство, суррогатная мать, гестационное суррогатное материнство, этические вопросы, моральные вопросы, экстракорпоральное оплодотворение, права суррогатной матери, права суррогатного ребенка, права родителей.

Введение

Уже сейчас рынок суррогатного материнства велик и продолжает расти. Есть тысячи потенциальных родителей по всему миру, у которых есть как желание, так и средства, чтобы нанять другую женщину, чтобы она родила им ребенка/детей. Некоторые из этих родителей являются традиционными парами, и жена физически не может выносить собственного биологического ребенка. Некоторые из них являются традиционными парами, в которых жена предпочитает не беременеть, но все же хочет ребенка, который будет генетически «своим». Некоторые из них являются гомосексуальными парами, для которых суррогатное материнство является единственным средством зачатия ребенка, связанного по крайней мере с одним из его родителей. Некоторые из этих пар используют традиционное суррогатное материнство, при котором сперма поступает от будущего отца, а яйцеклетка — от суррогатной матери. Некоторые используют гестационное суррогатное материнство, при котором яйцеклетка донора от другой женщины, и некоторые используют то, что можно грубо назвать стратегией смешивания и сопоставления, смешивая донорскую сперму с донорскими яйцеклетками, имплантированными в биологически неродственную матку. По мере совершенствования медицинской технологии, поддерживающей все эти варианты, спрос на суррогатное материнство почти наверняка будет расти. Но проблема в том, что основы рынка суррогатного материнства, правила, законы и содержание договоров развиваются значительно медленнее. Законодательные органы как в Соединенных Штатах, так и в Европе не хотят напрямую заниматься вопросом суррогатного материнства. Их вмешательство, в основном, принимает форму запрета. Коммерческое суррогатное материнство запрещено, например, в Германии, Франции и некоторых штатах Австралии. Оно резко ограничено в Израиле и Великобритании, но максимально либерально в Казахстане [1; 32].

Спрос на рынке суррогатного материнства настолько интенсивный, что пары вступают в соглашение о суррогатном материнстве, даже когда они знают или подозревают, что это либо незаконно, либо никак и никем не регулируется. Они пересекают государственные границы в поисках услуг суррогатных мам, а иногда даже ввозят суррогатных мам напрямую. Поскольку такое поведение регулируется очень плохо, то и возможностей для мошенничества предостаточно. Суды вмешиваются тогда,

* Автор-корреспондент. E-mail: madina.seidinova@bk.ru

когда происходит мошенничество: суррогатная мать отказывается бросить курить, или аборттировать деформированный плод, или отказываться от новорожденного ребенка, или в одностороннем порядке пересматриваются условия договора, или ребенка невозможно отдать родителям, так как запрещены перемещения как внутри страны, так и за ее пределы, как было в период пандемии COVID–19.

Материалы и методы исследования

Автор в процессе исследования данной темы использовал метод юридической формальной логики в виде дедукции и индукции. Благодаря дедукции удалось сделать умозаключение от общего к частному к соответствующему опыту регулирования суррогатного материнства в разных странах. Завершив анализ международного опыта регулирования суррогатного материнства, автор сформулировал завершающий вывод, переходя от частному к общему.

Сравнительный анализ опыта регулирования суррогатного материнства и экспертных дискуссий о причинах существования коммерческого суррогатного материнства позволил предложить легализовать суррогатное материнство, а не использовать запретительные и/или ограничительные меры. Методом научного прогнозирования автор предлагает сформулировать пакет международных норм, с целью регламентации суррогатного материнства на международном уровне.

Результаты

По своей сути суррогатное материнство — это низкотехнологичная операция. Все это влечет за собой желание женщины (или ее принуждение) заняться сексом с мужем другой женщины, а затем желание (или принуждение) позволить этой другой женщине воспитывать ее ребенка. С чисто экономической точки зрения единственная проблема связана с отсутствием готовности при отсутствии принуждения. Учитывая, что беременность и роды сопряжены со значительными затратами, а иногда даже с физической опасностью, зачем женщине брать на себя риск зачатия? В библейские времена стимулом было принуждение: «В конце концов, Валла была служанкой Рахили и, по-видимому, не имела выбора» [2; 94]. В других случаях альтруизм может обеспечить достаточную награду, когда друзья или сестры производят потомство для своих родных, которые не могут иметь детей. Однако, как правило, мы должны ожидать провала от экономической составляющей рынка суррогатного материнства. Ибо без стимула или принуждения предложение суррогатных матерей никогда не сравняется с их спросом. По крайней мере, теоретически недостающая часть этой головоломки — это деньги. Если бы женщинам можно было платить за работу в качестве суррогатных матерей, то финансовая компенсация могла бы заменить принуждение в качестве действенного стимула. Сбой рынка можно преодолеть, используя основной рычаг коммерции — деньги — для увеличения предложения потенциальных суррогатных матерей. Суррогатное материнство может стать платой за услуги. Однако исторически интимный характер задачи суррогатного материнства делал такие договоренности непрактичными. Немногие женщины хотели, чтобы им платили за то, что, по сути, было сексом плюс беременность и ребенок. Немногие мужчины (или их жены) хотели заключать договор на такие услуги. Таким образом, даже деньги не могли создать рынок суррогатного материнства, несмотря на значительный спрос. Однако в последние десятилетия нашего века суррогатное материнство пережило значительное возрождение. Частично толчок этому возрождению дали новые медицинские технологии, частично — коммерческие медицинские организации и частично — изменения моральных норм. Вместе они создали динамичный, хотя и этически неоднозначный рынок материнства.

Первой частью этого возрождения стала такая медицинская технология как искусственная инсеминация (далее — ИИ). Эта процедура была усовершенствована в 1980-х гг. и в значительной степени была продиктована спросом, обусловленным мужским бесплодием. Как и суррогатное материнство, ИИ — очень простая операция. Мужчина производит сперму в лабораторных условиях; сперма захватывается и сохраняется; а затем сперма без участия мужчины вводится будущей матери. Первоначально это лечение использовалось почти исключительно на некоммерческой основе, как способ для пар зачать ребенка, когда муж страдал каким-либо физическим заболеванием, препятствующим оплодотворению. Однако вскоре возник дополнительный спрос, выходящий за пределы как супружеских отношений, так и рыночных границ. Оказалось, что многие женщины стремились получить доступ к донорской сперме, которая не принадлежала их мужьям. Некоторые из этих женщин имели мужей с генетическими заболеваниями; у других мужья не могли производить сперму; у третьих не было мужа, но тем не менее им хотелось иметь детей. В каждом из этих случаев ИИ решила эти проблемы и создавала коммерческий спрос. Коммерческая услуги по ИИ развивались медленно. Так,

первоначально в клиниках использовалась сперма только мужей их пациенток. Затем они стали принимать пожертвования от друзей или членов семьи, а затем поняли, что более безличная система может повысить как количество, так и качество спермы. Развивая коммерческие предложения в области ИИ, привлекая доноров и выплачивая им номинальную плату, клиники могли уменьшить свою зависимость от круга друзей пациента и ввести более анонимную форму контроля качества. К 1980 г. в США насчитывалось 17 банков замороженной спермы, предлагающих на продажу более 100 000 образцов [3]. Для суррогатного материнства значение ИИ было очень важным. В прошлом единственным способом для суррогатных матерей произвести на свет детей был физический половой акт с будущим отцом. Однако с ИИ зачатие перестало быть связанным с сексом, что позволило мужчине оплодотворить суррогатную мать, даже не встретившись с ней. Это физическое дистанцирование сделало суррогатное материнство значительно более привлекательным вариантом. В сочетании с постоянно растущими донорами и банками спермы это также сделало суррогатное материнство более доступным, позволив бесплодным парам получать как сперму, так и яйцеклетки из внешних источников. Таким образом, с экономической точки зрения появление коммерческого ИИ увеличило как спрос, так и предложение суррогатных матерей. Как только спрос и предложение сформировались, рынок с готовностью последовал за ними [4; 287–309].

Исследователи суррогатного материнства проблематизировали ситуацию торговли детьми, которая зашла слишком далеко, и что развитие новых репродуктивных технологий фактически превратили в товар как женщин, так и детей [5; 71–92]. Сторонники новых репродуктивных технологий, напротив, говорили о родительском отчаянии (у тех, кто обратился к суррогатному материнству, не было других способов произвести на свет биологического ребенка), либо о свободе заключения договоров (если бы людям было разрешено производить потомство и заключать договор, то, конечно же, они должны иметь возможность производить потомство по договору). Эти дебаты разыгрывались как в академических кругах, так и на гражданских форумах, противопоставляя сторонников рынка защитницам прав женщин. Интересен тот факт, что большинство феминисток солидаризировались с традиционными консерваторами в этом вопросе, утверждая, что права женщин не включают право продавать свои репродуктивные услуги [6; 28]. Некоторые пошли еще дальше, определяя все схемы суррогатного материнства как исключительно эксплуататорские, поскольку они основаны на соответствии женщин существующим гендерным стереотипам [7; 30]. Однако более либеральные феминистки встали на сторону более радикальных сторонников свободного рынка, настаивая на том, что свобода для женщин включает свободу заключения договоров [8]. В течение нескольких лет эти дебаты бушевали в академическом сообществе и в средствах массовой информации. Они спровоцировали резкий раскол в феминистском сообществе и создали совершенно новые области для юридических и научных исследований.

Суррогатные матери продают свой труд или свое тело? Заказчики/супруги покупают услугу или ребенка? Без четкого законодательства по этим вопросам спорные дела о суррогатном материнстве неизбежно попадали в суды, где судьи также могли выносить очень разные решения. Некоторые женщины — из альтруизма, вины или чистого желания — были готовы заключить договор в условиях такой законодательной неопределенности, вступая в соглашения, которые оставались практически невыполнимыми.

К середине 1980-х гг. споры о суррогатном материнстве становились все более острыми, научные медицинские разработки сделали их в значительной степени спорными, потому что новые медицинские технологии зачатия вытеснили традиционную модель суррогатного материнства гестационным суррогатным материнством, создав замену с гораздо большим коммерческим потенциалом. Гестационное суррогатное материнство разделило процесс вынашивания ребенка на три совершенно отдельных элемента и это произвело революцию в репродуктивной медицине [4; 288]. Основанием для этой революции стала технология экстракорпорального оплодотворения (далее — ЭКО), медицинского прорыва, который позволил зачать детей вне матки, в пробирке. Получившая известность в 1978 г. с рождением Луизы Браун в Великобритании, первого в мире «ребенка из пробирки», ЭКО снова стало результатом многолетних поисков борьбы с бесплодием.

Государственные органы Великобритании и США с подозрением отнеслись к медицинскому прорыву, но в конце концов одобрили ЭКО с некоторыми ограничениями для лечения бесплодия. К 1985 г. ЭКО стало широко используемой практикой и процветающей коммерческой отраслью. Только в Соединенных Штатах около 70 клиник предлагали процедуры экстракорпорального оплодотворения, привлекая клиентов с очень похожими характеристиками: они были молоды, женаты и жен-

щины страдали дефектами фаллопиевых труб [9; 87]. Однако к этому моменту последствия суррогатного материнства были просто слишком заманчивыми, чтобы их игнорировать. Технически преимущество ЭКО заключалось в том, что оно позволяло некоторым бесплодным женщинам обойти физиологическую сторону беременности. При традиционных схемах суррогатного материнства суррогатная мать была также генетической матерью ребенка, которого она родила. Суррогатная мать фактически отдавала «своего» ребенка другой женщине, не имевшей биологических связей с рожденным ребенком. Эта центральная асимметрия превратила суррогатное материнство в юридическую трясину, поскольку у суррогатной матери, несомненно, было больше прав на ребенка, чем у предполагаемой матери. Действительно, почти во всех оспариваемых делах о суррогатном материнстве суррогатная мать отвоевывала права на «своего» ребенка, определяемые только конкурирующими правами заказчика/отца, который имел равные биологические права. Заказчица/мать, напротив, имела только договорное право на ребенка, право, которое как обществу, так и судам было все труднее отстаивать. Таким образом, с коммерческой точки зрения гестационное суррогатное материнство подразумевало менее конфликтную социальную среду. Если же заказчики/родители заключили гестационный договор, они могли купить два отдельных компонента: яйцеклетку из одного источника, матку из другого. ЭКО предоставило возможность технически объединить два этих компонента в одном ребенке. Сбор яйцеклеток для ЭКО процедуры — сложный и иногда опасный процесс. «Донор» яйцеклеток должен соблюдать строгий гормональный режим и подвергнуться хирургической процедуре, при которой яйцеклетки удаляются из ее яичников. Восстановление может быть болезненным, а долгосрочные последствия для здоровья женщины неизвестны. Тем не менее, как только ЭКО вызвало коммерческий интерес к яйцеклеткам, женщины-доноры начали продавать их. Изначально большинство клиник, занимающихся этой практикой, шли по проторенному всеми пути вспомогательной репродукции. Они незаметно рекламировали женщин, которые хотели «пожертвовать», а не продать свои яйцеклетки; женщины, которые хотели помочь другой женщине и помочь создать жизнь. Они также предлагали заплатить около 2500 долларов, чтобы покрыть расходы на «время и неудобства». Предположительно, некоторые из этих женщин-доноров были искренне заинтересованы в альтруистическом донорстве яйцеклеток, но при сумме в 2500 долларов финансовая привлекательность также была весьма заметной. К концу 1990-х гг. массовую прессу заполнили истории о продаже яйцеклеток, в которых рассказывалось о женщинах, находящихся в затруднительном финансовом положении, «жертвующих» свои гены для оплаты счетов. По мере распространения историй рос и интерес женщин. В 1995 г., например, программа вспомогательной репродукции в Колумбийско-Пресвитерианском медицинском центре Нью-Йорка включала всего пять доноров яйцеклеток. К 1998 г. директор программы сообщил, что он получал от 50 до 100 звонков в неделю от потенциальных доноров, и теперь у него в деле было 500 доноров [10].

С чисто экономической точки зрения приток яйцеклеток должен был оказать давление на их стоимость. Однако вместо этого увеличение женщин-доноров фактически увеличило как цену, так и спрос: чем больше женщин предлагали пожертвовать свои яйцеклетки, тем больше женщин хотели их купить. Возник более широкий и обезличенный рынок, полный разных предложений и широкого выбора. Вскоре женщины стали покупать определенные яйцеклетки от определенных доноров и иногда платили серьезные суммы за свой выбор. В 1995 г. действующая цена донорских яйцеклеток составляла примерно 2500 долларов. К 1999 г. объявление в газетах «Ivy League» предлагало 50 000 долларов за «правильные» яйцеклетки [11]. Большая привлекательность ЭКО стала заключаться в том, что предложение яйцеклеток больше не ограничивалось предложением самих суррогатных матерей. Вместо этого яйцеклетки стало возможным выбирать по разным характеристикам и типам. Появилась возможность смешивать определенные сперматозоиды с определенными яйцеклетками и имплантировать их в чужую матку. Все это позволило репродуктивному рынку процветать. Это также, вначале казалось, уменьшило моральные, политические и юридические проблемы, которые преследовали традиционное суррогатное материнство. Как только яйцеклетка была отделена от матки, связь между биологической матерью и ребенком утрачивала свой генетический аспект.

Все больше женщин были готовы были стать гестационными суррогатными матерями, чем традиционными; всё больше женщин были готовы предоставить свои яйцеклетки; и все больше пар соглашались заключать договоры на суррогатное материнство, когда знали, что биологическая мать не будет иметь генетической связи с ребенком. В результате создание рынка яйцеклеток фактически стабилизировало — юридически и коммерчески — рынок суррогатных матерей. Поскольку цена яйцеклеток выросла в конце 1990-х гг., цена на услуги суррогатного материнства оставалась стабильной

на уровне около 10 000 долларов за беременность. Тем временем предложение суррогатных матерей становилось все более разнообразным, в частности, за счет включения цветных женщин, которые теперь могли вынашивать белых детей с помощью вспомогательной репродукции.

Более того, поскольку гестационное суррогатное материнство облегчало менее привилегированным женщинам вынашивание детей для более богатых женщин, оно представляло собой особенно вопиющую форму эксплуатации: бедные женщины продавали свое тело или, по крайней мере, использовали свои тела более состоятельным людям [12; 121]. Другими словами, рынок принуждал женщин к суррогатному материнству; заставляя их делать то, что они иначе вряд ли бы выбрали [13; 95].

Трудно представить ребенка в качестве коммерческой сделки. В детоцентричных обществах, дети, в общественном мнении, являются продуктом любви, а не денег, зачатия, которых происходит вне зависимости от какой-либо коммерческой деятельности. Есть, конечно, многочисленные случаи, когда экономические обстоятельства влияют на уровень рождаемости. Бедные родители во все времена и в разных обществах рассматривали своих детей как потенциальный экономический ресурс, взвешивая их возможный экономический вклад - на поле, фабрике - с затратами на их социализацию. Родители выбирают пол своих детей, исходя из экономических факторов, используя инфантицид (детоубийство) или отказ от детей, чтобы избавиться от менее ценного потомства. В самых безнадежных обстоятельствах они даже использовали своих детей, продавая их в рабство. Однако даже в этих крайних случаях акт зачатия едва ли можно рассматривать как экономический акт. Наоборот, это внутренне интимная форма производства, частная «сделка», не имеющая ничего общего с бизнесом.

Обсуждение

Сегодня вопрос о новых репродуктивных технологиях обсуждаются даже в политических дебатах. Феминистки говорят о проблеме отчуждения женских тел, ученые-правоведы исследуют договорные и юридические вопросы, социологи изучают каково общественное мнение в отношении суррогатных мам и/или заказчиков. Однако есть один критический аспект суррогатного материнства, которому уделяется относительно мало внимания. И это вопрос о том, возможно ли рассматривать суррогатное материнство как бизнес, прибыльное предприятие, которое резко увеличилось за последние десятилетия. Некоторые аспекты этого бизнеса строго регламентированы: например, критерии для усыновителей или запрет на продажу детей.

Должны ли конфликты между заказчиками и суррогатными матерями разрешаться в судах или регулироваться международным законодательством? Более того, кто должен определять условия, на которых рекламируются и продаются репродуктивные услуги – государство, право, медицинские клиники?

Уже сейчас суррогатные матери в Соединенных Штатах (наиболее развитый рынок в данном случае) явно менее богаты, чем договорные родители [4; 290]. Суррогатные мамы в США реже являются представителями белой расы. По мере того, как рынок расширяется за счет «источников» суррогатных из Польши, Индии, Мексики или постсоветских республик это несоответствие почти наверняка будет увеличиваться, увеличивая огромную пропасть, которая уже отделяет богатые страны от бедных. Таким образом, на рынке существует базовый дисбаланс и постоянный риск или даже гарантия потенциальной эксплуатации женщин, желающих стать суррогатными матерями. Затем этот дисбаланс усугубляется множеством противоречащих друг другу правил, которым противостоит суррогатное материнство, - набором законов, норм, юридических решений и религиозных верований, которые различаются в разных обществах. Иногда эти правила фактически криминализируют суррогатное материнство и загоняют его в подполье. Иногда они просто ограничивают бизнес суррогатного материнства и увеличивают коммерческую неопределенность. В любом случае эффект состоит в том, чтобы сделать и без того несовершенный рынок еще более несовершенным. По иронии судьбы, однако, именно это сочетание ограничений делает национальное суррогатное материнство особенно привлекательным. Ибо чем больше ограничений в какой-либо отдельно взятой стране, тем больше искушение обратиться к аутсорсингу. Представьте себе, например, пару, живущую в Берлине, отчаянно нуждающуюся в ребенке, который не может зачать ребенка. По немецкому законодательству суррогатное материнство не допускается. Без особых проблем или юридического риска эта пара отправляется в США, в Лос-Анджелес, покупает там яйцеклетки (или сперму) у донора, а затем полученный эмбрион имплантирует суррогатной матери-индианке, украинке, казахстанке.

Мы можем констатировать, что уже сейчас суррогатные матери стали товаром на репродуктивном рынке. Цена суррогатного материнства, по существу, фиксированная, а характеристики суррогатной матери (кроме критериев здоровья) все больше не имеют отношения к процессу зачатия. С экономической точки зрения нет никаких причин, по которым бедные азиатские женщины не должны вынашивать детей для богатых западных пар, почему молодые обедневшие африканцы не должны заниматься вынашиванием детей. Сегодня эти женщины заполняют нижние слои международного рынка труда: они шьют рубашки в Камбодже; собрать кроссовки в Китае и зарабатывать на жизнь изготовлением изделий ручной работы в Кыргызстане. Чисто по экономическим соображениям нет никаких причин, по которым эти же женщины не могли бы вместо этого обеспечивать рождение ребенка для заказчиков. Даже если бы эти женщины предпочли суррогатное материнство другим альтернативам, если бы они сами решили, что вынашивание чужого ребенка предпочтительнее, чем шить рубашки или кроссовки, то чем был мотивирован их выбор стать суррогатной матерью? Является ли свободным выбор, если мать троих детей становится суррогатной матерью, чтобы прокормить своих детей? Когда она подписывает официальный контракт, эта женщина проявляет свободную волю или демонстрирует отчаяние, вызванное неравенством? Большинство критиков суррогатного материнства решительно настаивают на последнем. Или, как пишет Оливер, «в случае суррогатного материнства свобода - это иллюзия» [13; 97]. Такие аргументы явно имеют вес. Суррогатное материнство неизбежно будет процветать за счет огромного экономического неравенства, которое характеризует глобальную торговую систему. В суррогатном материнстве заложена потенциальная эксплуатация женщины, так как почти наверняка женщины, выступающие в роли суррогатных матерей, будут в невыгодном положении по сравнению с родителями, которым они служат: они будут беднее, менее образованы и будут базироваться в тех частях мира, где экономические возможности существенно ограничены.

Также, важно вместо того, чтобы запрещать суррогатное материнство (что, скорее всего, послужило бы лишь распространению этой практики за границей или в подполье), государства могли бы регулировать его, используя традиционные каналы власти для контроля над рынком или сглаживания его острых углов. Такое вмешательство уже стало общепринятой практикой в других сложных и интимных отношениях, включая брак, медицинские исследования и трансплантацию органов. Так, в 1938 году контрацепция считалась неприемлемой и отвратительной, также как сегодня многие критики относятся к суррогатному материнству. Это рассматривается как отклонение от природы; злополучная попытка людей вмешаться в то, что сотворил Бог, и лишить женщин одной из их самых ценных функций. Однако, как и в случае с вспомогательной репродукцией, спрос на противозачаточные средства в конечном итоге был слишком высок, чтобы его запрещать. Поскольку технологии сделали контрацепцию проще и дешевле, появился рынок, удовлетворяющий этот спрос. Государство долгое время боролось с рынком, но затем государство осознало, что этот рынок лучше подходит для регулирования, чем для запрета.

Выводы

В сфере суррогатного материнства потребность в регулировании, сильнее и сложнее. Поскольку суррогатное материнство стало транслокальным, пересекает все границы, необходимо его регулирование на международном уровне. Поскольку в договоре о суррогатном материнстве участвуют несколько сторон, все они должны быть включены в применимые правила и нормы. Потребуется установить определенные права собственности, а также договорные принципы. Необходимо будет установить меры безопасности, гарантирующие, что в этой сделке не будет эксплуатации, и чтобы женщины, находящиеся в трудном финансовом положении, решившие стать суррогатными женщинами, были обеспечены защитой, которой они заслуживают. Существует огромный спрос на услуги суррогатного материнства и растущее количество женщин, желающих стать суррогатными матерями. Есть состоятельные посредники и процветающий и дезагрегированный рынок суррогатного материнства. Чего не хватает, так это того, что могут обеспечить только государства: правил, норм, регулирующих договоры о суррогатном материнстве, которые предотвратят злоупотребления.

Список литературы

- 1 Garrity A. A Comparative Analysis of Surrogacy Law in the States and Great Britain. *Louisiana Law Review*. — 2000. — 60: P. 809-32.
- 2 Сейдинова М.А. История становления института суррогатного материнства / М.А. Сейдинова // Вестник Карагандинского университета. Серия право. — 2022. — №4 (108). — С. 95–106. DOI 10.31489/2022L4/95-106
- 3 Fleming A. New Frontiers in Conception / A. Fleming. — *New York Times Magazine*. — 20 July. — 1980.
- 4 Debora L. Spar for Love and Money: The Political Economy of Commercial Surrogacy Author(s) / L. Debora // *Source: Review of International Political Economy*. — May. — 2005. — Vol. 12, No. 2. — P. 287-309.
- 5 Anderson E. Is Women's Labor a Commodity? / E. Anderson // *Philosophy & Public Affairs*. — 1990. — 19. — P. 71-92.
- 6 Warnock M.A. Question of Life: The Warnock Report on Human Fertilization and Embryology / M.A. Warnock. Oxford: Basil Blackwell. — 1985. — P. 28-39.
- 7 Roach Anleu S. Surrogacy: For Love but Not for Money? / S. Roach Anleu // *Gender & Society*. — 1992. — 6. — P. 30-18.
- 8 Posner R. Sex and Reason, Cambridge / R. Posner. — Harvard University Press. — 1992.
- 9 Singer P. Making Babies: The New Science and Ethics of Conception / P. Singer, D. Wells. — New York. — 1984. — P. 87-104.
- 10 McKinley J. The Egg Woman / J. McKinley. — *New York Times*. — 17 May. — 1998.
- 11 Kolata G. \$50,000 Offered to Tall, Smart Egg Donor / G. Kolata. — *New York Times*. — 3 March. — 2019.
- 12 Grayson, D. Mediating Intimacy: Black Surrogate Mothers and the Law / D. Grayson // *Critical Inquiry*. — 1998. — P. 121-134.
- 13 Oliver K. Marxism and Surrogacy / K. Oliver. *Hypatia*. — 1989. — 4. — P. 95-115.

М.А. Сейдинова

Суррогат ана болудың этикалық мәселелері

Коммерциялық суррогат ананың әлемдік нарығы айтарлықтай қарқынмен өсіп келеді. Жыл сайын мыңдаған әйелдер ақылы түрде басқа әйелге бала көтеруге келіседі. Нәтижесінде мыңдаған бала бір әйелдің ұрығынан туады, бірақ сұранысқа ие басқасы. Осы мақаланың негізгі дәлелі суррогат анаға күрделі коммерциялық, этикалық, құқықтық қатынас ретінде қарау керек. Қазіргі уақытта жатырдың, сперматозоидтардың және жұмыртқалардың халықаралық саудасы белсенді түрде жүргізілуде. Суррогат ана қызметтеріне деген сұранысты да, суррогат аналардың ұсынысын да арттырып, қарқынды дамып келе жатқан медициналық технологиялар бар. Бірақ суррогат ана болуды реттейтін нарықтық ереженің негіздері — нормалар, заңдар әлдеқайда баяу дамып келеді. АҚШ, Франция, Германия, Австрия сияқты кейбір мемлекеттер суррогат анаға қатысты мәселелерді негізінен тыйым салу түрінде реттейді, ал басқа мемлекеттер, мысалы, Үндістан, Ресей, Қазақстан сияқты мемлекеттер барынша либералды заңнаманы қабылдаған. Мақалада автор мынадай тұжырым жасаған: суррогат ана болудың этикалық және моральдық мәселелерін әлемдегі барлық елдердің екі лагеріне бөлген: ол әйелдердің құлдығымен салыстыратын жақтаушылар мен қарсыластар. Бұл мәміледе қаржылық жағдайы қиын әйелдерді қанаудың болмауын қамтамасыз ететін қауіпсіздік шараларын белгілеу қажеттілігі негізделді.

Кілт сөздер: суррогат ана болу, суррогат ана, гестациондық суррогат ана болу, этикалық мәселелер, моральдық мәселелер, экстракорпоралды ұрықтандыру, суррогат ананың құқықтары, суррогат баланың құқықтары, ата-ананың құқықтары.

M.A. Seidinova

Ethical issues of surrogacy

The global market for commercial surrogacy is growing at a significant pace. Every year, thousands of women agree, for a fee, to bear a child for another woman. As a result, thousands of children are born conceived by one woman, but claimed by another. The central argument of this article is that surrogacy should be approached as a complex commercial, ethical, legal relationship. At the moment, there is an active international trade in uterus, sperm and eggs. There are rapidly advancing medical technologies that have undoubtedly increased both the demand for surrogacy services and the supply from surrogate mothers. But the fundamentals of the market rule governing surrogate motherhood, norms, laws are developing much more slowly. Some states, such as the USA, France, Germany, Austria regulate issues related to surrogacy mainly in the form of a ban; other states create the most liberal legislation, such as India, Russia, Kazakhstan. In the article, the author concluded that he divided the ethical and moral issues of surrogacy into two camps of all countries in the

world: supporters and opponents who compare it with the slavery of women. The necessity of establishing security measures to ensure that there will be no exploitation of women in a difficult financial situation in this transaction is justified.

Keywords: surrogacy, surrogate mother, gestational surrogacy, ethical issues, moral issues, in vitro fertilization, surrogate mother's rights, surrogate child's rights, parents' rights.

References

- 1 Garrity, A. (2000). A Comparative Analysis of Surrogacy Law in the States and Great Britain. *Louisiana Law Review*, 60: P. 809-32
- 2 Seydinova, M.A. (2022). Istoriiia stanovleniia instituta surrogatnogo materinstva [The history of the formation of the institution of surrogate motherhood]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriiia pravo — Bulletin of the Karaganda University. "Law" Series*, 4 (108), 95-104 [in Russian].
- 3 Fleming, A. (1980). New Frontiers in Conception. *New York Times Magazine*, 20 July.
- 4 Debora, L. (2005). Spar for Love and Money: The Political Economy of Commercial Surrogacy Author(s): Source: *Review of International Political Economy*, Vol. 12, 2, 287-309.
- 5 Anderson, E. (1990). Is Women's Labor a Commodity? *Philosophy & Public Affairs*, 19, 71-92.
- 6 Warnock, M. (1985). A Question of Life: The Warnock Report on Human Fertilisation and Embryology, Oxford: Basil Blackwell, pp. 28-39.
- 7 Roach Anleu, S. (1992). Surrogacy: For Love but Not for Money? *Gender & Society*, 6, 30-18.
- 8 Posner, R. (1992). *Sex and Reason*, Cambridge: Harvard University Press.
- 9 Singer, P. & Wells, D. (1984). Making Babies: The New Science and Ethics of Conception, New York, 87-104.
- 10 McKinley, J. (1998). The Egg Woman. *New York Times*.
- 11 Kolata, G. (2019). \$50,000 Offered to Tall, Smart Egg Donor. *New York Times*.
- 12 Grayson, D. (1998). Mediating Intimacy: Black Surrogate Mothers and the Law, *Critical Inquiry*, 121-134.
- 13 Oliver, K. (1989). Marxism and Surrogacy, *Hypatia*, 4, 95-115.

Ф.М. Сырлыбаева*

*Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
(E-mail: syrlybayeva@icloud.com)*

Правовые вопросы защиты коммерческой тайны работодателя

В статье определены меры, принимаемые работодателем по охране информации, составляющей коммерческую тайну, условия отнесения информации к коммерческой тайне. Указаны действия, которые может предпринять работодатель для снижения внутренней угрозы от незаконного разглашения коммерческой тайны. Предложено предусмотреть в трудовом договоре с руководителем организации его обязанность по обеспечению охраны конфиденциальности, составляющей коммерческую тайну информации, обладателем которой являются организация и ее контрагенты, и ответственность за обеспечение охраны конфиденциальности этой информации. Автор утверждает, что условие трудового договора о неразглашении охраняемой законом тайны (государственной, служебной, профессиональной или коммерческой) должно относиться к числу обязательных при наличии таких видов тайн в организации, в случае если работник в установленном законом порядке допущен к соответствующей информации. Также предложено предусмотреть в Трудовом кодексе Республики Казахстан условие о неразглашении информации, составляющей коммерческую тайну, и после прекращения трудовых отношений, а также обязанность работника возместить работодателю ущерб в случае разглашения этой информации. Обоснована необходимость разработки комплекса правовых норм, в котором необходимо определить пределы договоренностей сторон и уровень компенсации для работника. Автор считает, что имущественные интересы обладателя прав на коммерческую тайну необходимо защищать в рамках трудового законодательства, а именно ввести элементы гражданско-правовой ответственности, а в случае разглашения коммерческой тайны после прекращения трудового договора — привлечь работника к гражданско-правовой ответственности и к возмещению убытков через суд.

Ключевые слова: коммерческая тайна, служебная тайна, неразглашение информации, соглашение о неконкуренции, трудовой договор.

Введение

В Конституции Республики Казахстан имеются нормы о защите определенной тайны, информации, которые развиваются в других сферах казахстанского права, в том числе и трудового [1]. Определенное значение имеют положения о защите государственной тайны (ст. 29), а также личной, семейной тайны (п. 1 ст. 18), тайны личных вкладов и сбережений, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (п. 2 ст. 18 Конституции РК). Однако коммерческая либо другая, схожая с ней информация, которая также может быть отнесена к тайне, в Конституции РК в качестве объекта защиты не указана. При этом в ст. 20 Конституции РК говорится, что «каждый имеет право свободно получать и распространять информацию любым, не запрещенным законом способом. Перечень сведений, составляющих государственные секреты Республики Казахстан, определяется законом» (п. 2 ст. 20). Необходимо отметить, что вопросы защиты информации, составляющей охраняемую законом тайну, находят непосредственное и самое широкое выражение не только в нормах гражданского, но и трудового права.

Трудовой кодекс РК (далее — ТК РК) не относит неразглашение охраняемой законом тайны ни к основным, ни к факультативным условиям трудового договора. Одним из обязанностей работника является неразглашение сведений, составляющих государственные секреты, служебную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну, ставших ему известными в связи с выполнением трудовых обязанностей. В то же время, хотя Закон указывает, что по соглашению сторон в трудовой договор могут включаться и иные условия, не противоречащие законодательству Республики Казахстан, и нам представляется, что необходимо указывать данную обязанность в качестве одного из основных условий трудового договора. Как видно, основным отличием обязательных условий от иных является включение иных условий в трудовой договор в зависимости от того, достигнуто ли соглашение между работником и работодателем.

* Автор-корреспондент. E-mail: syrlybayeva@icloud.com

Методы и материалы

Модели исследования: статья базируется на диалектическом методе познания, а также системе общих и специальных научных методов. Изучение сущности защиты трудовых информации путем анализа соответствующего казахстанского законодательства позволило автору объективно, всестороннее и системно раскрыть основные меры по защите коммерческой тайны. Общенаучные методы (метод анализа и синтеза, методы индукции и дедукции) позволили исследовать правовые нормы, сформулировать ключевые определения, а также дать предложения по совершенствованию правового регулирования отношений, складывающихся в процессе обязанности сохранения работником коммерческой тайны.

При написании статьи было исследовано действующее казахстанское законодательство, касающееся правового регулирования коммерческой тайны. Проанализированы труды казахстанских и российских ученых, таких как Е.Н. Нургалиева, Д. Бектемирова, А.Б. Черных, А.Ю. Сапожников, Г.Г. Позднякова, которые занимались исследованием коммерческой тайны в трудовом праве.

Результаты

Многообразие видов тайн в казахстанском законодательстве породило путаницу в восприятии термина «коммерческая тайна». Отсутствие четкого понимания сути коммерческой тайны выливается в сложность выработки единого подхода к разработке и применению мер защиты, обеспечивающих режим коммерческой тайны организации или индивидуального предпринимателя. В результате применяемые меры безопасности информации неэффективны и не способны обеспечить правовую защиту правообладателя. Среди факторов, способных объяснить столь странную ситуацию, можно отметить особенность коммерческой тайны среди иных форм тайн. Ее основное отличие в том, что, в основном, носитель информации ограниченного доступа может быть заинтересован в том, чтобы самому передать информацию соответствующим лицам: например, передать ее с целью получения прибыли. В таких случаях появляется необходимость определенным образом регламентировать те гражданские правоотношения, которые могут появиться в момент передачи информации, чтобы интересы правообладателя были соблюдены в случае ошибок, допущенных при введении режима коммерческой тайны. Можно согласиться с авторами, которые считают, что надо отказаться от использования в нормах трудового права словосочетания «иная тайна» и остановиться на перечислении государственной, служебной, коммерческой и профессиональной тайны [2].

Согласно Закону Республики Казахстан от 15 марта 1999 г. № 349-І «О государственных секретах» [3], «государственная тайна рассматривается как сведения военного, экономического, политического и иного характера, разглашение или утрата которых наносит или может нанести ущерб национальной безопасности Республики Казахстан». Термин «служебная тайна» здесь рассматривается как сведения, имеющие характер определенных данных, которые также могут составлять и государственные тайны, разглашение или утрата которых может нанести ущерб национальным интересам государства, интересам государственных органов и организаций РК.

Термин «профессиональная тайна» законодательно нигде не закреплён, хотя в Законе Республики Казахстан от 5 июля 2018 г. № 176-VI «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» имеются положения о сохранении профессиональной тайны [4]. Так, отмечается, что «профессиональная тайна не может быть раскрыта без согласия клиента. При оказании юридической помощи принимаются меры по сохранению профессиональной тайны, если иное не предусмотрено законами Республики Казахстан. Обязанность сохранения профессиональной тайны не ограничена во времени».

Гражданским законодательством также защищается информация, составляющая служебную или коммерческую тайну, в случае, когда информация имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам, к ней нет свободного доступа на законном основании, и обладатель информации принимает меры к охране ее конфиденциальности. Лица, получившие нелегально такую информацию, а также служащие, несмотря на трудовой договор либо контрагенты, несмотря на заключенный гражданско-правовой договор, при разглашении служебной либо коммерческой тайны, несут обязанность по возмещению ущерба.

Таким образом, в практике защиты прав обладателя коммерческой тайны имеется необходимость заключения дополнительного гражданско-правового договора с уточнением ответственности за разглашение коммерческой тайны.

А.Б. Черных отмечает сложность взаимодействия субъектов трудовых отношений. Работник, который обладает коммерческой тайной, может быть в то же время и самостоятельным предпринимателем с определенным юридическим статусом, который может умышленно либо нет влиять на предпринимательскую деятельность работодателя, в том числе и по отношению к личному использованию сведений, составляющих коммерческую тайну [5].

Находясь в трудовых правоотношениях, работник может вступать в конкурентные взаимные отношения с работодателем, прямо осознанно или неосознанно влиять на его контрагентов и конкурентов. В соответствии с положениями трудового права, работник имеет право работать у нескольких конкурирующих между собой предпринимателей, использовать коммерческие сведения, определенные знания и опыт, базу клиентов и т.д. В таком случае отношения между ними должны регламентироваться не трудовым правом, а положениями гражданского законодательства. В такой ситуации задачей законодателя является предупреждение злоупотреблений в использовании трудовых гарантий работниками, которые участвуют в конкуренции со своим формальным работодателем.

Законодательство в области предпринимательства также указывает на определенные меры защиты: работодатель вправе определить круг лиц по свободному доступу к информации, составляющей коммерческую тайну, и принимает меры к охране ее конфиденциальности; определять относимость информации к категориям доступа, условия хранения и использования информации, составляющей коммерческую тайну. Принимаемые работодателем меры по защите коммерческой тайны могут включать в себя:

- 1) определение перечня информации, входящей в коммерческую тайну;
- 2) ограничение доступа к коммерческой тайне путем установления порядка обращения с ней контроля за соблюдением;
- 3) ввести учет работников, обладающих коммерческой тайной;
- г) регламентация правоотношений по использованию коммерческой тайны, работниками по трудовому договору и контрагентами по гражданско-правовому договору;
- д) нанесение на материальные носители, содержащие информацию, составляющую коммерческую тайну, или включение в состав реквизитов документов, содержащих такую информацию, грифа «коммерческая тайна» с указанием обладателя такой информации;
- е) применение при необходимости средств и методов технической защиты конфиденциальности этой информации, а также других не противоречащих законодательству мер;
- ж) ознакомление под расписку работника с перечнем информации, составляющей коммерческую тайну, с установленным работодателем режимом коммерческой тайны и мерами ответственности за его нарушение;
- з) создание работнику необходимых условий для соблюдения им установленного работодателем режима коммерческой тайны.

Также работодатель вправе привлечь работников за незаконное раскрытие и использование информации, составляющую коммерческую тайну, к возмещению причиненного ущерба в соответствии с гражданским законодательством Республики Казахстан [6].

Обсуждение

Коммерческая тайна может состоять из соответствующих частей, обеспечивающих конкурентное преимущество. Правовая защита коммерческой тайны является частью общей концепции защиты от недобросовестной конкуренции, основывающейся на соответствующих положениях или прецедентном праве по охране коммерческой тайны, хотя окончательное определение, нарушена ли охрана коммерческой тайны или нет, зависит от обстоятельств конкретного случая.

Информация будет относиться к коммерческой тайне, если такая информация:

- 1) не является доступной и не известна иным третьим лицам;
- 2) дает возможность увеличить доходы, избежать неожиданных расходов, сохранить положение на рынке либо получить определенную выгоду в силу ее неизвестности другим лицам;
- 3) охраняется законным обладателем;
- 4) может принести в перспективе пользу и выгоду для обладателя информации [7].

Можно выделить действия, которые может предпринять работодатель для снижения внутренней угрозы:

а) *трудовой договор*. Важной формой охраны является внесение в трудовой договор норм о защите коммерческой тайны, в императивном порядке для работников, кто имеет доступ к конфиденциальной информации, с указанием на возможную угрозу, которую могут возникнуть у работодателя;

б) *политика конфиденциальности*. Работодатели, в основном, имеют специальный порядок создания и владения конфиденциальности. Общая политика конфиденциальности — это обычная деловая практика по ознакомлению сотрудников о необходимости соблюдения соответствующей информации;

в) *порядок трудоустройства*. Важным также является ознакомление сотрудников с положениями и политикой предприятия. Например, работодатель после приема на работу может провести вводное собеседование для ознакомления новых сотрудников с внутренними актами организации. Обучение важности конфиденциальности для работодателя крайне важно. При этом необходимо, чтобы сотрудники подписывали акты ознакомления, и это будет гарантировать, что потом они не смогут заявлять, что не знали о политике конфиденциальности. Таким же образом, собеседование при увольнении является возможностью для работодателя объяснить сотруднику о его обязанности не разглашать коммерческую тайну, или иную информацию, ставшей ему известным во время работы. При этом создается некая культура конфиденциальности на рабочем месте;

г) *наблюдение за деятельностью работников*. Работодатели имеют права в целях охраны коммерческих данных вести учет за использованием сотрудниками компьютерных систем на рабочем месте, могут использовать определенные программные обеспечения в целях проверки. Имеются соответствующие программы, обнаруживающие необычные потоки данных или доступ к информации, распознающие потенциальную утечку данных на начальном уровне, тем самым давая возможность предъявить нарушителю доказательства его действий до того, как он уволится [8].

Таким образом, сотрудник обязан не разглашать сведения, составляющие государственные секреты, служебную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну, ставшие ему известными в связи с выполнением трудовых обязанностей. Соответственно, данной обязанности сотрудника должна корреспондировать обязанность работодателя по ознакомлению работника с перечнем соответствующей информации ограниченного доступа, с режимом коммерческой тайны, по созданию необходимых условий для его соблюдения работником.

Установление государственных основ защиты коммерческой тайны — важный элемент информационного обеспечения субъектов предпринимательской деятельности, однако и сами субъекты предпринимательской деятельности обязаны принимать все указанные в законе меры к защите своей коммерческой тайны [9]. В частности, работодатель должен самостоятельно определять срок действия режима коммерческой тайны, в течение которого работник обязан не разглашать относящиеся к ней сведения, в том числе и после прекращения действия трудового договора.

Как отмечает Е.Н. Нургалиева, конкретные меры по охране конфиденциальности информации, составляющей ту или иную тайну, подразделяются на организационные, технические и юридические. Если работодатель не принимает эти меры, то это лишает его возможности защиты интересов своей организации (например, неправильно осуществляет подбор кадров, недостаточно применяет технические средства защиты информации, не разрабатывает положения о секретах, а также перечень сведений, составляющих служебную и коммерческую тайну, и т.п.). Соответственно, наряду с обязанностью работника — обладателя информации, существует и обязанность работодателя создавать необходимые условия по охране, определенной им информации в качестве тайны [10].

К числу мер правового характера по охране коммерческой тайны относятся:

- 1) разработка и принятие спецположения о служебной, коммерческой и иной тайне;
- 2) утверждение перечня сведений, составляющих служебную и коммерческую тайну;
- 3) включение в трудовые договоры сотрудников условий о неразглашении служебной, коммерческой и иной тайны и т.п.

Как известно, функции работодателя — юридического лица осуществляет руководитель предприятия, с которым также заключен трудовой договор. В таких условиях руководитель не просто имеет право, а обязан защищать права учредителей, то есть самой организации, установив и обеспечив соблюдение режима коммерческой тайны. К примеру, в Российской Федерации в п. 6 ст. 11 Федерального закона «О коммерческой тайне» предусмотрено, что в трудовом договоре с руководителем организации должны предусматриваться его обязанности по обеспечению защиты конфиденциальности, составляющей коммерческую тайну информации, обладателем которой являются организация и ее контрагенты, и ответственность за обеспечение охраны конфиденциальности этой инфор-

мации. Думается, что в казахстанском действующем законодательстве также необходимо закрепить аналогичную норму.

В настоящее время наверно нет ни одной организации без коммерческой тайны, поэтому действия работодателя по включению в этот правовой механизм работника должны быть обязательными. Считаем, что условие трудового договора о неразглашении охраняемой законом тайны (государственной, служебной, профессиональной или коммерческой) должно относиться к числу обязательных при наличии таких видов тайн в организации и если сотрудник в установленном законом порядке допущен к такой информации.

Считаем, что для сотрудников, нелегально использовавших либо раскрывших конфиденциальную информацию, нужно установить повышенную материальную ответственность в виде возмещения прямого действительного ущерба в кратном исчислении. Однако характер доказывания и определения размера причиненного вреда в рассматриваемой ситуации вызывают определенные сложности, тем не менее предположим, что разумной мерой здесь выступит повышенная материальная ответственность.

В соответствии с действующим трудовым законодательством, работодатель имеет право в одностороннем порядке расторгнуть трудовой договор с сотрудником, разгласившим коммерческую тайну, как совершившим дисциплинарный проступок или ненадлежаще исполнившим свои трудовые обязанности.

Сотрудник либо иное лицо, которое незаконно получило, пользуется или распространило конфиденциальную информацию, обязан возместить нанесенный своему работодателю ущерб. Экономист совместно с бухгалтером компании могут определить размер ущерба, причиненного незаконным использованием информации, либо это могут быть профессиональные оценщики. При этом размер прямого действительного ущерба может рассчитываться как уменьшение доходов как вследствие неразглашения коммерческой тайны, так и из-за утраты конкурентного преимущества над иными субъектами предпринимательства [7].

Также является непонятным, как быть с реализацией права работодателя на возмещение причиненного сотрудником ущерба в случае, когда он разгласил конфиденциальную информацию уже после увольнения с работы. В связи с этим предлагаем закрепить ответственность сотрудника за разглашение конфиденциальной информации и после увольнения, и при этом также взыскать и убытки. Хотя в трудовом праве взыскивается только прямой действительный ущерб, но в данном случае также предлагаем взыскивать и неполученную выгоду, если она появилась вследствие разглашения сотрудником коммерческой тайны.

Мы не поддерживаем Э. Гаврилова, о том, что возмещение сотрудником ущерба, причиненного разглашением коммерческой тайны, должно быть установленным в специальном гражданско-правовом договоре между ними [11].

По мнению данного автора, получается, что с работником следует заключить два договора: трудовой и гражданско-правовой. Этого допускать нельзя, поскольку разглашение коммерческой тайны связано с трудовой деятельностью работника на основе трудового договора. На наш взгляд, необходимо предусмотреть в ТК РК повышенную ответственность о взыскании прямого действительного ущерба в кратном размере именно при разглашении коммерческой тайны, не вводя элементы гражданско-правовой ответственности.

Выводы

Действующее казахстанское трудовое и гражданское законодательство не содержит механизмов взыскания с работника убытков, причиненных работодателю разглашением информации, составляющей коммерческую тайну.

Согласно п. 1 ст. 29 Трудового кодекса РК, по соглашению сторон между работодателем и работником может заключаться Договор о неконкуренции, которым предусматривается обязательство сотрудника не осуществлять действий, способных нанести ущерб работодателю [12]. Согласно п. 2 ст. 29 ТК РК, в Договоре о неконкуренции устанавливаются ограничения и условия их принятия, а также может устанавливаться компенсация на период действия этого условия, за исключением случаев, когда условие о неконкуренции предусмотрено законодательством Республики Казахстан.

Пунктом 3 ст. 29 ТК РК установлено, что перечень должностей и работ, занимаемых или выполняемых сотрудниками, с которыми может заключаться договор о неконкуренции, утверждается актом работодателя.

Согласно пп. 5 п. 8 ст. 123 ТК РК, материальная ответственность в полном размере ущерба, причиненного работодателю, возлагается на работника в случае нарушения условия о неконкуренции, которое повлекло причинение ущерба для него.

Несмотря на то, что данное соглашение также имеет трудовую правовую основу, их действие распространяется и на период после прекращения трудовых отношений. Аналогично условию о неконкуренции (ст. 29 ТК РК), предлагаем предусмотреть в ТК РК и условие о неразглашении информации, составляющей коммерческую тайну, после прекращения трудовых отношений, и обязанность работника возместить работодателю убытки в случае разглашения этой информации с разработкой комплекса правовых норм, в котором необходимо определить пределы договоренностей сторон и уровень компенсаций для работника.

На практике привлечь работников к ответственности за разглашение коммерческой тайны, как оказалось, очень сложно. Если ли же это работодателю удастся, то работника можно привлечь к следующим видам ответственности: дисциплинарной, повышенной материальной либо уголовной ответственности. В казахстанской практике очень мало судебных дел по коммерческой тайне. Основная масса дел, связанных с коммерческой тайной, это споры между работодателем и работником [13]. В основном в таких спорах суды выносят решения не в пользу работодателя, в связи с тем, что работодателем не были вовремя приняты меры по установлению режима коммерческой тайны.

Смещение и слияние гражданско-правовых и трудовых отношений в рамках комплексного коммерческого взаимодействия различных субъектов на рынке — это еще одна проблема юрисдикционной защиты прав правообладателя коммерческой тайны. В подобных случаях взыскать с работника причиненный его действиями ущерб не представляется возможным, поскольку трудовое законодательство предоставляет возможность недобросовестным субъектам злоупотреблять своими правами наемного работника, предотвращая тем самым последствия своих противоправных действий [14].

В случае если ли же произошла утечка коммерческой тайны, то работодатель согласно п. 1 ст. 917 Гражданского кодекса Республики Казахстан [15] имеет право требовать полного возмещения причиненного вреда. Также на основании ст. 918 Гражданского кодекса РК работодатель вправе требовать в иске предотвращения (остановки) нарушения (утечки или распространения) коммерческой тайны в будущем.

Таким образом, имущественные интересы обладателя прав на коммерческую тайну нужно защищать в пределах трудового законодательства через установления повышенной материальной ответственности, не вводя элементы гражданско-правовой ответственности, а в случае разглашения коммерческой тайны после увольнения работника — привлечь его к гражданско-правовой ответственности к возмещению убытков через суд.

Список литературы

- 1 Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029&mode=p&page=1.
- 2 Станскова У.М. Трудовые средства обеспечения конфиденциальности информации ограниченного доступа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / У.М. Станскова. — Екатеринбург, 2014. — 23 с.
- 3 Закон Республики Казахстан от 15 марта 1999 г. №349-І «О государственных секретах». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1012633&pos=9;-182#pos=9;-182.
- 4 Закон Республики Казахстан от 5 июля 2018 г. № 176-VI «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33024087.
- 5 Черных А.Б. Проблемы реализации механизма защиты права на коммерческую тайну в рамках договорных правоотношений / А.Б. Черных // 25 лет Гражданскому кодексу Российской Федерации: традиции и новации частного-правового развития. — 2019. — С. 525–530.
- 6 Кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 г. № 375-V «Предпринимательский кодекс Республики Казахстан». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=38259854&doc_id2=38259854#activate_doc=2&pos=36;-118&pos2=745;-82.
- 7 Бектемирова Д. Конфиденциальность в трудовых отношениях / Д. Бектемирова. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://online.zakon.kz_.
- 8 Сапожников А.Ю. Разглашение коммерческой тайны-защита прав работодателя / А.Ю. Сапожников, Г.Г. Позднякова // Трудовое право в России и за рубежом. — 2019. — № 4. — С. 61–64.
- 9 Крутин Ю.В. Защита коммерческой тайны / Ю.В. Крутин // Конспект лекции. — Екатеринбург, 2020. — С. 7.
- 10 Нургалиева Е.Н. Практические вопросы применения норм трудового кодекса Республики Казахстан / Е.Н. Нургалиева // Вестн. Ин-та законодательства и правовой информации Республики Казахстан. — 2013. — №1, 2 (29).

- 11 Гаврилов Э. Гражданско-правовая защита секретов производства и коммерческой тайны / Э. Гаврилов // Хозяйство и право. — 2014. — №7. — С. 41–56.
- 12 Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061.
- 13 Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 г. № 414-V / https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832.
- 14 Черных А.Б. Проблемы юрисдикционной защиты прав на коммерческую тайну / А.Б.Черных // Социология и право. — 2019. — №3 (45). — С.75–80.
- 15 Рудакова А.Н. Обеспечение сохранности коммерческой тайны на предприятии / А.Н. Рудакова, М.Л. Макаревич // Экономическая безопасность: правовые, экономические, экологические аспекты. — 2017. — С. 226–230.

Ф.М. Сырлыбаева

Жұмыс берушінің коммерциялық құпиясын қорғаудың құқықтық мәселелері

Мақалада жұмыс берушінің коммерциялық құпияны құрайтын ақпаратты қорғау бойынша қабылдайтын шаралары, ақпаратты коммерциялық құпияға жатқызу шарттары айқындалған. Жұмыс берушінің коммерциялық құпияны заңсыз жария етуден болатын ішкі қатерді азайту үшін жасай алатын әрекеттері көрсетілген. Мекеме басшысымен жасалған еңбек шартында мекеме мен оның контрагенттері иеленуші болып табылатын коммерциялық құпияны құрайтын ақпараттың құпиялылығын қорғауды қамтамасыз ету жөніндегі оның міндетін және осы ақпараттың құпиялылығын қорғауды қамтамасыз ету үшін жауапкершілікті қарастыру ұсынылады. Мақала авторының тұжырымдауынша, заңмен қорғалатын құпияны (мемлекеттік, қызметтік, кәсіптік немесе коммерциялық) жария етпеу туралы еңбек шартының талаптары мекемеде құпияның осындай түрлері болған кезде міндетті шарттардың қатарына жатқызылуы тиіс және қызметкердің заңнамада белгіленген тәртіппен тиісті мәліметтерді алуға рұқсаты болуы керек. Сонымен қатар Қазақстан Республикасының Еңбек кодексінде коммерциялық құпияны құрайтын ақпаратты жария етпеу туралы шартты және еңбек қатынастары тоқтатылғаннан кейін де, сондай-ақ, осы ақпарат жария етілген жағдайда қызметкердің жұмыс берушіге келтірілген залалды өтеу міндетін қарастыруды ұсынады. Құқықтық нормалар кешенін әзірлеу қажеттілігі негізделген, онда тараптардың келісімдерінің шектері мен қызметкерге өтемақы деңгейін анықтау қажет. Автор коммерциялық құпияға құқық иесінің мүлдік мүдделерін еңбек заңнамасы шеңберінде қорғауды, атап айтқанда азаматтық-құқықтық жауапкершілік элементтерін енгізуді, ал еңбек шарты тоқтатылғаннан кейін коммерциялық құпия ашылған жағдайда қызметкерді сот арқылы залалды өтеу үшін азаматтық-құқықтық жауапкершілікке тарту керек деп санайды.

Кілт сөздер: коммерциялық құпия, қызметтік құпия, ақпаратты жария етпеу, бейбәсекелестік туралы келісім, еңбек шарты.

F.M. Syrlybayeva

Legal issues of protecting the employer's trade secrets

The article defines the measures taken by the employer to protect information constituting a trade secret, the conditions for classifying information as a trade secret. The actions that an employer can take to reduce the internal threat from illegal disclosure of trade secrets are indicated. It is proposed to provide in the employment contract with the head of the organization his obligation to ensure the confidentiality of the information constituting a trade secret, the owner of which is the organization and its counterparties, and responsibility for ensuring the confidentiality of this information. We believe that the condition of the employment contract on non-disclosure of legally protected secrets (state, official, professional or commercial) should be among the mandatory ones in the presence of such types of secrets in the organization and if the employee is admitted to the relevant information in accordance with the procedure established by law. It is also proposed to provide in the Labor Code of the Republic of Kazakhstan a condition on non-disclosure of information constituting a trade secret even after the termination of the employment relationship, as well as the employee's obligation to compensate the employer for damage in case of disclosure of this information. The necessity of developing a set of legal norms is justified, in which it is necessary to determine the limits of the agreements of the parties and the level of compensation for the employee. The author believes that the property interests of the owner of the rights to trade secrets must be protected within the framework of labor legislation, namely, to introduce elements of civil liability, and in the case of disclosure of trade secrets after termination of the employment contract – to bring the employee to civil liability for damages through the court.

Keywords: trade secret, official secret, non-disclosure of information, non-competition agreement, employment contract.

References

- 1 Konstitutsiia Respubliki Kazakhstan ot 30 avgusta 1995 goda [Constitution of the Republic of Kazakhstan dated August 30, 1995]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029&mode=p&page=1 [in Russian].
- 2 Stanskova, U.M. (2014). Trudopravovye sredstva obespecheniia konfidentsialnosti informatsii ogranichenogo dostupa [Labor-law means of ensuring the confidentiality of restricted access information]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Ekaterinburg [in Russian].
- 3 Zakon Respubliki Kazakhstan ot 15 marta 1999 goda N 349-I «O gosudarstvennykh sekretakh» [Law of the Republic of Kazakhstan dated March 15, 1999 No. 349-I “On State secrets”]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1012633&pos=9;-182#pos=9;-182 [in Russian].
- 4 Zakon Respubliki Kazakhstan ot 5 iuliia 2018 goda N 176-VI «Ob advokatskoi deiatel'nosti i yuridicheskoi pomoshchi» [Law of the Republic of Kazakhstan dated July 5, 2018 No. 176-VI “On advocacy and legal assistance”]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33024087 [in Russian].
- 5 Chernyh, A.B. (2019). Problemy realizatsii mekhanizma zashchity prava na kommercheskuiu tainu v ramkakh dogovornykh pravootnoshenii [Problems of implementation of the mechanism of protection of the right to trade secrets in the framework of contractual legal relations]. *25 let Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii: traditsii i novatsii chastno-pravovogo razvitiia — 25 years of the Civil Code of the Russian Federation: traditions and innovations of private law development*. Moscow [in Russian].
- 6 Kodeks Respubliki Kazakhstan ot 29 oktiabria 2015 goda N 375-V «Predprinimatelskii kodeks Respubliki Kazakhstan» [Code of the Republic of Kazakhstan dated October 29, 2015 No. 375-V “Entrepreneurial Code of the Republic of Kazakhstan”]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/document/?doc_id=38259854&doc_id2=38259854#activate_doc=2&pos=36;-118&pos2=745;-82 [in Russian].
- 7 Bektemirova, D. Konfidentsialnost v trudovykh otnosheniakh [Confidentiality in labor relations]. *online.zakon.kz*. Retrieved from <http://online.zakon.kz/> [in Russian].
- 8 Sapozhnikov, A.Y., & Pozdnyakova, G.G. (2019). Razglashenie kommercheskoi tainy — zashchita prav rabotodatelia [Disclosure of trade secrets-protection of the rights of the employer]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom — Labor law in Russia and abroad*, 4, 61-64 [in Russian].
- 9 Krutin, Yu.V. (2020). Zashchita kommercheskoi tainy [Protection of trade secrets]. *Konspekt lektsii — Lecture summary*. Ekaterinburg [in Russian].
- 10 Nurgalieva, E.N. (2013). Prakticheskie voprosy primeneniia norm Trudovogo kodeksa Respubliki Kazahstan [Practical issues of application of the norms of the Labor Code of the Republic of Kazakhstan]. *Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan — Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*, 1–2 (29) [in Russian].
- 11 Gavrilov, E. (2014). Grazhdansko-pravovaia zashchita sekretov proizvodstva i kommercheskoi tainy [Civil protection of production secrets and trade secrets]. *Khoziaistvo i pravo — Economy and law*, 7, 41–56 [in Russian].
- 12 Grazhdanskii kodeks Respubliki Kazakhstan (Obshchaia chast) ot 27 dekabria 1994 goda [Civil Code of the Republic of Kazakhstan (General Part) of December 27, 1994]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061 [in Russian].
- 13 Trudovoi kodeks Respubliki Kazakhstan ot 23 noiabria 2015 goda N 414-V [Labor Code of the Republic of Kazakhstan No. 414-V dated November 23, 2015]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832 [in Russian].
- 14 Chernyh, A.B. (2019). Problemy yurisdiktsionnoi zashchity prav na kommercheskuiu tainu [Problems of jurisdictional protection of trade secret rights]. *Sotsiologiya i pravo — Sociology and law*, 3 (45), 75–80 [in Russian].
- 15 Rudakova, A.N., & Makarevich, M.L. (2017). Obespechenie sokhrannosti kommercheskoi tainy na predpriatii [Ensuring the safety of trade secrets at the enterprise]. *Ekonomicheskaya bezopasnost: pravovye, ekonomicheskie, ekologicheskie aspekty — Economic security: legal, economic, environmental aspects*, 226–230 [in Russian].

Л.Ж. Шаданова*

Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: liazzat_75@mail.ru)

Соглашение об уплате алиментов: проблемы теории и практики

Статья посвящена исследованию правовой природы соглашения об уплате алиментов как гражданско-правовой сделки между плательщиком алиментов и получателем алиментов. Соглашение об уплате алиментов заключается во внесудебном порядке, и к заключению, исполнению, изменению, расторжению и признанию недействительным соглашения об уплате алиментов применяются нормы Гражданского кодекса Республики Казахстан. Автором рассмотрены теоретические и практические проблемы правового регулирования института соглашения об уплате алиментов. Проанализированы существенные условия алиментного договора, порядок заключения, изменения и прекращения договора. Акцентируется внимание на проблемах определения понятия «соглашение об уплате алиментов», правовой природе договора, а также фактических сторон соглашения, правовом статусе законных представителей сторон. Целью исследования является изучение теории и анализ правовых норм, регламентирующих заключение соглашения об уплате алиментов, нотариальную практику по удостоверению данного соглашения и судебную практику по рассмотрению споров, связанных с оспариванием, изменением, прекращением, исполнением данного соглашения. В заключении автор дает собственное определение понятия соглашения об уплате алиментов как гражданско-правовой сделки, заключаемой между лицом, обязанным уплачивать алименты, и получателем алиментов о размере, условиях, порядке и способе выплаты алиментов.

Ключевые слова: алименты, алиментные обязательства, соглашение об уплате алиментов, семья, семейное законодательство, несовершеннолетние дети, лицо, обязанное уплачивать алименты, получатель алиментов.

Введение

Действующее семейное законодательство Республики Казахстан устанавливает два способа уплаты алиментов: на основании решения суда или судебного приказа — принудительный, по соглашению сторон — добровольный.

В правоприменительной практике до сих пор нет полной ясности в решении вопроса о субъектном составе алиментного соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей. Нередко со ссылкой на статьи 138, 157 КоБ(С)С заключается соглашение с указанием, с одной стороны, родителя — плательщика алиментов, с другой — родителя — получателя алиментов. В то же время в рассматриваемом случае собственником имущества, полученного в качестве алиментов, становится их получатель, то есть родитель [1].

В соответствии со ст. 66 КоБ(С)С, «ребенок имеет право на получение содержания от своих родителей и других членов семьи в порядке и размерах, установленных разделом 5 настоящего Кодекса» [2]. Однако во второй части данной статьи установлено, что «суммы, причитающиеся ребенку в качестве алиментов, пособий, поступают в распоряжение родителей или других законных представителей ребенка...». Это связано с отсутствием у ребенка способности распоряжаться своими правами и нести обязанности, поскольку полная дееспособность наступает по достижении совершеннолетия. Всегда ли защищаются интересы ребенка по его материальному обеспечению, этот вопрос остается открытым. Поскольку фактически не ребенок является получателем материального содержания, а его родитель. Особенно если по соглашению в счет уплаты алиментов предоставляется недвижимое имущество, необходимо, чтобы имущество было зарегистрировано на имя несовершеннолетнего ребенка, а не родителя, который является законным представителем. Реально, ребенок является представляемым в соглашении об уплате алиментов, и, соответственно, ребенок должен быть указан в качестве стороной в соглашении — получателя алиментов.

В науке семейного права не изучена правовая природа соглашения об уплате алиментов. В действующем семейном законодательстве Республики Казахстан отсутствует понятие соглашения об уплате алиментов. Также не обобщена практика единообразного применения норм семейного, граждан-

* Автор-корреспондент. E-mail: liazzat_75@mail.ru

данского законодательства при заключении соглашения об уплате алиментов в нотариальной, судебной практике.

Рассмотренные выше проблемы теории и практики заключения соглашения об уплате алиментов позволили выбрать тему данного исследования.

Целью исследования является изучение теории и анализ правовых норм, регламентирующих заключение соглашения об уплате алиментов, нотариальную практику по удостоверению данного соглашения и судебную практику по рассмотрению споров, связанных с оспариванием, изменением, прекращением, исполнением данного соглашения.

Методы и материалы

В работе были использованы сравнительно-правовой, логический методы, методы научного исследования, проведен анализ семейного законодательства и эмпирических данных.

Теоретическую основу составили труды известных российских и казахстанских ученых-юристов, посвященных изучению теоретических и практических проблем правового регулирования. Нормативную базу исследования составили отечественные нормативные правовые акты, регулирующие отношения по заключению соглашения об уплате алиментов.

Результаты и их обсуждение

Соглашением является облаченное в установленную законом форму согласованное и взаимонаправленное волеизъявление плательщика алиментов и получателя алиментов о размере, условиях, порядке и способе предоставления содержания.

Соглашение по уплате алиментов относится к сделкам, которые по своему характеру могут быть совершены только лично. Поэтому заключение таких соглашений через представителей по доверенности недопустимо [1]. Соглашение об уплате алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка (детей) является гражданско-правовой сделкой, заключаемой его родителями при свободном волеизъявлении, когда по разным причинам совместное проживание одного из родителей с ребенком прекращается [3].

Алиментное соглашение на основании соглашения сторон — это родственное или иное семейное положение, связывающее плательщика и получателя, и двусторонняя сделка по выплате алиментов.

Если заключено алиментное соглашение, но алименты не выплачиваются. Согласно ст. 9 Закона РК «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» соглашение об уплате алиментов не входит в перечень исполнительных документов, по которым возбуждается исполнительное производство. Для обращения соглашения об уплате алиментов к принудительному исполнению взыскатель вправе обратиться к нотариусу, который совершает на соглашении исполнительную надпись, являющуюся исполнительным документом. Взыскатель вправе предъявить исполнительную надпись на принудительное исполнение судебному исполнителю. Для этого нужно написать заявление на имя частного судебного исполнителя с приложением нотариально удостоверенного соглашения об уплате алиментов. В течение трех дней от получения заявления судебный исполнитель возбуждает исполнительное производство и определит задолженность по алиментам на основании соглашения об уплате алиментов.

Правовая природа алиментного соглашения. При заключении соглашения об уплате алиментов между плательщиком алиментов и лицами их получателями возникают гражданско-правовые отношения. То есть соглашение — это гражданско-правовая сделка. Если это так, он может быть изменен или расторгнут в любое время по обоюдному согласию сторон.

«Соглашение о содержании несовершеннолетнего ребенка (детей) является гражданско-правовой сделкой, заключаемой родителями несовершеннолетнего ребенка (детей), по условиям которой реализуется имущественное обязательство родителя (должника) по содержанию несовершеннолетнего нуждающегося ребенка (кредитора) до достижения им совершеннолетия или признания эмансипированным в установленных соглашением сторон размерах», — пишет Н.И. Мамонтов [4].

С точки зрения М.В. Антокольской, Алиментный договор (Соглашение об уплате алиментов) по своей природе следует отнести к гражданско-правовым договорам, поскольку он соответствует всем признакам гражданских договоров [5; 357]. При заключении договора применяются положения Кодекса РК о браке (супружестве) и семье, нормы гражданского законодательства о заключении, исполнении, расторжении и признании недействительным алиментного соглашения. Но, несомненно, ряд

специальных особенностей соглашения об уплате алиментов нашли отражение в нормах семейного права.

При применении алиментного соглашения следует руководствоваться нормами гражданского и семейного законодательства. В целом, гражданское законодательство регулирует заключение, исполнение, расторжение и признание недействительными соглашения об уплате алиментов, а специальное — семейное законодательство — утверждает специальные положения, вытекающие из особого характера алиментного обязательства.

Соглашение об уплате алиментов — это новый институт семейного права, имеющий свою внутреннюю отраслевую специфику. Соглашение об уплате алиментов (Алиментное соглашение) является гражданско-правовым договором, по которому плательщик алиментов обязуется материально содержать алименты в соответствии с договорами, согласованными с получателем алиментов. По своей природе — односторонне обязывающий и консенсуальный.

Первые два его признака были выражены, когда он дал полный характер алиментному обязательству. Консенсуальность алиментного договора определяется тем, что обязанность плательщика возникает в момент утверждения договора с алиментщиком (его представителем). Несоблюдение нотариальной формы соглашения влечет его недействительность и последствия, предусмотренные п. 3 ст. 157 Гражданского кодекса (далее — ГК РК) [6].

Вместе с тем гражданско-правовой договор об уплате алиментов, будучи предусмотренным семейным законодательством, получил определенную (семейно-правовую) специфику. Это и особенности субъектного состава, и указание на то, что соглашение об уплате алиментов имеет силу исполнительного листа

Соглашение является:

- безвозмездным: одна сторона обязуется предоставить что-либо другой без получения встречного предоставления (п. 2 ст. 384 ГК); односторонним (односторонне обязывающим): одна сторона несет обязанность (уплачивать алименты), а другая — имеет право требовать ее исполнения (уплаты алиментов);

- консенсуальным: договор считается заключенным с момента достижения соглашения в установленной законом форме (с этого момента возникают права и обязанности).

В соответствии со ст. 158 КоБ(С)С соглашение об уплате алиментов заключается в письменной форме, удостоверяется нотариусом. Форма договора является его существенным условием, иначе сделка может быть недействительной. Кроме этого, закон устанавливает следующие формы соглашения об уплате алиментов, заключенного во внесудебном порядке:

- соглашения об урегулировании спора (конфликта) — медиатором;
- соглашения об урегулировании спора об уплате алиментов в порядке партисипативной процедуры — адвокатами, лицами, являющимися членами палаты юридических консультантов [2].

Существенными условиями соглашения об уплате алиментов являются размер алиментов. Способы и порядок выплаты алиментов. В соответствии со ст. 160 КоБ(С)С РК: «Если предусмотренные соглашением об уплате алиментов условия предоставления содержания несовершеннолетнему ребенку или совершеннолетнему недееспособному члену семьи существенно нарушают их интересы, в частности, в случае несоблюдения требований п. 2 ст. 161 настоящего Кодекса, такое соглашение может быть признано недействительным в судебном порядке». А в п. 2 ст. 161 КоБ(С)С РК установлено, что «размер алиментов, устанавливаемый по соглашению об уплате алиментов на несовершеннолетних детей, не может быть ниже размера алиментов, которые они могли бы получить при взыскании алиментов в судебном порядке» [2].

В Соглашении об уплате алиментов размер алиментов может быть установлен как в долях от заработной платы (дохода) плательщика алиментов, так и в твердой денежной сумме или в виде конкретных вещей либо вещных прав, стоимость которых определена сторонами в виде эквивалентной сумме соответствующего алиментного платежа. В этом состоит универсальность и преимущества соглашения об уплате алиментов перед судебным актом, которым взыскание алиментов производится только в денежной форме периодического платежа твердой суммы или доли заработной платы должника [4].

Сторонами соглашения об уплате алиментов являются: лицо, обязанное уплачивать алименты и лицо, имеющее право получать алименты. На стороне плательщика алиментов могут быть родители (обязанные содержать своих несовершеннолетних детей, нетрудоспособных совершеннолетних детей), совершеннолетние дети (обязанные содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помо-

щи родителей) и другие лица. На стороне получателя алиментов могут выступать несовершеннолетние дети, нетрудоспособные совершеннолетние дети и иные лица, названные в указанных статьях Семейного кодекса [7].

В статье 157 КоБ(С)С РК указано, что «Соглашение об уплате алиментов (размер, условия и порядок выплаты алиментов) заключается между лицом, обязанным уплачивать алименты, и их получателем, а при недееспособности лица, обязанного уплачивать алименты, и (или) получателя алиментов — между законными представителями этих лиц» [2]. Согласно ст. 164 ГК РК «от имени недееспособных граждан сделки совершают их законные представители». Далее в п. 2 ст. 163 ГК РК установлено, что «по сделке, совершенной представителем, права и обязанности возникают непосредственно у представляемого» [6]. Значит, содержание ст. 157 КоБ(С)С РК противоречит п. 2 ст. 163 ГК РК, где закреплено общее положение о представителях, поскольку соглашение заключается не «между законными представителями», а между плательщиком и получателем алиментов. Представитель действует от имени представляемого, поэтому он не имеет право на получение алиментов. В данном случае сторонами Соглашения являются плательщик алиментов и получатель алиментов.

Следует согласиться с мнениями нотариусов о том, что указание на стороне получателя алиментов — законного представителя может лишить ребенка гарантий сохранения и рационального использования имущества. «На такое имущество, принадлежащее в результате неверной формулировки соглашения родителю, а не ребенку, не распространяются контролирующие полномочия органов опеки и попечительства, а в случае наследования оно распределяется между наследниками родителя, в числе которых могут оказаться и иные лица, помимо ребенка» [1].

Представительство в гражданском праве характеризуется следующими признаками:

- представитель заключает сделку от имени представляемого, то есть заявляет третьему лицу, что эта сделка совершается от имени представляемого, и она вызывает правовые последствия непосредственно представляемому;
- представитель действует от имени представляемого в пределах принадлежащих ему полномочий, то есть права выступать представителем представляемого;
- правовое последствие сделки, которая заключается представителем от имени представляемого в пределах принадлежащего представителю полномочия, наступает непосредственно представляемому и не затрагивает правовой сферы представителя [8].

Законодательство установило принцип по несовершеннолетним детям «не допускать ухудшения положения», согласно которому размер алиментов, установленный соглашением, не должен быть ниже размера алиментов, которое получили бы в случае обращения взыскания в судебном порядке. Размер алиментов, устанавливаемый по соглашению об уплате алиментов на несовершеннолетних детей, может быть признан недействительным в судебном порядке по заявлению законного представителя ребенка, органа опеки или прокурора в случае, если размер алиментов ниже размера алиментов, получаемых ими в случае взыскания алиментов в судебном порядке (ст. 139 КоБ(С)С РК). Размер алиментов (цена) устанавливается в условиях договора о способе и порядке выплаты алиментов.

Закон утверждает следующие способы уплаты:

- 1) долевое (в процентах от доходов плательщика);
- 2) периодичная постоянная выплата в твердой денежной сумме;
- 3) единовременная выплата в твердой денежной сумме;
- 4) путем передачи имущества (одновременно или поэтапно) в согласованный срок;
- 5) иные способы (например, путем передачи права на имущество или прощения долга, возникающего между сторонами алиментного обязательства) может предусматриваться с включением варианта замены друг друга (ст. 162 КоБ(С)С РК).

Порядок выплаты алиментов по соглашению является добровольным. Он определяет срок оплаты (ежемесячно, один раз в год, разово, в каждом квартале и т.д.); место оплаты (у получателя, плательщика, через предприятие связи, путем зачисления на отдельный счет получателя); форму оплаты (наличные, безналичные, ценные бумаги, передача имущества, смешанная форма); порядок учета плательщика перед получателем и др. [9; 16].

Сторонами Алиментного соглашения являются плательщик алиментов (обязанное лицо) и их получатель, как и при взыскании алиментов в судебном порядке. От имени полностью недееспособного получателя алиментов стороной в договоре является его законный представитель (родитель, опекун). Несовершеннолетнее лицо в возрасте от 14 до 18 лет, являясь частично

дееспособным лицом, утверждает соглашение об уплате алиментов с согласия своих родителей (опекуна). Предметом данного соглашения являются денежные средства, подлежащие передаче получателю.

Содержание договора об уплате алиментов составляют права и обязанности получателя алиментов и плательщика. Он связан с видом алиментного обязательства и имеет свою специфику.

Специфика соглашения об уплате алиментов выражается в том, что денежная обязанность может быть заменена вещной, в соответствии с которой в счет размера алиментных платежей за период до достижения ребенком возраста восемнадцати лет может быть предусмотрена передача конкретного имущества, оцененного в сумме не менее общего размера алиментных платежей либо может быть предусмотрена передача вещных прав (акции в уставном капитале акционерного общества, право на долю в уставном капитале товарищества с ограниченной ответственностью) [3].

Ответственность плательщика алиментов регулируется положениями гл. 20 ГК РК. Одним из обязательных условий ответственности плательщика является вина в его умышленной или неосторожной форме. Являясь гражданско-правовой сделкой, алиментный договор может быть изменен, расторгнут или прекращен в случае, предусмотренном гражданским законодательством. Например, ст. 401 ГК РК может быть применена в случаях, если Соглашение об уплате алиментов изменено решением суда или в связи с существенным изменением материального положения или семейного положения плательщика алимента. Односторонний отказ от исполнения соглашения или одностороннее изменение его условий не допускается (ст. 159 КоБ(С)С РК).

М.В. Антокольская отмечает, что Соглашение об уплате алиментов может быть заключено в двух вариантах:

1. На основании предусмотренных в семейном законодательстве алиментных обязательств между субъектами (например, трудоспособные супруги).
2. На основании действующего Семейного кодекса между лицами, не имеющими обязательства по уплате алимента (например, дяди и племянники) [5; 163].

С момента утверждения соглашения получатель алиментов теряет право взыскать алименты в судебном порядке. В случае неисполнения соглашения обязанным лицом во внесудебном порядке получатель обращается нотариусу для производства исполнительной надписи на соглашении об уплате алиментов с указанием даты ее совершения и направлении исполнительной надписи в территориальную палату частных судебных исполнителей по месту жительства должника (плательщика алимента). В таком случае соглашение приобретает статус исполнительного документа, на основании которого будет осуществлено взыскание алиментов.

Ряд случаев прекращения алиментных обязательств обусловлен основанием возникновения алиментных обязательств. Если алиментные обязательства утверждены Соглашением об уплате алиментов, то они прекращаются в соответствии с ч. 1 ст. 176 Кодекса РК «О браке (супружестве) и семье»:

- 1) при достижении ребенком совершеннолетия или полной дееспособности несовершеннолетних детей до достижения ими совершеннолетия или по достижении возраста, указанного в Соглашении об уплате алиментов.

Супруги обязаны материально поддерживать друг друга. В связи с этим принципом алиментные обязательства супругов возникают не только после расторжения брака, но и путем заключения взаимного алиментного договора в период брака. Супруги, состоящие в браке, могут включить в брачный договор условия об алиментных обязательствах после расторжения брака по взаимному согласию.

Выводы

Резюмируя рассмотренные выше проблемы теории и практики заключения Соглашения об уплате алиментов, сделаны следующие выводы:

Во-первых, в действующем семейном законодательстве РК предлагается установить определение понятия «соглашение об уплате алиментов» в понятийном аппарате ст. 1, включив пункт 4–1 в следующей редакции: «Соглашение об уплате алиментов — это сделка, заключаемая между лицом, обязанным уплачивать алименты и получателем алиментов о размере, условиях, порядке и способе выплаты алиментов, облеченное в установленную законом форму».

Во-вторых, по правовой природе Соглашение об уплате алиментов является консенсуальным, двухсторонним гражданско-правовым договором. Нормами Гражданского кодекса РК регулируются

заклучение, исполнение, расторжение и признание недействительным Соглашения об уплате алиментов.

В-третьих, в ст.157 КоБ(С)С следует указать стороной сделки реальных получателей алимента (несовершеннолетнего, супруга (бывшего супруга) и т. д.). Поэтому предлагается в редакции ст. 157 КоБ(С)С убрать следующее предложение «...а при недееспособности лица, обязанного уплачивать алименты, и (или) получателя алиментов — между законными представителями этих лиц». Таким образом, обеспечивая гарантию гарантий сохранения и рационального использования имущества недееспособных лиц, было бы целесообразнее указать в законе сторонами сделки только две стороны: обязанная уплачивать алименты и получатель алиментов.

Список литературы

- 1 Обобщение нотариальной практики по удостоверению алиментного соглашения. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.notariat.kz/index.php/dokumenty/pravoprimeritel'naya-praktika/metodicheskie-rekomendatsii/701-obobshchene-notarialnoj-praktiki-po-udostovereniyu-alimentnogo-soglasheniya>.
- 2 О браке (супружестве) и семье. Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. № 518–IV. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1100000518>.
- 3 Мамонтов Н.И. Обязанность родителей по содержанию своих нуждающихся детей: учеб. пос. / Н.И. Мамонтов. — Астана, 2018. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Информационная система «Параграф» https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37004858&pos=5;-106#pos=5;-106.
- 4 Мамонтов Н.И. Институт алиментных обязательств как правовой механизм обеспечения детей / Н.И. Мамонтов. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39566111&mode=p&page=1&pos=70;-58#pos=70;-58.
- 5 Антокольская М.В. Семейное право: учеб. / М.В. Антокольская. — М.: Юрист, 2000. — 455 с.
- 6 Гражданский кодекс Республики Казахстан. Кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 г. № 268–XIII. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_.
- 7 Алиментный договор. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://pravo163.ru/alimentnyj-dogovor/>.
- 8 Аналитическая справка о статусе, роли и правовом регулировании представителя в суде по гражданским делам. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37971200.
- 9 Трубников П.С. Соглашение об уплате алиментов / П.С. Трубников // Законность. — 1997. — № 1. — С. 15–20.

Л.Ж. Шаданова

Алимент төлеу туралы келісім: теория және тәжірибе мәселелері

Мақала алимент төлеуші мен алимент алушы арасындағы азаматтық-құқықтық мәміле ретінде алимент төлеу туралы келісімнің құқықтық табиғатын зерттеуге арналған. Алимент төлеу туралы келісім соттан тыс тәртіппен жасалады және алимент төлеу туралы келісімді жасасуға, орындауға, өзгертуге, бұзуға және жарамсыз деп тануға Қазақстан Республикасы Азаматтық кодексінің нормалары қолданылады. Автор мақалада алимент төлеу туралы келісім институтын құқықтық реттеудің теориялық және тәжірибелік мәселелерін қарастырған. Алимент шартының мәнді жағдайлары, шартты жасасу, өзгерту, тоқтату тәртібі талданған. Алимент төлеу туралы келісімнің түсінігіне, шарттың құқықтық табиғатына, тараптар келісімінің нақтылығына, тараптардың заңды өкілдерінің құқықтық мәртебесін анықтауға назар аударылған. Зерттеудің мақсаты алимент төлеу туралы келісім жасасуды, осы келісімді куәландыру жөніндегі нотариаттық практиканы және осы келісімді даулауға, өзгертуге, тоқтатуға, орындауға байланысты дауларды қарау жөніндегі сот практикасын реттейтін құқықтық нормалардың теориясын зерттеу және талдау. Қорытындыда автор алимент төлеуге міндетті тұлға мен алимент алушы арасында алимент төлеу мөлшері, жағдайлары, тәртібі және тәсілі туралы жасалатын азаматтық-құқықтық мәміле ретінде алимент төлеу туралы келісім ұғымының өзіндік анықтамасын береді.

Кілт сөздер: алименттер, алименттік міндеттемелер, алимент төлеу туралы келісім, отбасы, отбасы заңнамасы, кәмелетке толмаған балалар, тұлға, алимент төлеуге міндетті, алимент алушы.

L.Zh. Shadanova

Alimony payment agreement: problems of theory and practice

The article is devoted to the study of the legal nature of the alimony payment agreement as a civil transaction between the alimony payer and the alimony recipient. The alimony payment agreement is concluded out of court and the norms of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan and apply to the conclusion, execution, modification, termination and invalidation of the alimony payment agreement. The article discusses the theoretical and practical problems of legal regulation of the institution of an agreement on the payment of alimony. The essential conditions of the alimony contract, the procedure for concluding, changing, and terminating the contract are analyzed. Attention is focused on the problems of defining the concept of an agreement on the payment of alimony, the legal nature of the contract, the definition of the actual parties to the agreement, the legal status of the legal representatives of the parties. The purpose of the study is to study the theory and analysis of the legal norms governing the conclusion of an agreement on the payment of alimony, notarial practice for the certification of this agreement and judicial practice for the consideration of disputes related to the contestation, modification, termination, execution of this agreement. As a result, the author gives his own definition of the concept of an agreement on the payment of alimony as a civil transaction concluded between a person obliged to pay alimony and a recipient of alimony on the amount, conditions, procedure and method of payment of alimony.

Keywords: alimony, alimony obligations, alimony payment agreement, family, family law, minor children, person obliged to pay alimony, alimony recipient.

References

- 1 Obobshchenie notarialnoi praktiki po udostovereniiu alimentnogo soglasheniia [Generalization of notarial practice on certification of alimony agreement]. *www.notariat.kz*. Retrieved from <http://www.notariat.kz/index.php/dokumenty/pravoprimeritel'naya-praktika/metodicheskie-rekomendatsii/701-obobshchenie-notarialnoj-praktiki-po-udostovereniyu-alimentnogo-soglasheniya> [in Russian].
- 2 O brake (supruzhestve) i seme. Kodeks Respubliki Kazakhstan ot 26 dekabria 2011 goda N 518-IV [On Marriage (Matrimony) and Family. The Code of the Republic of Kazakhstan dated 26 December, 2011 No. 518-IV]. *adilet.zan.kz*. Retrieved from <https://adilet.zan.kz/eng/docs/K1100000518> [in Russian].
- 3 Mamontov, N.I. (2018). Obiazannost roditelei po sodержaniyu svoikh nuzhdaiushchikhsia detei: uchebnoe posobie [The duty of parents to support their children in need. Study guide]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37004858&pos=5;-106#pos=5;-106 [in Russian].
- 4 Mamontov, N.I. Institut alimentnykh obiazatelstv kak pravovoi mekhanizm obespecheniia detei [The Institute of alimony obligations as a legal mechanism for providing children]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39566111&mode=p&page=1&pos=70;-58#pos=70;-58 [in Russian].
- 5 Antokolskaya, M.V. (2000). Semeinoe pravo: uchebnyk [Family law: textbook.]. Moscow: Yurist [in Russian].
- 6 Grazhdanskii kodeks Respubliki Kazakhstan. Kodeks Respubliki Kazakhstan ot 27 dekabria 1994 goda N 268-XIII [The Civil Code of the Republic of Kazakhstan. Code of the Republic of Kazakhstan dated December 27, 1994 No. 268-XIII] *adilet.zan.kz*. Retrieved from https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ [in Russian].
- 7 Alimentnyi dogovor [Alimony agreement]. *pravo163.ru*. Retrieved from <https://pravo163.ru/alimentnyj-dogovor/> [in Russian].
- 8 Analiticheskaia spravka o statuse, roli i pravovom regulirovanii predstavitelia v sude po grazhdanskim delam [Analytical report on the status, role and legal regulation of a representative in a civil court]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37971200 [in Russian].
- 9 Trubnikov, P.S. (1997). Soglashenie ob uplate alimentov [Analytical report on the status, role and legal regulation of a representative in a civil court]. *Zakonnost — Legality*, 1, 15–20 [in Russian].

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
INFORMATION ABOUT AUTHORS

- Abdakimova D.A.** – Candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of Legal and Financial Disciplines, “Bolashaq” Academy, Karaganda, Kazakhstan.
- Albekova M.G.** – Master of jurisprudence, doctoral student, Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan.
- Aliyeva, L.R.** — Master of jurisprudence, doctoral student, Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan.
- Balgimbekova G.U.** – Doctor of Philosophy (PhD), associate professor, professor of the Department of Constitutional and International Law, Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan.
- Gorokhov, D.M.** — Candidate of juridical sciences, leading researcher of the Department of Environmental and Agrarian Legislation, the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.
- Greggi M.** – PhD, full professor, University of Ferrara, Italy.
- Ilyasova, G.A.** – Candidate of juridical sciences, full professor, research professor of the Department of civil and labor law, Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan.
- Jantassova, A.D.** – Master of jurisprudence, doctoral student, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, Karaganda, Kazakhstan.
- Karazhan, B.S.** — Master of jurisprudence, Consulting Group «Bolashaq», Astana, Kazakhstan.
- Klyuyeva, E.N.** — Doctor of juridical sciences, professor, head of the Department of Economics and transport law, State University of Infrastructure and Technologies, Kiev, Ukraine.
- Kurmanov, A.A.** — Master of jurisprudence, head of the Legal Department of “KDL OLYMP” LLP, Astana, Kazakhstan.
- Kurmanova, S.B.** — Candidate of philosophy, associate professor of the Department of Philosophy, Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University, Astana, Kazakhstan.
- Mukasheva, A.A.** — Doctor of juridical sciences, professor, Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan.
- Mussin K.S.** – Doctor of Philosophy (PhD), associate professor, professor of the Department of Theory and History of State and Law, Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan.
- Nurbekova G.T.** – Master of jurisprudence, doctoral student of Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan.
- Prudnikova, M.Yu.** — Master of jurisprudence, Senior teacher of Chair of the Civil and Labor Law, Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan.
- Ramashov O.N.** – Master of jurisprudence, lecturer of the Department of State and Legal Disciplines, Mukhtar Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan.
- Sarsembayev, M.A.** — Doctor of juridical sciences, professor, chief researcher, Consulting Group «Bolashaq», Astana, Kazakhstan.
- Seidinova, M.A.** — Master of jurisprudence, doctoral student, Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan.

-
- Serikbayev, A.M.** — Candidate of juridical sciences, Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics, Dean of the Faculty of Law, Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan.
- Shadanova, L.Zh.** — Master of jurisprudence, doctoral student, Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan.
- Shingel, N.A.** — Candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of Environmental and Agrarian Law, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Sidorova, N.V.** — Candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of Constitutional and International Law, Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan.
- Surkova, S.S.** — Master of jurisprudence, doctoral student, Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan.
- Syrlybayeva, F.M.** — Master of jurisprudence, doctoral student, Institute of Contemporary Studies, Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan.
- Tokatov, R.A.** — Master of jurisprudence, senior teacher of chair of the Civil and labor law, Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan.
- Yerzhanova, F.A.** — Candidate of juridical sciences, associate professor, professor of the Department of constitutional and international law, Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan.
- Yessentemirova, A.M.** — Doctor of Philosophy (PhD), Senior teacher, Alikhan Bokeikhan University, Semey, Kazakhstan.
- Zhamiyeva R.M.** — Candidate of juridical sciences, associate professor, professor of the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics, Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan.
- Zhunussova, T.B.** — Master of jurisprudence, doctoral student, Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan.